Л. Троцкий

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. ТРОЦКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ

в трех томах

I

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Москва □ 1923

Л. ТРОЦКИЙ

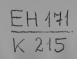
КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

(НА ВОЕННОЙ РАБОТЕ)

ТОМ ПЕРВЫЙ

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Москва □ 1923

**ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОН.
СОВЕТ**

Тираж 10000
Петрооб. № 7664

**Государственная типография имени Ивана Федорова.
Петроград, Звенигородская, 11.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

За пять лет.

Мысль об издании моих статей, речей, докладов, воззваний, приказов, инструкций, писем, почто-телеграмм и пр. документов, посвященных Красной Армии, возникла в связи с пятилетним юбилеем Красной Армии. Инициатива издания принадлежит тов. В. П. Полонскому. Подбор, критическая проверка, группировка и правка материала произведены тт. Я. Г. Блюмкиным, Ф. М. Вермелем, А. И. Рубиным и А. А. Никитиным. Примечания, хронология, именной и предметный указатели составлены т. С. И. Венцовым. Когда я бегло просмотрел собранные уже для печатания рукописи, общее мое впечатление было таково: как недостаточно, а главное, неконкретно отражает весь этот материал фактическую работу по строительству Красной Армии.

Сейчас, когда мы получили возможность обозреть всю работу революции за пять лет, совершенно ясно обнаруживается, что почти все, если не все, принципиальные вопросы и затруднения советского строительства встали перед нами прежде всего в военной области — в крайне жестком, сжатом, компактном виде. Отсрочки тут, по общему правилу, не давалось. Иллюзии и ошибки влекли за собой почти немедленную кару. Самые ответственные решения принимались под огнем. Оппозиция против этих решений проверяла себя в действии тут же, на месте. Отсюда, — в общем и целом, — внутренняя логичность в строительстве Красной Армии, отсутствие метаний от одной системы к другой. Можно в известном смысле сказать, что именно острота опасности, которой мы подвергались, спасла нас. Если бы мы имели больше времени для рассуждений и прений, мы, наверное, наделали бы гораздо больше ошибок.

Труднее всего было в первый период — примерно до второй половины восемнадцатого года. Отчасти в силу необходимости, отчасти уже только по инерции, революционные усилия направлялись прежде всего на разложение всех старых связей, на снимание со всяких постов представителей старого общества. А в то же время необходимо было ковать новые связи и, в первую голову, наиболее жесткие, повелительные, принудительные: именно, связи новых революционных полков. Только наша партия с ее еще немногочисленными тогда, но крепко сколоченными кадрами, способна была под шрапнелью обеспечить этот перелом. Его трудности и опасности были колоссальны. В то время, как пролетарский авангард уже совершал, хотя не без внутренних затруднений, переход к «труду,

дисциплине, порядку», широкие рабочие массы, а тем более крестьянские, только начинали раскачиваться, как следует быть, размывая все, что оставалось от старого порядка, и еще не задумываясь практически о новом. Это был очень критический момент в развитии советской власти. Партия левых «социалистов-революционеров» — интеллигентская организация, уходившая одним крылом в крестьянство, а другим в городскую обывательскую массу, ярче всего на судьбе своей отразила болезненный переход от стихийно-разрушительного периода революции к государственно-созидательному. Закусивший удила мелкий буржуа (der rabiat gewordene Spiessbürger, по выражению Энгельса) не хочет знать никаких ограничений, никаких уступок, никакого компромисса с исторической действительностью — до тех пор, пока эта последняя не осадит его бревном по черепу. Тогда он впадает в прострацию и бессильно капитулирует перед врагом. Партии социалистов-революционеров, отражавшей периферическую стихию вчерашнего дня революции, было совершенно недоступно понимание ни Брестского мира, ни централизованной власти, ни регулярной армии. На этих вопросах оппозиция левых эс-эров быстро превратилась в восстание, которое закончилось политической гибелью партии. Судьбе угодно было, чтобы тов. Блюмкин, бывший левый эс-эр, ставивший в июле 1918 г. свою жизнь на карту в бою против нас, а ныне член нашей партии, оказался моим сотрудником по составлению этого тома, отражающего в одной своей части нашу смертельную схватку с партией левых эс-эров. Революция — великая мастерица разводить людей и, если нужно, сводить их. Все наиболее мужественное и последовательное, что было в партии левых эс-эров, теперь с нами.

Революция в целом есть крутой исторический поворот. Но если рассмотреть ее более внимательно, мы найдем внутри ее ряд поворотов, тем более острых и критических, что события революции развиваются бешеным темпом. Каждый такой частный поворот есть прежде всего величайшее испытание для руководящей партии. Схематически задача ее или, еще точнее, ее боевого центра, распадается на следующие элементы: своевременно понять необходимость нового этапа; подготовить к нему партию; совершить поворот, не отрывая партии от массы, которая движется еще инерцией предшествующего периода. При этом нужно помнить, что революция очень экономно отпускает правящей партии основной сырой материал: в р е м я. При слишком резком повороте руководящий центр может оказаться противопоставленным собственной партии, партия может оказаться противопоставленной революционному классу; но, с другой стороны, плывущая по течению вчерашнего дня партия, вместе с руководимым ею классом, может опоздать в разрешении неотложной задачи, поставленной объективным ходом событий, — и каждое из этих нарушений динамического равновесия грозит оказаться смертельным для революции. Сказанное относится — с необходимой поправкой на темп — не только к армии, но и к хозяйству...

Старая армия еще разбредалась по стране, разнося ненависть к войне, а нам уже приходилось строить новые полки. Царских офицеров изгоняли из армии, местами расправляясь с ними беспощадно. Между тем нам приходилось приглашать бывших офицеров в качестве инструкторов новой армии. Комитеты в царских полках были воплощением самой революции,—по крайней мере, ее первого этапа. В новых полках комитетчина не могла быть терпима, как начало разложения. Еще не отзвучали проклятия по адресу старой дисциплины, как уже приходилось вводить новую. Далее следовал переход от добровольчества к принудительному набору, от партизанских отрядов — к правильной военной организации. Борьба против партизанщины велась непрерывно, изо дня в день, и требовала величайшей настойчивости, непримиримости, а временами и суровости. Партизанщина являлась военным выражением крестьянской подоплеки революции, поскольку эта последняя еще не поднялась до государственного сознания. Борьба против партизанщины была тем самым борьбой за пролетарскую государственность против подмывавшей ее анархической мелкобуржуазной стихии. Партизанские методы и навыки находили, однако, свое отражение и в партийных рядах; идейная борьба с ними в партии являлась необходимым дополнением организационных, воспитательных и карательных мероприятий в армии. Только путем величайшего нажима анархическая партизанщина вводилась в рамки централизации и дисциплины. Нажим внешний: немецкое наступление, а затем чехо-словацкое восстание, и нажим внутренний — через коммунистическую организацию внутри армии.

Собранные здесь статьи, речи и приказы, как сказано выше, крайне недостаточно отражают работу живого строительства. Главная часть этой работы вообще совершалась не путем речей и статей. Кроме того, наиболее важные речи, то-есть те, которые произносились военными работниками на местах, на фронтах, в полках, и имели глубоко практическое, конкретное содержание, определяясь потребностями минуты, — эти наиболее важные и значительные речи, по общему правилу, никем не записывались. Ко всему этому нужно еще прибавить, что и записанные речи, в большинстве своем, записывались плохо. Искусство стенографии было в тот период революции так же мало на высоте, как и все другие искусства. Все делалось на-спех и кое-как. Расшифрованная стенограмма представляла сплошь да рядом набор загадочных фраз. Восстановить их смысл задним числом не всегда возможно, тем более, когда это делает не тот, кем речь произносилась.

Но все же эти страницы отражают истекшие большие годы. Вот почему я, со всеми указанными выше оговорками, согласился на печатание их. Нам самим не мешает время от времени оглядываться на вчерашний день. А кроме того, эти страницы могут оказаться не бесполезны для наших иностранных товарищей, которые, хотя и медленно, но идут к завоеванию власти. Основные задачи и трудности, преодоленные нами,

станут в свое время перед ними. Может быть, эти материалы помогут избежать хотя части тех ошибок, которые угрожают им. Без ошибок не делается ничто, тем более революция. Хорошо, по крайней мере, сводить ошибки к минимуму.

Л. Троцкий.

27/II 23 г.
Москва.

P. S. В настоящее издание вошли преимущественно статьи, речи, документы и пр., в свое время публично произнесенные или же опубликованные в печати; сравнительно небольшую часть составляют материалы, которые, по тем или другим причинам, не были опубликованы в момент их написания, и ныне печатаются впервые. В издание не входят многочисленные документы (приказы, доклады, переписка по прямым проводам и пр.), для опубликования которых время еще не наступило и наступит не так скоро. Это обстоятельство необходимо иметь в виду при оценке всего издания.

Л. Т.

ВВЕДЕНИЕ

Путь Красной Армии [1*].

Вопросы, связанные с созданием вооруженной силы революции, имеют громадное значение для коммунистических партий всех стран. Невнимание к этим вопросам, тем более — отрицательное к ним отношение, прикрытое гуманитарно-пацифистской фразеологией, является прямым преступлением. Рассуждения о том, что всякое насилие есть зло, в том числе и революционное насилие, что коммунисты не должны поэтому заниматься «прославлением» вооруженной борьбы и революционной армии, представляют собой философию, достойную квакеров, духоборов и старых дев Армии Спасения. Допускать такого рода пропаганду в коммунистической партии — то же самое, что допускать толстовскую пропаганду в гарнизоне осажденной крепости. Кто хочет цели, тот должен хотеть средства. Средством к освобождению трудящихся является революционное насилие. С момента завоевания власти революционное насилие принимает форму организованной армии. Героизм молодого пролетария, умирающего на первой баррикаде начинающейся революции, ничем не отличается от героизма красного солдата, умирающего на одном из фронтов революции, уже завладевшей государством. Только сентиментальные глупцы могут думать, будто пролетариату капиталистических государств грозит опасность преувеличения роли революционного насилия и чрезмерного преклонения перед методами революционного терроризма. Наоборот, пролетариату как раз и не хватает понимания важности освободительной роли революционного насилия. Именно поэтому пролетариат остается до сего дня рабом. Пацифистская пропаганда в рабочем классе ведет только к расслаблению воли пролетариата и помогает сохранению контр-революционного насилия, вооруженного до зубов.

* * *

До революции наша партия имела при себе военную организацию. Цель ее была двоякая: вести революционную пропаганду в войсках и подготовить опорные пункты в самой армии для государственного переворота. Так как революционное возбуждение охватило армию в целом, то чисто организационная роль большевистских ячеек в полках не была особенно заметной. Но она была очень значительна, дав возможность отобрать хотя бы и немногочисленные, но решительные элементы, значение кото-

---

*) См. примечания в конце книги. *Ред.*

рых так велико в наиболее критические часы революции. В момент октябрьского переворота они сыграли свою роль в качестве комендантов, комиссаров частей и пр. Позже мы многих из них встретим в роли организаторов Красной Гвардии и Красной Армии [2].

Революция непосредственно выросла из войны, одним из важнейших лозунгов своих имела прекращение войны и сопутствующим явлением — усталость от войны и отвращение к ней. Между тем, сама же революция породила новые военные опасности, которые все более возрастали. Отсюда — крайняя внешняя слабость революции в первый период. Почти полная беззащитность революции обнаружилась во время брест-литовских переговоров. Воевать не хотели, считая, что война целиком ушла в прошлое: крестьяне брались за землю, рабочие строили свои организации и прибирали к рукам промышленность.

Отсюда вырос колоссальный пацифистский эксперимент эпохи Брест-Литовска. Советская Республика заявила, что подписать насильнический договор не может, но и воевать не будет, и издала приказ о роспуске армии. Это был очень рискованный шаг, но он вытекал из обстановки. Немцы возобновили наступление, которое и стало исходным моментом глубокого перелома в сознании масс: начали понимать, что нужно защищаться с оружием в руках. Наша пацифистская декларация внесла фермент разложения в армию Гогенцоллерна. Наступление генерала Гофмана помогло нам приступить к серьезной работе по созданию Красной Армии.

На первых порах, мы, однако, еще не решаемся прибегнуть к принудительному набору: нет ни политических, ни организационных возможностей мобилизовать только что демобилизованных крестьян. Армия строится на принципе добровольчества. Естественно, что, наряду с самоотверженной рабочей молодежью, она заполняется столь многочисленным в этот период бродячим, шатающимся элементом, не всегда лучшего качества. Наши новые полки, созданные в период стихийного распада старых полков, неустойчивы и мало надежны. Это с полной очевидностью для друзей и для врагов обнаруживает вызванный эс-эрами и другими белыми мятеж чехословаков на Волге *). Сила сопротивления наших полков была ничтожна; город за городом попадает в течение лета 1918 года в руки чехо-словаков и соединившихся с ними русских контр-революционеров. Их центр — Самара. Они овладевают Симбирском и Казанью. Опасность угрожает Нижнему. За Волгой идет подготовка к удару на Москву. В этот момент (август 1918 года) Советская Республика делает чрезвычайные усилия для развития и укрепления армии. Впервые применяется метод массовой мобилизации коммунистов, создается централизованный аппарат политического руководства и воспитания при войсках волжского фронта. Наряду с этим,

---

*) Чехо-словацкий корпус был сформирован в царской России из пленных чехов; после октябрьской революции корпус стремился «домой»; путь для этого был избран по сибирской дороге через Владивосток.

Л. Т.

в Москве и в Поволжьи производится попытка мобилизации нескольких возрастов рабочих и крестьян. Небольшие коммунистические отряды обеспечивают проведение мобилизации. В губерниях Поволжья устанавливается суровый режим, отвечающий размерам и остроте опасности. Одновременно с этим ведется напряженная агитация устным и печатным словом, — коммунистические группы переезжают из села в село. После первых колебаний мобилизация развертывается широко. Ее дополняет суровая борьба с дезертирством и с теми социальными группами, которые питают и вдохновляют дезертирство: с кулачеством, отчасти с духовенством, с остатками старой бюрократии. Во вновь создаваемые части вливаются рабочие-коммунисты Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и проч. Комиссары впервые получают в частях значение революционных вождей и непосредственных представителей Советской власти. Революционные трибуналы несколькими примерными приговорами предостерегают всех, что социалистическое отечество, находящееся в смертельной опасности, требует от всех и каждого безусловного повиновения. Сочетанием мер агитации, организации и репрессии и был в течение нескольких недель достигнут необходимый перелом. Из зыбкой, неустойчивой, рассыпающейся массы создалась действительная армия. Казань была нами взята 10 сентября 1918 г.; на другой день был возвращен Симбирск. Этот момент является знаменательной датой в истории Красной Армии. Почувствовалась сразу твердая почва под ногами. Это уже не первые беспомощные попытки, — отныне мы уже можем и умеем сражаться и побеждать.

Военно-административный аппарат строится тем временем во всей стране в тесном сочетании с местными губернскими, уездными и волостными советами. Урезанная врагами, но все еще огромная территория Республики делится на округа, в состав которых входит по нескольку губерний. Этим достигается необходимая централизация управления.

Политические и организационные трудности были неимоверно велики. Психологический перелом — от разрушения старой армии к созданию новой — достигался ценою постоянных внутренних трений и конфликтов. Старая армия выдвинула выборные солдатские комитеты и выборный командный состав, фактически подчиненный комитетам. Эта мера имела, разумеется, не военный, а революционно-политический характер. С точки зрения управления войсками в бою и подготовки войск для боя она была недопустимой, чудовищной, убийственной. Управлять войсками через посредство выборных комитетов и через подчиненных комитетам выборных и в любой момент сменяемых командиров не было и не могло быть никакой возможности. Но армия и не хотела сражаться. Она проводила внутри себя социальную революцию, сбрасывая помещичий и буржуазный командный состав и создавая органы своего революционного самоуправления, в лице советов солдатских депутатов. Эти организационно-политические мероприятия были правильными и необходимыми с точки зрения разложения старой армии. Но из них вовсе не выростала непосредственно новая бое-

способная армия. Полки царизма, пройдя через керенщину, рассыпались после октября и совершенно сошли на нет. Попытки автоматического перенесения наших старых организационных приемов на строющуюся Красную Армию грозили подорвать ее с самого начала. Выборность командного состава в войсках царизма означала очищение армии от возможных агентов реставрации. Но система выборности ни в каком случае не могла обеспечить революционную армию компетентным, пригодным и авторитетным командным составом. Красная Армия строилась сверху, на началах диктатуры рабочего класса. Командный состав подбирался и проверялся органами советской власти и коммунистической партии. Выборы командиров самими частями, политически мало воспитанными, из только что мобилизованных молодых крестьян, превращались бы неизбежно в игру случая и нередко действительно создавали бы благоприятные условия для происков отдельных интриганов и авантюристов. Равным образом, революционная армия, как армия действия, а не как арена пропаганды, была несовместима с режимом выборных комитетов, который фактически не мог не уничтожить централизованного управления, предоставляя каждой части решать, согласна ли она на наступление, или на оборону. Левые эс-эры довели этот хаотический лжедемократизм до абсурда, когда призывали отдельные полки решать вопрос, соблюдать ли им условия перемирия с немцами, или же переходить в наступление. Этим самым левые социалисты-революционеры только пытались восстановить армию против Советской власти, которая эту армию создала.

Крестьянство, предоставленное себе самому, неспособно создать централизованной армии. Оно не идет дальше местных партизанских отрядов, примитивная «демократия» которых является обычно прикрытием для личной диктатуры атаманов. Эти тенденции партизанщины, отражающей крестьянскую стихию в революции, находили наиболее законченное выражение у левых эс-эров и анархистов, но захватывали и значительную часть коммунистов, особенно из среды крестьян, бывших солдат и унтер-офицеров.

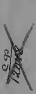
На первых порах партизанство было необходимым и достаточным орудием. Борьба с контр-революцией, еще не успевшей опомниться, сплотиться и вооружиться, велась небольшими самостоятельными отрядами. Такая борьба требовала самоотвержения, инициативы, самостоятельности. Война, расширяя свою арену, чем дальше, тем больше, требовала правильности организации и дисциплинированности. Навыки партизанства повернулись против революции своим отрицательным концом. Превратить отряды в полки, включить полки в дивизии, подчинить дивизионных начальников армейским и фронтовым — эта задача представляла большие трудности и не всегда разрешалась без жертв.

Возмущение против бюрократического централизма царской России входило в революцию очень важной составной чертой. Области, губернии, уезды, города стремились наперерыв обнаружить свою самостоятельность. Идея «власти на местах» приобрела в первый период чрезвычайно хаотический характер. На лево-эсеровском и анархистском крыле она связывалась

с реакционным федералистским доктринерством, у широких же масс являлась неизбежной и, в источниках своих, здоровой реакцией против удушающего инициативу старого режима. Однако, с известного момента — более тесного сплочения контр-революции и нарастания внешних опасностей — примитивные автономистские тенденции становились все более и более опасными как в политическом, так и, в особенности, военном отношении. Этот вопрос будет, несомненно, играть большую роль в Западной Европе, преимущественно во Франции, где предрассудки автономизма и федерализма сильнее, чем где бы то ни было. Скорейшая победа над ними, под знаменем революционно-пролетарского централизма, есть предпосылка будущей победы над буржуазией.

1918 год и значительная часть 1919 г. проходят в непрерывной и упорной борьбе за создание централизованной, дисциплинированной армии, которая снабжается и управляется из единого центра. В военной области эта армия отражает — только в более резких формах — процесс, совершающийся во всех областях строительства Советской Республики.

Отбор и создание командного персонала представляли собой ряд величайших трудностей. Мы имели в нашем распоряжении остатки старого кадрового офицерства, широкий слой офицерства военного времени и, наконец, командиров, выдвинутых самой революцией, ее первым, партизанским, периодом.

Из старого офицерства с нами оставались либо наиболее идейные люди, понявшие или хотя почуявшие смысл новой эпохи (таких было, разумеется, незначительное меньшинство), либо службисты, неподвижные, безынициативные люди, у которых не хватало энергии на переход к белым; оставалось, наконец, немало активных контр-революционеров, застигнутых врасплох.

На первых же шагах строительства остро встал вопрос об этих бывших офицерах царской армии. Они нам были необходимы, как представители своего цеха, как носители военной рутины, без которых нам пришлось бы начинать сначала. Вряд ли враги наши дали бы нам в этом случае возможность довести наше самообучение до необходимого уровня. Строить централизованный военный аппарат и такую же армию без привлечения многочисленных представителей старого офицерства мы не могли. Теперь они входили в армию не как представители старых правящих классов, а как ставленники нового революционного класса. Многие из них, правда, изменяли нам, переходили на сторону врага, участвовали в восстаниях, но в основе дух их классового сопротивления был сломлен. Тем не менее, ненависть к ним рядовой массы была еще сильна и являлась одним из источников партизанских настроений: в рамках небольшого местного отряда не было нужды в квалифицированных военных работниках. Приходилось, сламывая сопротивление контр-революционных элементов старого офицерства, шаг за шагом обеспечивать для его лойяльных элементов возможность работы в рядах Красной Армии.

Оппозиционные «левые» (на самом деле — интеллигентско - крестьянские) тенденции в строительстае армии пытались найти для себя обобщающую теоретическую формулу. Централизованная армия объявляется армией империалистического государства. Революция должна, сообразно со всем своим характером, поставить крест не только на позиционной войне, но и на централизованной армии. Революция целиком построена на подвижности, смелом ударе и маневренности. Ее боевой силой является иемногочисленный самостоятельный отряд, скомбинированный из всех родов оружия, не связанный с базой, опирающийся на сочувствие населения, свободно заходящий в тыл неприятелю, и проч. Словом, тактикой революции провозглашалась тактика малой войны. Серьезный опыт гражданской войны очень скоро опроаерг эти предрассудки. Преимущества централизоаанной организации и стратегии над местиой импровизацией, военным сепаратизмом и федерализмом, обнаружились так скоро и так ярко, что ныне основные принципы строительства Красной Армии стоят ане спора.

Важнейшую роль в создании командного аппарата армии сыграл институт комиссаров. Он набирался из революционных рабочих, из коммунистов, отчасти также — в первый период — из левых социал - революционеров (до июля 1918 г.). Роль командира этим как бы раздваивалась. В руках комаидира оставалось чисто военное руководство. Политико-воспитательная работа сосредоточивалась у комиссаров. Но, главное, комиссар являлся иепосредственным представителем Советской власти в армии. Задача комиссара состояла в том, чтобы, не стесняя чисто-военной работы начальиика и ни в каком случае не умаляя его комаидного авторитета, создать такие условия, при которых этот авторитет не мог быть напраален против интересов революции. Рабочий класс отдал на это дело лучших своих сынов. Сотии и тысячи их погибли иа комиссарских постах. Из рядов комиссаров вышло затем ие малое количество революционных командиров.

Мы с самого начала приступили к созданию сети военно-учебных заведений. На первых порах они отражали общую слабость военной организации. Краткосрочный курс в несколько месяцев давал, в сущности, ие комаидиров, а средних красиоармейцев. Но так как в бой, сплошь да рядом, шла в тот период масса, которая впервые в вагоне получала в руки винтовку, то прошедшие 4-месячный курс красноармейцы получали иередко посты ие только отделенных, но и взводных и даже ротных командиров. Мы усердно привлекали бывших унтер-офицеров царской армии. Однако, иужно принять во внимаиие, что они, в значительной своей части, вербовались а свое время из более зажиточных слоев деревни и города: это, преимущественно, грамотные сыновья крестьянских семейста кулацкого типа; с другой стороиы, вражда к «золотопогонникам», т. е. дворянско-интеллигентскому офицерстау, всегда была им свойственна. Отсюда раскол в этой группе: она дала нам многих выдающихся

командиров и военачальников, наиболее ярким представителем которых является Буденный; она же, эта группа, выдвинула многих командиров в контр-революционных восстаниях и в белой армии.

Создание революционного командного состава является труднейшей задачей. И если высший командный состав подобрался уже в течение первых 3—4 лет существования Красной Армии, то в отношении низшего командного состава этого нельзя сказать еще в полном объеме и до сегодняшнего дня. Главные наши усилия сейчас направлены на то, чтобы обеспечить армию отделенными командирами, вполне отвечающими своей ответственной задаче. Военно-учебное дело может похвалиться крупнейшими успехами. Обучение и воспитание красного командного состава непрерывно улучшаются.

Роль пропаганды в Красной Армии общеизвестна. Политическая работа, которая предшествовала у нас каждому шагу вперед на пути строительства, в том числе и военного, привела к необходимости создания обширного политического аппарата при армии. Важнейшими органами этой работы являются уже знакомые нам комиссары. Однако, буржуазная печать Европы явно искажает дело, когда изображает пропаганду, как некое дьявольское изобретение большевиков. Пропаганда играет огромную роль во всех армиях мира. Политический аппарат буржуазной пропаганды гораздо более могуществен и технически богат, чем наш. Преимуществом нашей пропаганды является ее содержание. Наша пропаганда неизменно сплачивала Красную Армию, разлагая армию противника не какими либо особыми техническими способами и приемами, а коммунистической идеей, составляющей содержание этой пропаганды. Этот наш военный секрет мы разглашаем открыто, не боясь никакого плагиата со стороны наших врагов.

Техника Красной Армии отражала и отражает общее хозяйственное положение страны. В первый период революции мы располагали материальным наследством империалистической войны. Оно было в своем роде колоссально, но крайне хаотично. Одного было слишком много,— другого слишком мало; к тому же мы не знали, что у нас есть. Главные довольствующие управления искусно скрывали то немногое, что знали сами. «Власть на местах» прибирала к рукам то, что оказывалось на ее территории. Революционные партизанские начальники снабжали себя всем, что попадалось под руки. Железнодорожные начальники искусно загоняли вагоны с амуницией и целые поезда не туда, куда они были назначены. Первый период был, таким образом, временем ужасающего расточения запасов империалистической войны. Отдельные отряды, в сущности полки, волокли за собой броне-части и самолеты, не имея в то же время на винтовках штыков, а часто нуждаясь и в патронах. Работа военной промышленности была приостановлена еще в конце 1917 г. Только в 1919 г., когда старые запасы стали приближаться к концу, начинается работа по возрождению военной промышленности. В 1920 г. уже почти вся промышленность работает для войны. Никаких запасов у нас нет. Каждая винтовка,

каждый патрон, каждая пара сапог непосредственно из под машины, из под станка отправляются на фронт. Бывали моменты — и они длились неделями, — когда каждый патрон бойца был на-счету и когда запоздание экстренного поезда с огнестрельными припасами вызывало отступление целых дивизий на фронте в несколько десятков верст.

Несмотря на то, что дальнейшее развитие гражданской войны вело к упадку хозяйства, снабжение армии, благодаря, с одной стороны, напряжению сил промышленности, а, с другой — и, главным образом, благодаря возрастающему упорядочению самого военного хозяйства, становилось и продолжает становиться все более правильным.

Особое место в развитии Красной Армии занимает создание конницы. Не вдаваясь здесь в рассуждения насчет того, какова в будущем роль конницы вообще, можно констатировать, что в прошлом лучшую конницу имели отсталые страны: Россия, Польша, Венгрия, а еще раньше — Швеция. Конница требует степей, больших свободных пространств. Она, естественно, создается на Кубани и на Дону, а не вокруг Петербурга и Москвы. В гражданской войне Соединенных Штатов преимущество конницы было целиком на стороне плантаторов-южан. Только во вторую половину войны северяне овладели этим родом оружия. То же повторилось и у нас. Контр-революция окопалась на отсталых окраинах и пыталась, нажимая оттуда, зажать нас в Московском центре. Важнейшим родом оружия у Деникина и Врангеля являлись казачество и конница вообще. Их смелые налеты и рейды нередко создавали для нас — в первое время — величайшие затруднения. Однако же, это преимущество, захваченное контр-революцией, — преимущество отсталости — оказалось доступно и революции, когда она поняла значение конницы в маневренной гражданской войне и поставила себе задачу создать конницу во что бы то ни стало. Лозунгом Красной Армии в 1919 г. стало: «Пролетарий, на коня». Уже через несколько месяцев наша конница сравнялась с неприятельской, а затем окончательно захватила инициативу в свои руки.

Сплоченность армии и ее уверенность в себе крепли непрерывно. В первый период не только крестьяне, но и рабочие не хотели итти в армию. Только тончайший слой самоотверженных пролетариев приступал сознательно к созданию вооруженных сил Советской Республики. И этот слой вынес работу на своих плечах в первый труднейший период. Настроения крестьянства непрерывно колебались. Целые крестьянские полки, правда, в большинстве случаев, совершенно неподготовленные ни политически, ни технически, в первый период сдавались иногда без боя, а затем, когда белые ставили их под свое знамя, снова переходили на нашу сторону. Иногда крестьянская масса пыталась проявить самостоятельность и уходила от белых и красных в леса, создавая свои «зеленые» отряды. Но их разобщенность и политическая беспомощность заранее обрекали их на поражение. Таким образом, на фронтах гражданской войны ярче всего отражалось соотношение основных классовых сил революции: крестьянская масса,

которую помещичье-буржуазно-интеллигентская контр-революция оспаривает у рабочего класса, непрерывно колеблется то в ту, то в другую сторону, но в последнем счете она поддерживает рабочий класс. В самых отсталых губерниях, как в Курской и Воронежской, где уклонявшихся от воинской повинности насчитывались многие и многие тысячи, появление генеральских войск на границе губернии создавало решительный перелом настроения и гнало массами вчерашних дезертиров в ряды Красной Армии. Крестьянин поддержал рабочего против помещика и капиталиста. В этом социальном факте и коренится последняя причина наших побед.

Красная Армия строилась под огнем, следовательно, далеко не всегда по заранее намеченному плану, а нередко — в порядке довольно беспорядочных импровизаций. Аппарат ее был чрезвычайно громоздким и, во многих случаях, неуклюжим. Мы пользовались каждой передышкой для сжатия, упрощения и уточнения нашей военной организации. В этом отношении сделаны за последние два года несомненные успехи. В период нашей борьбы с Врангелем и Польшей, в 1920 г., Красная Армия насчитывала в своих рядах свыше 5.000.000 чел. Сейчас она вместе с флотом насчитывает около полутора миллионов и продолжает сокращаться *). Сокращение шло и идет медленнее, чем было бы желательно, потому что оно идет параллельно улучшению качества. Сжатие тыловых и обслуживающих аппаратов несравненно более значительно, чем строевых частей. Сокращаясь, армия не ослабляется, а, наоборот, усиливается. Ее способность к развертыванию в случае войны непрерывно возрастает. Ее верность делу социальной революции несомненна.

21 мая 1922 г. Москва.

*) К маю 1922 г.

ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ВЕСНОЙ 1918 г.[3]

Нам нужна армия.

Речь на заседании Московского Совета Раб., Солд. и Кр. Депут. 19 марта 1918 г.*).

Товарищи! Нашей Советской Социалистической Республике необходима хорошо организованная армия.

В том мировом положении, в которое мы поставлены волею исторической судьбы, при окружающих нас неслыханных по трудностям условиях, которые, опять-таки, созданы не нами, — мы должны быть сильны. Это резко подчеркивается всей международной обстановкой. Для характеристики ее, а также и ожидающих нас международных перспектив, остановлюсь на важнейших фактах из этой области.

Последняя телеграмма, полученная с Запада, сообщает, что Германия обратилась к правительствам наших бывших «союзников» с предложением мира, причем немцы обещают очистить от своих войск Францию и Бельгию, а, сверх того, возвратить французам Эльзас-Лотарингию [4]. Это, если глядеть глубже, значит, что они имеют в виду мир за счет России.

Еще в начале войны мы говорили, что мировая бойня неизбежно повлечет за собой полное истощение менее богатых воюющих государств и что слабейшие из состязающихся стран, независимо от того, к какому из двух лагерей принадлежат они, потерпят тяжелое *поражение и станут монетой расплаты при дележе добычи*. Эта именно судьба угрожает нам.

Засим, буржуазные газеты почти всех стран лживо заявляют, будто на сибирской железной дороге находится до 20.000 враждебно настроенных по отношению к «союзникам», хорошо организованных военнопленных. Источником этих лживых и провокационных сообщений является генеральный штаб Японии, который распространяет подобные слухи с явной целью создать легальный повод для оккупации Владивостока и Сибири.

В Англии идет борьба между двумя политическими течениями, из которых одно — все партии капитала — стоит за известный компромисс с Германией за счет России, а другое, отражающее революционное брожение в массах английского народа, предостерегает от подобного рода сделок за счет России. Но и в Англии господство принадлежит крайним империалистам. Мы окружены врагами. Если нашей «союзнице» Франции

---

*) Газ. «Правда» 21 марта 1918 г.

действительно будет предложена Эльзас-Лотарингия, французская биржа, не задумываясь, продаст Россию. Этому, конечно, не помешают «дружеские» чувства к русскому народу со стороны наших контр-революционных «союзников», которых так горячо защищают представители правых течений. В виду этого, мы заявляем, товарищи, что истощенная и безоружная Россия неизбежно станет рабой объединившегося против нее международного империализма, если во-время ее не спасет своей поддержкой международный пролетариат, и если мы сами не организуем своей обороны.

Нас упрекают, что мы не даем того, что обещали. В ответ мы заявляем, что прежде всего мы вынуждены вооружаться и сражаться, чтобы обеспечить самую возможность реализовать свою программу, и что, если европейский пролетариат в роковую минуту нашего трагического единоборства не придет нам на помощь, — мы, оставаясь безоружными, можем и вовсе погибнуть. Мы первые подняли знамя восстания в этой кроваво-черной ночи империалистской бойни, и нам тяжело, подчас почти не под силу, бороться с железным кольцом окруживших нас врагов. Мудрено ли, если мы не выполняем всего, что хотели выполнить?

Нам нужна армия, которая сделала бы нас могущественной силой для неизбежной грядущей борьбы с международным империализмом. При помощи этой армии мы будем не только защищаться и обороняться сами, но сможем содействовать борьбе международного пролетариата. Ибо нет сомнения, что чем больше награбят и передушат международные империалисты, тем страшнее, тем ужаснее будет гнев европейского рабочего-солдата, который, выйдя из окопа, в результате своих нечеловеческих страданий найдет дома обнищавшую голодную семью, а в стране — хозяйственную разруху.

Пусть маловеры, поддаваясь усталости, не хотят больше слышать о революционном движении пролетариата других стран, о победе мировой революции; мы утверждаем, что момент социального взрыва во всех государствах неизбежно наступит, и мы, которым история раньше других вручила победу и все вытекающие из нее возможности, при первом раскате мировой революции должны быть готовы принести военную помощь нашим восставшим иностранным братьям.

И, в частности, в тот момент, когда германский пролетариат, более близкий к революции, чем какой-либо другой, охваченный пламенем боевого энтузиазма выйдет на улицу — а он выйдет, что бы ни говорили зловеще-каркающие люди партий, вычеркнувших себя навсегда из Интернационала — мы должны будем, уже подготовленные и организованные в боевые отряды, итти к нему на помощь.

Старую царскую армию наша партия сознательно разрушала. Но и сама война всем ходом своим вела к полному разложению рядов старой армии. Если бы даже не работа нашей партии, армия все равно рассыпалась бы на составные части. Этот результат был вполне подготовлен и царизмом, и всей политикой эпохи Керенского. Еще в начале февральской револю-

ции вопрос о войне и мире ребром встал перед солдатом; от решения этого вопроса зависела судьба вооруженных сил страны. Именно тогда, в интересах страны и армии, надо было практически поставить на разрешение, в первую очередь, задачи мира, в русском и международном масштабе. Но как раз в тот момент, когда наша армия, уже тогда совершенно истощенная и обессиленная, сгорала от нетерпения в ожидании мира, Керенский и его сотрудники и союзники бросили изнуренные войска в кровавое наступление 18 июня [5]. Вот что нанесло армии смертельный удар! Здесь говорилось об Учредительном Собрании. Пусть партия, господствовавшая численно в этом Собрании [6], знает, что именно она 18 июня уничтожила армию, восстановила против себя страну и тем самым убила Учредительное Собрание!

В работе по созданию армии мы, несомненно, натолкнемся на ряд препятствий. Мы являемся — хотим мы этого или не хотим — наследниками всего предшествующего хозяйничанья наших политических врагов, и вся тяжесть последних событий, прежде всего — Брестского мира, трагически обрушилась на нас только благодаря предшествовавшему хозяйничанью царского режима, а, после него, — режима мелкобуржуазных соглашателей. И если не угас еще окончательно дух революционного энтузиазма в недрах народных масс, без чего немыслима победа революции, то лишь благодаря тому, что в момент нынешних трагических испытаний народа, вся власть, действительно, находится в его руках.

В октябрьские дни народ боролся за власть и взял ее. Теперь мы вступаем, вооруженные полнотой этой власти, в эпоху строительства и обновления жизни революционного народа. Перед нами неизмеримые задачи: восстановление железнодорожного транспорта, необходимость накормить голодных, привлечь массы к творческому и правильно организованному труду. Нет сомнения, что эти задачи в данный момент значительно осложняются тем, что старая дисциплина в недрах масс подорвалась в корне, а новая, революционная, еще не сложилась. В стране есть много озорства, выросшего из пробужденной, но еще не проясненной тьмы. Конечно, все это — неизбежный продукт всей предыдущей нашей истории...

Тем скорее нужно, засучивши рукава, взяться за черную работу и мощным напором вытянуть из болота глубоко погрязшую в нем государственную телегу. Нужна правильная, упорная и систематическая работа во всех областях!

Пока мы боролись с калединцами [7] — мы с успехом могли довольствоваться наскоро сколоченными отрядами. Но теперь, чтобы обеспечить стоящую перед нами творческую работу в деле возрождения страны, чтобы обеспечить безопасность Советской Республики в условиях международного контр-революционного окружения, эти отряды уже недостаточны. Нужна правильно и наново организованная армия!

И когда речь заходит о ней, вчерашние сотрудники царских генералов обвиняют нас в том, что мы призываем кадровых офицеров и вручаем

им ответственные посты. Да, мы пользуемся военными специалистами, ибо, ведь, задачи советской демократии состоят вовсе не в том, чтобы отбрасывать от себя технические силы, которые можно с пользой применить для успеха ее исторической работы, политически подчинив их существующему строю. Ведь, и по отношению к армии вся полнота власти будет находиться всецело в руках Советов, которыми будут командированы во все военные органы и воинские части надежные политические комиссары для общего контроля. Значение этих комиссаров должно быть поставлено на огромную высоту, их полномочия будут неограничены. Военные специалисты будут руководить техникой дела, чисто военными вопросами, оперативной работой, боевыми действиями, тогда как политическая сторона формирования, обучения и воспитания частей должна быть целиком подчинена полномочным представителям советского режима в лице его комиссаров. Другого пути в данный момент нет и быть не может. Надо помнить, что для борьбы, кроме энтузиазма, таящегося в народе, нужны еще и технические познания.

Для правильной организации армии и, в частности, для целесообразного использования специалистов, нам нужна революционная дисциплина. Мы ее решительно вводим сверху, но необходимо с неменьшей энергией вводить ее снизу, пробуждая чувство ответственности народных масс. Когда народ будет сознавать, что дисциплина вводится теперь не для защиты мошны буржуазии, не для возврата земель помещикам, а, наоборот, для укрепления и защиты всех завоеваний революции, он оправдает даже и самые суровые меры, направленные к водворению дисциплины. Во что бы то ни стало и какой угодно ценой необходимо насадить в Красной Армии дисциплину, — не прежнюю — палочную, автоматическую, а сознательную коллективную дисциплину, построенную на революционном энтузиазме и на ясном понимании рабочими и крестьянами их долга перед своими классами.

Мы не остановимся ни перед какими трудностями. Может быть, нам, для торжества нашего дела и осуществления великих задач, придется временно работать не восемь, а десять и двенадцать часов. И что же? Мы будем работать вдвойне, мы впряжемся дружно, мы двинемся вперед по пути трудовой дисциплины и творческой работы. Мы не говорили и не говорим, что все дастся само собою. Нет, трудности неисчислимы. Но мы оказались богаче духом, ресурсами и силами, чем мы сами думали раньше; а это не мало, это — залог победы!

Будем же работать неустанно, чтобы в тот момент, когда поднимется европейский пролетариат, мы во всеоружии могли притти к нему на помощь и вместе с ним, общими усилиями, низвергнуть навсегда власть капитала!

Наша задача.

Перед лицом небывалых бедствий и опасностей, угрожающих Советской Республике, есть один путь спасения: это путь упорного труда и революционной дисциплины.

Нужно поднять хозяйственную мощь обнищавшей страны.

Нужно обеспечить вооруженную оборону Советской Республики от хищников империализма.

В эти грозные дни каждый честный гражданин обязан стать работником и воином.

В ближайшие дни будет введен закон о всеобщем обязательном обучении воинскому делу [8]. Республика возложит на опытных инструкторов обязанность сделать каждого гражданина в городе и в деревне способным по первому зову выступить на защиту родины с оружием в руках.

Обучение воинскому делу будет производиться вне обычного рабочего времени. Никто не смеет требовать какого бы то ни было вознаграждения за те часы, которые он отдаст высшему гражданскому долгу: изучению искусства обороны Советской Республики.

Чтобы в минуту тревоги все вооруженные граждане могли подняться на защиту страны, необходимо создать твердые надежные кадры. Это — неотложная задача ближайших месяцев и недель. Советская Республика, окруженная врагами, немедленно приступает к организации батальонов из самых стойких и самоотверженных борцов. Их существование и существование их семейств будет обеспечено из общенародных средств. Советские кадры должны быть спаяны железной дисциплиной, обучены, снаряжены и вооружены по последнему слову военного искусства.

Как для промышленности нужны инженеры, для земледелия — ученые агрономы, так и для дела обороны необходимы военные специалисты. Советская Республика настойчиво призывает военных специалистов к работе. Тяжкое положение России, которую мировые хищники хотят распять на кресте империализма, подскажет всем честным специалистам военного и военно-морского дела, что они не смеют оставаться в стороне. Советская власть даст им полную возможность развернуть все их силы, познания и таланты в деле организации обороны страны. Специалисты должны стать инструкторами, военными преподавателями, техническими руководителями армии. В специально военной области им должно быть предоставлено решающее слово и на них должна быть возложена вся полнота ответственности.

В деле формирования, идейного сплочения и политического воспитания народной армии решающее слово принадлежит советам — в центре и на местах. Эта работа будет производиться по общему плану, разработанному при участии лучших знатоков военного дела и под постоянным военно-техническим контролем специальных инспекторов.

Советской Республике необходима армия, которая умела бы сражаться и побеждать.

Обязанностью Советской власти является наблюдать за тем, чтобы отдельные учреждения или части народной армии не превращались в очаги контр-революции, в орудия борьбы против рабочих и крестьян. Политический контроль над всей организацией и жизнью армии вручается военным комиссарам. Пост военного комиссара есть один из самых ответственных и почетных в Советской Республике. Комиссар охраняет теснейшую внутреннюю связь между армией и советским режимом в целом. Комиссар воплощает начало революционного долга и несокрушимой дисциплины. Комиссар скрепляет все военные приказы. Всей силой своего авторитета и своей власти комиссар обеспечивает немедленное и беспрекословное выполнение оперативных и боевых распоряжений военных руководителей.

Таковы начала, которые правительство полагает в основу создания армии: всеобщее обязательное воинское обучение в школах, на заводах и в деревнях; немедленное создание сплоченных кадров из наиболее самоотверженных борцов; привлечение военных специалистов в качестве консультантов, инструкторов, инспекторов и боевых руководителей; насаждение военных комиссаров в качестве блюстителей высших интересов революции и социализма.

Именем Социалистической Республики, Совет Народных Комиссаров призывает все Советы, всех сознательных рабочих и крестьян, всех честных граждан, преданных делу народа, удвоить свои усилия в великой работе по обеспечению независимости и свободы нашей страны.

Освобожденная Россия не будет рабой. Она поднимется и окрепнет, она отбросит хищников, она будет жить в братском единении с освобожденными народами всех стран.

Нужно только, чтобы теперь, в эти черные дни общенародного бедствия, у всех верных сынов Революционной России не было другой мысли, другой страсти, другой клятвы, кроме спасения нашей истекающей кровью родины.

Да не будет места колебаниям и сомнениям! Труд, порядок, настойчивость, дисциплина, самоотвержение, — и мы победим!

21 марта 1918 г.

Труд, дисциплина, порядок [9].

**Доклад на Московской Городской Конференции РКП
28 марта 1918 г.**

Товарищи! Конференция собирается в дни глубокого внутреннего перелома нашей вообще переломной эпохи и в такой момент, когда настроение не может быть подъемным и боевым. Несомненно, что мы переживаем период внутренней заминки, больших затруднений, и, главное, — самокритики, которая, будем надеяться, поведет к внутреннему очищению и новому подъему революционного движения.

Мы ведем свою родословную, как власть, от октябрьской революции, от которой кое-кто из тех, кто держался в рядах близких к нам или шел параллельно с нами, склонен теперь как будто отказываться. И еще теперь октябрьская революция рассматривается многими мудрецами не то как авантюра, не то как ошибка.

Мы, коммунисты, не можем рассматривать вопрос об октябрьской революции под этим субъективным углом зрения. После 1905 г., в течение ряда лет, предшествовавших революции 1917 года, мы не только предсказывали неизбежность новой революции, но утверждали, теоретически предвидели, что, если эта революция придет к победоносному завершению, то она обязательно поставит у власти рабочий класс, опирающийся на все беднейшие слои населения. Наш, оправдавшийся в октябре, анализ называли утопией. Теперь называют утопией нашу социалистическую перспективу, нашу коммунистическую программу. Но для всех очевиден тот факт, что диктатура рабочего класса, которую мы предсказывали, осуществилась, и что все те «трезвенники», которые видели в этом предсказании утопию и наши субъективные пожелания, оказались отброшенными прочь развитием классовой борьбы в нашей революции.

Февральская революция обнаружила основное соотношение сил: во-первых, совокупность всех имущих, владельческих классов, совокупность, возглавляемую кадетской партией, внутри которой растворились все противоречия, все антагонизмы между различными группами имущих, — именно потому, что революция поставила ребром коренной вопрос — о собственности, как таковой, и, тем самым, устранила разногласия внутри собственнических классов.

Соглашательские группы представляли собой второй большой лагерь революции, — политически гораздо больший, чем это отвечало их действи-

тельным социальным силам (по причинам, о которых я скажу сейчас несколько слов). Третий лагерь представлял возглавляемый нашей партией рабочий класс и трудящиеся массы, связанные с ним.

Я сказал, что соглашательский лагерь, который наложил свою роковую печать на первую эпоху революции, казался самому себе и другим несравненно более могущественным, чем это, на самом деле, отвечало социальной природе того слоя, из которого этот лагерь вербовался. Я говорю о той буржуазной и мелко-буржуазной интеллигенции, из которой соглашательские партии рекрутировали не только своих вождей, но и свои боевые кадры.

Чем же объясняется тот факт, что в первую эпоху революции партии эс-эров и меньшевиков играли руководящую роль и тем задерживали развитие революции, и тем усугубляли разруху, и тем придали всему дальнейшему процессу развития крайне острый и болезненный характер? Это объясняется тем, что наша революция выросла из войны, а война мобилизовала и организовала наиболее отсталые темные народные массы из среды крестьянства, придала им военную организацию и таким путем заставила их в первую эпоху революции оказывать прямое и непосредственное воздействие на ход политических событий, прежде чем эти массы, под руководством пролетариата, прошли хотя бы элементарную политическую школу.

Полки, дивизии, корпуса выбирали своих депутатов в Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, наравне с рабочим классом. Но рабочий класс выбирал своих депутатов, исходя из своих естественных трудовых очагов — фабрик, заводов. Крестьяне же выбирали, будучи включены, через посредство государственной машины, в принудительные организации армии, и потому они выбирали не крестьянских депутатов, а полковых, ротных и иных.

Через армию крестьяне были привлечены к непосредственному активнейшему влиянию на ход политических событий, прежде чем, повторяю, политическая школа под руководством рабочего класса дала им для этого необходимые внутренние побуждения и необходимый минимум политических идей. Естественно, что эта крестьянская масса искала для себя представителей и вождей вне себя, и она находила их в среде мелко-буржуазной интеллигенции армии: в вольноопределяющихся, в молодых, более или менее революционных офицерах, словом, в выходцах из буржуазии, которые обладали известными формальными преимуществами перед солдатско-крестьянской массой — умением выражать свои мысли более или менее членораздельно, грамотностью и проч. Вот почему так расплодились в первую эпоху кадры соглашательских партий эс-эров и меньшевиков. Они опирались на многомиллионную крестьянскую армию. И поскольку рабочий класс инстинктивно стремился не отрываться от тяжелых крестьянских резервов, он сам обнаруживал известное тяготение к соглашательству, потому что это последнее было для него мостом, связывающим

его с крестьянскими и солдатскими массами. Вот та причина, в силу которой в первую эпоху революции эс-эры и меньшевики накладывали печать всеопределяющего внимания на ее развитие. Свое внимание они выражали, однако, в том, что не только не приступали к разрешению хотя бы одного из поставленных революцией вопросов, но прямо затягивали, тормозили все вопросы, усугубляли все трудности и придали характер страшного исторического бремени тому наследству, которое досталось нам в октябре.

Когда внутренней логикой классовой борьбы наша партия, стоящая во главе пролетариата, оказалась у власти, был призван к испытанию третий лагерь, лагерь рабочего класса, который, по всей своей природе, является единственно способным разрешить основные задачи революции.

В смысле политическом и непосредственно боевом, октябрьская революция прошла с неожиданною и ни с чем несравнимою победоносностью. В истории еще не бывало примеров такого рода могущественного наступления угнетенного класса, который бы с такою планомерностью и быстротой отбрасывал господство имущих, правящих классов во всех частях страны, распространяя из Петрограда и Москвы по всем углам и закоулкам России свое собственное господство.

Эта победоносность октябрьского восстания показала политическую слабость буржуазных классов, коренящуюся в особенностях развития русского капитализма.

Слагаясь в условиях полного разложения мелкой и средней промышленности и старой капиталистической идеологии в Западной Европе, русский капитализм, сразу выступивший в самом концентрированном виде, развил, несомненно, большое экономическое могущество и, вместе с тем, внутреннюю способность перехода к более совершенным формам хозяйства, т. е. создал почву национализации предприятий. Но, вместе с тем, эти же условия превратили представителей русского торгово-промышленного и финансового капитала в небольшой привилегированный класс, малый по численности и оторванный от широких народных масс, без идеологических корней в народе, в его толщах, без своей политической армии.

Отсюда ничтожество того политического сопротивления, которое наша буржуазия оказалась способной противопоставить нам в октябре, ноябре и в последующие месяцы, когда в отдельных местах страны поднимались восстания калединцев, корниловцев, дутовцев [10] или украинской Рады. И если украинская Рада временно победила или побеждает в настоящее время Советскую власть на Украине, то это происходит исключительно при помощи могущественной машины германского милитаризма [11].

Как в передовых, так и отсталых, наименее промышленных частях страны, везде и всюду наши имущие классы оказались бессильны собственными средствами задержать военно-революционное наступление пролетариата, боровшегося за завоевание государственной власти. Это ука-

зывает нам, прежде всего, на то, товарищи, что, если бы силою и волею исторических судеб, — чего я не думаю, и чего не думаете и вы, — мы оказались отброшенными от власти, то это было бы только эпизодом, только на самый короткий промежуток времени, ибо развитие шло бы дальше по той же самой основной линии, по которой шло оно и до сих пор. Глубокая социальная пропасть между буржуазными верхами и трудящимися классами и глубокая спайка всех обездоленных масс с пролетариатом говорят за это и ручаются за это.

Будучи даже временно отброшен от власти, пролетариат остался бы вождем огромного большинства трудящихся масс страны, и новая ближайшая волна неизбежно поставила бы его у власти. В этом мы должны почерпать глубочайшую внутреннюю уверенность во всей нашей политической работе. По всей социальной структуре России и по той международной обстановке, в которой мы живем, мы, в полном смысле слова, непобедимы, несмотря на все затруднения и даже несмотря на наши собственные недостатки, ошибки и промахи, о которых я еще буду говорить.

Военное сопротивление буржуазии оказалось сломленным в кратчайший срок. Она выдвинула тогда другой механизм сопротивления, в виде саботажа чиновничьего и технического персонала, всех квалифицированных и полуквалифицированных интеллигентных сил, которые служат в буржуазном обществе механизмом технического руководства и, вместе с тем, классового господства, классового правления.

Все эти элементы встали на дыбы после завоевания власти рабочим классом. Теоретически это не должно было быть и не могло быть для всех нас неожиданностью. По поводу парижской коммуны Маркс писал, что рабочий класс, встав у власти, не может механически завладеть старым государственным аппаратом: он его должен перестроить целиком [12]. И этот факт невозможности для рабочего класса просто овладеть старой машиной выразился у нас в двух формах: в недоверии рабочих масс и советов к старым чиновникам и в ненависти старого чиновничества к новому хозяину — к рабочему классу. Отсюда саботаж, дезертирство, дезорганизация всех правительственных и многих общественных и частных учреждений со стороны их руководящего технического и административного персонала.

Этот саботаж, поскольку он не был простым продуктом паники интеллигентских элементов перед тяжелой рукой рабочего класса, взявшего в свои руки власть, поскольку он преследовал политическую цель, упирался в будущее Учредительное Собрание, как в естественную свою цель, как в новый мост имущих классов к власти.

Если русской буржуазии, русским имущим классам вообще, по их природе, по их политическим интересам, отвечала, как политический идеал, цензовая ограниченная монархия, то интеллигентским элементам, возглавляемым соглашательскими партиями, их интересам, их понятиям

отвечает больше всего Учредительное Собранне, которое отводит мелкобуржуазной интеллигенции непропорционально большую роль, потому что она, благодаря своему бойко привешенному языку, выступает в парламенте от лица всех наиболее темных и отсталых масс, которые еще лишены языка, и потому что она, оказываясь посредине между имущими классами и трудящимися массами, играла бы свою роль соглашателя, маклера, посредника. И Учредительное Собрание, по ее мысли, было бы великой примирительной камерой, великим соглашательским учреждением русской революции.

Советы, т. е. рабочий класс, организованный в советы, отбросили Учредительное Собрание, заявив, что в эпоху прямого и непосредственного столкновения классовых сил открыто и прочно может править только тот или другой класс, — что в этот момент может быть либо диктатура капитала и землевладения, либо диктатура рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Упразднив Учредительное Собрание, Советы, прежде всего, политически разбили позвоночный столб интеллигентского саботажа. Сопротивление всех этих технических, административных, чиновничесних элементов было преодолено. Прямая открытая гражданская война, как и борьба с саботажем, — все это, до известной степени, отвлекало наше внимание от основных, органических, хозяйственных и административных задач. С другой стороны, естественно, у нас создалось такое убеждение, что, сломив калединцев, корниловцев, взяв окончательно власть в свои руки, подавив саботаж, мы приступим, наконец, к настоящей подлинной творческой работе.

После того, как военное сопротивление буржуазии, корниловцев, калединцев, было разбито в открытом бою (не благодаря нашей военной технике, которая была на самом низком уровне, а благодаря тому, что у буржуазии не оказалось надежных боевых масс), после того, как был сломлен саботаж административно-технического персонала, и оказалось возможным впрягать эту интеллигенцию в работу, — после этого мы оказались впервые лицом к лицу со всеми огромными задачами, затруднениями и препятствиями, какие мы получили в наследство от прошлого.

Естественно, что гражданская война и методы, с помощью которых мы сламывали чиновничий саботаж во всех учреждениях, сами по себе, усиливали разруху, которую мы получили в наследие от войны и от первой эпохи революции. Мы это сами видели, отдавали себе в этом ясный отчет. Но это не останавливало нас, ибо мы знали и были глубоко уверены — эту уверенность мы почерпали из всего нашего анализа исторических событий в России, — что у нас есть лишь один выход на большую дорогу исторического развития, и этот выход — только через диктатуру рабочего класса. Мы знали, что если есть на пути этой диктатуры препятствия, они должны быть сметены. Если это сметание препятствий временно усугубляет разруху, то все это впоследствии должно окупиться сто-

рицею политикой интенсивного хозяйственного творчества, которую, без промедления, должен будет развернуть, ставши у власти, рабочий класс.

Теперь, товарищи, преодолев политические препятствия, мы стоим перед всеми этими организационными трудностями вплотную. История ребром ставит перед рабочим классом, перед вами — его представителями — вопрос: сможете ли вы справиться со всеми затруднениями, которые накопили для вас предшествовавшие десятилетия и столетия, кое-где завязав их в гордиевы узлы, а кое-где предъявив их вам в виде совершенно бесформенной всероссийской разрухи? Справитесь ли вы, справимся ли мы с этими задачами? Другими словами, рабочий класс, руководимый коммунистической партией, в часы величайшего испытания, которому когда либо подвергался рабочий класс во всей истории, окажется ли на исторической высоте?

Затруднения, стоящие перед нами, могут быть разделены на две категории: на затруднения объективного характера и на затруднения характера субъективного.

Затруднения объективного характера заложены во внешних условиях. Они состоят в самом факте всеобщей разрухи, в том, что пути сообщения у нас расстроены; вагоны у нас ободраны и расхлябаны; у нас огромный процент заболевших паровозов; здоровые паровозы двигаются по рельсам не так, как следует (война все выбила из колеи); фабрики и заводы у нас дезорганизованы, вследствие, — сперва мобилизации, а потом частичной, крайне несовершенной демобилизации; у нас величайшие продовольственные затруднения — отчасти потому, что мы обеднели вообще, отчасти потому, что у нас расстройство всех средств и путей транспорта, учета и контроля. Вот те колоссальные, по своей глубине, затруднения, которые стоят перед нами, и которые мы должны преодолевать, во что бы то ни стало. Если мы не совладаем с ними, крушение страны в ближайшую эпоху несомненно, ибо заменить нас некому.

Если мы, по словам Маркса, как рабочий класс, не можем просто механически овладеть старым аппаратом государственной власти, то это вовсе не значит, что мы можем обойтись без всех тех элементов, которые входили в состав старого аппарата государственной власти.

Несчастье рабочего класса в том, что он всегда занимал положение угнетенного класса. Это отразилось на всем: и на уровне его образования, и на том, что у него не было тех навыков управления, какие имеет господствующий класс и какие он передает по наследству через свои школы, университеты и проч. Ничего этого у рабочего класса нет, все это он должен приобрести.

Ставши у власти, он должен был рассматривать старый государственный аппарат классового угнетения. Но он должен, в то же время, извлечь из этого аппарата все ценные квалифицированные элементы, технически ему необходимые, поставить их на надлежащее место и повысить этими элементами свою пролетарскую классовую мощь. Это, товарищи, задача, которая стоит сейчас перед нами во весь свой рост.

Первая эпоха борьбы с саботажем заключалась в беспощадном разрушении организации саботажников. Это было необходимо, и потому правильно.

Сейчас, в период, когда власть советов обеспечена, борьба с саботажем должна выражаться уже в том, чтобы вчерашних саботажников превратить, где это нужно, в слуг новому режиму, в исполнителей, в технических руководителей. Если мы с этим не справимся, если не привлечем все необходимые силы и не поставим их на советскую службу, то наша вчерашняя борьба с саботажем, борьба военно-революционная будет тем самым осуждена, как совершенно напрасная и бесплодная.

Как в мертвые машины, так и в этих техников, инженеров, врачей, учителей, бывших офицеров вложен народный национальный капитал, который мы обязаны эксплоатировать, использовать, если, вообще, хотим разрешить основные задачи, которые стоят перед нами.

Демократизация состоит не в том вовсе — это азбука для каждого марксиста, — чтобы совершенно упразднять значение квалифицированных сил, значение лиц, обладающих специальными познаниями, — а только в том, чтобы, по необходимости, замещать их выборными коллегиями, главным образом, как органами контроля.

Выборная коллегия, состоящая из самых лучших представителей рабочего класса, но не обладающих необходимыми техническими познаниями, не может заменить одного техника, который прошел специальную школу и который знает, как выполнять данное специальное дело. Тот разлив коллегиальности, который ныне наблюдается у нас во всех областях, является естественной реакцией молодого революционного, вчера еще угнетенного класса, который отбрасывает единоличное начало вчерашних повелителей, хозяев, командиров и везде ставит своих выборных представителей. Это, говорю я, совершенно естественная и, в источниках своих, здоровая революционная реакция. Но это не есть последнее слово хозяйственного государственного строительства пролетариата.

Дальнейший шаг должен заключаться в самоограничении коллегиального начала, в здоровом и спасительном самоограничении рабочего класса, который знает, где может сказать решающее слово выборный представитель самих рабочих, и где необходимо дать место технику, специалисту, вооруженному известными познаниями. На него нужно возложить при этом большую ответственность и взять его под бдительный политический контроль. Но одновременно необходимо специалисту предоставить возможность свободной деятельности, не стесненного творчества, потому что ни один сколько-нибудь способный, даровитый в своей области специалист не может работать, подчиняясь в своей специальной деятельности коллегии людей, не осведомленных в этой области. Политический коллегиальный советский контроль нужно вводить всюду и везде, но для исполнительных функций необходимо назначить специалистов-техников, ставя их на ответственные посты и возлагая на них ответственность.

Те, которые боятся этого, — бессознательно относятся с глубоким недоверием к советскому режиму, думают, что привлечение на технические специальные посты вчерашних саботажников грозит самим основам советского режима; они не отдают себе отчета в том, что не о какого-нибудь инженера или вчерашнего генерала может споткнуться советский режим: в политическом, в революционном, в военном смысле советский режим непобедим, — но он может споткнуться о свою собственную неспособность справиться с творческими, организационными задачами.

Необходимо извлечь из старых учреждений все, что там было жизнеспособного и ценного, с целью запрячь в новую работу.

Если мы этого, товарищи, не сделаем, то с нашими основными задачами мы не справимся, ибо в кратчайший срок выдвинуть из своей среды всех необходимых специалистов, отбросивши все, что было накоплено в прошлом, решительно невозможно.

В сущности говоря, это было бы то же самое, как если бы мы сказали, что все те машины, которые доселе служили для эксплоатации рабочих, мы теперь отбрасываем. Это было бы безумием. Привлечение ученых специалистов для нас так же необходимо, как взятие на учет всех средств производства и транспорта и всех вообще богатств страны.

Повторяю, нам надо и притом безотлагательно взять на учет техников-специалистов, которые у нас есть, и ввести для них трудовую повинность, предоставивши им в то же время широкое поле деятельности под нашим политическим контролем.

И здесь, товарищи, перед нами выростают те затруднения субъективного характера, о которых я упоминал и которые лежат в самом рабочем классе. Здесь тоже сказываются прошлые века русской истории, дают себя знать те времена, когда массы народные были придавлены к земле, обобраны материально и духовно и лишены необходимейших навыков управления.

Мы и раньше знали, что нам не хватает необходимой организации и дисциплины, т.-е. необходимой исторической школы. Но это нисколько не мешало нам с открытыми глазами итти к завоеванию власти. Мы были уверены, что всему научимся и все наладим.

Теперь, взявши власть в свои руки, мы, представители рабочего класса, должны совершенно ясно и честно отдать себе отчет в том, каковы наши внутренние грехи и недочеты, которые представляют собой величайшие опасности для дела социалистического строительства.

Они имеют, как сказано, свое историческое объяснение, которое покоится в старом «сплошном» мужицком быту, когда не было еще пробужденной свободной, самостоятельной человеческой личности, а была, по выражению Глеба Успенского, «вобла», сплошная масса, которая жила и гибла, как живет и гибнет сплошная масса саранчи. Революция, пробудившая человеческую личность из ее подавленного состояния, естественно, на первых порах, придала этому пробуждению крайний, если

хотите, анархический характер. Это пробуждение элементарнейших инстинктов личности имеет нередко грубо-эгоистический, или, говоря философским термином, «эгоцентрический» характер. Вчера еще человек массы, он был ничем, рабом царя, дворянства, бюрократии, придатком машины фабрикантов. В крестьянском быту он был только тяглецом, плательщиком налогов. Сегодня, освободившись от этого, он впервые почувствовал себя личностью и начинает думать, что он — все, что он — центр мироздания. Он стремится взять для себя все, что может, думает только о себе и с народной классовой точкой зрения не склонен считаться. Отсюда разлив дезорганизаторских настроений, индивидуалистических, анархических, хищнических тенденций, которые мы наблюдаем особенно в широких кругах деклассированных элементов страны, в среде прежней армии, а затем в известных элементах рабочего класса.

Это есть не что иное, как болезнь роста. Мы были бы, товарищи, слепцами и трусами, если бы видели в этом какую-нибудь роковую опасность, гибельный симптом. Нет, этого нет. Как корь у ребенка, или как боль при прорезывании зубов, — это органическая болезнь роста класса, муки пробуждения его классовых сил, его творчества. Но это есть все же болезнь, и мы должны постараться преодолеть ее в кратчайший срок. Отрицательные явления наблюдаются везде: на заводах, на фабриках, в мастерских, в профессиональных союзах, на железных дорогах, в учреждениях среди нового чиновничества, всюду и везде...

Мы разбили старый саботаж и вымели метлою большинство старых чиновников. Но, заместивши их, оказались далеко не всегда первоклассным материалом. С одной стороны, на освободившиеся посты пошли наши товарищи по партии, которые проделали подпольную работу, прошли революционную школу, лучшие элементы — боевые, честнейшие, бескорыстные. С другой стороны, пошли карьеристы, интриганы, вчерашние неудачники, которые при старом режиме были не у дел. Когда оказалось необходимым привлечь сразу десятки тысяч новых квалифицированных работников, не мудрено, если многим мародерам удалось проникнуть в поры нового режима.

Нужно к тому же сказать, что многие из товарищей, работающих в разных ведомствах и учреждениях, далеко не всегда оказывались способными к органическому, творческому, настойчивому труду. Мы наблюдаем в министерствах сплошь и рядом таких товарищей, особенно из рядов октябрьских большевиков: они работают четыре-пять часов в день и то не весьма интенсивно в то время, как все наше положение сейчас требует от нас самого напряженного труда не за страх, а за совесть.

Многие, хотя и честные, но слабовольные люди легко поддаются внушению, что теперь, в том состоянии расслабления страны, когда все развинчено, разболтано, не зачем проявлять энергии, ибо все равно она не учтется в общей экономии государственной жизни; многие говорят себе «что, мол, мне одному надрываться в этом хаосе?»

Поэтому, товарищи, на представителей нашей партии ложится совершенно новая задача. Если мы первыми были в революционных боях, как еще раньше первыми были в подпольи, а потом первыми брали с бою позиции враждебного нам класса, то теперь нам нужно на всех постах, которые мы занимаем (ни на минуту я не забываю, что мы сейчас господствующий класс), проявить максимум добросовестности, исполнительности, творчества, — словом, тех качеств, которые характеризуют класс подлинных строителей новой жизни. И нам необходимо внутри своей партии создать новую мораль, или, вернее сказать, такую, которая должна явиться развитием нашей вчерашней революционно-боевой морали. Если вчера наиболее ценился тот, кто с наибольшею беззаветностью был способен жить по нелегальным квартирам, отказываясь от всякого личного интереса и чувства, кто был способен в любой момент жертвовать своей жизнью, то теперь те же самые основные качества русского революционера, которыми мы гордились, должны найти себе новое применение на всех постах, какими бы прозаическими они нам ни казались по своей внешности.

Везде должны стать передовые исполнители всех функций, всех задач, всех потребностей Советской Социалистической Республики и в выполнение их внести все свое самоотверженне, весь свой энтузиазм.

Мы должны, через посредство нашей коммунистической партии, на каждом заводе создать образцовую ячейку, которая была бы трудовою совестью данного завода. Нужно, чтобы эта ячейка следила, наблюдала, под углом зрения общенародных интересов, за жизнью данного завода и внушала рабочим необходимость везде и всюду выполнять элементарнейшие обязанности по отношению к нашей советской стране, ответственность за судьбы которой всею своею тяжестью лежит, ведь, на нас, и за которую отвечаем только мы, как правящий класс и правящая партия, особенно теперь, когда группа левых эс-эров ушла от нас, и когда на одной коммунистической партии лежит прямая и всеобъемлющая ответственность за все то, что делается в государственной, а через государственную и в хозяйственной жизни страны.

Необходимо через партию и через наши профессиональные союзы прививать это новое настроение на заводах и фабриках, вводить в массы это новое сознание трудового долга, трудовой чести, и, опираясь на это сознание, вводить трудовые суды, чтобы и тот рабочий, который относится безучастно к своим обязанностям, расхищает материал, небрежно с ним обращается, и тот, который не заполняет всех пор своего рабочего времени трудом, подвергались суду, чтобы имена этих нарушителей социалистической солидарности печатались во всех советских изданиях, как имена отщепенцев.

Такую коммунистическую мораль, товарищи, мы обязаны сейчас проповедывать, поддерживать, развивать, укреплять. Это есть первейшая задача нашей партии на всех поприщах ее деятельности. От ее разрешения зависит судьба нашей политики. Для примера, возьмем железные дороги.

До сих пор в железнодорожном деле мы обвиняли друг друга, мы делали нападки на прежнее правительство, на старые правления дорог, на Викжель [13]. И мы были правы. После того, как мы оказались победителями, власть и руководство и в этой области перешли к нам. Теперь железные дороги находятся в наших руках, но это, товарищи, еще не все дело и даже не половина дела, это, может-быть, только десятая часть дела. Теперь необходимо аппарат железных дорог превратить в часовой механизм, и это в настоящее время одна из самых важных политических задач коммунистической партии и Советской власти. Вот в чем все существо дела, и это нужно понять.

Если раньше политическая задача состояла в агитации, в пропаганде, в уличной открытой борьбе на баррикадах, в завоевании власти, в выборах, то теперь организация железных дорог, создание на них трудовой дисциплины, полной ответственности каждого за свой пост, представляют именно политическую задачу нашей партии. Почему? Потому, что если мы с этим не справимся, мы будем опрокинуты, и в мировой истории пролетариата великим минусом учтется этот факт. Разумеется, мы понимаем, что пролетариат, в конце концов, победит, но не бесследно пройдет и тяжко учтется то, что в данный момент наша партия и наш класс испытания не выдержали. Вот почему все отмеченные мной организационные, творческие государственные задачи превращаются прямо и непосредственно в политические обязательства нашей партии.

Все это относится целиком и к той области, к которой я сейчас имею теснейшее отношение, — к военной. Я не буду сейчас говорить о международном положении страны, о внешних перспективах и опасностях. Для моего доклада будет достаточно, если я скажу, что поскольку судьба русской революции зависит от мирового положения, она связана с судьбою европейской революции. Если в Европе не будет революции, если европейский рабочий класс окажется неспособным подняться против капитала в результате этой войны, если бы это чудовищное предположение осуществилось, это означало бы, что европейская культура осуждена. Это означало бы, что на исходе мощного развития капитализма, в результате той мировой бойни, в которую мировой капитализм вверг народы, европейский рабочий класс оказался неспособным овладеть властью и освободить Европу от кошмара империалистического ада. Это означало бы, что Европа обречена на разложение, на вырождение, на возвращение назад. Да, разумеется, если Европа будет отброшена назад к варварству, и если культура будет потом развиваться где-нибудь на Востоке, в Азии, в Америке, если Европа превратится в отсталый полуостров Азии, как Балканы, которые были когда-то очагом культурного развития, потом замерли и превратились в самый отсталый юго-восточный угол Европы; если все это совершится, тогда, разумеется, не устоять и нам. Но, поскольку у нас нет решительно никаких оснований для принятия такого рода чудовищной гипотезы, поскольку мы убеждены, что европейский пролетариат, в резуль-

тате этой войны и, вероятно, еще в процессе ее, поднимется, а его толкает на этот путь новое наступление на западном фронте, снова обнаруживающее перед рабочими массами всю безвыходность его положения, постольку мы можем сказать, что будущее нашей революции, неразрывно связанной с судьбою революции европейской, а, стало быть, и с судьбою Европы в международном масштабе, скорее благоприятно. Но нам, как фактору этой европейской революции, как ее составной части, нужно позаботиться о том, чтобы быть сильными, т. е., в частности, о том, чтобы быть вооруженными такой армией, которая, во-первых, отвечала бы характеру и духу Советского режима, а, во-вторых, — сумела бы оборонять его и содействовать мировой революции.

Вы читали основные положения, с которыми обращается к вам Народный Комиссариат по военным делам. Мы считаем, что, так как дальнейшее развитие международных отношений может уже в ближайший период снова поставить нас перед жестокими военными испытаниями, нужно для ближайшего же периода создать прочные и надежные кадры армии, и они не могут быть образованы на принципе всеобщего обязательного набора потому, что в ближайшие два месяца мы такого набора не произведем. Вот почему нам приходится временно опираться на принцип добровольчества, который, разумеется, должен быть очищен путем установления строгого личного и политического критерия для всех добровольцев.

Партийные организации, комитеты и ячейки везде и всюду обязаны заботиться о том, чтобы элементы, вступающие в армию, были доброкачественны в политическом и моральном смысле и чтобы, уже войдя в состав армии, они не теряли своей связи с рабочими массами, а подвергались бы систематическому воздействию с их стороны.

Забегая несколько вперед, я должен сказать, что некоторые товарищи из нашей собственной партийной среды боятся, как бы армия не стала орудием или очагом контр-революционных замыслов. Это опасение, поскольку оно имеет известное оправдание, должно заставить нас целиком направить наше внимание на низы, на солдатские ряды Красной Армии. Здесь мы можем и должны создать такой фундамент, который сделает бесплодными всякие попытки превращения Красной Армии в орудие контрреволюционных покушений. Первейшею задачею на этом пути является пополнение кадров всеобщим обучением рабочих на заводах и фабриках и крестьянской бедноты в селах и деревнях. До сих пор, товарищи, многие декреты и положения, которые издавались нами, оставались только на бумаге. Первостепенной задачей партии является достигнуть, чтобы имеющий быть опубликованным на днях декрет о всеобщем обязательном военном обучении на заводах, фабриках, в мастерских, школах и т. д. был, на самом деле, проведен в жизнь. Наблюдать за фактическим осуществлением этого декрета есть задача партийных организаций и ячеек.

Только широкое военное обучение рабочих и крестьянских масс везде, где это окажется сейчас осуществимым на практике, обусловит возмож-

ность превращения добровольческих кадров в тот скелет, который, в минуту опасности, обрастет плотью и кровью, т.-е., действительно, широкими вооруженными рабоче-крестьянскими массами.

Здесь я перехожу к щекотливому пункту, который сейчас, до известной степени, составляет больное место в нашей партийной жизни. Это один из вопросов организации армии, а именно вопрос о привлечении военных специалистов, т.-е., попросту говоря, бывших офицеров и генералов, к созданию армии и к управлению ею. Все основные, руководящие учреждения армии строятся теперь так, что составляются из одного военного специалиста и двух политических комиссаров. Таков нынешний основной тип руководящих органов армии.

Мне приходилось уже не раз говорить на открытых собраниях о том, что в области командной, оперативной, боевой мы на военных специалистов возложим всю полноту ответственности, а, стало быть, дадим им и необходимые права. Этого-то у нас многие боятся, и их опасения находят свое выражение в резолюциях некоторых партийных организаций. У меня в кармане есть одна такая резолюция. Я получил ее вчера из Северо-Западного края. В этой резолюции есть прекрасная характеристика тех трудностей, перед которыми мы стоим. Как много всякого произвола — констатирует эта резолюция — наблюдается со стороны кое-каких советских представителей, как много неряшливости, даже бесчестности и воровства, — да, и воровства!— наблюдается со стороны отдельных носителей Советской власти, выборных от рабочих организаций. Да, много этого, очень много этого есть сейчас! И здесь опять-таки задача партии со всею беспощадностью относиться к такого рода явлениям в нашей собственной среде, ибо они губят страну, позорят и разлагают нашу партию. Нужно преследовать не только тех, кто прямо или косвенно повинен в расхищении народных денег, но и тех, кто будет снисходителен по отношению ко всякого рода явлениям распущенности и разврата. Мы должны проводить отбор с железной беспощадностью, потому что в этой области есть много опасных и тревожных симптомов. Именно об этом и пишут товарищи из Северо-Западного края в упомянутой резолюции, которая прекрасно характеризует положение и требует от партии драконовских мер, — мер выжигания нравственных язв каленым железом.

И эта самая резолюция с равной тревогой указывает на другую опасность — именно на привлечение генералов, которые, дескать, поведут страну навстречу новой корниловщине. Конечно, опасность корниловщины не исключена. Но только питается эта опасность не привлечением на службу десятка или двух бывших генералов, а более глубокими корнями.

Откуда развиваются произвол, неряшливость и даже беспечность? Сплошь и рядом, это есть результат того, что люди занимают посты, с которыми они не могут справиться. Вглядитесь, что происходит сейчас на Украине. Те, которые великолепно и геройски сражались против калединцев, дутовцев и корниловцев, которые победили этих врагов, стоявших технически на том же уровне, спасовали и почувствовали свою полную беспомощ-

ность, когда оказались перед немецкой военной машиной. Отсюда их недовольство собою. Они, эти начальники партизанских отрядов, борются друг с другом, обвиняют друг друга и нередко с немцами борются меньше, чем с местным населением.

Происходящее на Украине показывает нам, что, если мы говорим серьезно о защите Советской революции путем вооруженного отпора, путем войны, то нужно отбросить прочь всякие лево-эс-эровские фразы о партизанском восстании, кружковых мероприятиях; нужно поставить перед собою задачу создания регулярной армии. Только при наличности этой регулярной армии, на ее флангах могут сыграть положительную роль партизанские отряды. Но для создания такой армии нам необходимы квалифицированные специалисты, в том числе и вчерашние генералы. Как я раньше говорил, трудность Советского режима состоит в настоящее время не в борьбе с саботажем, позвоночник которого сломлен, а в умелом привлечении к делу бывших саботажников.

Есть еще один вопрос в области организации армии: так называемое, выборное начало. Весь смысл его вообще заключается в том, чтобы бороться со старым составом офицерского аппарата, чтобы контролировать командный состав.

Пока власть была в руках враждебного нам класса и командный состав являлся орудием в руках этой власти, мы обязаны были стремиться к тому, чтобы, путем выборного начала, сломить классовое сопротивление командного персонала. Но сейчас политическая власть в руках того самого рабочего класса, из рядов которого рекрутируется армия.

При теперешнем режиме в армии — я говорю вам это совершенно открыто — выборное начало является политически бесцельным, а технически нецелесообразным и декретом оно уже фактически отменено [14].

Я спрашиваю: везде ли у вас в профессиональных союзах или кооперативах проведено выборное начало? Нет. Выбираете ли вы чиновников, бухгалтеров, конторщиков, кассиров, выбираете ли вы служащих со строго определенною профессией? Нет. Вы избираете из наиболее заслуженных и доверенных деятелей профессионального союза ваше правление и уже ему поручаете назначение всех необходимых служащих и специалистов-техников. То же самое должно быть и в армии. Раз мы установили Советский режим, т. е. такой строй, при котором во главе власти оказываются лица, непосредственно избранные советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, не может быть антагонизма между властью и рабочими массами, как нет антагонизма между правлением союза и общим собранием его членов, а, следовательно, не может быть и оснований опасаться назначения лиц командного состава органами Советской власти. Подлинное решение вопроса о командном составе состоит в том, чтобы создать инструкторские курсы для передовых солдат и рабочих и, таким образом, постепенно воспитать новый командный состав, отвечающий духу Советского режима. И эту задачу мы поставили перед собой [15].

Вопрос о создании армии есть для нас сейчас вопрос жизни и смерти. Вы сами это понимаете так же, как и я. Но создать армию мы не можем только через посредство административного механизма, который у нас, пока что, в высшей степени плох. Если у нас есть могущественный механизм, то это механизм идейный, этот механизм — наша партия. Она и будет создавать армию, товарищи, и сделает все, чтобы искоренить предрассудки, о которых я говорил, поможет нам пополнить кадры революционной армии боевыми и преданными рабочими и крестьянами, приложит руки к тому, чтобы провести на заводах, фабриках и деревнях обязательное военное обучение, и создаст, таким образом, боевой аппарат защиты Советской Республики.

Внутренние и внешние задачи Советской власти.

Лекция, прочитанная в Москве 21 апреля 1918 г.

Товарищи! Коммунистическое учение имеет одной из своих самых важных задач достигнуть такого положения на нашей старой, грешной земле, при котором люди перестали бы стрелять друг в друга. Одна из основных задач коммунизма — сводится к установлению такого порядка, при котором человек впервые стал бы достоин своего названия. Правда, мы привыкли говорить, что слово «человек» звучит гордо. И у Горького в одном произведении сказано: «человек — это звучит гордо». Но, на самом деле, стоит оглянуться на прожитые годы кровавой бойни, чтобы захотелось сказать: «человек — это звучит постыдно».

И вот, создать такой строй и порядок, при котором не было бы нынешнего взаимоистребления народов, есть простая и ясная задача, которую ставит перед нами учение коммунизма. Но, в то же время, товарищи, вы видите, что коммунистическая партия, борющаяся за осуществление этой задачи, создает Красную Армию, призывает массы организоваться по военному и вооружаться. И кажется, на первый взгляд, что тут есть глубокое противоречие: с одной стороны, мы стоим за создание условий, при которых один человек не отнимал бы у другого самого дрвгоценного достояния его, т. е. жизни, и это составляет одну из главнейших задач нашей пвртии, мировой партии рабочего класса; с другой стороны, мы призываем рабочих в Красную Армию и говорим: «вооружайтесь, объединяйтесь, стрелять учитесь, и усердно, хорошо учитесь, так, чтобы маху не давать!...»

Повторяю, — может казаться, что тут что-то неладно. И, действительно, в прошлом были социалисты, которые к своим целям шли другими путями, пускали в ход другие способы; эти социалисты, вместо того, чтобы обратиться к угнетенным с призывными словами: «объединяйтесь, вооружайтесь», обращались к угнетателям, эксплоататорам и насильникам со словами смиренной проповеди и увещания: «разоружайтесь, перестаньте истреблять себе подобных, перестаньте угнетать». Наивные! Они обращались к волкам с советом положить на полку волчьи зубы. Эта проповедь ранних социалистов и коммунистов была крайне наивна, как ошибочны были их взгляды, почему и неспроста современный научный социализм прозвал их *утопистами*. Конечно, все это не мешало тому, что

стремления утопистов были в высшей степени благородны. Идеи утопистов приводят на память великого писателя и человека нашей страны — Льва Николаевича Толстого, который тоже стремился к установлению лучшего строя на земле, но думал, что этого можно достигнуть путем внутреннего перерождения угнетателей. Возможно ли это? Тут мы подходим к корню вопроса.

Опыт человечества, вся история его отвергает политику утопического и толстовского пацифизма. Угнетателям передаются по наследству, из поколения в поколение, их угнетательские взгляды, чувства и стремления; они с молоком матери впитывают стремление к власти, к угнетению, к господству и считают, что все остальные люди, трудящиеся массы, созданы только для того, чтобы служить опорой и фундаментом для господства небольшой группы привилегированного сословия, которое рождается, так сказать, со шпорами на ногах, чтобы сидеть верхом на спине трудового народа.

Да, мы стремимся к созданию коммунистического строя, при котором не будет вражды класса с классом, потому что вовсе не будет классов, при котором не будет вражды народа с народом, ибо народы будут жить не порознь, отделенные друг от друга государственными перегородками, а на одной общей земле, занимаясь общим делом. И в целях наших мы сближаемся с нашими предшественниками, — с утопистами. Но стремясь к подобному строю, мы поступаем иначе, чем они, и это нас разъединяет с ними, — не в целях, а в средствах. Мы говорим, не эксплоататорам, а трудящимся: «до тех пор, пока коммунистический строй не достигнут, помните, что вы являетесь единственной силой, которая способна его осуществить. И помните (а мы в России слишком хорошо знаем это по опыту), что господствующие классы всего мира на пути к нему вам без боя ни одного вершка не уступят; что они будут цепляться за свои привилегии и барыши, за свое господство зубами, когтями до последнего вздоха; что они будут стараться вносить в ряды самого рабочего класса смуту, хаос, раздор, — и все для того, чтобы удержать свою власть».

И твердо руководствуясь тем, что без кровавой борьбы изменить социальных отношений нельзя, мы в России сделали первый шаг к коммунизму именно тем, что низвергли политическое господство буржуазных классов и установили политическое господство трудящихся классов. Это уже, само по себе, есть большая победа, которой мы достигли. Буржуазия у нас власти не имеет: ее имеет рабочий класс. Обладая таким политическим преимуществом, он может бороться за осуществление своих основных задач.

Таким образом, вопрос о власти имеет первостепенное значение. Говорить, что Советская власть, как таковая, плоха, значит — вызывать у рабочего класса недоверие к себе самому. Пролетариат при советской системе может установить, какую ему нужно власть, и ответственность за нее лежит на нем. Та власть, которая есть в Петрограде, в Москве и в других горо-

дах, поскольку она создана рабочими, ими же может быть сменена. Рабочие могут, когда им угодно, созвать Всероссийский Съезд Советов, переизбрать на нем Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров, могут переизбрать местные Советы.

Советы — есть власть рабочего класса и беднейшего крестьянства, составляющих фундамент, на котором эта власть стоит.

И при всем этом нам говорят: «почему вы этой власти не установите на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, в виде Учредительного Собрания? Ведь вы сами стояли за Учредительное Собрание?» Правильно, стояли! Мы всегда считали, что Учредительное Собрание куда лучше, чем царский строй, чем самодержавие, чем господство Плеве, столыпинских хищников, дворянства. Из двух зол мы выбирали для рабочего класса меньшее.

Однако, разберемся в том, что такое Учредительное Собрание, что такое всеобщее избирательное право, посредством которого оно избирается? Это — опрос всего населения, всеобщая перекличка — кто чего захочет? Все население в стране призывается, — и трудящиеся — угнетенные, и эксплоататоры — угнетатели, и слуги эксплоататоров из среды интеллигенции, которая в подавляющем своем большинстве связана душой своей с буржуазией и служит ее целям, — все призываются сказать через посредство всеобщего избирательного права, чего они хотят в области политики. И если бы Керенский созвал Учредительное Собрание, скажем, в марте или апреле прошлого года, — это было бы известным шагом вперед, — когда царь был только что свергнут, бюрократия опрокинута, власть еще находилась не в руках рабочих, а принадлежала Гучковым, Милюковым и проч.; но и тогда, если бы путем Учредительного Собрания спросили рабочих и крестьян: «чего вы хотите, русские трудящиеся люди?», то все равно ответ со стороны их представителей в Учредительном Собрании получился бы прямо противоположный тому, какого хотела буржуазия и ее слуги, стоявшие в то время у власти. Ведь, революция в том и состоит, что угнетенные низы подымаются против угнетательских верхов. Разумеется, для Крестовниковых, для Рябушинских, революция как раз и хороша, если царя сбросили, заменили старых министров новыми — и дело с концом. Для нас же сущность революции в том, что революция пробуждает и поднимает загнанные, затравленные, обиженные народные массы, которые изо дня в день страдали без просвета, без передышки, как волы подъяремные. Революция пробуждает их и указывает им, что они являются, по своему положению в обществе, не чем иным, как скотом, как рабами других классов. Вот это и есть революция! И потому она не останавливается на том, что свергла царя и прогнала пару его министров. Если же она остановилась на этом, то это не революция, а, с позволения сказать, выкидыш. Это — ложные исторические роды. Настоящие же, здоровые исторические роды революции бывают тогда, когда рабочий класс, поднявшись, берет в стране

в свои руки всю власть, а затем пускает ее в ход, чтобы установить новый порядок, при котором нет эксплоатации одного класса другим, при котором все средства производства, все богатства страны находятся в руках или на учете рабочего класса. Тогда рабочий класс действует, как хороший хозяин в хорошем отдельном хозяйстве, — в сельско-хозяйственной экономии: он знает, сколько у него земли, семян, сколько племенного скота, хозяйственного инвентаря, какую полосу ему нужно засеять в данное время, — все это он знает, все это у него записано и подсчитано. Но это — частное отдельное хозяйство. Рядом с ним ведутся другие хозяйства и друг с другом конкурируют. Это капитализм.

Мы хотим, чтобы рабочий класс, как одно целое, стал хозяином по отношению ко всей стране, чтобы он мог знать, сколько у него земли, природных богатств, руды, угля, сколько машин, сырых материалов, рабочих рук, зерна, — чтобы все это можно было точно учесть и планомерно распределить для работы. Именно, как хороший хозяин, должен работать пролетариат: он сам работник, он сам и хозяин. И вот такая товарищеская трудовая артель, охватывающая целую страну, — есть коммунистическое хозяйство.

Такие планы называют утопией! Наши враги говорят, что этого хозяйственного переворота никогда не будет. Но так говорят или те, кому он не выгоден, или те, кто свою душу продал господствующему классу. Для них, конечно, коммунистическое хозяйство «неосуществимо». Мы же утверждаем, что, если бы люди не были пригодны для коренного переустройства своего общества, не сумели бы осуществить коммунизма, то все человечество не стоило бы выеденного яйца: оно существовало бы всегда, как подъяремный скот, оно было бы хуже скота, потому что скот не знает разделения на классы, среди скота нет господства одного вола над другим волом, одной лошади над другой лошадью. Нет, человечество способно, оно должно улучшить свое существование. Мы прошли через школу борьбы классов именно для того, чтобы уничтожить самые классы и подняться на высшую ступень существования. Но с классовым разделением нужно бороться — и долго, ибо сразу его уничтожить нельзя.

И если бы оказалось, что мы не справимся с теми испытаниями, которые обрушились на нас теперь, когда мы взяли власть, что своей задачи мы не разрешим, то, стало быть, все наши надежды, ожидания, планы, науки и искусства, все, чем интересуются люди, идеалы, во имя которых они борются, — все это — ложь, и человечество есть не что иное, как навозная куча; особенно после четырехлетней бойни, в которой люди истребляли друг друга десятками тысяч, миллионами, для того только, чтобы оставить все на старом месте!

Мы и сами говорим нашим врагам, критикующим нас: мы прекрасно знаем, что мы еще не дошли до коммунизма, что еще большая дорога впереди, и много нужно труда и напряжения. Все же пока мы сделали одно — политическую подготовку. Когда нужно строить новое здание на

месте пожарища, то предварительно сметают, убирают долой старый мусор и пепел. Мы отняли у буржуазии власть, чтобы строить здание нового общества. Эту власть мы к рукам прибрали и заявляем всем нашим врагам, что власть эту рабочий класс из рук не выпустит никогда, ибо речь идет не о самой власти, а о будущем человечестве, о создании нового мира на новых коммунистических началах.

Вот какая исполинская работа, какая коренная ломка связана в нашем представлении с революцией. И когда ее ставят в зависимость от Учредительного Собрания — это смешно. В этом, подумав, нетрудно убедиться.

Я возвращаюсь к этому важному соображению. Что такое вообще всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право? Это только опрос, перекличка. Что, если бы мы попробовали сделать эту перекличку через Учредительное Собрание? Часть решила бы в одну сторону, часть — в другую. А нам нужно что-нибудь делать — общественные нужды не ждут. А раз так, то, очевидно, что две эти враждебные части разошлись бы на разные стороны, — каждая для борьбы за интересующее ее дело. Для переклички Учредительное Собрание и годится. А для революционной, творческой работы, — не годится. Ведь мы, все таки, такую перекличку произвели и без Учредительного Собрания. В начале Милюков, а затем Керенский из месяца в месяц оттягивали созыв Учредительного Собрания. И когда оно, наконец, было созвано нами после октябрьского переворота, созвано в резко изменившихся политических условиях — оно оказалось вредным тормозом. А чем было бы Учредительное Собрание теперь, если бы его труп оживить, хотя нет в мире такого медикамента и такого чародея, которые могли бы это сделать? Допустим, что Учредительное Собрание мы снова созвали. Что это значило бы? В одном углу — левом — сидел бы рабочий класс, т. е. его представители, которые сказали бы: «мы хотим, чтобы власть, наконец, стала орудием господства рабочего класса и уничтожения всякого гнета и всякой эксплоатации». В другом углу сидели бы представители буржуазии, которые потребовали бы, чтобы власть попрежнему оставалась в руках буржуазного класса. Без сомнения, они при этом выражались бы осторожно и вежливо, говоря окольно «образованного класса», не говоря прямо «буржуазного класса», но, по существу, дело сводится к тому же. А по серединке стояли бы те политики, которые обращаются и налево, и направо. Это представители меньшевиков и правых эс-эров, они сказали бы: «надо власть поделить пополам» [16]. Вот что вышло бы из этого ненужного опыта. Так, в действительности, и было в день 5 января 1918 г. — в единственный день жизни Учредительного Собрания.

Но, товарищи, ведь, власть вообще не каравай хлеба, который можно поделить пополам, или разделить на четыре части. Власть есть инструмент, при помощи которого известный класс утверждает свое господство. Либо этот инструмент служит рабочему классу, либо он служит против рабочего класса. Тут нет выбора. Раз есть два врага — буржуазия и про-

летариат и с ним беднейшее крестьянство, — и раз эти два врага друг с другом борются, то у них, разумеется, не может быть одного общего орудия. Ведь, не может быть, чтобы одна и та же винтовка или пушка служили одновременно и одной, и другой из борющихся армий. Так и государственная власть может служить либо рабочему классу против буржуазии, либо, наоборот, буржуазии против рабочего класса. Те же, которые стоят посредине и говорят, что нельзя ли как-нибудь власть пополам поделить, — это не более как маклеры, посредники, и хотя они клянутся, что имеют в кармане секрет, посредством которого можно устроить так, что пушка государственной власти будет служить одновременно и рабочему классу, и буржуазии, — история таких чудес не знает. Наоборот, когда такие секреты раскрывались в политике Церетелли и Чернова, то мы убеждались, что их пушка стреляла в одну лишь сторону — против рабочего класса. Разумеется, возвращаться к этому у нас нет никакого желания, никакого стремления.

Да, мы были при царизме за Учредительное Собрание, как за большой шаг вперед. Когда же народ опрокинул царя и разбился на два лагеря, методы борьбы изменились, и мы сказали массам: «теперь делайте дело вы; теперь нужно, чтобы власть взял тот класс, который призван перестроить Россию на новых, социалистических началах — рабочий класс». И этим мы нисколько не обманывали ни его, ни себя. Мы говорили, что на пути будут огромнейшие затруднения, колоссальные препятствия, страшное сопротивление вражеских классов, — не только русской буржуазии, которая сама по себе слаба, но и буржуазии международной, потому что русская буржуазия есть не что иное, как отпрыск буржуазных классов всех стран. И пусть между ними сейчас происходят войны и столкновения, они все же между собой совершенно солидарны в основном и главном, — в отстаивании собственности и всех связанных с нею привилегий.

В России среди господствовавших классов, в среде помещиков, в среде крупной и мелкой буржуазии, мы наблюдали еще не так давно, до революции и в начале ее, целый ряд партий. Там были правые — открытые черносотенцы, националисты, октябристы, октябристы-земцы, левые октябристы, прогрессисты, кадеты и т. д., целая туча партий [17]. Откуда они? А это разные группы собственников. Одни отстаивают интересы крупного землевладения, другие — интересы среднего и мелкого землевладения, те — интересы банковского капитала, эти — интересы фабрично-заводского капитала, другие — интересы дипломированной интеллигенции — профессоров, врачей, адвокатов, инженеров и проч., и проч. И среди самой буржуазии, внутри имущих классов вообще, есть свои группировки, свои разделения, свои партии. Но когда революция наша подняла на ноги рабочий класс, тогда буржуазия вся объединилась, все партийные перегородки исчезли, осталась одна кадетская партия, которая обняла все имущие классы, весь священный лагерь собствен-

ников, объединив его в борьбе за собственность против трудящихся классов.

То же самое в известном смысле происходит, товарищи, и с международной буржуазией. Она ведет страшные кровопролитные войны, но как только поднимается революционный класс, пролетариат, который угрожает самым основам капитализма, сейчас же буржуазные классы разных стран идут на взаимные уступки, чтобы создать совместно единый лагерь против надвигающегося страшного призрака революции. И до тех пор, пока международная революция не победит, мы должны быть готовы пройти через величайшие затруднения, через напряженную борьбу и внутри нашей страны, и на рубежах ее, потому что, чем дальше и больше будет развиваться революционное движение и у нас, и за рубежом, тем теснее будет сплачиваться буржуазия всех стран. Сама Европа пройдет через величайшие испытания, через огонь и пламя гражданской войны, и русская буржуазия сделает еще не одно кровавое усилие, опираясь на буржуазию европейскую и мировую. Все это заставляет нас говорить: «Да, мы идем к миру, но путем вооруженной борьбы трудящихся масс против угнетателей, против эксплоататоров, против империалистов всех стран. По этому единственно возможному пути мы или пройдем до конца, или погибнем. Выбирать нам не дано, и в этом нам надо отдать себе ясный отчет!»

Конечно, тот, кто думает, что только одним голым завоеванием власти мы достигли всего, не имеет ясного представления, каковы наши задачи и каковы пути их осуществления. История не снисходительная и мягкая мать, которая покровительствует рабочему классу; она — злая мачеха, которая на кровавом опыте учит рабочих, как добиваться своих целей. Рабочий люд легко отходчив, забывчив; стоит чуть-чуть условиям борьбы стать полегче, стоит чего-нибудь достигнуть, как ему кажется, что главная работа сделана, и он склонен к великодушию, к пассивности, к прекращению борьбы. В этом и есть несчастье трудящихся. Между тем, имущие классы борьбы не прекращают никогда. Они воспитаны в постоянном сопротивлении натиску рабочих масс, и пассивность, нерешительность, колебание с нашей стороны приводят к тому, что мы открываем свое больное место для ударов имущих классов, так что завтра или послезавтра на нас будет неизбежно произведен их новый натиск. Рабочему классу нужно не всепрощение, которое проповедывал Толстой, а твердый закал, непримиримость, глубокое убеждение, что без борьбы за каждый шажок, за каждый вершок на пути к улучшению своей судьбы, что без этой постоянной, непримиримой жестокой борьбы и без организации этой борьбы не может быть спасения и освобождения.

Именно потому в ряды коммунистической партии мы зовем, прежде всего, рабочих, которые прониклись ясным пониманием задач, поставленных историей рабочему классу, а затем — всех преданных и надежных друзей его. Тот, у кого в душе есть сомнение или колебание, пусть остается

вне наших рядов. Для нас гораздо более ценно иметь одного закаленного борца, чем десять нерешительных, потому что, при возникновении борьбы, десять нерешительных окружат одного решительного и будут его удерживать; если же более решительные, сплотившись в одну дружину, ринутся в бой на неприятеля, они увлекут за собою и колеблющихся. Поэтому мы зовем в ряды нашей армии только тех, которые ясно поняли, что мы вступили на путь длительной, непримиримой борьбы против угнетателей всех стран, идущих против нас. Среди нас не место соглашателю, который стоял бы посредине между теми и другими и звал бы к примирению. Соглашательство есть ложь. Никогда буржуазия не отдаст добровольно своего господства и власти, а пролетариат никогда уж по доброй воле не будет более у нее в рабстве.

Главная задача коммунистической партии, руководящей советами — органами власти,—заключается в достижении того, чтобы каждый трудящийся, каждый рабочий человек получил крепкий духовный закал, чтобы он сказал себе: «да, разумеется, в борьбе, которая идет в настоящее время, мне, может быть, придется и погибнуть. Но что такое рабская жизнь без просвета, под пятой угнетателей, по сравнению с славной смертью борца, который свое знамя передает новым поколениям, и который умирает с сознанием, что он погиб не за интересы угнетателей — царей и богачей,—а за интересы собственного класса?»

Мы должны научить товарищей жить и умирать за интересы рабочего класса и быть ему верным до последней минуты. Вот к чему мы зовем вас!

Наша революция непосредственно выросла из войны. Война же выросла из капитализма. Мы предсказывали задолго до войны, что борьба буржуазии одной страны с буржуазией другой страны за барыши и за рынки, сопровождаемая колоссальным ростом вооружений, должна кончиться страшной катастрофой. В настоящее время буржуазия Германии говорит, что в возникновении войны виновата английская буржуазия, а последняя обвиняет в том же германскую. Как клоуны лбами перебрасывают друг другу мячи, так и буржуазия воюющих стран сваливает одна на другую ответственность за эту кровавую бойню. Но, предсказывая неизбежность войны, мы в то же время понимали, что неизбежность ее вытекала не из воли одного или двух королей или министров, а из самого существа капиталистического строя. Эта война есть экзамен всему капиталистическому строю, всей хозяйственной, политической и нравственной системе его. Вот почему, когда началась война, мы говорили, что она повлечет за собою грозное революционное движение среди трудящихся масс не одной только России.

Мне пришлось быть во время войны в целом ряде стран. В начале я был вынужден покинуть Австрию, чтобы не быть там захваченным в плен [18]. Затем я жил в Швейцарии, которая, как известно, находится в углу между Германией, Австрией, Италией и Францией. Вслед за этим

мне пришлось провести около двух лет во Франции и отсюда перебраться в Америку, как раз тогда, когда Северо-Американские Соединенные Штаты готовились вмешаться в войну. И везде я наблюдал одно и то же: война в первое время оглушает трудящиеся массы, обманывает их, вводит в заблуждение, а затем революционизирует их, толкает на протест и возмущение — сначала против самой войны, затем против того строя, который приводит к войне. Почему война сначала поднимает патриотическое настроение трудящихся масс? А потому, что, несмотря на то, что в стране есть парламент, социалистические партии и даже коммунисты, вокруг них есть еще миллионы тружеников, которые не живут духовной и общественной жизнью. Наше главное несчастие в том, что есть еще миллионы тружеников, живущих автоматически. Они работают, едят и спят, причем в обрез спят и в обрез едят, а работают свыше сил своих, и при этом думают только о том, как бы свести концы с концами. Их кругозор ограничивается только этим; их ум, мысли, совесть дремлют в обыкновенный период, и время от времени они от тоски и сознания безвыходности положения тянут по праздникам сивуху. Таково часто существование рабочего — трагическое и страшное. Такова трагически-страшная судьба многих и многих миллионов тружеников; на нее обрекает их система капитализма. Да будь она проклята — эта система — именно за то, что она обрекает тружеников на такую страшную жизнь!

Но вот возникает война, народ мобилизуют, он выходит на улицу, одевается в солдатские шинели. Ему говорят: «пойдем на врагов, победим и после этого все переменится». И у масс зарождаются надежды. Люди отходят от сохи, от станка. В мирное время, может быть, человек под бременем своей житейской ноши ни о чем и не думал бы, как вол подъяремный, а тут он поневоле начинает соображать: вокруг сотни тысяч солдат, все возбуждены, военная музыка играет, газеты возвещают великие победы, и ему начинает казаться, что жизнь, действительно, пойдет иначе, а иначе—значит: лучше... Потому, что хуже уже не может быть. И он начинает себя убеждать, что война—это освободительное явление, которое даст ему что-то новое.

Поэтому в первый период войны мы и наблюдали во всех странах без исключения патриотический подъем. В этот момент буржуазия становится сильнее. Она говорит: «весь народ со мной». Под знаменами буржуазии идут труженики полей и городов. Все как будто сливается в одном национальном порыве. Но затем война все более и более истощает страну, обескровливает народ, обогащает кучки мародеров, спекулянтов, военных поставщиков, дает чины дипломатам и генералам. А трудящиеся массы становятся все беднее и беднее. Для кормилицы, жены, матери, работницы каждый день все труднее и труднее разрешить острый вопрос — чем накормить детей? И это производит стихийную революцию в умах трудящихся масс. Сперва их война поднимает, заронив в них ложные надежды, а потом, подняв, бросает оземь, так что у рабочего класса трещит

позвоночник, и он начинает задумываться, откуда все это происходит, что все это значит?

Однако, буржуазия не глупа, — в этом ей отказать нельзя: она предвидела с самого начала войны опасность и с помощью своих ретивых генералов сдерживала революцию до тех пор, пока было возможно.

Уже в первые годы нынешней войны, когда казалось, что дурман патриотизма отравил всех людей, мне в Париже приходилось беседовать с буржуазными политиками, и они говорили шепотком, что, в результате этой войны, вспыхнет великая революция, но они надеялись с нею справиться. Буржуазные газеты и журналы (например, английский журнал «Экономист» за август—сентябрь или октябрь 1914 г.) предвидели, что, в результате войны, в странах, втянутых в нее, будет социально-революционное движение. Они понимали всю неизбежность этого и были совершенно правы, как правы были и мы, когда говорили, что в России война неизбежно приведет к революции, и что, если революции в России суждено дойти до конца, то она приведет к власти рабочий класс.

При этом мы учитывали особенности развития России. В России капитал создался с помощью финансового капитала Западной Европы, и это обстоятельство создало особые условия в ходе развития русской революции. Если возьмем Францию, то там крупный промышленный капитал развивался постепенно, в течение долгих веков. В средние века господствовало ремесло, были мелкие предприятия, цехи, гильдии; потом понемногу развились крупные и средние предприятия, затем французская биржа потянула за собой целый хвост средних и мелких предприятий. Во Франции даже мелкая буржуазия имеет политическое влияние.

А как обстоит дело у нас с политическим влиянием буржуазии?

Финансовый капитал других стран — Франции, Германии, Англии и т. д.—вторгнулся к нам и создал колоссальные заводы, и как-то сразу, на пустом месте, где-нибудь в Екатеринославской губ., на юге и юго-западе. Там, среди степей и хуторов, имеются колоссальные предприятия, точно так же, как в Петрограде, Москве и других крупных городах. Западный капитал переносил сюда целые фабрики и заводы, насаждая сразу крупные предприятия. У нас вообще никакая буржуазия, ни крупная, ни мелкая, если не считать крестьянства,—а в нашем крестьянстве много полупролетарского элемента, беднейших голодающих масс, — влиянием не пользовалась.

Главный вопрос вспыхнувшей революции сводился к тому, за кем пойдет беднота? За буржуазией, ее обманывающей, дающей ложные надежды, или за рабочим классом? В этом был весь вопрос. Не о Чернове шла речь, не о Церетелли или Керенском, не об этих маклерах и посредниках. Речь шла о том, пойдет ли за рабочими крестьянская беднота, и кто перетянет к себе малоимущее крестьянство — рабочий класс или класс буржуазии? Теперь мы можем сказать положительно, что вопрос на три четверти уже решен, благодаря советам рабочих депутатов. Можно сказать, политика

буржуазии, ее влияние в деревне рухнули почти целиком; и нельзя сомневаться, что деревенская беднота пойдет за рабочим классом, пойдет тем решительнее, чем сильнее, чем сознательнее становится городской пролетариат, и чем тверже и полнее будет господство рабочего класса. Пролетариат городской представляет у нас меньшинство населения. Подавляющее большинство населения — крестьянство. Стало быть, если деревенские массы, крестьянские низы не поддержат рабочего класса, то последний не сможет удержаться у власти. Но эту поддержку крестьянства рабочий класс получит, ибо он борется не только за себя, но и выступает, как прямой защитник крестьянских масс, и является борцом за интересы широких народных слоев. Он явится, в подлинном смысле слова, героем народным, если сможет и сумеет эту свою историческую роль выполнить до конца.

В революциях, в которых командовала буржуазия, она вела за собою крестьянские массы. Так было во время Великой Французской революции, во время революции 48 года [19], в старой тогдашней Германии; — так обстояло дело сплошь во всех революциях XVII и XVIII столетий. Так было всегда до русской революции. У нас же произошла разительная перемена, колоссальнейший сдвиг вперед: рабочий клас впервые сбросил с себя опеку и духовное превосходство буржуазии, стал твердо на ноги и, кроме того, выбил из под ног буржуазии крестьянскую твердь и повел крестьянские массы за собою. Это — нетленное завоевание русской революции. Это — оплот русской революции. Мы обязаны этим Советам, как центрам борьбы с буржуазией и как органам массового объединения крестьян и рабочих.

Поэтому Советы рабочих и крестьянских депутатов вызывают ненависть буржуазии всех стран.

Февральская революция застала меня в Америке. Когда в Нью-Йорке получились из России первые газеты с известиями о событиях, американская буржуазная пресса отнеслась к нашей революции очень сочувственно. В то время, ведь, сообщалось, что Николай II вел переговоры с Германией о мире. Америка же собиралась вступить в войну, и через три недели вступила в нее. Русские газеты сообщали, что царь отрекся, что составлено министерство Милюкова и Гучкова—именно для продолжения войны. Все это вызывало сочувствие всей буржуазной прессы. Когда же, вслед за этим, появились известия о том, что в Петербурге образовался Совет рабочих и солдатских депутатов, у которого начались столкновения с Милюковым и Гучковым,—а, ведь, это был только соглашательский совет Керенского и Чернова,—газеты сразу тон изменили.

Первые конфликты и столкновения между советами и правительством стали наблюдаться уже тогда, хотя рабочие и шли за соглашателями; рабочий классовый характер совета под напором снизу неминуемо проявился и в дни расцвета соглашательства. Соответственно этому, в буржуазной печати во всех странах обозначился резкий поворот против русской революции. Вся капиталистическая пресса взволнованно предупреждала

Милюкова и Гучкова, что, если советы окончательно утвердятся и возьмут в свои руки власть, то это создаст серьезную опасность для России и даже для всего мира. А так как мы, товарищи, в то время на рабочих собраниях жестоко критиковали Милюкова и Гучкова и их политику и предсказывали неизбежность того, что Советы рабочих и солдатских депутатов возьмут в свои руки власть, то буржуазная печать писала, что мы направляемся в Россию с целью захватить власть в руки темных банд. Дело дошло до того, что нас, небольшую, в шесть человек, группу эмигрантов, возвращавшихся в Россию, английский военный корабль взял в плен в Канаде. Здесь нас держали вместе с немецкими матросами и обвиняли в том, что мы ехали в Россию свергать власть Гучкова и Милюкова и насаждать власть Советов рабочих и солдатских депутатов.

Все это происходило в марте 1917 года, т. е. в первый месяц революции. Английская и американская буржуазия уже в тот момент чувствовала, что власть Советов означает для нее колоссальную опасность. Наряду с этим, американским рабочим становилось все яснее, что русская революция не есть повторение старых революций, при которых одна верхушка сменялась другой, но обе верхушки сидели одинаково на спине рабочего класса; они начинали сознавать, что это такая революция, в которой низы поднимаются наверх, чтобы перестроить общественное здание. И чем сознание это становилось яснее, тем горячее сочувствовали они нашей революции, тем более разгорался их энтузиазм. И если наша революция не вызвала с такой скоростью, как мы думали в первые дни, непосредственного отклика во всех странах в виде революционного движения в Германии, во Франции и Англии, то вина за это, в значительной мере, падает на наших рабочих, которые поддерживали политику соглашателей и скомпрометировали этим вначале русскую революцию в глазах рабочего класса всех стран.

Многие вожди трудящихся масс за рубежом надеялись, что русская революция тотчас же приведет к заключению всеобщего мира. И так велика была в то время уверенность в этом, что, если бы правительство Керенского и Милюкова или другое правительство, которое было бы на их месте, обратилось тогда же ко всем народам с предложением немедленного заключения мира, то порыв рабочих масс и армий в сторону мира был бы колоссальный. Но, вместо того, Временное Правительство шаг за шагом поддерживало политику старых царских дипломатов и даже не опубликовывало тайных договоров; оно подготовляло новое наступление на фронте, которое осуществилось 18 июня и закончилось страшным кровавым разгромом и отступлением.

Рабочие массы во всех странах, ожидавшие, что русская революция подымется во всем своем величии и научит чему-то новому, вынуждены были сказать себе, что ничего нового она с собой не принесла, что все осталось то же самое, что было и раньше — те же самые союзники, та же самая война, то же самое наступление, во имя тех же самых старых гра-

бительских целей. А буржуазия во всех странах умело и хитро воспользовалась этим, чтобы подмочить, так сказать, репутацию русской революции, запятнать ее. Буржуазная печать писала: «вот, в чем революция! Только свергают одно правительство и заменяют его другим, и новое правительство заявляет, что другой политики и не может быть. Стало быть, незачем и свергать старые правительства, раз новое правительство делает то же самое». Значит, революция есть легкомыслие, пустая затея, пустая иллюзия. И проник в душу рабочих холод к русской революции.

Наступление Керенского 18 июня было самым тяжелым ударом и по рабочему классу во всех странах, и по русской революции. И если мы имеем теперь брест-литовский мир — тягчайший мир, то это есть последствие, с одной стороны, политики царских дипломатов, а с другой,— политики Керенского и наступления 18 июня. В брест-литовском мире повинны царские бюрократы и дипломаты, которые ввергли нас в страшную войну, расхищая народное достояние, обирая народ, которые держали в темноте и рабстве трудящиеся массы. С другой стороны, не меньшая вина лежит на соглашателях, на Керенских, Церетелли и Черновых, которые тянули лямку старой политики и дотянули до наступления 18-го июня. Первые — царские дипломаты — разоряли нашу страну материально, а вторые — соглашатели — разоряли нашу страну, сверх того, еще духовно.

Да, этот мир есть царский вексель, вексель Керенского и К°! Вот самое лютое преступление, которое наложило на рабочий класс огромную ответственность за грехи международных империалистов и их слуг. И, после всего, эти самые люди являются к нам и говорят: «вы подписали Брестский договор!» Да, подписали, стиснувши зубы, сознавая свою слабость. Разве есть что-нибудь стыдное в том, что мы слишком слабы, чтобы разорвать веревку, которая затянулась вокруг нашей шеи? Да, мы согласились на мир с германским империализмом, как голодный рабочий, стиснув зубы, идет к кулаку-хозяину и за полцены продает свой труд и труд своей жены, ибо нет другой возможности жить и существовать. В таком же положении оказались и мы сейчас, будучи вынуждены подписать ужаснейший, позорнейший мир [20]. Повторяю, этим миром мы подводим итоги преступной работы международного империализма и его слуг — соглашателей. Мы платим по векселю, на котором ясны подписи: Николай II, Милюков и Керенский.

Но, товарищи, это отнюдь не значит, что, если мы нашли виновника, нашли исторические причины своей слабости, то на этом можем и успокоиться! Нисколько! Да, мы слабы, и это есть наше главное историческое преступление, потому что в истории нельзя быть слабым. Кто слаб, тот становится добычей сильного. Утопической проповедью и высокими красными словами тут не спасешься.

Просмотрим под этим углом зрения всю Европу. Вот маленькая Португалия, — она не хотела воевать, но Англия заставила ее. Бедный, маленький народ в два с половиной миллиона душ воевать не хотел, но его

заставили. Что такое Португалия? Это — вассал, раб Англии. А Сербия? Германия раздавила ее! Турция — союзница Германии. А что такое Турция сейчас? Турция сейчас тоже раба Германии. Греция! Кто ее заставил пойти на войну? Союзники. Она — небольшая, слабая страна не хотела этого. Но союзники втянули ее в войну. Румыния также не хотела вступать в войну — народные низы особенно не хотели ее, однако, и эту страну вовлекли в войну союзники. Все перечисленные страны теперь являются рабами Германии или Англии. Почему? Потому что они слабы; потому, что малы. А Болгария? Она колебалась, народные массы не желали воевать, но Германия принудила воевать и Болгарию. А что такое ныне Болгария? Она не имеет ни своей воли, ни своего голоса; она так же, как и другие, рабыня Германии. Австро-Венгрия — большая страна, союзница Германии и, так сказать, победительница. Но каково положение Австро-Венгрии на деле? Австро-Венгрия — страна гораздо более бедная, чем Германия, истощенная еще в большей степени, и потому теперь она лишена самостоятельности, она тащится за Германией, а последняя отдает приказания австрийскому правительству. Почему? Потому, что Германия сильна. А кто силен, тот и прав, — вот в чем состоит мораль, право и религия капиталистических правительств.

А кто верховодит в лагере так называемых «союзников»? Англия! Кто подчиняется все время? Франция! Россия подчинялась обеим, потому что она беднее Англии и Франции. Стало быть, для нас должно было быть ясно с самого начала, что, чем больше будет тянуться война, тем больше Россия будет истощаться, и тем меньше останется на ее долю самостоятельности. В конце концов, мы неизбежно должны были оказаться под чьей-нибудь пятой: либо германской, либо английской, — ибо мы слабы, бедны, истощены. Казалось бы, нужно решать, чью пяту выбирать. Временное Правительство так вопрос и ставило и разрешило его в том смысле, что выбирало «союзников». Но мы действуем иначе, чем буржуазия. Мы говорили и говорим сейчас, что не хотим ни английской, ни германской пяты. Мы рассчитываем сохранить независимость, опираясь на сочувствие и революционность рабочего класса всех стран. Но, вместе с тем,— и именно потому, что надеемся на развитие революции в капиталистических государствах и в лагерях империализма, мы заявляем, что нам необходимо накапливать силы, вводить в нашей стране порядок, преобразовать наше хозяйство и создать вооруженную силу Российской Советской Республики, Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Создание армии есть главная задача, которая нам поручена историей. Мы ее разрешим, хотя к этому приступили только теперь.

Я сказал, что власть взял в свои руки рабочий класс, и что в этих руках она останется и не будет отдана никому. Это верно! Однако, власть для рабочего класса есть только инструмент, только орудие. И если я не умею применять это орудие, то зачем оно мне? Если я возьму, например, плотничий инструмент и не сумею пустить его в дело, зачем он мне?

Нужно, чтобы рабочий класс, взяв в руки государственную власть, научился на деле применять ее — и для организации хозяйства на новых началах, и для самозащиты. Некоторые говорят: зачем же вы брали власть, раз раньше не научились владеть ею? Этим умникам мы ответим: а как нам было учиться столярному ремеслу, если столярного инструмента в руках у нас не бывало? Чтобы научиться страной управлять, надо взять в руки правление, надо обладать государственной властью. Еще никто не учился верховой езде, сидя в комнате. Для того, чтобы научиться этому искусству, надо оседлать коня и сесть на него. Он, может быть, взовьется на дыбы и не раз и не два скинет неопытного ездока. Ну, что же, поднимемся, опять оседлаем, опять поедем, — и ездить научимся!

Не ясно ли, что те люди, которые говорят: «не надо брать власть», являются, по существу, защитниками интересов буржуазии? Они проповедуют: «рабочему классу не надо брать власть; это есть священное, наследственное право буржуазных, образованных классов; у них есть капиталы, университеты, газеты, у них наука, библиотеки — им и государственную власть в руки, а труженики, рабочие массы должны предварительно поучиться». Да где же поучиться? На заводе, на фабрике, среди каторжного повседневного труда? Нет-с, извините! Каторжный труд на заводах и на фабриках научил нас именно тому, что мы обязаны взять власть в свои руки. Этому мы там твердо научились. Это, и само по себе, тоже очень большая наука. Это — огромнейшая наука! Рабочий класс изучал ее на фабриках и заводах десятилетиями, в течение которых он проходил через каторжный труд, через расстрелы целых заводов, через ленскую бойню, и прошел через все это не даром, ибо, наконец, взял в свои руки власть. Теперь-то и будем учиться ее применять для организации хозяйства и порядка, — а их у нас нет пока. Создать их — главная наша задача.

Я сказал, что нам нужно взять всю страну на учет. Мы будем делать это через Советы рабочих депутатов и через их центральный орган — Центральный Исполнительный Комитет, и через Совет Народных Комиссаров. Теперь мы должны быть точны и расчетливы, как хорошие бухгалтеры. Нам должно быть точно известно, какое у нас есть имущество, сколько сырья, зерна, какие орудия производства, сколько рабочих рук и каких именно специальностей, и все это должно расположиться, как клавиши на рояле, чтобы каждый хозяйственный инструмент действовал так же правильно, как действуют клавиши; чтобы, например, в случае необходимости, в любой момент можно было передвинуть определенное количество металлистов из одного места в другое. Наш труд должен быть здоровый, целесообразный, но и напряженный. Каждый рабочий должен напряженно работать определенное число часов в сутки, а остальное время чувствовать себя свободным гражданином и культурным человеком.

Великая это задача и не простая. Надо много учиться для ее выполнения. Мы знаем, что сейчас у нас есть много заводов и фабрик, кото-

рые не нужны. В стране безработица и голод, потому что не все на своем месте. Есть заводы, которые вырабатывают то, в чем мы не нуждаемся, и — наоборот — есть заводы, которые изготовляют необходимое, но им не хватает материала, имеющегося как раз в другом месте. У страны есть колоссальные богатства, о которых мы не знаем, потому что война привела в расстройство все государство. В республике массы безработных, голодных и раздетых людей, а в то же время на интендантских складах мы обнаруживаем огромные запасы сукна, холста и солдатской одежды. Нами открываются иногда колоссальные продовольственные запасы, о которых мы и не знали. В деревнях кулаки сосредоточивают в своих руках миллионы пудов хлеба, как, например, и в Тульской, и в Курской, и в Орловской губерниях. Кулаки хлеба не отдают, и мы до сих пор не заставили их понять, что в таких делах шутить с ними не будем, так как здесь речь идет о жизни и смерти трудящихся масс. И если бы у нас теперь уже была налаженная организация, то, разумеется, никакой кулак не посмел бы хоронить от трудящихся голодных масс хлеба, и положение с продовольствием было бы гораздо лучше.

На железных дорогах, как везде, вообще много неурядиц, много злоупотреблений. Товарищи железнодорожники знают, сколько есть среди железнодорожного персонала, — главным образом, на верхах, но также и в низах, — лиц, которые торгуют вагонами, производят контрабандную отправку товаров и всяких продуктов, при чем нередко целые вагоны исчезают. Откуда эти непорядки? Это — наследие прошлого. Мы еще не воспитаны, как следует, а, с другой стороны, и война нас всячески расшатала. Все понятия спутались. Наблюдая все это, рабочий и говорит: «если в стране так плохо, то что же мне-то особенно стараться? Работаю я больше ли, меньше ли, лучше ли, хуже ли, — от этого дело не улучшится».

Товарищи, тяжелое состояние страны диктует нам необходимость создать перелом в настроениях и сознании рабочего и крестьянина. Они должны ясно представить себе, что в настоящее время дело идет не о защите интересов трудящихся от буржуазии. Раз мы имеем власть в своих руках, задача состоит в том, чтобы самим организовать хозяйство в интересах всего народа. Стало быть, надо навести трудовой порядок на заводах, на фабриках, всюду. Но что значит трудовой порядок? Трудовой порядок, революционная дисциплина, это — такой порядок, при котором каждый понимает, что для того, чтобы рабочий класс мог удержаться у власти и перестроить все хозяйство, чтобы мы шли не вниз, а поднимались вверх, чтобы страна победила разруху, необходим честный труд каждого на своем посту. В государстве должно быть, как в отдельной семье: если семья дружна, то каждый член ее работает для благосостояния всей семьи. А наша семья не маленькая: в ней дело идет о благосостоянии миллионов душ. И наше сознание должно внушать нам, что наша Советская Россия, наша рабоче-крестьянская республика есть одна огромная трудовая братская семья.

И если хотя один из ее членов ленится, зря растрачивает сырые материалы небрежно относится к работе, к инструментам, портит машины по невниманию или по злой воле, — он наносит ущерб всему рабочему классу, всей Советской России в целом, а, в конечном счете — рабочему классу всего мира. Еще раз утверждаю — создать сейчас трудовую дисциплину, твердый порядок — есть дело первейшей необходимости. И если мы сумеем установить такой порядок, при котором рабочие будут трудиться известное количество часов на заводе или на фабрике, а остальное время жить культурной жизнью, если у нас всякий на своем месте будет честно выполнять свой долг, — мы заметно приблизимся к коммунистическому строю. Вот почему необходимо проводить в жизнь твердую, железную, суровую дисциплину трудового порядка.

Это, товарищи, не та дисциплина, которая была при буржуазии и царе. Нам говорят некоторые из старых генералов, которых мы берем для работы под нашим контролем в Красной Армии: «может ли у вас быть, при ваших порядках, дисциплина? На наш взгляд не может быть!» Мы им отвечаем: «а при ваших порядках дисциплина была?» — Была! — Почему была? — Вверху был царь, были дворяне, а внизу был солдат, и вы этого солдата держали в дисциплине. Это не чудо! Солдат был рабом, работал на вас, служил вам против себя, стрелял в отца своего и в мать свою во имя ваших интересов, — и вы сумели установить дисциплину и долго держаться на ней в условиях закабаления народных масс. Мы же хотим, чтобы у нас солдат сражался и боролся за себя, чтобы рабочие работали для себя, и только во имя этого мы хотим провести трудовую дисциплину. При таком коренном отличии социального режима Советской республики от дворянской монархии, я глубоко убежден, что мы нужный порядок совместными усилиями создадим, как бы ни каркали черные вороны. Только знайте и крепко помните, что вне этого — крах и гибель неизбежны.

В настоящее время мы создаем Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. В Центральном Исполнительном Комитете Советов Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов уже принят закон об обязательном всеобщем воинском обучении, по которому в течение известных восьми или шести недель в год, по два часа в день, каждый гражданин обязан будет обучаться под руководством опытных инструкторов военному делу. В связи с этим, мы, товарищи, стояли перед вопросом: ввести ли обязательное обучение военному делу и для женщин? Этот вопрос разрешен так: мы оставили для женщин право обучаться военному делу в зависимости от их собственного желания. Мы хотим в этом отношении произвести опыт. Поэтому в проекте декрета сказано, что женщины, по их желанию, обучаются военному делу на тех же основаниях, что и мужчины. Но раз какая либо женщина поставила себя вровень с мужчиной, то она, в случае опасности для Советской Республики, по призыву Советской власти, должна будет стать под ружье так же, как и мужчина.

Одновременно мы создаем кадры Красной Армии. Эти кадры немногочисленны, они, так сказать, скелет армии. Но, ведь, армия сейчас это не те тысячи и десятки тысяч красноармейцев, которые находятся под ружьем, которым нужна дисциплина и выучка. Армия — это весь трудящийся народ, это — огромные резервы обучающихся рабочих в городах и на заводах и крестьян в деревнях. И когда нам будет грозить новая опасность со стороны контр-революции или набег империалистов, то кадровый скелет армии должен сразу покрыться массовой плотью и кровью, т. е. резервом обученных военному искусству рабочих и крестьян. Поэтому мы, с одной стороны, создаем Красную Армию, а, с другой, вводим всеобщее обучение для всех рабочих и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда. Такое ограничение пока вводится. Мы не хотим вооружать буржуазию. Сейчас мы не будем выдавать винтовок буржуазии, эксплоататорам, которые не отказываются от своих прав на частную собственность. Мы говорим: обязанность каждого без исключения гражданина в стране, где господствует рабочий класс, честно защищать ее, раз ей грозит опасность. Но буржуазия наша еще не отказалась от притязаний на власть. Она топорщится, она еще ведет борьбу, посылая своих агентов, меньшевиков и правых эс-эров, агитировать за Учредительное Собрание. Сейчас, пока эта буржуазия не отказалась от своих притязаний на государственную власть и господство в стране, до тех пор, пока она не почувствует, что мы окончательно изгнали самый буржуазный дух, мы ей в руки оружия не дадим. Однако, если понадобится, пускай буржуазия, которая не хочет итти в атаку, идет рыть окопы или выполнять какую-либо другую тыловую работу.

Мы не должны повторять ошибок старых революций. Я уже сказал, что рабочий класс слишком отходчив и легко забывает насилия дворянской власти, которая в течение столетий кабалила крепостных, грабила, истребляла, насиловала. Рабочий класс склонен к великодушию, к мягкости. Мы говорим ему: «Нет! До тех пор, пока враг не сломлен окончательно, на наших руках должны быть ежовые рукавицы».

Чтобы обучать Красную Армию мы привлекаем к работе бывших генералов. Мы, разумеется, выбираем из них тех, кто попорядочнее и почестнее. Кое-кто говорит: «как же так вы привлекаете генералов, но, ведь, это опасно?» Разумеется, все на свете имеет свою опасную сторону. Но, ведь, нам необходимы инструктора, которые знают военное дело. Конечно, мы открыто заявляем господам генералам: «новый хозяин в стране — рабочий класс; ему нужны инструктора обучать рабочих военному делу для борьбы против буржуазии».

Многие генералы в первое время разбежались, попрятались, как тараканы по щелям, надеясь, что, авось, господь как-нибудь пронесет: «Советская власть продержится неделю-другую и падет, и они, генералы, вернутся на старое генеральское положение». И с такой надеждой генералы тащились за буржуазией, которая тоже думала, что рабочий класс, взяв

в свои руки власть, подержит ее недельки две, пошалит и бросит. Но оказалось, что рабочий класс держит власть крепко и выпускать ее не собирается. И теперь вчерашние саботажники — генералы, инженеры, статистики, агрономы и т. д. постепенно выползают из щелей, как тараканы, и усиками так и шевелят, нащупывая почву: «нельзя ли с новым хозяином договориться?» Конечно, Советская власть от услуг специалистов науки и техники не отказывается; она говорит: «милости просим, господа инженеры; пожалуйте на завод, учите там рабочих управлять заводами. Рабочие это дело плохо знают; помогите им, поступайте на жалованье и на службу к ним — к рабочим. Вы до сих пор были на службе у буржуазии, теперь побудьте на службе у рабочего класса». Генералам власть говорит: «вы учились военному делу и хорошо учились, ведь, вы проходили курс военной академии. Военное дело — сложная наука, замысловатая работа, а особенно когда она направлена против немца, у которого величайшие машины убийства и истребления работают на славу. Сейчас нам надо подготовить себя в военной области, а для этого надо учиться; но чтобы учиться, нужны специалисты. Пожалуйте, господа специалисты, бывшие генералы и бывшие офицеры, мы отводим вам соответствующее место». Но едва дело до этого доходит, как некоторые товарищи начинают сомневаться: привлекать ли на службу генералов, как бы они не стали контр-революцию разводить? — Не знаю, может быть, кое-кто и захочет; весьма возможно, что кое-кто даже и попытается, но, как говорит пословица, «волков бояться, в лес не ходить».

Раз мы думаем строить армию, мы должны привлекать к этому делу специалистов. Попытаемся поставить старых генералов на службу. Если они будут честно служить, то им обеспечена наша полная поддержка. Многие из генералов (а со многими из них я уже разговаривал) поняли, что теперь новый дух в стране, что теперь все, кто хочет Россию оборонять, охранять, вводить в ней порядок, должны честно служить трудящимся. Я много людей видал в своей жизни и думаю, что умею отличать человека, который говорит искренно от человека бесчестного. Некоторые из генералов совершенно искренно заявляли, что поняли, что трудящиеся массы должны создать вооруженную силу, и они честно, не за страх, а за совесть хотят этому делу служить. Но для тех, которые вздумают использовать рабоче-крестьянское вооружение для контр-революционного заговора, у нас найдутся особые меры! Они прекрасно знают, что у нас есть свой глаз везде, и если бы они попытались использовать организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии на пользу буржуазии, то мы покажем им железную руку, покажем октябрьские дни. Они могут быть уверены, что по отношению к тем, кто наши организации будет использовать против нас, мы будем вдвойне беспощадны. Так что, товарищи, с этой стороны у меня нет больших опасений. Я считаю, что мы достаточно твердо стоим на ногах, что Советская власть достаточно прочна, и наши генералы в России не

смогут путем заговоров и предательства ее сломить, как не могли ее сломить калединцы, корниловцы или дутовцы. Опасность не здесь: она в нас самих — в нашей внутренней разрухе. Опасность также и во вне — в мировом империализме.

Для борьбы против внутренней разрухи мы должны установить суровую дисциплину, организовать твердый трудовой порядок. Каждая часть подчиняется целому. А против контр-революционных посягательств изнутри мы выдвинем организованную, обученную Красную Армию. Против же милитаризма и империализма других стран у нас, кроме того, есть, товарищи, надежный союзник: европейский рабочий класс, в частности, рабочий класс Германии. По этому поводу часто слышится: улита едет, когда-то будет. Это — главное возражение, которое нам делалось и при Милюкове, и при Керенском; делается оно и теперь. Мы на это можем сказать: да, европейская революция развивается медленно, гораздо медленнее, чем мы того хотели бы, но наша русская революция появилась когда? Триста лет господствовали Романовы, триста лет сидели на шее народа. Русское самодержавие играло роль жандарма по отношению ко всем странам, душило революцию у себя, душило всякое революционное движение в Европе; и везде все эксплоататоры считали, что у них есть твердый оплот—русский царизм. Само имя России было ненавистно для рабочих западных стран. Не раз мне приходилось и в Германии, и в Австрии, и в других странах убеждать рабочих, что есть две России: одна—Россия верхов — бюрократия, царизм, дворянство, другая — низов, которая постепенно подымается,—рабочая революционная Россия, для которой мы жертвуем всем. Но к моим словам относились скептически. «Где же она, спрашивали меня, эта вторая революционная Россия? В 1905 году революция показала себя и исчезла» [21]. На этом постоянно играли лже-социалисты, соглашатели — и германские, и французские. Они говорили, что в России прочно только самодержавие и буржуазия, что рабочий класс слаб, что на революцию в России надеяться нельзя и т. д., и т. д. Так говорили и обливали русских рабочих грязью те соглашатели, которые обманывали свой собственный рабочий класс. Но наш русский пролетариат, который пережил вековое рабство, гнет и унижение, теперь показал пример того, как может он подняться во весь рост, выпрямиться и обратиться к остальным трудящимся всего мира с призывом последовать его примеру. И если до нашей революции — февральской, и особенно до октябрьской, нам приходилось опускать глаза в землю, то в настоящее время мы имеем право гордиться тем, что мы—русские граждане! Мы первые подняли знамя восстания и первые завоевали власть для рабочего класса. Это составляет законную гордость рабочего класса — и нашу!

Однако, эта гордость не должна превращаться в самомнение. Хотя рабочие других стран идут по тому же пути, что и мы, но их путь более тяжелый. У них организация мощная, и движение нарастает медленнее. У них колоссальная армия, но зато у них больше и обоз, и, кроме того,

у них враг сильнее нашего. В России царизм был расшатан, разбит, сгнил сверху донизу, и мы нанесли ему лишь последний удар. Государственная машина в Германии, Франции и Англии гораздо крепче. Там строители этой машины гораздо более способные и образованные люди, и там рабочему классу, чтобы разрушить буржуазное господство, нужно гораздо большее напряжение сил. Мы, конечно, можем жаловаться. Для нашего законного нетерпения революционное движение на Западе развивается слишком медленно. Мы все хотели бы, чтобы революция произошла там скорее, и мы проклинаем медлительность истории, которая, правда, день за днем, но слишком медленно накапливает возмущение трудящихся масс против голода и истощения. Но в один прекрасный день она бросит наружу весь накопившийся гнет и все проклятия против буржуазии и имущих классов. Пока этот момент не наступит, пока зреет в сердцах рабочих этот протест, нужно терпеливо ждать. Рабочий класс на Западе обучен больше нас, опыт его богаче, он образованнее русского пролетариата, и когда для него наступит последний решительный бой с угнетателями, он крепко возьмет в руки железную метлу и без остатка выметет из своих государств всякую буржуазную и дворянскую нечисть.

Вера в это — наша главная надежда. России еще суждено пережить великую эпоху. И если бы правы оказались коршуны буржуазии и соглашатели, что революция в Европе совсем не развернется, или развернется через столетие, или через десятилетия, это значило бы, что России, как независимой пролетарской стране, пришла смерть. Ибо, товарищи, во всякую историческую эпоху, кто слаб и беден, тот неизбежно становится жертвой более сильных хищников, вооруженных до зубов империалистов и милитаристов. Это — закон мирового капиталистического порядка, а с ним никто ничего не поделает. Если вы посадите у власти Милюкова или Гучкова, они нашу страну не сделают богаче, они лишь больше истощат ее. Наоборот, уже один тот факт, что у власти в России стоит рабочий класс, является для рабочих других стран могучим призывом к восстанию. Каждый рабочий во Франции и в Германии говорит: «если в России, в стране отсталой, оказалось возможным, что рабочий класс держит в своих руках власть и ставит себе задачей — реорганизовать страну, организовать хозяйство на новых началах, если в России рабочий класс насаждает всюду дисциплину и трудовой порядок, строит армию, — то нам, рабочему классу Германии и Франции, сама история велит произвести социалистический переворот». Поэтому, утверждая власть рабочих и крестьян здесь у себя, мы не только боремся за себя и за интересы России, но тем самым мы стоим и боремся, как передовой отряд рабочего класса всего мира; мы осуществляем и свои, и его задачи.

И рабочие всех стран глядят на нас с надеждой и с опасением — не сорвемся ли мы, не осрамим ли мы красного знамени рабочего класса? И если бы нас погубила контр-революция и собственная разруха — это значило бы, что погибли надежды рабочих масс в других странах, и бур-

жуазия сказала бы им: «вот посмотрите, русский рабочий класс куда было поднялся, но снова упал и теперь лежит на земле, распятый и раздавленный». Такой исход нашей революции отнял бы у мирового пролетариата веру в свои силы и морально усилил бы буржуазию. Поэтому мы должны, отстаивая нашу позицию, бороться с двойной и тройной энергией, с удесятеренным героизмом. Нужно помнить, что мы являемся в настоящее время не только вершителями своей судьбы, но что в наших руках мечты всего человечества об освобождении мира. Против нас буржуазия всех стран, но с нами рабочий класс всех стран и его надежды. Будем же, товарищи, сильнее укрепляться, подадим друг другу руку, чтобы бороться до конца, до полной победы, за господство рабочего класса!

И когда рабочие Европы нам кликнут клич, мы пойдем к ним на подмогу, все, как один человек, с винтовками в руках и с красными знаменами, пойдем к ним навстречу — во имя братства народов, во имя социализма!

Два пути.

Речь, произнесенная на соединенном заседании членов ВЦИК IV созыва, Московского Сов. Раб. и Солд. Деп., Всеросс. и Моск. Центр. Сов. профессиональных союзов, представителей всех профессиональных союзов Москвы, фабрично-заводских комитетов и других рабочих организаций от 4-го июня 1918 г.[22]

Продовольственный вопрос.

В настоящих условиях в области продовольственного вопроса могут быть только две политики: политика государственной монополии и твердых цен и политика более или менее открытой или совершенно неограниченной свободной торговли.

Вся критика, направленная сейчас против продовольственной политики Советской власти, была здесь представлена соглашательскими ораторами, которые, как всегда, не доводили до конца ни одной своей мысли. Их речи есть слабое заглушенное эхо другой, настоящей критики, которая исходит от серьезной и деловой буржуазии. Она хорошо знает, что могут быть, как уже указано, лишь две определенных политики или правительственной монополии и регулируемых цен или вольной торговли, свободной игры цен. Но политика свободной торговли, переходом к которой должно явиться повышение цен на хлеб, в настоящих условиях означает то, что хлеб будет монополизован в интересах одной части населения. Цена на хлеб будет повышаться в таких пропорциях, которые в самый короткий срок превратят его в монополию тех, кто за него может платить какую угодно высокую цену. Вот почему вопрос стоит так: или поддерживать государственную рабоче-крестьянскую монополию на хлеб или превратить хлеб в монополию богатых. Только так и стоит сейчас этот вопрос (Голос: «Мы уже превратили его в монополию богатых»). Если бы мы превратили хлеб, как мне здесь говорят с места, в монополию богатых, то меньшевики не протестовали бы против нас и против нашей продовольственной политики. Ибо, как мной упоминалось, вся меньшевистская критика сначала до конца есть не что иное, как неполное эхо буржуазной критики.

Недовольство и ненависть буржуазии определяется глубокими основными социальными причинами. О костлявой руке голода говорил Рябушинский и притом еще до октябрьской революции, когда не было Советской власти, а был режим меньшевиков и правых с.-р. Умная и дельная буржуазия уже в ту эпоху рассчитывала на костлявую руку голода в том

смысле, что она положит конец русской революции. Вот почему, само собой понятно, что мы не можем рассматривать продовольственного вопроса, как самостоятельного и обособленного, и, призывая отдельных мудрецов из разных политических партий, редакций, закоулков и подворотен, предлагать им: «Вот разрешите нам российскую продовольственную задачу!» Нет, мы стоим на той точке зрения, что продовольственный вопрос есть составная часть общего «советского вопроса», есть одна из частных проблем режима классовой диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Рабочий класс передал помещичьи земли в руки крестьянства; он научит также деревенских бедняков отнимать у кулаков, мародеров и спекулянтов наличные продовольственные запасы и превращать их в общий продовольственный фонд пролетарского государства. Чтобы удержаться у власти, рабочий класс должен наладить механизм своего государственного управления, делая это в труднейших условиях, против всех препятствий, всех сопротивлений, мешающих его существованию и развитию. Когда нам говорят, что это есть путь гражданской войны, мы недоумеваем. Само собой разумеется, что Советская власть есть организованная гражданская война против помещиков, буржуазии и кулаков. Советская власть не боится этого сказать, как не боится призывать массы к гражданской войне и для этого их организовывать. И не представителям тех партий, которые в первые 8 месяцев революции вели беспощадную войну против рабочих и крестьян, партий меньшевиков и с.-р., не им появляться здесь для критики и для обвинения Советской власти; не им с бесстыдством предателей спрашивать нас: «а вы забыли, что по Брест-Литовскому договору немцы взяли в свои руки Украину с ее богатыми запасами?»

Нет, мы ничего не забыли! Мы не забыли, во-первых, того, что Брест-Литовский договор явился той петлей, которую нам на шею накинули буржуазия и с.-р., виновники наступления 18-го июня. Мы не забыли и не забудем, во-вторых, того, что те, которые открыли врагу ворота страны на Украине, те, которые отдавали ее продовольственные запасы германскому империализму, были украинскими и правыми с.-р. и меньшевиками, в лице Киевской Рады. А когда нам задают другой вопрос: «Помним ли мы, что сейчас получение продовольствия из Сибири затруднено, вследствие чехо-словацкого восстания?» — которое, разумеется, будет нами раздавлено, то мы говорим спрашивающим: «а помните ли вы, что чехо-словацкое восстание организовано Ново-Николаевскими и другими меньшевиками и правыми с.-р. (Голос «Троцким»), которые действовали в Сибири, и единомышленники которых, ближайшие их друзья, находятся здесь, направо?» И наша задача разъяснить это рабочему классу Рукоплескания, шум).

Товарищи, кто-то из негодяев, здесь находящихся, имени которого я не знаю, сказал, что чехо-словацкое восстание вызвано мною (Голос: «сказал Черевавин»). Я заявляю, что все эс-эровские и меньшевистские

негодяи в Сибири, Пензе, Самаре и Сызрани подлой ложью о том, что именно я хочу предать чехо-словаков в руки немцев, будоражили и отуманивали несчастных чехо-словацких солдат и этими предательскими клеветами свели с ума значительную часть их (Шум, крики справа). Здесь, на этих скамьях находятся члены трех партий, которые в Сибири подняли против нас чехо-словаков, которые в Ново-Николаевске заявили даже, что ими создано новое русское правительство из правых эс-эров и меньшевиков, опирающееся на штыки чужеземцев — чехо-словаков. Эс-эры и меньшевики говорят об этом всем и всюду, а одновременно их единомышленники являются сюда и тоном упрека указывают нам: «вы забыли про чехо-словаков». Нет, мы не забыли про чехо-словаков, мы не забыли также и про вас, их подстрекателей, и гражданская война, которую мы ведем, есть и будет войной также и против тех, которые осмеливаются возбуждать темных, потерявшихся чехо-словаков (Шум, крики справа: «Троцкий... инсинуация». Председатель призывает к спокойствию).

Здесь было сказано: «Не играйте с голодом!» Это правильное слово, и его мы бросаем в голову буржуазии и ее лакеев. «Не играйте с голодом!»

В данный момент мы входим в два-три наиболее критических месяца русской революции: хотя до сих пор у нас была гражданская война, но террора, во французском смысле слова, русская революция еще не знала. Теперь Советская власть будет действовать более решительно и радикально. Она предупреждает: не играйте с голодом, не науськивайте чехо-словаков, не подталкивайте против нас всех буржуазных лакеев, не организуйте саботажа и не отравляйте рабочие массы ложью и клеветой, которой наполняете вы свою клеветническую печать, ибо вся эта игра может закончиться в высшей степени трагически! (Мартов с места: «мы не боялись царского режима, не испугаемся и вас». Крики: — «царский режим был страшно свиреп и мы его не боялись, так что не пугайте»).

Не играйте с голодом!

Мы ставим продовольственный вопрос перед собой, как вопрос вооруженной борьбы за хлеб. Ни сама Советская власть, ни одна из ее реформ, ни один из вопросов коммунистических преобразований немыслимы, если сейчас, на ближайшие месяцы жизни нашей страны рабочий класс и крестьянская беднота не возьмут в свои руки тех продовольственных запасов, которые в стране имеются. Иллюзию и ложь представляет мнение, что, при помощи частичных средств, премий, торга и надбавок в цене, мы можем сейчас соблазнить кулака, экономически обожравшегося ассигнациями, а, в смысле политическом, развращенного до мозга костей партией буржуазии и ее слуг. Надеяться получить теперь хлеб у этого кулака при помощи паллиативных средств — есть жалкая утопия.

Те, кто говорит, что положение с продовольствием катастрофично, правы; но из катастрофического положения вытекает именно полное осуждение, как недействительных, как жалких и бесплодных,—всех предлагаемых ими мелких хозяйственных и домашних средств борьбы

с кулаком. У нас другой, более верный взгляд. Мы говорим: страна голодает, города начинают пухнуть от голода, Красная Армия не способна сопротивляться из-за отсутствия продовольствия, и в этих условиях всем голодающим элементам страны должно быть известно, что хлеб в стране есть, и есть у кулаков, у хищников, у эксплоататоров голода и несчастья; что мы предлагаем этим кулакам определенную допускаемую государственными финансами цену, и они по ней хлеба не дают; и что в таком случае мы хлеб у них отнимем с применением оружия; путем насилия над кулаками накормим рабочих, женщин и детей! Сейчас нет и не будет другого пути (Шум).

Чтобы перейти от слов к делу, мы пришли к планомерной продовольственной мобилизации передовых элементов рабочего класса. Им будет поручена ответственная работа — проведение пролетарской диктатуры в деревне.

Таково решение ВЦИК [23]. Да, цвет рабочих Москвы в ближайшие недели должен быть превращен в вооруженные и снаряженные кадры продовольственных отрядов, и этот цвет рабочего класса должен иметь при себе не только винтовку против кулаков, но и братское слово к крестьянской бедноте.

Да, вы, московские пролетарии, именем масс, которые вас выбирали, пойдете под знаменем Советской власти в деревни крестовым походом на кулаков; вы скажете в деревне, что явились, с одной стороны, для теснейшего братского союза с голодающими крестьянами, с которыми вы и разделите тот хлеб, что вырвете у кулака, — а, с другой стороны, для беспощадной и истребительной войны против кулаков, хотящих взять измором рабоче-крестьянскую советскую Россию.

Если эту насущнейшую задачу московские рабочие не выполнят, если они, поколебленные предательскими голосами буржуазной печати, змеиным шипом этих прислужников и лакеев издыхающего капитала, (Голоса справа: «неправда, неправда») опустят руки, то это значит, товарищи, что рабочий класс не способен справиться с той задачей, которую поставила ему история. Но этому, товарищи, коммунистическая партия не может поверить, и вы также не верите этому. Мы знаем, что в ближайшие недели в Москве мы поставим на ноги для борьбы с голодом лучших рабочих, которые знают, что такое голод городов, и сознание которых просветлено идеалами социализма. Их мы стройными колоннами бросим в деревни для братского единения с беднотой. При помощи их, мы возьмем на учет все продовольственные запасы, имеющиеся в стране, чтобы сделать их монополией рабочих и крестьян, а не монополией кулаков и богачей. Между этими двумя монополиями нужно сделать выбор: он должен быть сделан не на словах, а на деле, и сущность выбора есть гражданская война. И наша партия — за гражданскую войну! Гражданская война уперлась в хлеб. Мы, советы, в поход!.. (С места (иронически) Да здравствует гражданская война!) «Да, да здравствует гражданская война! Гражданская война

во имя хлеба для детей, стариков, для рабочих и Красной Армии, во имя прямой и беспощадной борьбы с контр-революцией. Да здравствует поход рабочих в деревни за хлебом и за союзом с крестьянской беднотой!

Я предлагаю принять резолюцию, которая должна выражать нашу твердую волю к борьбе с голодом. Я еще раз призываю вас, товарищи, не поддаваться ни унынию, ни скептицизму, ни тем лукавым и предательским советам, которые мы слышим справа. Мы, ведь, их слышали и накануне октября. Они гласили: «не берите, рабочие, власти, ибо вы и двух недель не продержитесь: у вас не хватит продовольственных запасов, их отнимут крестьяне и буржуазия». Тем не менее, мы в октябре власть взяли, прожили в трудах и муках не две недели, как нам сулили, а 7 месяцев — на зло всем нашим врагам. Теперь нас ждут впереди три самых тяжких месяца, но и они не страшны нам. Мы обещаем друг другу не опускать рук, не терять духа и бороться против всех предстоящих трудностей. Эти три месяца мы проживем, как прожили семь, а, проживши их, утвердим советскую республику навсегда!

Вперед, товарищи, на борьбу, с надеждой и верой!

Резолюция по вопросу о борьбе с голодом, предложенная т. Троцким и принятая на соединенном заседании ВЦИК IV созыва, Московского Сов. Рабоч. и Солд. Деп. Всероссийск. и Моск. Центр. Совет. профессиональных союзов, представителей всех профессиональных союзов Москвы, фабрично-заводских комитетов и других рабочих организаций 4-го июня 1918 года.

Война, порожденная хищными аппетитами буржуазии всего мира, разорила и опустошила все страны и довела все народы до края гибели.

Голод воцарился во всех как воюющих, так и нейтральных странах.

Со всех концов Европы идут вести о протестах и возмущениях голодающих масс.

Война и вызванная ею разруха довели до голода и нашу земледельческую Россию, с ее богатыми хлебными запасами.

Голод стучится в двери наших городов, фабрик, заводов и деревень. Голод является лучшим союзником контр-революции, которая надеется вызвать голодающие массы на взрывы отчаяния, утопить революцию в крови и восстановить власть помещиков и капиталистов, как это сделано на Украине.

Борьба с голодом является поэтому коренной задачей всех сознательных рабочих и крестьян.

Объединенное заседание Советов, ВЦИК и московских рабочих организаций призывает всех рабочих и революционных крестьян напрячь все силы для борьбы с голодом.

В России есть хлеб. Он укрывается кулаками, спекулянтами, в то время как города, Красная Армия и деревенская беднота голодают.

Чтобы страна могла жить, чтобы революция не погибла, чтобы сохранить, упрочить и развить Советскую власть, необходимо вырвать хлеб из рук кулаков и распределить его планомерно между голодающим населением.

Буржуазия и ее прихлебатели требуют отмены государственной хлебной монополии и ломки твердых цен. Встать на этот путь значило бы наличные запасы хлеба сделать монополией богатых и обречь городскую и деревенскую бедноту на голод, эпидемии и вырождение.

Объединенное совещание признает единственно правильной политику Советской власти, политику продовольственной диктатуры, которая означает беспощадную борьбу против врагов народа, кулаков, спекулянтов, мародеров, стремящихся измором взять социалистическую революцию.

Мобилизация голодающих рабочих, их обучение и вооружение, их братский союз с деревенской беднотой, их совместный поход против кулаков и спекулянтов, — вот единственный способ собрать по доступным народу ценам хлебные запасы и обеспечить трудящийся народ до нового урожая.

Объединенное совещание призывает рабочих к организованной, планомерной, энергичной, решительной борьбе за хлеб.

Строгая трудовая дисциплина, строгий трудовой порядок везде и всюду и прежде всего в железнодорожном и водном транспорте, строгий учет всех наличных запасов, строгое распределение их в стране, — таков путь спасения социалистической революции.

На борьбу с голодом, рабочие Москвы и всей России!

Победив голод, мы победим контр-революцию и укрепим коммунистическую республику навсегда.

На борьбу с голодом.

Доклад, прочитанный на народном собрании в Сокольниках 9-го июня 1918 года.

1. Голодающая Россия.

Товарищи, я выступаю перед вами в очень трудные для нашей молодой Советской Республики дни и недели. Среди всех вопросов, волнующих наши сердца, есть один простой вопрос, который, однако, весит тяжелее, чем все другие. Это—вопрос о хлебе насущном. Над всеми мыслями, над всеми идеалами нашими господствует сейчас одна забота, одна тревога: как пережить завтрашний день. Каждый невольно думает о себе, о своей семье. Особенно это относится к хозяйкам, женам, матерям, перед которыми вопрос о голоде ежедневно, когда нужно готовить обед для детей, для мужа, встает во всей остроте. И, надо сказать, с каждым днем становится все труднее и труднее. Хотя и худо в Петрограде, худо в Москве, однако, есть много мест в России, где еще с завистью взирают на эти города. У меня имеется несколько телеграмм, которые получаются Народным Комиссаром продовольствия из мелких городов и местечек. Там население в буквальном и точном смысле находится на краю полного голода и истощения. Из Выксы, Нижегородской губ., от 31-го мая телеграфируют: «Склады Выксы пусты, работа идет с большими перерывами и остановками, отсутствует 30 процентов рабочих не ради протеста, а, действительно, от голода. Были случаи—подымали падающих от истощения у станков». Из Сергиева-Посада: «Дайте хлеба, иначе погибаем»... Из Брянска от 30-го мая: «На Мальцовских и Брянских заводах огромная смертность, особенно детская; в уезде голодный тиф». Из Клина сообщают от 2-го июня: «Клин две недели находится совершенно без хлеба». Из Павлова-Посада от 21-го мая: «Население голодает, хлеба нет, получить неоткуда». Из Дорогобужа 24
от 3-го июня: «Большой голод и массовые заболевания».

Я мог бы привести еще много подобных телеграмм из других мест, но это лишнее, ибо они все звучат одинаково. В нашей стране есть места, где воцарился самый страшный из царей—«царь-голод». Правда, наша земледельческая крестьянская Россия и в старые времена знала, что такое голод, голодная смерть и голодный тиф. И в мирное время во время недорода у нас бывали места, где крестьянское землепашеское население погибало тысячами, вымирая от голода, тифа, холеры. И земледельческой России при Александре III и Николае II американцы посылали подаяние, в виде пароходов, нагруженных хлебом.

2. Голодающая Европа.

Вся суть в том, что сейчас голод царит не только в нашей России, но во всех без исключения странах Европы. В одной стране больше, в другой меньше, но везде население, особенно трудящиеся классы, страдают от небывалого голода.

Взглянем на Север. Здесь, возле нас, недавно отделившаяся Финляндия. Она имеет теперь буржуазное правительство Свинхувуда, которое идет рука об руку с германским империалистическим правительством, подавившим финляндский рабочий класс [25]. Наша буржуазная печать предвкушала, как правительство Свинхувуда создаст в маленькой Финляндии контр-революционную армию и двинется в Петроград. А последние сведения говорят, что в Финляндии царит небывалый голод, что там белогвардейские солдаты, рекрутированные из буржуазных классов, в пограничной полосе падают замертво от голода и истощения. Тут не до походов.

Дальше, на северо-запад от нас, по соседству с Финляндией, находится Швеция. Через эту маленькую страну я проезжал более года назад. Тогда еще продовольственное положение было гораздо лучше, но и тогда уже всем выдавали хлебные карточки, по которым проезжающий пассажир получал всего лишь небольшой ломоть сушеного хлеба. В Голландии, нейтральной приморской стране, которая не воевала, прорываются голодные волнения. В Швейцарии, в другой маленькой нейтральной стране, также вспыхивают непрерывные волнения и демонстрации из-за голода.

Франция и Англия поставлены в лучшие условия, чем вся остальная Европа; перед ними открытый океан, у них большой флот, военный и торговый, они получают продовольствие из Америки, и, тем не менее, во Франции около двух лет назад, когда я покинул ее, рабочее население, страдало от голода — не столько оттого, что там не было хлеба и мяса, сколько оттого, что стояли цены, совершенно недоступные для рабочих масс.

Возьмем, наконец, Австрию и Германию, самые, казалось бы, могущественные теперь и победоносные страны [26]. Тут я сошлюсь на слова крупного австрийского коммерсанта, недавно приехавшего в Москву. Эти слова напечатаны в буржуазной газете, а вы знаете, что теперь буржуазная печать стремится доказать, что везде, во всей Европе и во всем мире все обстоит благополучно и прекрасно, и только у нас, в рабоче-крестьянской России, непорядки и голод. Вот что говорит упомянутый крупный австрийский коммерсант: «В Вене голод, во всяком случае, несомненно, сильнее, чем у вас. Там давно уже съели все, буквально все. Нет ни хлеба, ни сосисок, ни овощей, — ничего. В кофейнях подается только кофе без молока и сахару, а о пиве мы можем только мечтать. Венские улицы, как и ваши, пестрят хвостами очередей, которые зачастую собираются еще с вечера. Еще часто случается, что, простояв всю ночь и пол-дня, люди расходятся неудовлетворенными. Не лучше обстоит дело и в Берлине, где я по дороге сюда прожил 10 дней. И там съедено все

что съедобно. Население живет, можно сказать, за счет соков. Настроение у всех крайне подавленное. Даже победы на Западном фронте уже не поднимают духа».

Вот, товарищи, приблизительная картина того, чем стала Европа после почти четырехлетней войны. Когда-то наш народный поэт Некрасов говорил об обиженной, ограбленной русской деревне Нееловке. Теперь, на высотах буржуазной цивилизации, в результате проклятой войны, которая извлекла рабочих и крестьян-тружеников из их трудовых очагов, вооружила и бросила друг на друга, в результате этих 48 месяцев истощения всех сил, всех соков, всех средств Европы, мы видим, как эта старая, богатая часть мира, недавно бывшая очагом культуры, силы и прогресса, превратилась в одну страшную опустошенную всеевропейскую Неeловку. И это — результат войны, результат тех преступлений, которые совершили господствующие классы: буржуазия, короли, бюрократия, старые генералы, честолюбцы. Проклятье им за эту страшную войну и за голод, истощающий все народы Европы!

3. Хлеб у нас в стране есть.

Если, опровергая ложь буржуазной прессы о мировом благоденствии, война одновременно уравняла нас в правах состояния со всей Европой в том смысле, что установила царство голода и истощения всюду, то есть все-таки разница и огромная разница между нами и большей частью остальной Европы. В Европе голод потому, что общие запасы хлеба там ничтожны. При этом, разумеется, буржуазные классы, господствующие в Европе, прибирают к своим рукам больше, чем получают народные массы. Там все взвешено до последнего золотника и распределено по указаниям государственной власти. А у нас? Есть хлеб у нас в стране или нет? Потому ли мы голодаем, что съели все запасы хлеба, или же потому, что не научились брать хлеб на учет, взвешивать его, как следует, и крепкими рабочими руками распределять? Я утверждаю, что продовольственные затруднения у нас имеют место не потому, что в стране нет хлеба. Хлеб в стране есть, но, к стыду нашему, рабочий класс и деревенская беднота еще не научились искусству управлять жизнью государства, брать в свои руки все его запасы и распределять их, как следует быть, в интересах трудящихся и голодающих масс.

В доказательство я приведу, товарищи, несколько цифр. Моя задача вовсе не в том, чтобы вести среди нас только одну агитацию. Нам нужно деловым образом поговорить о продовольственном положении страны, поговорить о том, что у нас есть и чего нам не хватает. По нашей статистике, в 17-м году избытка хлеба в тех местах, которые являются производящими и вывозящими хлеб, было 882.000.000 пудов. С другой стороны, в стране есть области, где своего хлеба не хватает. Если подсчитать, то окажется, что в них не хватает 322.000.000 пудов. Стало быть, в одной части страны

имеется 882.000.000 пуд. избытка, а в другой—322.000.000 пуд. не хватает. Если покрыть нехватку от избытка, то остается еще 560.000.000 пуд. для вывоза. Правда, львиная доля этого избытка падает на Украину и Новороссию, но если даже без этих земель и областей, которые отошли от нас (надеемся, на короткий срок), подсчитать запасы во всей остальной стране, то окажется, что у нас за 17-й год наберется избытка не меньше, как 34.000.000 пудов. Значит, если покрыть все потребности населения по нормальному пайку, который требуется для поддержания жизни трудового человека, то у нас без Украины, без Новороссии должно остаться лишков 34.000.000 пудов. Это — из урожая только 17-го года. А разве у нас съеден урожай 16-го года, 15-го года? Ничего подобного! Есть огромные области, где урожай 16-го года не только не съеден, но даже и не обмолочен. Говорят, будто в Тургайской и Семипалатинской областях [27] еще сохранились остатки урожая 14-го года. На одном Северном Кавказе сейчас имеется хлебных излишков не меньше, как 140.000.000 пудов; нам же, для того, чтобы утолить голод во всех тех местах, которые страдают теперь от недостатка продовольствия, нужно на всю страну 15.000.000 пудов в месяц. Вот и прикиньте: 140.000.000 пудов излишка, находящегося только на Северном Кавказе, могут хватить, стало-быть, на 10 месяцев для всей страны. А Западная Сибирь? Да у нас под самой Москвой, в ближайших губерниях— в Тульской, Тамбовской, Курской, Воронежской — есть не менее, как 15.000.000 пудов, которые являются запасным фондом, не потребляемым в настоящий момент.

Стало-быть, никак нельзя сказать, что мы голодаем потому, что хлеба у нас нет. Хлеб у нас есть и не только до нового урожая. Можно сказать с уверенностью, что если бы мы сейчас сумели наличным хлебом распорядиться как следует, распределить его по всей стране так, как нужно, нам бы хватило его без нового урожая на год — до следующего 1919 года. Но все наше несчастье в том, что мы еще не умеем, не научились пользоваться богатствами, имеющимися в собственной стране. Рабоче-крестьянская власть — власть молодая, которая, пока что, не умеет ни на местах, ни в центре, как следует быть, наладить работу своих органов; кроме того, это власть, которую со всех сторон окружают враги, кровно заинтересованные в том, чтобы помешать ей наладить дело продовольствия и, сорвав обеспечение голодающих масс хлебом, тем самым сорвать господство рабочих и крестьян и восстановить господство буржуазии.

4. Свободная торговля или хлебная монополия.

В рассмотренных условиях наша задача состоит в том, чтобы взять хлеб, имеющийся в стране; взять не за морем, подобно Франции и Англии, получающим хлеб из Америки, из-за океана, а в пределах нашей же собственной земли. У кого и где этот хлеб? Он имеется в настоящее время в руках деревенской буржуазии, у кулаков, у спекулянтов. У них в руках находятся сейчас десятки и сотни миллионов пудов хлеба.

Как извлечь и распределить его? Вот вопрос жизни и смерти для рабочего класса. В виде дружеского совета, — как разрешить продовольственные задачи, вам нашептывают: «есть простое средство — нужно объявить свободу торговли, отменить государственную монополию и твердые цены на хлеб». Везде, — и в лавочке, и на заводе, и на железной дороге, и проникая даже в семью, снуют между вами с такого рода речами агитаторы, подсылаемые спекулянтами. Возможно, что есть среди них и такие, которые, по темноте своей, искренно верят в то, что, если отменить хлебную монополию и объявить свободу торговли хлебом, то Москва будет немедленно обеспечена предметами продовольствия, и наши жены, матери и сестры будут без большой заботы готовить нам обед и ужин. Нет, товарищи, такое решение хлебного вопроса есть самое пагубное из всех, какие могут быть подсказаны нашим врагом — буржуазией.

Чтобы понять неизбежность и правильность продовольственной политики Советской власти, нужно, прежде всего, установить, кто ввел, вернее, кто оказался вынужденным ввести государственную монополию. Разве у нас не было раньше свободной торговли хлебом? Во всех буржуазных странах во все нормальные времена хлеб является предметом купли и продажи, предметом свободной торговли. Известно, что буржуазия покупает и продает все: машины, землю, дома, хлеб, мясо, честь и совесть. Все продается и покупается на буржуазном рынке! Почему же буржуазия оказалась вынужденной во время войны нарушить святой для нее принцип свободной торговли, ввести ограничение последней и установить на хлеб государственную монополию полностью или частично? Да потому, что, когда хлеба достаточно, то можно перебрасывать его с места на место, с рынка на рынок, из города в город, из страны в страну, можно припрятывать, выпускать и опять прятать и на этом нагревать руки, наживать жирные барыши. Но когда война отвлекла рабочие силы от земледелия и вообще от производства и истощила все страны, хлебные запасы неизмеримо сократились. Конечно, буржуазные правительства заботятся не о народе, а о себе, о своей армии, чтобы не ослабеть и быть в состоянии бороться против армии врагов. Повинуясь этой заботе, правительства оказались вынужденными сократить спекулянтов, поджать немного винты торговли и взять под контроль наличные запасы хлеба. У нас это началось в 15-м году, еще при царском правительстве, и свободная торговля была только до того времени. Царский министр Трепов, озабоченный состоянием государственных финансов, которым угрожал бешеный рост цен, оказался вынужденным установить твердые цены на хлеб.

После того разыгралась революция, и в первые недели ее была кадетская власть. Кадеты — помещики и капиталисты — требовали, во имя своих барышей, восстановления свободной торговли, но кадеты, входившие в правительство, не могли этого сделать, ибо знали, что такая мера создаст в стране полный голод, вырождение народных масс, гибель. Даже кадетский министр Шингарев оказался вынужденным утвердить и про-

водить монополию на хлеб. Потом к власти, голосами доверчивых и еще неопытных масс, пришли Керенский, правые эс-эры и меньшевики. Что же они решили делать в области продовольствия? Отменили они монополию на хлеб? Нет, находясь в тисках нужды, в тисках продовольственной нищеты, они также были вынуждены поддерживвть хлебную монополию.

И после того, как даже буржуазная любовь к конкуренции, свободной торговле и спекуляции была принуждена подчиниться интересам государства, нам смеют говорить: отмените хлебную монополию и установите свободную торговлю, или, как говорят другие: если вы не хотите отказаться от хлебной монополии и ввести свободную торговлю, так, по крайней мере, повысьте цены на хлеб. Такие слова, такие речи я слышал не только от спекулянтов, кулаков, мародеров, крупных и мелких лавочников, но и от некоторых людей из рабочей среды. Их не может, конечно, не приводить в отчаяние голод, жалкий паек плохого хлеба, и они ищут выхода, но ищут его на ложном пути.

Если бы сейчас Советская власть объявила хлебную монополию упраздненной и открыла бы вольную продажу хлеба, к чему бы это привело? Это значило бы, что сейчас же все мародеры, спекулянты и крупные мешечники устремились бы на Дон, на Кубань, на Терек, в Западную Сибирь и там, как черви на труп, набросились бы на хлебные запасы. Цена на хлеб повысилась бы до 10, 25, 50, 100 и более рублей за пуд. В течение одной недели цены увеличились бы в 5, 10 раз.

Это не все! Для перевозки хлеба к нам нужны вагоны; и вот началась бы борьба за вагоны. Спекулянты боролись бы между собой, и пошел бы невероятно подлый разврат, взяточничество, подкупы, ожесточенная конкуренция; в результате пуд хлеба, дойдя до Москвы, стоил бы 200, а может быть, и более рублей.

Конечно, буржуазия имела бы возможность получать хлеб для себя в большем количестве, да, впрочем, она и теперь может платить огромные деньги за добавочный хлеб; но для трудящихся масс хлеб стал бы окончательно недоступным; рабочий должен был бы совершенно отвыкнуть от него, просто забыть, что такое хлеб, каков его вкус. У рабочего, изголодавшегося на четверке или восьмушке, при отмене хлебной монополии хлеб исчез бы совершенно со стола.

Но, выслушав эти доводы, с нами не соглашаются и говорят: тогда повысьте, по крайней мере, цены на хлеб. А кому на руку повышение хлебных цен? Кулакам! Почему кулак не дает хлеба стране? Да потому что каждый из кулаков — а кулак не дурак — рассуждает так: «Выгоднее выдержать хлеб в подпольи, ибо до революции были одни твердые цены на хлеб, потом Керенский увеличил их вдвое, а теперь, быть может, увеличат вчетверо». И если бы мы, действительно, повысили цены на хлеб, кулак тогда сказал бы: «Пускай московский и питерский рабочие поголодают еще месяца два, и тогда они за хлеб дадут в пять, в шесть раз дороже, чем теперь». И кулак со своей грабительской точки зрения окажется

прав, если будет хлеб прятать в амбарах, а то и в землю закапывать. В деньгах он не нуждается — бумажных денег у него накопилось такое количество, что теперь во многих местах кулаки ассигнации не на рубли, а на фунты считают и, засмолив их в бутылках, в землю зарывают.

Вот почему кулаки могут и будут брать рабочий класс измором. Они хорошо знают, что, если после одной-двух недель свободной торговли хлебом у рабочего не будет и того жалкого пайка, какой он имеет сейчас и какой, путем правильной продовольственной политики, может быть увеличен, тогда в городах будут происходить бунты, вспыхивать возмущения, в результате которых, авось, потонет в потоках крови голодных волнений Советская власть и восстановится господство буржуазии. Политика же буржуазии и ее опоры — крепкого кулачества — в этом и заключается. В первую очередь она направлена на то, чтобы, использовав продовольственный кризис, свергнуть, сломить, взять измором рабоче-крестьянскую Советскую власть. Вот почему их газеты и агенты, их агитаторы и подголоски, все равно, как они там называются — правые эс-эры или меньшевики — усердно распространяют версию, что голод-де создала Советская власть.

5. Травля Советской власти.

Слепцы и клеветники, они забыли, что мы, коммунисты, марксисты, предсказывали имущим классам у самого порога нынешней войны! А мы предсказывали, что она будет войной народов, которая приведет их на край гибели, породит неслыханные хозяйственные бедствия. Мы напоминаем наши предвидения: «Вы должны будете бросить в бой, — говорили мы капиталистам — цвет европейского населения, оторвав его от производительного труда, и вы заставите и оставшихся трудиться только для уничтожения ценностей, вы разрушите богатейшие хозяйства, и через два-три года наступит невероятный голод по всей Европе». Революционный марксизм рисовал капитализму такие картины не только перед самой мировой войной, но и задолго до нее.

Август Бебель, который умер незадолго до этой войны, на одном из международных социалистических съездов в Копенгагене [28], где мне пришлось присутствовать, произнес речь, в которой нарисовал пророческими чертами будущую мировую войну и ее последствия. Он сказал тогда: «вы, господа буржуа, подготовляемой международной войной вызовете злого духа, которого не сможете вновь заклясть, который вас и погубит!..»

А теперь, когда наши предсказания исполнились, когда на плечи рабоче-крестьянской власти легло тягчайшее бремя преступлений царей, имущих классов и их приказчиков, враги народа говорят: «во всем виновата Советская власть, и голод создала она»... Позвольте же спросить: «Разве господа буржуа не пытались справиться с задачей власти?» Ведь, власть была в руках царей, буржуазии, правых эс-эров и меньшевиков, и разве не они в итоге своих великих дел оставили нам в наследство эту

разруху? Как же после этого они смеют вопить, что «лишь одна Советская власть заставляет рабочих голодать, только она не может справиться с разрухой, — долой Советскую власть!»

«Знайте», заявляем мы в ответ, «трудно, очень трудно сейчас Советской власти, но, несмотря на все тяжести на все бедствия, рабочие и крестьяне власти из рук своих не отдадут!»

Буржуазия хитра. Она знает, что рабочий, трудящийся человек, не привык к господству, не привык к власти, а трудностей много. И, учитывая это, буржуазия нашептывает рабочему: «Власть не твоего ума дело; твое призвание вывозить телегу из грязи, а управлять — это священная обязанность капиталистов, помещиков, профессоров, адвокатов». Понятно, такие речи заставляют рабочего человека колебаться. Может быть, и впрямь рабочий класс взял обязанности невмоготу? Может быть, и в самом деле, чтобы держать власть, нужны такие качества, которые, так сказать, самой природой даются буржуазии для управления народными массами, и не нужно ли, чтобы рабочие и крестьяне покорно сгибались перед ней и смывали грязные следы ее? И если, в действительности, мы поверим в нашу неспособность управлять государством, мы погибнем. Дух потеряем — погибнем!

Трудный момент сейчас! Буржуазия хитра; она на страже, она мобилизует против нас свои силы — деревенских кулаков, т. е. сельскую буржуазию, внушает им через свои газеты, через своих агитаторов: «Не давайте городам хлеба, придержите, придержите его. Возьмем Питер, Москву голодом, надломим дух у рабочего класса; тогда мы голыми руками возьмем его и вернем нашу старую власть — власть богатых над бедными».

6. Кулаки — опора и надежда контр-революции.

Кулаки — передовой отряд контр-революции, вся надежда буржуазии зиждется на кулаках. Вот почему можно твердо сказать, что сейчас главными врагами города и деревенской бедноты являются кулаки, которые прячут в своих закромах и амбарах сотни и тысячи пудов хлеба, в то время, как в городах и деревнях голодают, умирают от голодного тифа рабочие и крестьяне и умирают их дети.

И прав, трижды прав был Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, когда он заявил, что Советская власть не потерпит того, чтобы, когда повсеместно голодают рабочие и крестьяне, часть населения одной и той же страны — кулаки и мародеры, — сидела на своих мешках хлеба и выжидала часа, когда голод костлявой рукой сломит трудящихся. Нет, товарищи, этому не бывать! Через свою власть рабочий класс уже заявил во всеуслышание: «Горе всем кулакам, горе спекулянтам, которые задерживают у себя излишки хлеба, в то время, как дети рабочих умирают от голодного тифа!» Для Советской власти нет никакой частной собственности вообще, а тем более на хлеб. Мы, коммунисты, знаем только одну священную собственность — жизнь

трудового человека, жизнь рабочего, его жены, его ребенка. Вот единственная священная для нас собственность, и она дает нам право на все.

В таком случае, могут спросить: «Если жизнь трудящегося рабочего человека, его семьи, каждого члена ее, для нас дороже всего, то не лучше ли платить по 200, 300, 400 рублей за пуд хлеба, только бы сохранить эту жизнь?» Кажется, чего проще.

Но, ведь, если цены на хлеб поднимутся до 200 рублей за пуд, нужно соответственно, для обеспечения покупательной способности, поднять заработок рабочих, и он выразится в 1000 и в 2000 рублей в месяц. Тогда, по свойствам свободных цен, хлеб поднимется сразу уже до 500 рублей за пуд, и заработок рабочего, чтобы его карман не отставал от роста цен, нужно будет снова увеличивать. Так поднимать цены на хлеб и повышать заработную плату — это то же, что пить соленую воду, чтобы утолить жажду; сколько ее ни пей, все равно жажды не утолишь. Раздаются и такие голоса: «Зачем хлеб отнимать у кулака, когда можно его добром обменять на ткани, на металлические изделия?» Да в том то и дело, товарищи, что у кулака все необходимое и так уже есть, а если и не хватает, скажем, гвоздей и ситцу, то он их достанет за пять пудов хлеба; а у него хлеба-то сотни и тысячи пудов, а на такое количество ни ситцу, ни гвоздей ему не надо... Они нужны бедноте, но у нее хлеба для обмена нет. Поэтому мы будем через комитет бедноты отбирать хлеб у кулаков без всякого обмена, обменивать же на ткани, на гвозди, на сельскохозяйственные орудия, на все, что есть в городе и в чем нуждается деревня, будем только для бедных. Эта работа ляжет на крестьянские комитеты бедноты [29]. Они, под контролем власти, будут брать хлеб у кулаков, обменивать его на ткани и распределять между собой.

В свое время мы не остановились перед тем, чтобы насильственной рукой отнять землю у помещиков, передать фабрики, заводы и железные дороги в руки народа, как раньше до этого не остановились и перед тем, чтобы вооруженной рукой снять корону с тупой царской головы. Так остановимся ли мы перед тем, чтобы вырвать хлеб из рук тех кулаков, которые держат и бесчестно припрятывают запасы его?

Придерживаясь этого решения, Центральный Исполнительный Комитет заявил: «Крестьяне! Города обязаны все, что у них есть из необходимого сельскому хозяйству: металлы, гвозди, жатвенные и другие машины, орудия, ткани, кожи, стекло — дать не кулакам, а деревенской бедноте. А, взамен этого, деревенская беднота, вместе с продовольственными органами Советской власти, должна изъять у кулаков хлеб. Если они не хотят отдавать его добровольно, то нужно изнимать все запасы хлеба насильственным путем посредством реквизиции и затем по-братски делить его между голодным населением деревни и города».

Если мы с этой работой не справимся, то значит мы никуда не годны.

Неужели в своей собственной стране, где есть хлебных запасов на год, мы не сумеем, чтобы не голодать, взять хлеб насущный из рук кула-

ков и спекулянтов, которые, как собака на сене: сама съесть никак не может и отдать не хочет. Нас пугают, говоря: «вы хотите начать гражданскую войну города против деревни». Это говорят все: буржуазия, правые эс-эры, меньшевики. Мы отвечаем им: «Неправда, это не есть война города против деревни, а общая борьба города и деревенской бедноты против кулаков-богатеев, против мародеров, которые изнуряют и истощают и городскую, и деревенскую бедноту».

Если бы началась война города против деревни и деревни против города, — это означало бы — гибель революции. А если рабочий класс протягивает руку из города в деревню и заключает союз с деревенской беднотой, которая не имеет ни запасов, ни излишков, хлебом не торгует, но является таким же тружеником, как и городской рабочий, — это не война города и деревни, а их совместная борьба против деревенского кулачества.

7. Декрет 13-го мая.

Чтобы немедля провести в жизнь свою продовольственную политику, как она была выше изложена мной, Советская власть издала декрет от 13-го мая [30].

Этот новый декрет Центрального Исполнительного Комитета от 13-го мая говорит: после объявления в каждой волости закона, дать всем сроку одну неделю. В течение этой недели все обязаны заявить точно и добросовестно, сколько у них имеется хлебных запасов и, если есть излишки против того, что им нужно для продовольствия своей семьи, для скота и обсеменения полей, они обязаны эти излишки передать советским продовольственным организациям по твердым ценам. Кто же в течение недели не объявит излишков, тот является преступником. Долг каждого жителя деревни указать на него пальцем местному Совету и продовольственной организации, и тогда у него хлеб будет отобран не по твердой цене, а бесплатно, и сам он будет предан суду и судим суровым образом, как за убийство, и приговор будет до 10 лет принудительных работ. Вот, что говорит новый закон Советской власти от 13-го мая. Это правильный, справедливый закон. И он уже нашел отклик в разных частях страны.

В Комиссариате продовольствия получаются десятки телеграмм, которыми местные продовольственные организации извещают Москву о проведении в жизнь декрета 13-го мая. Я не стану приводить их все; это заняло бы слишком много времени; но на некоторые из них сошлюсь. Вот что телеграфируют, например, из Ельца: «В каждую волость посланы агенты наблюдать за работой волостных советов, в каждой деревне организуются продовольственные комиссии беднейших крестьян, которые производят учет и распределение излишков хлеба». Вот сообщение из Самары: «Разосланы по всем уездам и волостям агенты Самарского продовольственного комитета с целью проведения в жизнь декрета 13-го мая. Они должны содействовать уездным и волостным советам, должны доказать

населению незыблемость хлебной монополии и твердых цен, т. е. то, что продовольственный комитет неуклонно стоит на своей точке зрения, не идя ни на отмену хлебной монополии, ни на повышение хлебных цен». Из Омска, где сейчас развернулось контр-революционное движение чехословаков, три или четыре дня тому назад телеграфировали: «все подготовлено для переписи хлеба. Завтра отправляем специальных агентов для ускорения переписи». Телеграмма из Луги гласит: «Крестьянский Съезд принял декрет от 13-го мая в полном объеме и приступил к немедленному проведению его в жизнь». Я упоминал, что враги говорят про нашу продовольственную политику: «это война города против деревни». А, ведь, все эти телеграммы есть подлинный голос крестьян и крестьянских съездов, которые принимают декрет 13-го мая. Вот сведения из Воронежа: «Приглашены специальные отряды рабочих для реквизиции хлеба; организуются новые реквизиционные отряды; будет объявлена в ближайшее время вербовка рабочих Воронежа в эти отряды, чтобы отнимать у кулаков хлеб. Установлен определенный срок сдачи хлеба с момента опубликования декрета. Ощущается недостаток реквизиционных военных сил». Далее, вести из Курска: «Декрет циркулярно разослан всем уездам; в некоторых уже производится реквизиция». Пенза уведомляет: «Местный Совет постановил принять все меры к скорейшему проведению в жизнь декрета 13-го мая». Елец извещает: «Предписано неуклонно выполнять декрет. В волости посланы реквизиционные военные отряды; о результатах сообщим». Весьма интересны данные из Камышина: «На открывшемся вчера крестьянском съезде большинство ораторов высказалось за немедленную реквизицию имеющихся у кулаков хлебных запасов для отправки в голодные губернии». Недавно происходил в Екатеринодаре съезд богатых хлебом областей, на котором было 1333 делегата. И какую же вынес этот съезд резолюцию? Может быть, за свободную торговлю? За повышение хлебных цен? Я Вам прочитаю резолюцию съезда: «На третьем съезде Кубанской и Черноморской республики присутствует 1333 делегата от отдельных станиц, хуторов, фронта. По вопросу о текущем моменте съезд признал правильной политику Российского Совета Народных Комиссаров. Съезд главное внимание уделил вопросу о фронте и решил отдать все силы на восстановление крепкой дисциплинированной армии. С ъ е з д р е ш и л н а ч а т ь э н е р г и ч н у ю о т п р а в к у х л е б а г о л о д н о м у с е в е р у». Послушаем голос из Уфы, которая всегда поставляла много хлеба: «Население оповещено о декрете. Все продовольственные органы работают под страхом суровой ответственности. Ссыпка хлеба усилилась прежде, чем были посланы отряды». Самый декрет, так сказать, напоминает о смертном часе деревенских кулаков и заставляет их поторапливаться с ссыпкой хлеба. «Съезд бедняков в 150 депутатов принял нашу резолюцию единогласно».

Все приведенные телеграммы присланы, товарищи, не из чьих-либо кабинетов, не от отдельных «писателей», — это голоса с мест, голоса совет-

ских продовольственных комитетов, деревенской бедноты. Теперь видно, что комитеты деревенской бедноты нужно создать всюду, противопоставив их деревенским богатеям. Комитеты деревенской бедноты возьмут в свои руки проведение в жизнь декрета 13-го мая.

8. Рабочие продовольственные отряды.

Перед нами еще один важный вопрос. Его ставят и на местах. Вот, например, из той же Уфы сообщают, что необходима немедленная присылка отрядов из голодающих мест. Вопрос об отрядах, товарищи, очень важный. Действительно, на местах необходимы отряды из голодающих мест. Почему они необходимы? Это вполне понятно. Когда голод где-то далеко — в другой губернии, то там, на сытых местах, его по настоящему не сознают, не чувствуют. Представление о нем исчерпывается тем, что в газетах читают: в Москве голод! Ведь, мы тоже, прочитав, например, что где-то носится холера или чума, подумаем и забудем. Не только кулаки, но и настоящие трудовые люди, если они сами сколько-нибудь обеспечены хлебом, не так близко принимают к сердцу чужой голод. И поэтому необходимо, чтобы туда, в богатые хлебом губернии, отправлялись рабочие отряды из голодных городов, питерцы и москвичи; нужно явиться туда не для разбоя, не для мародерства, как нас обвиняют враги, а с высокой целью, явившись в деревни, обратиться первым делом к бедноте и сказать: «вот мы, голодные рабочие, пришли к вам, деревенским беднякам, протягиваем вам братскую руку и говорим: у нас в городе есть еще ткани, металл, гвозди; все, что у нас имеется, мы готовы прислать в деревню в обмен на хлеб. Давайте, по-братски распределим наши общехозяйственные запасы. А у вас есть хлеб?». «Нет», скажет в ответ бедняк, «у меня хлеб есть ровно в таком количестве, чтобы прокормиться до нового урожая». «А у соседа есть?» — «У соседа есть, у него закрома полны». — «Так вот пойдем вместе к нему, подсчитаем, сколько у него в закромах, и возьмем на учет». — «А у него подвода и лошадь есть?» — «И подвода и лошадь есть». — «Погрузим на подводу его хлеб: половину для нуждающихся крестьян оставим здесь в округе, в соседних губерниях, а половину отправим на Москву, на Петроград».

Наши отряды, поехав из Москвы и из Петрограда, прихватят с собой работниц, пролетарских жен, матерей, которые лучше всех знают, что такое голод в семье, где есть много детей. Явившись в Уфимскую губернию или в Западную Сибирь, такая женщина-хозяйка тамошнему кулаку скажет настоящее слово. Можно ли сомневаться, товарищи, что братский союз между городскими рабочими и деревенской беднотой будет закрепляться, что кулаки противиться ему не посмеют, ибо они численно все же ничтожны? Если взять настоящих кулаков, ведущих теперь спекуляцию на хлебе, то их никак не больше, чем $1/20$ часть по отношению ко всем трудящимся, нуждающимся и голодным России.

Вот в чем состоит, стало-быть, задача рабочих продовольственных отрядов: двинуться походом трудовых людей за хлебом! Не допустим того, чтобы населению приходилось погибать от голода и истощения тогда, как в стране нашей имеется хлеб. Помощь мы встретим везде, в самых глухих углах, — нужно только кликнуть. Мы отправим из Москвы две-три-четыре, а то и десять тысяч передовых честных рабочих, как следует вооруженных, которые грабить, насиловать не будут. Дадим им задачу явиться на подмогу деревенской бедноте и, вместе с ней, взять на учет запасы хлеба. Конечно, если местные кулаки будут сопротивляться и поставят между хлебом и голодными винтовку и пулемет, то с ними надо беспощадно расправляться, против них нужно вести жестокую войну, для чего рабочие и будут вооружены. Но до этого, в большинстве случаев, дело не дойдет. Стоит появиться нескольким тысячам сознательных дисциплинированных передовых рабочих и честных дисциплинированных красноармейцев со словами: «Москве нужен хлеб, дайте нам по тем твердым ценам, которые установила Советская власть», — то хлеб будет, товарищи! Нужно только захотеть, нужно иметь решимость бороться за хлеб. Этого нам не всегда хватает. Только теперь начали раскачиваться рабочие в Питере. Сегодня из Петрограда сообщил тов. Зиновьев, что 4.000 петроградских вооруженных рабочих отправляются в поход за хлебом. Эти рабочие владеют не только винтовкой, но владеют словом и даром убеждения. Явившись на места, они будут там для деревенской бедноты превосходными агитаторами. Кроме того, 8-го июня в Совете Народных Комиссаров обсуждали вопрос о том, чтобы везде обязательно создать, наряду с волостными и сельскими Советами, Комитеты деревенской бедноты, той самой, которая не хуже рабочих знает, что такое голод, недоеданье. С ней мы братски свяжемся и с ней будем проводить Советскую политику в деревне.

Рабочие уже спрашивают, какая организация заведует отправкой вооруженных отрядов в деревню. Иные из рабочих, имея достаточное вооружение, хотели бы на свой риск и страх отправиться в деревню. Товарищи, необходимо устранить возможные недоразумения. Продовольственную кампанию, т. е. борьбу за хлеб, нужно вести строго организованным, строго централизованным путем. Те рабочие, которые хотят составить продовольственные отряды, должны снестись немедленно с Народным Комиссариатом продовольствия, у которого имеются списки всех губерний, уездов и волостей, богатых продовольствием и нуждающихся в такого рода рабочих отрядах. Иначе, если группы рабочих-добровольцев будут отправляться на свой страх и риск, без ведома Комиссариата продовольствия, может выйти так, что в одну губернию, в одну волость направятся десятки отрядов, в другую — ни одного, и получится анархия, беспорядок, разруха. А мы хотим вести продовольственную кампанию организованным, централизованным путем, т. е. чтобы иметь в центре общее руководство всем продовольственным положением в стране, и чтобы

на местах продовольственные рабочие отряды действовали не иначе, как по указаниям местных продовольственных организаций, крепко связанных с центром. Повторяю, нам необходима согласованность, а не разброд и разлад.

Еще высказывают мысль, что надо ввести монополию и установить твердые цены на все. Это правильная мысль, и она была бы близка к осуществлению, если бы рабочий класс навел в стране порядок, наподобие хорошего хозяина, народного хозяина, который смотрит на всю страну хозяйским глазом, знает, сколько у него хлеба, железа, сколько угля, паровозов, сколько из них здоровых, сколько больных; все берет на учет, всему ведет бухгалтерскую запись, отчетность. Вот когда мы заведем такой настоящий рабочий и крестьянский трудовой порядок и нужную для него дисциплину, тогда мы сможем установить цены на все предметы, урегулировать так производство, чтобы каждого предмета было в пропорции, по потребности. Все это и есть в основе своей социалистический строй, тот строй, при котором весь народ производит все, что нужно, в достаточном для его жизни количестве и по-братски, поровну распределяет; при котором весь народ живет, как одна дружная семья, как одна братская трудовая артель. Вот это и есть наша цель, вот действительная картина социализма; но до ее осуществления еще далеко, и мы к этому лишь идем. Но на пути становится буржуазия, устраивая заговоры, мятежи, пытаясь поднять массы на голодные бунты. Борьба с буржуазией есть наша первая и основная задача.

9. Подкоп буржуазии под Советскую власть.

Буржуазия считает, что власть должна принадлежать ей всегда. Таково твердое исконное убеждение всех имущих классов: оно покоится на том, что у буржуазии уменье управлять передается из поколения в поколение, от отца к сыну. Кроме того, историческая самоуверенность буржуазии покоится на ее богатстве. А богатство буржуазии — все равно, что снежный ком, который валится с горы, нарастает и превращается в лавину. Сидит буржуазия на горе золота и презрительно смотрит сверху вниз. Она уверена, что сама может все, а что касается трудящихся масс, то как они были под кнутом, под ярмом, так и должны остаться. Она убеждена, что трудовой люд неспособен на такое привилегированное дело, как управление государством, и что власти ему не удержать. Но чтобы доказать всему миру обратное, рабочий класс в России власть завоевал и удержал. И вот, если бы рабочие и крестьяне после того, как, в первый в истории всего человечества раз, во всей стране взяли власть в свои руки, эту власть из рук выпустили бы, отдали бы ее из рук Советов, — то не было бы большего праздника для помещиков, эксплоататоров, королей и министров во всех странах, повсюду. Каждый буржуа во Франции, Англии, Германии сказал бы тогда своим рабочим, своим крестьянам:

«вы называете себя социалистами, собираетесь сбрасывать нас, буржуа, и брать власть в свои руки; но поглядите, чем кончили рабочие, которые это сделали? Взлетели-то они высоко, а где сели? Они вернулись на свое прежнее место и отдали власть в руки кулаков, помещиков, спекулянтов, в руки мародеров. Почему? Потому что не сумели справиться даже с продовольственным вопросом; голод их истощил, надорвал, силенки-то, чтобы справиться с ним, у них не хватило».

Голод и контр-революция друг другу помогают, идут рука об руку. Контр-революция винит в голоде Советскую власть, но так ли это? Вдумайтесь, что такое Советская власть вообще? Это вы, рабочие и крестьяне, сами Советскую власть поставили. Если выбранный вами в совет Иванов или Петров плох, то изберите Карпова, прогоните Иванова, пошлите Сидорова. Когда же вам говорят, что Советская власть, как принцип, как организация плоха, то вам тем самым говорят, что вы сами никуда не годитесь. Что же? Это будет правдой, если мы не справимся с нашими историческими задачами; если, засучивши рукава, мы не совладаем с трудностями, то, значит, действительно, слаб русский рабочий класс, чтобы стоять у власти. В таком случае, нечего пенять на Иванова, Сидорова, — надо буржуазию призвать господствовать и командовать, а рабочий класс и впрямь, стало быть, рожден для того, чтобы ей подчиняться, служить и за ней подмывать ее грязные следы.

Если вы согласитесь с этим, тогда отдайте ваше доверие кадетам, правым эс-эрам и меньшевикам, тем самым, которые теперь всеми силами и всеми средствами подрывают продовольственное снабжение рабочих, чинят самый преступный саботаж в таком священном деле, как прокормление голодных трудящихся. Обратите внимание на резолюции эс-эров, резолюции меньшевиков. О чем они говорят? О том, что нельзя оказывать поддержки Советской Власти. Почему нельзя оказывать поддержки? Да потому, что поддержкой рабочих и крестьян Советская власть только и сильна. Да потому, что г. Рябушинский, известный вам московский капиталист, дал эс-эрам и меньшевикам средство ослабить поддержку Советской власти со стороны трудящихся... Он сказал еще в прошлом году: «вот когда костлявая рука голода возьмет за горло рабочий класс, тогда он научится «дисциплине», т.-е. станет послушным».—Это г. Рябушинский имеет у себя на привязи, в качестве приказчиков и помощников, правых эс-эров и меньшевиков. Теперь они, считая, что момент предсказаний Рябушинского уже наступил, бегают и нашептывают вам: одни — повернитесь спиной к бесхлебной Советской власти, другие — повысьте хлебные цены, третьи — давайте созывать сейчас Учредительное Собрание. Про «пользу» повышения назначенных Советской властью цен на хлеб мы говорили. Теперь попутно коснемся Учредительного Собрания.

Кто будет в этом Учредительном Собрании? Какие такие спасители? Разве мы не знаем? — Те же самые правые эс-эры и меньшевики, которые держали власть в своих руках до Октябрьской революции. Ведь, новых

людей не выдумаешь, новых партий к жизни не вызовешь. Мы знаем Учредительное Собрание, как свои пять пальцев наперечет. Это: Керенский, Авксентев, Церетелли, Дан, Чернов, вся старая до-октябрьская компания. Чего хочет она? Только продолжать ту политику соглашательства с буржуазией, которая затянула хозяйственный кризис, истощила страну, в результате взвалив на плечи народа ношу страшной тяжести. И есть, не скрою, есть среди рабочих такие отчаявшиеся элементы, которые готовы искать спасителя откуда-нибудь извне, в том числе и из самого последнего места, из среды правых эс-эров и меньшевиков. А эти преступники и враги народа подбивают отчаявшихся на возмущение. Конечно, мы знаем, что значит трудовому населению получать четверть фунта или восьмушку хлеба. При таком положении возможны голодные бунты темных людей против Советской власти. Что дадут, чем помогут эти бунты? Ведь, эти бунтовщики будут похожи на того безрассудного младенца, который не находит молока в истощенной груди своей матери и кусает материнскую грудь. Это возмущение против себя. Нет, не голодные бунты против ваших собственных представителей, которых вы можете сменить, заменить, отозвать,—не голодные бунты, а упрочение власти рабочих и крестьянской бедноты над богатеями, изъятие хлебных запасов и правильное распределение их по всей стране—вот настоящее средство, настоящий путь спасения!

10. Кто предал Украину?

Тем господам, которые в голоде винят Советскую власть, и напоминают, что на Украине есть 500 миллионов пудов хлеба (они умалчивают о том, что немцы теперь стремятся перевезти его к себе)—этим господам мы скажем: но кто открыл ворота Украины империалистам, кто призвал немцев?—Украинская Рада. А из кого состоит Украинская Рада?—Из украинских эс-эров, украинских меньшевиков и им подобных предателей.

«Советская власть повинна в голоде»,—кричат они. А когда наши Советские отряды отступали на Украине под напором немцев, и они советовали крестьянам и рабочим: «Увозите из Украины хлеб, золото, металл, уголь; чего не можете увезти, уничтожайте—иначе все захватит немец и увезет к себе». Что же при этом говорили меньшевики и эс-эры?—«Не увозите ничего, все оставьте, иначе мы погибнем с голоду». И что же? Пришел немец и все забрал. Каждую курицу обложил налогом. Немец умеет аккуратно действовать: на каждый двор наложил налог в виде известного количества фунтов масла и бутылей молока; насел так, что у крестьян не осталось ничего. И теперь буржуазные газеты пишут, что на Украине небывалый разлив большевизма, что вся крестьянская масса говорит, что правы были большевики, когда предупреждали, что «немцы будут все отбирать, что все надо увозить».

Вот что сообщают по этому поводу буржуазные газеты: «По словам Скоропадского, Киевская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Херсон-

ская, Екатеринославская и часть Воронежской губернии охвачены сплошными крестьянскими волнениями. Наивысшего напряжения беспорядки достигли в Подольской и Екатеринославской губерниях. Крестьяне присоединяются к рабочим. Криворожский округ в настоящее время находится в руках мятежников. На территории Екатеринославской губернии идет бой между крестьянами и войсками. В Подольской губернии прибывшие карательные отряды прекратили-было беспорядки, но они вновь возникли» [31].

Таково состояние, в котором сейчас находится Украина. Буржуазная печать пишет о росте большевизма на Украине; то же самое пишут о Польше, оккупированной немцами. Варшава находится в состоянии всеобщей забастовки. Товарищи, прибывающие за последнее время из Курляндии, Эстляндии и Лифляндии, сообщают, что там тоже настроение в высшей степени напряженно, страшно обострены отношения между местным населением и немецкими войсками.

11. Кто организовал чехо-словацкий мятеж?

И вот в таких трагических условиях, в то самое время, когда мы голодаем, а наши братья в оккупированных областях ведут жестокую — то глухую, то открытую — борьбу, у нас вспыхивает в тылу чехо-словацкое восстание [32]. Кто его организовал? Ответ ясен: те, кто винит Советскую власть в голоде, кто предал Украину. В Ново-Николаевске и Омске утвердилось, так называемое, Сибирское правительство. Оно заявило, что берет в свои руки власть, опираясь на чехо-словаков. Из кого оно состоит? Как и Украинская рада — из правых эс-эров и меньшевиков. Чехо-словацкое восстание на Сибирской линии уже на две недели задержало движение хлебных грузов из Сибири в Москву и Петроград. По-эс-эровски, стало-быть, в голоде столиц виновата, конечно, Советская власть. У нас имеются документы, доказывающие, что в Сибири, помимо английских и французских империалистов и русских контр-революционеров, офицеров, монархистов, прямое и непосредственное участие принимают правые эс-эры и меньшевики. И эти же самые люди здесь подходят к рабочему и жалобно говорят: «Вы голодаете, рабочие; смотрите Советская власть вас довела до голода». А потом они поворачиваются и говорят чехо-словакам: «Восстаньте, поднимитесь против Советской власти, чтобы задержать движение грузов по Сибирской жел. дороге на неделю, на две, на месяц». Здесь в Москве мы открыли заговор, в котором участвовало несколько сот офицеров, монархистов, заядлых контр-революционеров, старых слуг царя, а во главе стоял Савинков, лидер правых эс-эров. Я спрашиваю вас, есть ли теперь та черта, которая отделяет контр-революционеров, монархистов, эксплоататоров, кулаков, от наших вчерашних соседей — правых эс-эров и меньшевиков? Нет, такой черты нет; они соединились в один черный лагерь контр-революционеров против истощенных рабочих и крестьянских масс (Крики: «Позор»). Я должен сказать, что удивляюсь долго-

терпению вашему... И хотя в Советах рабочих депутатов, где представлено трудящееся население, находятся в подавляющем большинстве коммунисты и левые эс-эры, но нет-нет, а в уголке сидят пять-шесть или десять правых эс-эров. Они заседают в Советах рабочих депутатов — не кулацких, не банковских депутатов, а р а б о ч и х депутатов, и в то же самое время устраивают восстания офицеров-монархистов и чехо-словаков против рабоче-крестьянской Советской власти... Я думаю, что пора нам сказать, что предателям, изменникам революции не может быть места в рядах рабочих и крестьянских Советов.

Но мы скажем себе и скажем нашим врагам, что как ни трудно положение, в которое нас поставила судьба, но у нас еще достаточно силы. Мы знаем, что наступают три самых трудных месяца в Советском году. Это — июнь, июль, август — самые тяжкие месяцы, пока страна не соберет нового урожая. Голод стоит у ворот многих городов, деревень, заводов и фабрик. Эти три месяца являются грозными для молодой Советской власти. Но зато, если мы эти три месяца проживем твердо, как революционеры, которые решили не сдавать своих позиций врагу, Советская республика утвердится навсегда.

12. Мы устоим на зло всем врагам!

Хотя мы и слабы еще по сравнению с европейским пролетариатом, но волной событий именно мы вознесены на огромную высоту. Русский рабочий класс, теперь единственный во всем мире рабочий класс, который не знает над собой политического гнета. Да, плохо нам, худо нам, разруха в стране, нет хлеба, но русский рабочий класс впервые выпрямился во весь рост, взял власть и сказал: «Вот теперь я начну учиться, как управлять государственным кораблем». И рабочий класс всего мира смотрит с ожиданием, с надеждой на русский пролетариат, и часто от опасения сжимается сердце у зарубежных рабочих, еще не обладающих властью. Они с тревогой думают: «Удержится или не удержится у власти русский рабочий?» А буржуазная печать лжет и клевещет: «Вот-вот упадет под властью русский рабочий класс».

Так поступала буржуазная печать и в октябре, когда она писала, что Советской власти жизни ровно две недели. Потом отсрочила наш конец на месяц, на два, а мы, глядишь, прожили семь месяцев, и сейчас, хотя подчас туго приходится, но говорим: проживем и эти три самых страшных месяца. И когда европейский рабочий с тревогой взирает на нас, мы отсюда отвечаем ему: «Братья европейские рабочие! Не теряйте надежды, не теряйте доверия к нам! Нам трудно, мы ждем, что вы придете нам на помощь. Но мы клянемся, что будем всеми силами держать в руках врученное нам знамя рабочей и крестьянской власти».

И пускай, товарищи, это обещание, которое даем мы, стоящие на исторической вышине, будет не пустым, не тщетным словом. Пусть

каждый из вас сейчас, вернувшись к себе, в саоих каарталах, на своих заводах, на своих фабрнках, обещает оказать немедленное практическое содействие тому, чтобы нам наладнть поход за хлебом для Москвы и для всей страны. Неужели мы здесь, в этой двухмнллиоиной Москве, не сможем создать отрядоа, хотя бы в десять тысяч передовых, твердых, сознательных и честных рабочих, которые приедут а деревни организоаывать планомерный советский порядок; где заметят кулака — отнимут хлеб, увидят какого-нибудь железнодорожного туза, который берет взятки за пропуск вагонов — накажут его, наведут порядок, устранят мешечников и нам в Москву доставят хлеб, чтобы мы могли продержаться до лучшего часа.

Я говорил вначале, что от страшного голода страдают рабочие во всех странах Европы. Приаыкшие к лучшим условиям сущестаоаания рабочие Германии, Франции, Англии теперь только начинают понимать, что означает эта страшная война. Если победит австро-германская коалиция, то германский рабочий, в результате колоссальных побед, получит после войны налоги в пять раз более высокие, чем до аойны. Это высчитала буржуазная немецкая статистика. То же самое угрожает английским и французским рабочим. Поэтому французские политики говорят саоим рабочим: «Мы не можем окончить войну; нам нужна контрибуция с немцев». Немцы, в свою очередь, говорят саоим рабочим: «Мы не можем окончить войну: нам нужна контрибуция с Франции и Англии, иначе у вас будут велики налоги». И так, по воле капиталистов, народы Европы, сцепившись, истощают один другого, — и не видно этому конца.

Теперь на западном фронте происходит новое сражение. Сотни тысяч, миллионы людей гибнут, сотни миллионов ценностей разрушаются, превращаются в дым и пепел. И результат всего этого будет тот, что чья либо граница передвинется на двадцать, на тридцать или на сорок верст. И так будут капиталисты истощать, губить рабочие массы асех стран, пока там, на западе, не откликнутся наши братья, не восстапут и не опрокинут буржуазную власть и ее государственные границы. Капиталисты иазывают ту землю, которую они окружают штыками, своим отечеством, а мы говорим, что нашим отечеством, которое нам дала природа, яаляется земиой шар, что в этом отечестве, т. е. на всем земном шаре, мы хотим организовать одно общее братское хозяйство, где бы не было границ, не было штыкоа и вражды. Мы скажем: как на одной фабрике работают русские, поляки, эстонцы, евреи, латыши, точно так же и на той огромной фабрике, которая называется земным шаром, могут по-братски работать русские, немцы, французы, англичане. И если мы создадим такую мировую артель трудящихся масс против угнетателей, против поработителей, то мы иаведем настоящий порядок на земле.

Пускай попы всех религий, всех исповеданий рассказывают нам про рай в другом мире. А мы говорим, что мы хотим создать настоящий рай для людей на этой земле. Мы не должны ни на один час упускать из аиду наш великий идеал — лучший из всех, к каким стремилось чело-

вечество. Чтобы сравнить, возьмите старые религиозные учения, учение Христа: все лучшее, все благороднейшее, что заключается в этих учениях, все это воплощено в нашем учении социализма. И мы хотим, чтобы все это было не смутными верованиями, а настоящим делом, чтобы люди жили не как дикие звери, борясь за кусок хлеба, а как дружные братья, которые совместно обрабатывают землю и превращают ее в один цветущий сад для всего человечества. И чтобы осуществился такой идеал, такая великая цель, нужно твердо, мужественно, решительно бороться до конца, а если нужно, то и погибнуть, истечь кровью до последней капли во имя братства народов.

13. Международная революция.

Меня спрашивают: «А не слишком ли оптимистично, жизнерадостно окрашены ваши взгляды по отношению к западно-европейской революции? А если этой революции не будет на Западе, то что же будет тогда у нас?» Это вопрос человека колеблющегося, шатающегося, сомневающегося,— а таких много. Ему можно сказать на это хотя бы так: когда рабочие и работницы Петрограда в конце февраля 1917 года выходили на улицу с возгласами «хлеба и мира», и когда их поддержал только один Волынский полк, тоже были сомневающиеся, колеблющиеся, которые говорили: «Вот вы, волынцы, выйдете, а вас семеновцы не поддержат, и вы погибнете!» Вы, питерские рабочие, выхо́дите, а вас московские не поддержат, и вы погибнете!» А когда мы нашу Октябрьскую революцию начали, то сомневающиеся, шатающиеся люди тоже говорили: «Конечно, в Питере у вас рабочие и солдаты революционны, вы здесь революцию сделаете, а вас Москва не поддержит, не поддержат Ярославль, Тамбов, Пенза, как же вы начинаете?» Мы отвечали каждому такому Фоме-неверному: «Нет, товарищи-скептики, шатуны, колеблющиеся, ваша точка зрения ложная, в корне ложная. Рабочие в Петрограде более революционны, говорите вы, но их революционность, ведь, не с неба же упала; она отражает общее революционное настроение в стране. Рабочие Петрограда не отделены от рабочих других городов каменной стеной. Если петроградские рабочие более передовые, так они и должны начать и других за собою увлечь». И кто же был прав? Скептики, сомневающиеся, шатуны? Нет, мы оказались правы. В сердцах рабочего класса накопилось много ожесточенной ненависти, недоверия, стремления сбросить иго капитализма. Пример героической борьбы передовых рабочих поднял более отсталых и толкнул вперед. Как петроградские рабочие подняли русских рабочих, так и российский рабочий класс поднимает, поддерживает и толкает вперед рабочих всего мира. Я говорю это не по книгам, не по газетам. Меня, как социалиста, как эмигранта, в эпоху господства царского режима, бросало из одной страны в другую. Перед началом войны я был в Австрии и, как русский, должен был поспешно уехать в Швейцарию. Около двух лет

находился во Франции и наблюдал там, как растет ненависть рабочего класса против всех капиталистов, которые вовлекли страну в бесчестную войну, а потом сами обогащались на войне. Из Франции меня вывезли в Испанию, нейтральную страну. Я наблюдал, как война истощила и эту страну, выкачивая из нее продовольствие и порождая бурные движения среди рабочего класса. Из Испании меня выслали в Соединенные Штаты, и там мне пришлось быть свидетелем двух больших событий: вмешательства Соединенных Штатов в войну и начала русской революции. Вмешательство Америки сразу вызвало сильную дороговизну хлеба и продовольственных запасов, и я видел, как в Нью-Йорке многие тысячи работниц вышли на улицу с криками: «Долой войну, мы хотим есть!» Потом пришла весть о русской революции. В марте прошлого года я участвовал на многих американских собраниях, где сходились десятки тысяч рабочих. Весь нью-иоркский пролетариат жил, трепетал одной мыслью: «Вот есть героический русский рабочий класс. Настанет час, когда мы, американские рабочие, тоже заговорим на революционном языке с нашей буржуазией!» Я видел, какое благотворное влияние оказала освободительная борьба русской революции на американских рабочих. Оттуда в марте месяце я выехал сюда, в Россию. Но человек предполагает, а Англия располагает. По дороге англичане взяли меня в плен, как противника войны, как революционера, и посадили в Канаде под замок. Там я столкнулся лицом к лицу с немецкими матросами, которые были сняты англичанами с потонувших кораблей. Я прожил с ними месяц, мы жили под одной кровлей, в одном огромном бараке, где было 800 человек. Они все с жадностью следили за нашей революцией. Нас было 6 человек русских. Когда нас выпустили оттуда, все немецкие матросы построились в две шеренги. Это отдавали честь не нам, а русской революции. Их представитель, отличный революционный матрос, сказал: «Передайте нашим братьям русским, что нам труднее, чем им, ибо наша государственная машина крепче сколочена, и нам труднее ее взорвать, но наши сердца, говорил он, бьются ненавистью к капиталу и к нашему кайзеру заодно с сердцами русских рабочих». И после того, разве мы не наблюдали в Германии в январе этого года всеобщих стачек, а во флоте разве недавно не было восстания среди матросов? И в Финляндии были митинги немецких матросов, сотни арестов, десятки расстрелов. Это все факты. Немецкая революция идет слишком медленно? Да, верно, но мы с вами, разве мы революцию сделали в один день, разве не было сперва 1905 года, 9-го января [33], октября (1905) [34]?.. Потом Столыпин нас придушил. Мы молчали 12 лет, шевелились под спудом, а потом, расправивши спину, скинули царя в 1917 году.

Да, освобождение рабочего класса есть трудное дело. В один день его не совершишь. А немцам ведь труднее, чем нам. И у них помещики, капиталисты, хищники, как и у нас, у них тоже притеснители и враги рабочего класса, но они не казнокрады, не пьяницы, не лодыри, как были

наши помещики, а дельные мошенники, умелые эксплоататоры рабочего народа.

Поэтому они тверже сидят на своих местах. Но опыт истории, здравый смысл—все говорит нам, что рабочий класс в Англии, Франции, Германии сделает то же, что и мы. Что может дать война рабочему классу Англии и Германии, кроме новых налогов, новых жертв, тысяч и миллионов калек, сирот, вдов, стариков, отцов, оставленных без призора? И когда рабочие массы начнут выходить из траншей, оглянутся на свой дом и увидят, что у жены печные горшки пусты, и нет для детей пищи, то можем ли мы сомневаться в том, что небывалое в истории возмущение охватит трудящиеся массы всей Европы, всего мира?

Да, революция движется слишком медленно, это верно. Нам хотелось бы, чтобы она разразилась сразу везде. Она движется медленно, но она подвигается; она прокладывает себе тайные ходы в царстве буржуазии, и она победит. Вот тут рассказывал нам один товарищ из Белоруссии, как там буржуазия закапывает хлеб в землю и ставит кресты над могилами, чтобы не нашли его. Такова буржуазия. А мы говорим, что революция восторжествует и даст хлеба трудящимся всего мира, а в могилу закопает буржуазию и поставит над ней не крест, а осиновый кол.

ОРГАНИЗАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Новая Армия.

Речь в Алексеевском Народном Доме 22 марта 1918 г. (в день Красной Армии) [35].

Февральская, а затем октябрьская революция протекали, главным образом, под знаком борьбы за мир на честных демократических началах. Буржуазия, получившая власть в первый период революции, в своей империалистической политике сильнейшим образом тормозила дело мира.

Только со времени октябрьского переворота, когда государственная власть перешла непосредственно в руки советов, Россия вступила в полосу прямой, активной борьбы за мир.

Нами были сделаны всевозможные усилия, принесены все жертвы в этом направлении, вплоть до полной демобилизации старой армии и объявления о прекращении Россией войны с центральными державами; но германский империализм, не испытывая серьезного революционного давления изнутри, обрушился всей своей тяжестью на почти обезоруженную Россию и, нанеся ей ряд предательских ударов, заставил подписать невозможно тяжелый мир.

Такой мир, при постоянной угрозе самому существованию Советской России со стороны Германии, Японии и других империалистических держав, не может быть длительным, и потому насущная и важная задача, выдвигаемая настоящим моментом, это организация обороны страны, мобилизация всех ее сил для вооруженного отпора врагу внешнему и внутреннему.

Каковы же конкретные меры, которые должны быть проведены в первую очередь со всей полнотой теперь же?

Всеобщее обязательное обучение военному делу всего населения России. Всякий рабочий и крестьянин должен уделять ежедневно определенное количество часов для военного учения. В качестве инструкторов, должны быть приглашены опытные старые солдаты, унтер-офицеры и представители старого командного состава.

Всех офицеров, всех врачей, инженеров, всех интеллигентных специалистов, до сих пор усердствовавших по части саботажа, за ушко да на солнышко! Говорят, что старые офицеры настроены контр-революционно, что вверять им военное дело социалистической армии опасно. Но, во-первых, им будут отведены только технические и оперативно-стратегические стороны работы, весь же аппарат армии в его целом ее организация

и внутреннее строительство будут целиком и полностью делом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов; во-вторых, офицеры и генералы были нам страшны тогда, когда они владели всем механизмом государственной власти. Теперь они бессильны расшатать и подорвать устои Советской власти. Но пусть каждый из них знает и твердо запомнит, что, при малейшей попытке использовать свое положение в целях контр-революции, они понесут тяжкую кару, с ними будет поступлено со всей строгостью революционного порядка, пощады им не будет никакой!

Что касается дисциплины в армии, то она должна быть дисциплиной людей, скованных единым твердым революционным сознанием — сознанием своего социалистического долга. Это не будет дисциплиной, основанной на повелениях сверху, дисциплиной офицерской палки, а братской сознательной революционной дисциплиной.

В виду приближения весны и связанных с нею полевых работ, теперь не может быть произведено всеобщей мобилизации. Пока придется ограничиться введением всеобщего обязательного обучения военному делу и сформированием боевых добровольческих отрядов, которые послужат скелетом новой массовой армии.

Страна расшатана, хозяйство дезорганизовано, нет строгого учета, а без него так трудно наладить оборону. Наряду с беспощадной и решительной борьбой со спекулянтами и капиталистами, и теперь не устающими наживаться на народных бедствиях, усиливая и без того хаотическое состояние страны, будет вестись такая же суровая и решительная борьба с тем хулиганским элементом из среды трудящихся, который грабит и уничтожает народное добро на десятки и сотни тысяч рублей. Революционный народ оправдает борьбу с этим хулиганским элементом во имя защиты и сохранности народного достояния.

У нас повсюду враги, но есть у нас и друзья в Европе: это рабочий класс. Ему неизмеримо труднее, чем нам, бороться с собственной прекрасно организованной и все еще крепкой буржуазией, но 4-летняя война неизбежно подготовляет объективную почву для все-европейской революции. Раньше или позднее вспыхнет в Европе пожар революционной гражданской войны; в этой войне мы также не должны быть последними; мы должны быть во всеоружии готовыми к борьбе, должны победить, и мы победим в ней, ибо не может восставший рабочий класс всех стран не победить в последней решительной схватке своих вековечных врагов, затеявших и продолжающих грабительскую неслыханно-кровавую бойню!

Красная Армия

Речь на заседании В. Ц. И. К. 22 апреля 1918 г.

I.

Товарищи, переломный характер эпохи, в которую мы живем, особенно остро и болезненно отразился на внутренней жизни армии, которая представляет собою колоссальную организацию, могущественную по количеству захваченных ею лиц и материальных средств и в то же время в высшей степени чуткую по отношению к тем историческим толчкам, которые составляют самую природу революции.

Старое военное министерство после октябрьского переворота было формально переименовано в Народный Комиссариат по военным делам. Но этот Комиссариат фактически опирался, и не мог не опираться, на тот военный организм, который был получен по наследству от предшествовавшей эпохи. Армия, проведшая три года в окопах, получила уже до революции в боях при царизме, а затем во внутренней несостоятельности режима первой эпохи революции и, наконец, в наступлении 18 июня — ряд жестоких ударов изнутри и извне, которые неизбежно должны были привести ее в состояние полного разложения. Народный Комиссарнат по военным делам опирался на эту огромную организацию, на ее человеческий состав и на ее материальный аппарат и в то же время, в предвидении ее неизбежного крушения, приступил к созданию новой армии, которая должна была в большей или меньшей степени в этот переходный период отражать структуру советского режима, ему соответствовать. В рамках Народного Комиссариата по военным делам, в одном из его углов, была создана Всероссийская Коллегия по организации рабочей и крестьянской Красной армии [36]. В настоящее время эта коллегия фактически превратилась в Народный Комиссариат по военным делам. Ибо старая армия, которая в октябре, в ноябре и декабре 17 года существовала еще, по крайней мере, материально, как тело, хотя она давно уже перестала существовать, как дух, — эта армия, в конце концов, путем крайне болезненных процессов сошла со сцены. Таким образом, задача Военного Комиссариата в настоящее время состоит в том, чтобы огромный военный аппарат прошлого, дезорганизованный, расстроенный, но могущественный по количеству ценностей, которые он обнимает, учесть, организовать и приспособить к той армии, которую мы сейчас хотим формировать.

Сейчас мы на верхушке организации сливаем отделы всероссийской коллегии по организации рабочей и крестьянской армии с соответственными отделами Военного Комиссариата, которые еще отражают ныне уже не существующую прежнюю армию. Но эта работа касается только самой верхушки организации. Далее, если мы останемся в поле военно-административного аппарата, то должны будем констатировать, что на местах произошла не менее радикальная ломка. Заменив старую организацию власти, в том числе и военное управление, советской организацией, мы в первый период оказались на местах без органов военного управления.

Местные Советы выполняли кое-как и эту работу при помощи своего обще-советского аппарата. Под воздействием росших потребностей, из них стали затем выделяться военные отделы, далеко, впрочем, не везде и всюду.

Мы уже провели через Совет Народных Комиссаров положение о местном военном управлении в волостях, уездах, губерниях и округах[37]. Везде мы установили единообразный тип советского военно-административного учреждения, который мы назвали «комиссариатом по военным делам» и который строится нами так, как вообще мы строим в настоящее время правящие и руководящие коллегии во всех отраслях военного дела. Это трехчленные коллегии, в состав которых входит один военный специалист с теми знаниями и размахом, которые отвечают объему его деятельности; с ним вместе в той же коллегии работают два комиссара по военным делам.

В вопросах чисто военных, оперативных, тем более в вопросах чисто боевого характера, военные специалисты во всех учреждениях имеют решающее слово. Разумеется, этого типа организация не является идеальной. И она тоже выросла из переломного характера эпохи.

Новый класс встал у власти — класс, у которого есть свои тяжелые счеты с прошлым. Это прошлое, в лице ныне отсутствующей армии, завещало ему известный материальный капитал: пушки, винтовки, всякие боевые запасы и известный умственный капитал: накопленную сумму знаний, боевой опыт, административные навыки и т. д., все то, что находилось в распоряжении специалистов военного дела — бывших генералов, полковников старой армии, то, чего не оказалось в руках нового революционного класса. В тот период, когда этот новый революционный класс боролся за власть и встречал на своем пути сопротивление, он это сопротивление механически разрушал; и он был прав постольку, поскольку вообще рабочий класс имеет право на государственную власть. А отрицать за рабочим классом право на разрушение враждебной классовой организации могут только те, которые отрицают за пролетариатом право на государственную власть.

Тот класс, который говорит себе, что он историей призван взять руководство всей государственной общественной и экономической, а, стало-быть, и военною жизнью страны в свои руки, тот класс, который считает, что, сделавши это, он, в последнем счете, после того, как преодолеет все затруднения и препятствия, в том числе и свою собственную техническую

неподготовленность, сторицей воздаст своему обществу, народу, нации за все то, что он временно отнимает путем ударов против своих жестоких классовых врагов, — этот класс имеет право на власть, и он имеет право разрушать все то, что стоит на его пути. Это для нас, для революционных социалистов, является незыблемой истиной.

Однако, преодоление сопротивления буржуазии есть для пролетариата только первая половина его основной задачи — овладения политической властью.

Работа пролетариата по непосредственному разрушению гнезд и очагов контр-революции и тех аппаратов, которые, в силу своей природы или исторической инерции, сопротивлялись пролетарской революции, будет оправдана лишь в том случае, если рабочий класс и связанная с ним крестьянская беднота, взявши в свои руки власть, смогут и сумеют привлечь к себе на службу и материальные ценности прошлой эпохи, и все то, что, в духовном смысле, представляет известную ценность, известную частицу накопленного национального капитала.

Рабочий класс и трудящиеся массы крестьянства не выдвинули и не могли сразу выдвинуть из своей среды новых полководцев, новых технических руководителей, — и все это было предвидено всеми теоретиками научного социализма. Пролетариат вынужден взять себе на службу тех, которые служили другим классам. Это относится целиком и к военным специалистам.

Чтобы дважды не возвращаться к этому вопросу, я здесь же скажу, что, разумеется, было бы гораздо более здоровым, целесообразным и экономичным, в смысле расходования человеческой энергии, если бы мы могли иметь сейчас такой командный состав, который отвечал бы природе тех классов, которые взяли в свои руки власть и не собираются этой власти никому отдавать. Да, это было бы гораздо более желательным. Но этого нет! Наиболее дальнозоркие, проницательные или просто обладающие известным историческим опытом представители командного состава старого режима так же, как и мы, отдают себе ясный отчет в том, что структура командного состава не может быть сейчас построена по типу единоначалия, что мы вынуждены раздваивать авторитет военного руководителя, передавая чисто военные, оперативные, боевые функции тому, кто этому учился, кто это лучше знает, и кто должен, стало быть, за это нести всю ответственность; передавая, с другой стороны, работу идейно-политического формирования тому, кто по своей психологии, по своему сознанию и происхождению связан с новым классом, стоящим у власти. Отсюда эта двойственность командного аппарата, который состоит из военных специалистов и политических комиссаров, причем, как вы уже знаете, последние имеют строжайшее предписание [38] не вмешиваться в оперативные распоряжения, не задерживать и не отменять их. Комиссар своей подписью только ручается перед солдатскими и рабочими массами в том, что данный приказ продиктован военным замыслом, а не контр-революционным подвохом. Это все, что говорит комиссар, подписываясь под тем или иным оперативным при-

казом. Ответственность за целесообразность приказа целиком падает на военного руководителя.

Повторяю, этот институт признается правильным наиболее проницательными из среды самих военных руководителей. Они понимают, что в ту эпоху, в которой мы живем сегодня, сейчас, другим путем, другими методами строить военную организацию нельзя. В своей области военные руководители имеют весь необходимый простор, поскольку они добросовестно будут выполнять и выполняют свои обязанности. А мы работаем лишь с такими военными специалистами (я могу это констатировать), которые ясно представляют себе, что, независимо от их политических суждений и убеждений, если они сегодня хотят приложить руки к созданию вооруженной силы, они могут это сделать только через посредство аппарата Советской власти, ибо в тех пределах, в которых формирующаяся армия будет соответствовать природе классов, которые стоят теперь у власти, эта армия не станет новым элементом дезорганизации разложения, а представит собою боевой орган этих новых правящих классов.

Независимо от своих общих политических воззрений, серьезные военные специалисты понимают, что армия должна соответствовать режиму данной исторической эпохи. Между режимом эпохи и характером армии не может быть противоречия. Никто из нас не станет, разумеется, утверждать, будто формирующаяся сейчас Красная Рабоче-Крестьянская Армия является последним словом советской армии, в смысле принципов, лежащих в ее основе. Мы положили в основу формирования этой армии принцип добровольчества. Но это не тот принцип, который отвечает характеру рабочей демократии. Это временный компромисс, вытекающий из трагических условий всей материальной и духовной обстановки последнего периода.

Для того, чтобы создать армию, основанную на принципе обязательности для каждого гражданина отстаивать ту страну, которая проводит честную политику, которая не хочет насилия, а желает лишь защитить и утвердить себя, как государство трудящихся масс, — для того, чтобы подобную армию, соответствующую советскому режиму, создать, — для этого нужны основные и многочисленные условия, которые должны еще быть созданы во всех остальных областях общественной, экономической и государственной жизни. Необходимо поднять производительные силы страны, восстановить и развить транспорт, наладить продовольствие, поднять промышленность, установить в стране твердый деловой порядок, — порядок трудящихся масс. Это и есть та задача воспитания и самовоспитания, организации и самоорганизации, которая ребром стоит перед властвующими теперь классами.

Они ее разрешат, товарищи! В этом мы, с огромным большинством из вас, глубоко убеждены. В конечном итоге они эту задачу разрешат! Но лишь в меру того, как эту задачу властвующие теперь классы будут разрешать, они сумеют создать и армию, вполне отвечающую их природе, — армию могущественную, поскольку могущественно будет новое коммунистическое хозяйство.

Сейчас же из добровольцев рабочих и крестьян мы создаем только вспомогательный орган, который должен, до создания подлинной армии социалистической республики выполнять элементарнейшие функции обороны внешней и внутренией, —слабый орган, — это знаете вы, как и я, знают это и наши враги. Это орган слабый не по отношению к нашим **внутренним** классовым врагам, которые жалки, безидейны, бездарны и бессильны, которые не опасны, которых разбивали везде и всюду импровизированные отряды рабочих и матросов без военных руководителей, — нет, если эта армия слишком слаба, то лишь по отношению к могущественным **внешним** врагам, которые пользуются огромной централизованной машиной для массовых убийств и истреблений. Против них нам необходима другая армия, — армия не импровизированная, армия, созданная не для переходного момента, армия, построенная, насколько это возможно при данном состоянии страны, на принципах военного искусства и, стало быть, при посредстве специалистов. Те самые отряды, которые состояли из героических рабочих и находились под командой импровизированных полководцев, которые совершали геройские подвиги в борьбе против калединских, корниловских, дутовских и иных банд, — эти отряды сами на опыте убедились, что их принцип организации несостоятелен перед сколько-нибудь организованной военной силой, построенной на принципах, военного искусства. Это ныне прекрасно понимает каждый сознательный рабочий, и в этом понимании сознательных рабочих, революционных крестьян и красноармейцев мы почерпаем психологическую опору для того, чтобы приступить к созданию армии, в которую мы вовлекаем также и все то, что есть жизнеспособного в составе старого командного состава, ибо и тут имеются элементы, которые идут на эту работу заодно с нами. И это отнюдь не худшие элементы, как поймете и вы все, — это те, которые не считают возможным предательски выжидать, пока нынешний режим падет, на что, разумеется, известная часть имущих классов и широкая часть интеллигенции рассчитывает. Да, они не считают возможным предательски выжидать этого, сидя по всем своим саботажническим щелям. Это те элементы, которые говорят, что они далеко не согласны с политикой, проводимой теперь, но они считают обязательным для себя, как для солдат, прилагать свои силы к формированию армии, которая не может не отвечать духу советского режима.

Для того, чтобы перейти от режима добровольческого к режиму обязательному, милиционному, т. е. к обязательной воинской повинности, сведенной к необходимому минимуму, для этого нужен военно-административный аппарат, аппарат учета наличного состава сил, которые должны быть подведены под состояние военнообязанных. Такого аппарата у нас еще нет. Старый аппарат разрушен вместе со всеми аппаратами бюрократии, новый создается только теперь, в виде волостных, уездных, губернских и окружных военных комиссариатов, которые формируются соответственными советами на местах и включают, как сказано, в свой

состав трехчленную коллегию — из одного военного руководителя и двух комиссаров. Они должны держать на учете все население соответственного возраста, они призваны быть тем аппаратом, который будет военнообязанное население подвергать необходимому учету, призывать, формировать, мобилизовать; наконец, они же, — эти местные комиссариаты, будут непосредственно распоряжаться силами местного назначения, т. е. за вычетом полевых сил, которые будут состоять в непосредственном распоряжении центральной военной власти.

Декрет о местном военном управлении утвержден Советом Народных Комиссаров и в настоящее время проводится в жизнь. Это есть необходимая предпосылка какой бы то ни было организационной планомерной работы по формированию армии.

Далее, задача состоит в том, чтобы не только извлекать командный состав из старого командного корпуса, но и сейчас, немедленно, теперь же, формировать новый командный состав из тех элементов, которые выходят из классов, стоящих в настоящее время у власти — из рабочих, матросов, солдат, имеющих известный минимум общеобразовательной подготовки и уже обнаруживших боевой темперамент, свои боевые способности и на фронте против немцев, и в гражданской войне. Необходимо, чтобы они получили возможность пройти нужную военную подготовку.

В военных школах республики сейчас их еще очень мало — пока только около 2.000 такого рода новых завтрашних командиров проходят элементы военной науки. Мы постараемся увеличить их число.

Для перехода к милиционной системе, к системе обязательной воинской повинности, нам необходимо сейчас же, до того, как весь аппарат страны позволит нам создать могущественную армию, ввести обязательное обучение военному делу в тех очагах, где сосредоточены трудящиеся массы. И мы предлагаем вашему вниманию сегодня декрет огромного принципиального значения*): об обязательном обучении военному делу рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян.

Прежде всего, по поводу самого заголовка, так сказать, «титула» этого декрета, который может вызвать некоторые принципиальные возражения.

Мы не говорим о всеобщем обязательном краткосрочном обучении военному делу всех граждан. Мы ставим это дело на классовые основы и указываем это в самом заголовке нашего декрета. Почему? Потому что армия, которую мы формируем, должна, как я уже сказал, соответствовать природе советского режима, потому что мы живем в условиях диктатуры рабочего класса и связанных с ним низов крестьянства. Это есть основной факт нашего режима. Мы не живем в условиях режима формальной демократии, всеобщего избирательного права, которое в период революционных классовых столкновений может, в лучшем случае, сделать

*) См. приложенный к настоящей речи — декрет.

перекличку народонаселения, причем, после этой переклички, главную роль будет играть все же соотношение материальных классовых сил. Формальная демократия, если бы она явилась в первый период революции, в лице Учредительного Собрания, могла бы, в лучшем случае, сыграть роль такого рода предварительной переклички. Но решающее слово произнесло бы фактическое столкновение классовых сил. Это могут не понимать только жалкие доктринеры мещанства. Для тех, кто понимает внутреннюю динамику революции, с ее обостренной борьбой классов, совершенно ясно, что через какие бы формальные надстройки, через какие бы демократические коридоры революционный режим ни проходил, он неизбежно должен закончиться открытой диктатурой того или другого класса — либо буржуазии, либо пролетариата. Он закончился у нас диктатурой рабочего класса и крестьянской бедноты. Армия, которая должна быть боеспособной, которая должна создать обороноспособность страны, не может не отвечать, по всей своей структуре, по всему своему составу, по своей идеологии, — природе этих классов. Эта армия не может не быть классовой армией.

Это я говорю не только с точки зрения политической, она, разумеется, имеет не последнее значение для советского режима. Раз рабочий класс взял в свои руки власть, так он, очевидно, должен создать свою армию, свой вооруженный орган, который его вполне обеспечивал бы от опасностей. Но и с точки зрения чисто военной, с точки зрения обороноспособности страны при условии советского режима, есть одна только возможность: построить армию на классовых началах.

До тех пор, пока этот режим не будет сменен режимом коммунистическим, когда привилегированный класс закончит свое привилегированное существование, и когда в этой области будет введена общая повинность всех граждан защищать коммунистическую республику против всяких опасностей извне,—до этого армия может иметь только классовый характер.

Говорят, что этим самым мы возлагаем на рабочий класс всю тяготу, всю ношу военной обороны, освобождая от этого буржуазию. Разумеется, формально это так, хотя мы надеемся, что Советская власть примет все меры к тому, чтобы возложить на буржуазию ту часть бремени по обороне страны, ту часть работы, которая не даст буржуазии возможности вооружиться против рабочего класса. По существу дело сводится к тому, что в эту переходную историческую эпоху пролетариат делает из государственной власти и ее военного аппарата свою классовую монополию. Это есть факт, который мы утверждаем и провозглашаем.

До тех пор, пока пролетариат не отучил имущие классы от надежды и попыток, стремлений и заговоров в сторону возвращения себе государственной власти, до тех пор, пока буржуазия не растворилась в коммунистическом режиме страны, до тех пор властвующий трудящийся класс должен обязательно, — и он это сделает, — превратить оружие в свою классовую монополию, в средство своей обороны против вну-

тренних и внешних врагов, — потому что, как мы это видим и на Западе, и на Востоке, в России внутренние враги в минуту опасности для страны подают руку внешним врагам. Вот почему мы вводим обязательное обучение военному делу для рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян.

Декрет по вопросу об обязательном обучении, который предлагается вам, — причем утверждения вашего мы с нетерпением ждем, ибо это даст нам возможность приступить сейчас же к важнейшей части работы по формированию армии, — этот декрет имеет огромное принципиальное значение.

Прежде всего, он на новых основаниях восстановляет принцип обязательности и тем самым помогает нам преодолеть принцип добровольчества, который мы приняли для короткого переходного периода, и который мы ликвидируем тем скорее, чем полнее мы справимся со всеми остальными задачами нашей народной жизни. Этот декрет установит, если вы его одобрите, обязанность для граждан тех классов, которые держат в своих руках власть, платить государству и советскому режиму самую большую плату,—платить своей кровью, своей жизнью. Это вы должны утвердить и тем восстановить обязательное состояние военнообязанных в возрасте от 18-ти до 40 лет.

Тот, кто проходит известную школу военного искусства, кто признается достаточно здоровым, чтобы отдать государству 8 недель в году по 12 часов в неделю, т. е. 96 часов в течение первого года и известное количество часов при повторных призывах, тот, тем самым, обязан по призыву Советской власти встать под боевые знамена для отражения внешних врагов. Это есть основная мысль данного декрета, который вы приглашаетесь утвердить. Мы здесь не создаем еще стройной системы милиции, — до этого далеко; мы берем лишь рабочих и крестьян в тех естественных трудовых очагах, в которых они находятся: на заводах, фабриках, в мастерских, в экономиях, в деревнях; объединяем их через советские военные комиссариаты и подвергаем их в этих естественных объединениях военной выучке в ее самых элементарных основах по общей программе, утвержденной для всей страны Народным Комиссариатом по военным делам. Это есть основная мысль данного декрета. Если вы ее утвердите, то это значит, что завтра же мы отдадим приказ по всей стране о том, чтобы советы, со своей стороны, на местах, через свои военные комиссариаты, фабрично-заводские комитеты приступили к этой работе. Это, значит, что вы, как Ц. И. К. С. Р., С. и К. Д., всеми своими идейными силами, авторитетом и организационными связями поддержите нас в этой колоссальной работе. Только таким путем мы сможем претворить в ближайшем будущем в Красную Армию, как временное образование, подлинно боеспособные поколения рабочего класса и крестьянства до тех пор, пока эти классы не преобразовали всего уклада страны.

На ряду с этим, я предлагаю на ваше утверждение декрет о порядке замещения должностей в рабоче-крестьянской армии [39]. Этот декрет введён

нами уже практически в жизнь путем нашего ведомственного распоряжения, разумеется, только потому, что мы не могли обходиться без всякого в этом смысле руководящего положения. Сейчас от вас зависит, и мы на это надеемся, утвердить его вашим авторитетом, вашей законодательной властью для того, чтобы мы с тем большей силой могли проводить его в жизнь. Дело сводится к тому, чтобы создать для Красной рабоче-крестьянской Армии командный состав, который подбирался и группировался бы советскими организациями, как таковыми. Если перевести это на язык обычной нашей терминологии, то это значит, что по отношению к Красной Армии мы чрезвычайно ограничиваем и во многих отношениях сводим на нет выборное право.

Этот пункт может показаться боевым, но на практике при проведении его мы встречаем чрезвычайно мало затруднений. Это объясняется очень просто. До тех пор, пока власть была в руках класса, враждебного тем классам, из которых вербовалась солдатская масса, пока командный состав назначался буржуазией, совершенно естественно было, что рабочая и крестьянская масса, боровшаяся за свое политическое освобождение, требовала для себя выборности вождей, военачальников. Это был тот метод, которым она обеспечивала себе свое политическое самосохранение. Никто не думал и не мог думать, что те импровизированные начальники, командующие армиями, корпусами и проч., которые выдвигались на фронте в период рабоче-крестьянской октябрьской революции, — что они, действительно, могут выполнять функции главнокомандующих во время войны; но революция поставила перед рабочим классом задачу взять в свои руки власть,—и рабочий класс, в том числе и в армии, не мог относиться с доверием к тому командному аппарату, который был создан враждебным классом; и не мог не выбирать из своей среды тех лиц, которым он, прежде всего, доверял.

Тут имел место не метод назначения командиров, а один из методов классовой борьбы. Нужно в этом отдать себе ясный отчет.

В тех случаях, когда мы имеем дело с формированием во всех отношениях одного и того же классового состава, вопросы выборности и назначения получают второстепенное техническое значение. Советы выбираются рабочими и крестьянами, и это предрешает в классовом отношении то, что советы назначают на очень ответственные посты комиссаров, судей, командиров, начальников и пр. и пр. Также и выборное правление профессиональных союзов назначает у себя целый ряд чиновников на очень ответственные посты. Раз правление выбрано, ему доверяют, в качестве технической обязанности, подбор соответственного персонала.

Мы хотим сказать, что Красная Армия, которая существует сейчас, не есть какой-либо самодовлеющий организм, который существует для себя и сам для себя издает законы. Это есть только орган рабочего класса, его вооруженная рука. Она будет заодно с рабочим классом и свя-

заиным с ним крестьянством. Стало быть, те органы, которым рабочий класс и крестьянская беднота поручила формирование Красной Армии, должны быть облечены властью подбора командного состава на местах и в центре. Декрет о порядке замещения должностей в рабочей и крестьянской армии имеет своей задачей обеспечить эту возможность.

Далее, у нас на очереди стоит вопрос о том, чтобы закрепить то положение, которое сейчас мы везде на практике пытаемся с относительным успехом ввести в силу и действие, — именно, создать в Красной Армии постоянные устойчивые кадры. То, чем Красная Армия отличалась в первые недели и месяцы своего формирования, это — текучесть, которая характеризует собою, вообще, нашу хозяйственную и государственную жизнь и которая, если глядеть шире, отражает собою глубочайший социальный перелом; когда еще ничто не устоялось, все вышло из берегов, когда огромные массы народа передвигаются с места на место, промышленность находится в расстройстве, транспорт не налажен, продовольствие расшатано, — и от всего этого страдает население, и в первую голову — класс, который взял в свои руки государственную власть. И не только в военном ведомстве, а везде, во всех областях, коренной задачей нынешней, новой после-октябрьской эпохи является утверждение путем деловой работы в центре и на местах — определенного, устойчивого, делового режима; прикрепление людей к работе, создание самой устойчивой работы, потому что, если война пробудила революционное сознание, то она же, вместе с тем, лишила страну последних остатков планомерности и устойчивости, — хозяйственной, государственной, бытовой.

Итак, необходимо, на основании новых задач революции, приняться за упорную, регулярную и систематическую работу. Разумеется, это должно найти, прежде всего, свое отражение в армии, ибо оставление в силе царивших в ней явлений не мирится с наличием армии вообще. Напомним эти явления! Что мы наблюдали в первые недели? Чрезвычайную текучесть ее. Это означало, что многие входили в нее и проходили сквозь нее, как через проходной двор; заручались на несколько дней продовольствием, шинелью, отнюдь не чувствуя себя связанными; некоторые получали задаток, после чего переходили в другие части или просто выходили из состава армии. Конечно, такие элементы составляли меньшинство, но они деморализовали части армии, дезорганизовали ее в строевом смысле. Соответствующий декрет, который предлагается вашему вниманию, должен покончить с этим хаосом, с такой безответственностью; он закрепляет каждого добровольца за частью, в которую он вступил, на $^1/_2$ года. Доброволец обязуется не покидать части раньше истечения полугодия, и если он нарушает это обязательство, он подлежит уголовной ответственности [40].

Наконец, мы предлагаем вам принять и утвердить формулу того торжественного обещания, которое дает каждый красноармеец в верности тому режиму, который его ставит к себе на военную службу. Формула этой Красной Присяги выражает и самый смысл создания Красной Армии.

Это торжественное обещание, по нашей мысли, должен дать каждый солдат революционной армии перед лицом рабочего класса, революционной части крестьянства России и всего мира в день 1-го мая. Тут нет никакого противоречия, хотя, на первый взгляд, покажется парадоксом, что первомайский праздник, который был у нас всегда праздником борьбы и протеста против милитаризма, для нас, для революционной Советской России, уже в этом году явится днем, когда рабочий класс должен манифестировать свою волю к вооружению, к обороне, к созданию в стране крепкой военной силы, которая бы отвечала характеру советского режима и была способна этот режим защищать и охранять. Но в том-то и дело, что первомайский праздник в России протечет совсем в других условиях, чем в остальных странах Европы, где продолжается империалистическая война, и где у власти стоят империалистические классы. Именно благодаря последнему обстоятельству, которое в России уже отсутствует, там первое мая должно быть в настоящее время больше, чем когда бы то ни было, днем сугубого протеста против машины капиталистического империализма;— наоборот, у нас этот день должен быть днем манифестации в пользу пролетарской армии и в этот день мы предлагаем обязать торжественной клятвой, обещанием, если хотите, социалистической присягой, наших красноармейцев служить тому делу, во имя которого мы включили их в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Нам необходимо, чтобы все предлагаемые декреты получили санкцию Ц. И. К. Вы можете их изменить, но вы не можете их отвергнуть в основе, ибо это значило бы отвергнуть самое существо того дела, которое вы защищаете. Ц. И. К. не может отвергнуть той задачи, которую революция перед ним ставит.

Эта задача заключается в том, чтобы авторитетно сказать рабочему, сказать трудовому крестьянству, что сейчас октябрьская революция уперлась в основную задачу воссоздания на советской основе сильной и могущественной армии, которая сама стала бы рычагом рабоче-крестьянской революции и могущественным фактором революции международной.

Я не стану вдаваться в область международной политики. Для каждого из нас ясно и очевидно, что нашей революции грозит опасность не от русской буржуазии и не от ее вольных и невольных помощников внутри страны, а от иностранных милитаристов. Враги нам грозят со всех концов капиталистической Европы и Азии.

И если мы хотим устоять до того момента, когда враги наши получат смертельный удар у себя, то мы должны создать максимум благоприятных для нас условий. В частности, в области военного дела мы можем этого достигнуть путем создания внутренней революционной дисциплины хотя бы в том зародыше армии, который есть сейчас.

Вообще же мы должны создать рабоче-крестьянскую армию, подготовляя ее резервы на заводах и фабриках, обучая военному делу рабочих, дабы, если в ближайшие месяцы нам будет грозить опасность, можно

было бы нынешний скелет рабоче-крестьянской армии пополнить плотью и кровью этих подготовленных резервов. Одновременно мы, по мере сил, будем подготовлять новые командные кадры и через инструкторские курсы, и посредством тех элементов старого командного состава, которые честно начали и будут работать вместе с нами над повышением обороноспособности страны.

Если нашей военной работе, которая, товарищи, совершает только первые шаги, вы дадите вашу санкцию, вы, вместе с тем, дадите нам возможность проводить все, что нами предлагается, на местах, укреплять и отстаивать наши мероприятия. Если это вы сделаете, то я надеюсь, товарищи, что и обороноспособность страны мы подымем в той мере, в какой мы вообще подымем всю хозяйственную и государственную мощь нашей страны.

Вы измените то, что найдете нужным, отвергнете то, что покажется ложным, но признайте одно, что Советская Россия нуждается в армии, которая должна представлять собою орган защиты Советской, т. е. рабочей России. Она — эта армия — должна быть не дилетантской, не импровизированной. Для этого к работе в ней необходимо привлечь всех ценных специалистов.

Но здесь, естественно, возникает соображение, что эту армию отдельные личности могут попытаться использовать в целях враждебных рабочему классу — как орудие контр-революционных заговоров. Такие опасения возникают в нашей собственной среде. Время от времени приходится наталкиваться на них, и потому необходимо разобрать их основательность.

Носители опасений говорят, что представители старого командного состава попытаются, и с успехом, в новой армии создать контр-революционные очаги. Если бы дело обстояло, товарищи, так, то это значило бы, что вся наша работа обречена на неизбежное крушение. Это значило бы, что и рабочие на заводе, на фабрике, привлекая инженера, ставя его, как администратора, техника, давая ему широкое поле творчества и возлагая на него ответственность, тем самым рискуют восстановить капиталистический режим, возвратиться к кабале, к гнету. Но это не так!

Все теоретики социализма предсказывали, предусматривали, — писали об этом, — что в ту эпоху, когда рабочий класс станет у власти, ему необходимо будет привлечение к работе всех жизнеспособных, ценных, квалифицированных элементов, которые раньше служили имущим господствовавшим классам. Писали теоретики социализма нередко и то, что, если понадобится, рабочий класс заплатит этим самым специалистам вдвое, втрое больше, чем они получали при буржуазном режиме, только для того, чтобы их закрепить за собою. И это будет все же «дешево», в виду тех выгод, которые явятся в результате рационализации хозяйства на почве социалистической революции. То же самое приходится сказать и об армии, как органе обороны страны. Затраты рабочего класса, расходы крестьянства на хорошо поставленную армию окупятся сторицей.

По отношению к внутренним врагам советский режим стоит слишком твердо, чтобы нам бояться, так называемой, «генеральской» опасности. Если бы, товарищи, у кого-нибудь из специалистов и впрямь возник соблазн попытаться использовать армию против рабочих и крестьян в интересах контр-революционных заговоров, само собой разумеется, что по отношению к такого рода заговорщикам мы живо освежим воспоминания об октябрьских и иных днях. И они это знают прекрасно!

С другой стороны, товарищи, и среди военных специалистов, насколько я лично успел ознакомиться с ними, я нашел гораздо больше ценных элементов, чем это нами предполагалось. Для многих из них опыт войны и революции не прошел даром. Многие поняли, что новым духом веет на Руси, поняли новую психологию пробужденного рабочего класса, поняли, что нужно иначе подходить к нему, иначе говорить с ним, что иным путем нужно строить армию. Такого рода военные специалисты есть.

Есть они. И мы надеемся, что мы извлечем из молодых поколений бывшего офицерства старой армии широкие кадры и оплодотворим нашу работу по формированию армии их знаниями, их опытом.

Нужно только сказать веское и авторитетное слово о том, что сейчас России, под страхом гибели, армия нужна; что та работа, которую мы делаем сейчас, пользуется с вашей стороны поддержкой. Нам нужна ваша поддержка и вы нам дадите эту поддержку, товарищи из ЦИК!

II *)

Товарищи! Первый из оппонентов [41] говорил о том, будто армия создается нами не для охраны страны, а для каких-то, как он выразился, «экспериментов». Я уже сказал в своем докладе, что, если бы опасности, стоящие перед нами, ограничивались опасностью внутреннего контр-революционного переворота, то у нас не было бы надобности в армии вообще.

Рабочие заводов Петрограда и Москвы могли бы в любой момент создать боевые отряды, достаточные для того, чтобы раздавить в корне всякую попытку путем вооруженного восстания возвратить власть в руки буржуазии. Наши внутренние враги слишком ничтожны и жалки, чтобы для борьбы с ними приходилось создавать стройный аппарат армии, построенной на научных основах, и приводить в движение всю вооруженную силу народа.

Если нам сейчас такая сила нужна, то именно потому, что советскому режиму и советской стране грозит величайшая опасность извне, и именно потому, что наши внутренние враги сильны исключительно той силой классового сцепления, которая объединяет их с нашими внешними классовыми врагами. И в этом смысле как раз сейчас мы переживаем такой момент, когда борьба за режим, который мы создаем, упирается

*) Заключительное слово в том же заседании.

прямо и непосредственно в вопрос о поднятии полной обороноспособности страны. Советский режим мы не охраним, не защитим иначе, как путем прямого энергичного отпора иноземному капиталу, который против нашей страны наступает лишь потому, что это есть страна, где властвуют рабочие и крестьяне. В этом простом условии — узел, который завязала история.

Именно потому, что у нас господствует рабочий класс, мы являемся сейчас объектом ненависти и враждебных замыслов мировой империалистической буржуазии. Вот почему каждый сознательный рабочий и каждый революционный крестьянин должен поддерживать армию, и, если ему дорого то, что сейчас строится в России, — строится еще неладно и нескладно, — последнее я знаю так же хорошо, как и каждый из наших критиков, — но, тем не менее, то, что строится, нам бесконечно дорого ибо обещает новую эпоху в истории, — и, тем самым, представляется для нас наиболее ценным завоеванием всей предшествовавшей истории развития человечества.

Когда нам говорят, что мы производим эксперименты, я не знаю, что здесь понимают под словом «эксперимент». Вся прошлая история была не чем иным, как историей экспериментов над трудящимися массами; в прошлом была эпоха экспериментов дворянства над телом и душой крестьянских масс; я знаю в прошлом также эпоху экспериментов буржуазии над душой и телом рабочего класса. Такой эксперимент мы наблюдаем уже несколько лет во всем мире, в образе страшной империалистической бойни.

Тем не менее, находятся люди, считающие себя социалистами, которые, созерцая потрясающие эксперименты четырехлетней мировой войны, говорят, что героическая попытка трудящихся масс России освободиться, перестроить жизнь на новых началах — есть «эксперимент», который недостоин поддержки, что мы создаем армию не для защиты революционных завоеваний трудящихся, а для каких-то кружковых, партийных или других целей.

А я скажу, что, если может быть такая эпоха, которая создает потребность в армии для величайших по своей справедливости целей, так это есть теперешняя эпоха. И если возможен режим, который, нуждаясь в защите, имеет право требовать ее от трудящихся масс, так это может быть только режим господства самих трудящихся масс. Несмотря на ошибки этих последних, несмотря на шершавость их режима, несмотря на то, что он слишком жестоко проходит по коже некоторых господ интеллигентов, — несмотря на все это, — советский режим имеет право на развитие. Он будет утверждаться, а для этого он нуждается в армии. И эту армию мы будем создавать.

Затем указывают, что в проектируемой армии есть двойственность, которая является главным пороком и армии, и создающего ее режима. Разумеется, есть двойственность — двойственность, состоящая в том, что мы находимся в эпохе перехода от господства буржуазии к социалисти-

ческому строю,—двойственность, которая состоит в том, что рабочий класс овладел политической властью, но, тем самым, еще не только не завершил своего дела, а, наоборот, лишь приступил к своим основным задачам, к переустройству всего хозяйства, всего быта на новых началах,— двойственность, которая, наконец, состоит в том, что рабочий класс у власти находится в одной только России, и что ему приходится грудью отражать наступление капитала других стран, тех, где рабочий класс еще не поднялся для последней решительной борьбы и не овладел государственной властью.

Это есть двойственность или противоречие, заложенное в самой сущности нашей революции. Не в режиме тут дело, не в его политической форме и не в принципе устройства его армии,—а в столкновении двух формаций: буржуазно-капиталистической и социалистическо-пролетарской. Это противоречие возможно изжить в долгой борьбе. Мы пытаемся только создать оружие для этой борьбы и стремимся к тому, чтобы это оружие отвечало потребностям и обязанностям того режима, который мы призваны защищать.

Еще нам говорят, будто мы несерьезно предполагаем обучать рабочих и крестьян военному делу, ибо отводим для этого только 96 часов в году. Я должен напомнить, прежде всего, что среди рабочих и крестьянских масс рассеяно огромное количество элементов, которые проходили уже боевую выучку, и нам необходимо их снова собрать в тех естественных средоточиях, какими являются фабрики, заводы, экономии и вообще трудовые очаги.

Я должен сказать, что я лично не считаю себя компетентным судить, сколько именно нужно сейчас часов и недель в году для того, чтобы дать возможность нашей будущей народной армии овладеть основами военного искусства.

Возможно, что срок этот, действительно слишком мал. Если это так, то мы его увеличим, когда на открытом опыте самих рабочих и крестьян обнаружится, что им мало 96 часов, но думать, что в предлагаемом сроке есть, с нашей стороны, какой-то умысел или замысел, направленный на то, чтобы не дать рабочим и крестьянам полной военной выучки, это, я полагаю, уже самое последнее средство крючкотворства и демагогии.

Из правого сектора возражали и против беспрекословного исполнения приказов. А если, мол, приказы контр-революционные!

Если здесь хотят ввести в конституцию нашей армии право ее не выполнять контр-революционных приказов, то, заметьте, что весь текст торжественного обещания, который я огласил, направлен против контр-революции, вся армия формируется против контр-революции русской и мировой. В этом — основной духовный стержень самой армии... (Голос: «Беспрекословное повиновение командиру?»).

Разумеется, если советский режим в целом, вместе со всей своей армией, окажется жертвой контр-революционных генералов, то, стало-

быть, история не доглядела, стало-быть весь этот режим был обречен на слом.

Но, ведь, перспективы выглядят иначе, и спорные вопросы не так ставятся жизнью. Можно подумать, что у нас в настоящее время господствуют контр-революционные генералы, и мы должны возбуждать в массах критику против них. Такой критики у каждого нашего красноармейца, во всяком случае, нисколько не меньше, чем у всех тех критиков и советников, которые мешали нам, как известно, прививать солдатам, рабочим и крестьянам спасительное недоверие к классовым врагам везде и всюду; это-то недоверие у рабочих и солдат есть в достаточном количестве.

Но в силу естественной психологической реакции, наличие этого до-октябрьского недоверия к власти и ее распоряжениям у нас привело к тому, что все пытаются проводить каждый приказ, каждое распоряжение через аппарат своей критики, своего недоверия и обсуждения,— что задерживает исполнение приказа, разрушает работу и чего не должно быть в интересах самих трудящихся.

Так, например, реакция против царского централизма привела к тому, что каждая губерния, каждый уезд создает свой совет народных комиссаров, свою Калужскую, Тульскую и др. республики.

Это, в основе своей, творческое, живое начало реакции против старого абсолютизма, но оно должно быть введено в строго определенное русло. Должен быть создан государственный централизованный аппарат. Само собою ясно, что все солдаты, рабочие и крестьяне должны, вместе с нами, обеспечить себе аппарат, контролирующий весь командный состав через Центральный Исполнительный Комитет, через комиссариаты. И у нас есть этот аппарат проверки, контроля. Если он плох сейчас, то он будет налажен лучше в дальнейшем.

Но, вместе с тем, нужно установить, что приказ есть приказ, что солдат Красной Армии есть солдат, что армия рабочих и крестьян есть армия, что в ней есть боевые приказы, которые подлежат беспрекословному исполнению. Если они скреплены комиссаром, то именно он несет за них ответственность, и красноармейцы обязаны такие приказы исполнять. Если этого простейшего правила в действие не ввести, то, разумеется, никакой армии быть не может. Армия держится чем? Доверием к определенному режиму, к той власти, которую, в данных условиях, она сама создает и сама контролирует.

Если мы это общее доверие обеспечиваем,— а мы думаем, что мы его обеспечиваем, то советский режим, режим революционного класса, имеет право требовать от своих органов, от своей военной части подчинения, повиновения тем приказам, которые исходят от центральной власти и контролируются Центральным Исполнительным Комитетом.

И тем из наших военных специалистов, которые добросовестно сомневаются в том, сумеем ли мы навести дисциплину, мы говорим, что, если она была возможна при господстве царизма, бюрократии и буржуазии,

если тогда можно было создать подчинение, направленное против рабочей и крестьянской массы, если тогда была возможность создать вообще государственную власть против рабочего класса, то мы, разумеется, в десять и во сто раз больше имеем и психологической, и исторической возможности ввести железную дисциплину в армии, которая целиком создается для защиты трудящихся классов.

Нас хотят, видите ли, защитить, охранить от контр-революционных замыслов. Прежде всего установим, кто нас хочет охранить от контрреволюционных замыслов? Это сотрудники Духонина, это сотрудники Керенского.

Гражданин Дан рассказывал нам тут, как, дескать, «происходят Наполеоны», как бывает, что комиссары не умеют доглядеть. Но, помнится мне, что корниловщина выросла не при советском режиме, а при режиме Керенского (Мартов: «Будет новая корниловщина»)... Новой еще нет, а пока мы поговорим о старой, о той, которая была и которая у кое-кого на лбу оставила ясный отпечаток навсегда (Аплодисменты).

И вот, в назидание Дану, я напоминаю, товарищи, что наши комиссары, комиссары тогдашнего Петроградского Совета, умели отличать боевые и оперативные приказы от контр-революционных замыслов.

Когда Духонин, против своей воли, по требованию Керенского, хотел вывести в октябре из Петрограда гарнизон, чтоб обессилить революционную столицу, он мотивировал это оперативной, стратегической надобностью. Наши петроградские советские комиссары сказали: «совершенно ясно, что это новый эксперимент». А его проводило тогдашнее коалиционное правительство, вместе с меньшевиками в составе его, под верховной эгидой Керенского. В документах, найденных нами за подписями Керенского и Духонина, оказалось полное подтверждение этого подозрения.

Я напоминаю, что Дан и его единомышленники тогда предстали перед нами на трибуне Петроградского Совета и заявили: «вы хотите не выполнять оперативного приказа военных властей и правительства по Петроградскому гарнизону. Вы не смеете даже входить в его обсуждение». А этот приказ был, по существу, контр-революционный замысел удушения Петрограда. Мы это угадали, а вы (обращаясь в сторону меньшевиков) были слепы, и потому мы старую власть вашу свергли и взяли власть в свои руки. Мы исторически правы против вас.

К сожалению, я не слышу реплик гражданина Мартова, и мне не совсем ясно, был ли он тогда с нами или с Даном и с Керенским (Голос: «это позорно, Троцкий, что вы забыли роль, которую играл Мартов»).

Позиция гражданина Мартова имеет в себе всегда нечто крайне деликатное, почти неуловимое для грубого классового анализа, нечто такое, что заставляло гражданина Мартова в ту эпоху состоять праведником при грешнике гражданине Дане. Гражданин Дан в ту эпоху был с Керенским. Следовательно, гражданин Мартов был собственной оппозицией Дана. А теперь, когда рабочий класс со всеми своими ошибками, с «необразован-

ностью» и «некультурностью», находится у власти, вы вместе с Даном в одном и том же секторе — оппозиции рабочему классу.

А история, которая вообще берет вещи в их историческом масштабе, в их классовом размахе, эта история запишет, что рабочий класс в настоящее время в тягчайших условиях находился у власти, делал ошибки, поправлял их, а вы были вне его, в стороне от него, против него, и это снова показали перевыборы в Московский Совет [42] (Голос: «Постарались фальшивыми цифрами»). Я знаю, что когда кое-кто другой был у власти, когда был Керенский с Даном... (Дан: «Я не был у власти»). Извиняюсь... когда у власти был известный противник Дана Церетелли (смех), действительно, были кое-какие попытки фальсифицировать выборы в Советы, и они выражались в том, что целую партию обвиняли по 108 ст. [43] (Аплодисменты).

Я напоминаю, однако, что в результате этой фальсификации, мы всетаки оказались в большинстве во всех Советах.

Когда созывался 2-й Съезд Советов, Даны срывали его, фальсифицировали волю рабочих в Центральном Исполнительном Комитете, в демократическом совещании [44], подтасовывали волю революционной демократии везде и всюду при непосредственном участии моих сегодняшних оппонентов. И против всей этой фальсификации мы оказались в большинстве у власти; стало быть, наша партия — жизнеспособная, здоровая. Фальсификация, действительная или мнимая, не может повредить такой партии, а та партия, которая ссылается на фальсификацию в объяснение своего провала, это есть мертвая партия.

Возвращаясь к вопросам армии, нужно указать, что мы, само собой разумеется, не закрываем глаз ни на одну из опасностей, которые перед нами стоят, которые не нами выдуманы, а нам даны всем предшествовавшим развитием. В то же время только наши методы правильны в борьбе с этими опасностями.

Правда, нас спрашивают: «А все ли было необходимо в этом предшествовавшем развитии, все ли было исторически неизбежно? Развал старой армии, обнажение фронта, — было ли это необходимо?» Я тоже говорю: необходимо ли? Однако, можно признать, что неизбежно было то, что можно было точно предсказать.

И если вы обратитесь к нашим речам на июньском съезде советов Р., С. и Кр. Д. [45], если вы заглянете в протоколы этого съезда и прочитаете отчет первого нашего выступления на нем, вы увидите, что мы говорили гг. меньшевикам и эс-эрам, — эс-ры тогда еще были едины: «Если вы хотите нашу армию погубить, бросайте ее в наступление. Если хотите нанести ей смертельный удар, подкопать веру в революцию — бросайте ее в наступление». Это заявление мы внесли 4 июня, а 18 июня правительство Керенского и Дана бросило армию в наступление.

Вот что нанесло армии последний смертельный удар! Тогда гражданин Мартов это понимал; он знал, что в результате наступления последует трагическое, паническое отступление смертельно больной армии.

(Мартов: «А вы ее испортили, довели до окончательного развала. Я говорил: отдайте армию большевикам, они ее развратят»). Гражданин Мартов предсказывал, видите ли, кроме того, что после того, когда его единомышленники нанесут армии смертельный удар, большевики эту армию развратят. Почему история так великодушна, что между гр. Даном и Керенским, которые нанесли армии смертельный удар, и между большевиками, которые этой же на смерть пораженной армии прививали какую-то заразу, она не нашла места гр. Мартову, чтобы спасать эту армию?

Я, разумеется, не сомневаюсь, что, когда наступит социалистический строй, то будущий любитель афоризмов запишет, что сказал гр. Мартов.

Но пока мы говорим не об афоризмах, а о революции, о той самой, которая делается теперь, о том самом рабочем классе, который теперь борется, который хочет удержать государственную власть, сделав ее орудием своего освобождения, — и это о нем мы говорим: если мы вместе с ним ошибались, то вместе с ним мы и учились подниматься, и с ним мы победим. Вот еще в чем наше отличие от группы гр. Мартова.

Приступая к обучению армии, мы отнюдь не ограничиваемся 96 часами, как пытается инсинуировать гр. Мартов, изображая обязательное обучение, как фикцию. Мы знаем, что рабочий класс, к счастью, проникнут огромнейшим запасом критики. Чего-чего, а этого у него достаточно. Организации, навыка мало, способности к систематической работе, дисциплины — этого у него пока мало, но склонностью к проверке, недоверием он насквозь пропитан.

Такие наклонности есть великое завоевание; оно должно быть дополнено дисциплиной, планомерностью и др. качествами, нужными для управления и борьбы. Если рабочему не хватит 96 часов, можно будет установить вдвое, втрое больше. Если ему не понравятся генералы, он даст им отставку, а, вместе с ними, и нам. Но сейчас мы работу по созданию армии совершаем единодушно вместе с рабочим классом, ведя ее против вас, и в этом видим источник своей гордости.

С другой стороны, вы говорите, что мы к обучению не допускаем буржуазию. Здесь у вас два аргумента: «Не допускаете буржуазию и думаете этим обезопасить армию от контр-революции. Но что такое буржуазия? Ее 5%. Можно ли думать, что таким ребяческим средством можно армию обезопасить от контр-революции?»

Вместе с тем, вы говорите, что мы все военное дело обрекаем на крах тем, что не допускаем к нему буржуазии. Если эта буржуазия так ничтожна, то зачем же мы будем спорить из-за этих 5%, включать их или не включать? Ошибка в 5% в то время, когда все счеты и расчеты у нас теперь так неточны — ничтожная ошибка. И центр тяжести лежит не в 5% буржуазии.

У буржуазии есть большое охвостье, малосознательное, темное мещанство, кулаки, мелкие эксплоататоры, темные мелко-буржуазные элементы. При настоящем положении вещей, мы не могли бы их включить потому,

что включение их в советскую армию теперь возможно только при помощи самой жестокой репрессии. Все эти закорузлые, темные элементы ненавидят пролетариат и революцию. Элементы эти есть не только на Дону, но и в Оренбурге, и для того, чтобы перетянуть их на свою сторону, нам необходимо сделать первые крупнейшие завоевания в области организационной. Мы должны на деле показать этим темным элементам, запуганным и обманутым, что советский режим, рабочая власть может построить сельское хозяйство на новых началах, поставить фабрики в интересах народа, создать армию с той же целью.

Тогда они своими глазами увидят, что новый режим работает в их интересах, и тогда не будет опасения, что включая их в армию, мы тем самым включаем в армию гражданскую войну.

Конечно, эти соображения не имеют цены в глазах тех, которые не верят в победу рабочего класса. Но во что же они верят тогда? На что надеются господа меньшевики? Когда история сорвется, она не остановится на редакции газеты «Вперед» [46], она скатится пониже. Вы знаете прекрасно, что после нас вы не представите никакой опоры для революции.

Мы — единственный оплот рабочей революции; мы со всеми нашими нынешними недостатками должны и будем делать свое дело, исправлять ошибки, укреплять Советскую власть, сплачивать массы вокруг себя. Дело истории не так обстоит, чтобы при этом были допустимы эксперименты. В теперешней борьбе ничего похожего нет на то, чтобы можно было поступать, как в шахматной игре: одну партию проиграли, ну, что же, другую выиграем. Если мы сорвемся, то, разумеется, вы дело не поправите — телега контр-революции прокатится и по вашим черепам!

Но сейчас, при настоящих условиях, при тех затруднениях и опасностях, которые существуют, нужно ту телегу, которая есть у нас, — упрочивать, совершенствовать и тянуть вперед в гору, не давать ей возможности скатиться. Для этого, как я уже докладывал, необходима армия. Говорят, что мы, мол, поняли это только теперь. Неправда! Но одно дело понять это в статье, а другое дело — прийти к возможности строительства армии в жизни.

В расшатанной стране, где старая больная армия расползалась по всем швам, разбегалась, дезорганизуя транспорт и все разрушая на своем пути,— в такой стране мы не могли строить новой армии, не ликвидировав окончательно старой.

Только теперь мы приступаем к учету населения.

Красная Армия является только скелетом будущей армии. Разумеется, Красная Армия может служить только кадром, вокруг которого должны сплотиться обученные элементы рабочих с заводов и фабрик.

Тут я отвечу на замечания первого оппонента, сводившиеся к тому, будто мы из армии выключаем, из партийных соображений, меньшевиков и правых эс-эров. У нас, ведь, сказано, что обучаться будут поголовно все рабочие и не эксплоатирующие чужого труда крестьяне. Если этот

аргумент нужно понимать так, что среди рабочих, которых мы обучаем военному делу, нет меньшевиков, а среди крестьян, не эксплоатирующих чужого труда, нет правых эс-эров, тогда это возражение имело бы, может быть, силу. Но вина в этом не наша. Мы делаем дело на крепких здоровых классовых основах, и этим показываем, что рабочего, хотя бы и меньшевика, и крестьянина, не эксплоатирующего чужого труда, хотя бы он и считал себя эс-эром, — мы не боимся.

Когда во время октябрьского переворота мы боролись за власть, рабочие и крестьяне из названных партий нас поддерживали. Они поддерживали нас во время октябрьского восстания против своих вождей, — к чести рабочих и к стыду вождей.

Кроме всего, нам говорят, что, дескать, командные посты должны замещаться по избранию. По избранию народных масс? Или по избранию одних солдат?

Несомненная опасность выборности состоит в том, что в армию могут проникать тенденции, так сказать, армейского синдикализма, т. е., что армия будет рассматривать себя, как самостоятельное целое, которое само себе дает законы. Мы же говорим, что армия — это орудие Советов, которые ее создают, сами составляют списки и выбирают кандидатов в командиры. Списки, не забывайте этого, составляются советскими властями, публикуются во всеобщее сведение. Все назначения проходят сквозь фильтр советского режима.

Советы руководят армией и воспитывают ее, они же обеспечивают определенный командный состав. Другого порядка быть не может. Ничего другого вы предложить не можете.

Если по отношению к армии вообще, как к специфическому органу, совершенно ясно, что выборное начало сверху донизу в ней неосуществимо, то тем более, это нужно принять по отношению к той армии, которая теперь только еще формируется.

Каким путем она может выделить из себя посредством выборов соответствующий ей надежный, боеспособный командный состав, раз части только начинают складываться? Это абсолютно немыслимо. Или же эта армия не будет доверять тем Советам, которые ее формируют? Это будет внутреннее противоречие. Такая армия не жизнеспособна. Стало-быть, товарищи, здесь нет никакого ущерберления так называемого демократического принципа; наоборот, он ставится на более широкую советскую основу.

Совершенно правильно сказал гражданин Дан, что не теми или другими мерами агитации против генералов обеспечивается жизнеспособность демократической армии, а общим характером режима. Совершенно правильно. Но поэтому-то он и отрицает самый режим в корне, отрицает советский режим рабочей и крестьянской бедноты на местах (Дан протестует). О, я знаю, что гражданин Дан признает режим Советов, но не тех советов, которые существуют, не земных советов, а тех самых небесных

советов, куда он вводит архангела. Эти небесные советы гражданином Даном признаются.

А я имею в виду здешние советы, в которых граждане Даны и Мартовы в меньшинстве, мы же — в подавляющем большинстве. Режим этих советов и не отрицается. Этот режим существует и хочет существовать.

В устах наших противников критика Красной Армии, которая теперь создается, сводится к критике всего режима советов, режима господства рабочего класса и крестьян. И они правы. Но это значит, что, если армия, которую мы строим, удержится, то и весь режим удержится. И наоборот, если этот режим устоит, то и армия устоит. Если режим погибнет, то и армия погибнет.

Кто добросовестно смотрит на то, что сейчас происходит в стране, тот согласен, что главная энергия наша должна быть направлена теперь на восстановление всего хозяйственного аппарата страны, транспорта, продовольствия и на создание армии для работы по ограждению извне советского режима.

А для того, чтобы это было возможно, для того, чтобы был успех, поменьше этой мелочной критики, бесплодного скептицизма, который ничего не дает, кроме пасквильных статей, побольше веры в тот класс, который призван историей спасти страну! Этот класс — пролетариат — выживет и выдержит не только жалкую критику справа, но и все колоссальные затруднения, которые взвалила история ему на плечи.

И мы, засучив рукава, приступим к работе по созданию армии. Для этого нам нужен ваш единодушный вотум, что эта работа необходима, чтобы нас поддержали на местах в деле организации продовольствия и транспорта, в деле борьбы с озорством, с хулиганством, с непорядком и халатностью.

Дайте нам этот вотум доверия, и мы постараемся его дальше заслужить нашей работой на этом пути, который вы нам укажете и предпишете.

Декрет
об обязательном обучении военному искусству,

принятый в заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов от 22-го апреля 1918 года.

Социализм имеет одной из своих основных задач освобождение человечества от милитаризма и от варварства кровавых столкновений между народами. Целью социализма является всеобщее разоружение, вечный мир и братское сотрудничество всех народов, населяющих землю.

Эта цель будет осуществлена, когда во всех могущественных капиталистических странах власть перейдет в руки рабочего класса, который вырвет из рук эксплоататоров средства производства, передаст их в общее пользование всех трудящихся и установит коммунистический строй, как незыблемую основу солидарности всего человечества.

В настоящее время государственная власть принадлежит рабочему классу только в России. Во всех остальных странах у власти стоит империалистическая буржуазия. Ее политика направлена на подавление коммунистической революции и закабаление всех слабых народов. Российская Советская Республика, окруженная со всех сторон врагами, должна создать свою могущественную армию, под защитой которой будут совершаться коммунистические преобразования общественного строя страны.

Рабочее и крестьянское правительство Республики ставит своею непосредственной задачей привлечение всех граждан ко всеобщей трудовой и воинской повинности. Эта работа наталкивается на упорное сопротивление буржуазии, которая не хочет отказаться от своих экономических привилегий и путем заговора, восстаний и предательских сделок с чужеземными империалистами пытается вернуть себе государственную власть.

Вооружать буржуазию значило бы вносить непрерывную междоусобицу внутри армии и тем парализовать ее силу в борьбе против внешних врагов. Паразитические и эксплоататорские элементы общества, не желающие принимать на себя равных с другими обязанностей и прав, не могут быть допущены ко владению оружием. Рабочее и крестьянское правительство изыщет пути к тому, чтобы возложить на буржуазию в той или другой форме часть бремени в защите республики, которую преступления имущих классов ввергли в тягчайшее испытание и бедствие. Но обучение военному

делу и вооружение народа в ближайшую переходную эпоху будут распространены только на рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян.

Граждане в возрасте от 18 до 40 лет, прошедшие курс обязательного военного обучения, будут взяты на учет, как военнообязанные. По первому призыву рабочего и крестьянского правительства они обязаны будут стать под ружье и пополнить кадры Красной Армии, состоящей из наиболее преданных и самоотверженных борцов за свободу и независимость Российской Советской Республики и за международную социалистическую революцию

1. Обязательному обучению подлежат граждане Российской Советской Федеративной Республики в возрасте: 1) школьном, низшая ступень которого определяется Народным Комиссариатом просвещения, 2) подготовительном от 16 до 18 лет и 3) призывном от 18 до 40 лет.

Гражданки обучаются по их согласию на общих основаниях.

Примечание: Лица, религиозные убеждения которых не допускают применения оружия, привлекаются к обучению лишь обязанностям, не связанным с употреблением оружия.

2. Обучение подготовительного и призывного возраста возлагается на Народный Комиссариат по военным делам; школьного — на Народный Комиссариат просвещения при ближайшем участии Народного Комиссариата по военным делам.

3. К обучению привлекаются рабочие, работающие на заводах, на фабриках, в мастерских, экономиях, деревнях, и крестьяне, не эксплоатирующие чужого труда.

4. Организацией обязательного обучения военному делу на местах должны ведать военные комиссариаты (окружные, губернские, уездные и волостные).

5. Обучающиеся не получают никакого вознаграждения за время, посвященное обязательному обучению; обучение должно быть организовано так, чтобы, по возможности, не отрывать призываемых в период обучения от их постоянной нормальной работы.

6. Обучение должно производиться непрерывно в течение 8-ми недель, не менее 12-ти часов в неделю. Срок обучения специальных родов оружия и порядок повторных призывов будет определен особым положением.

7. Лица, проходившие раньше обучение в рядах регулярных армий, могут быть освобождены от обучения их после производства им соответственного испытания, причем им на общем основании должны быть выданы соответствующие удостоверения, как лицам, прошедшим курс обязательного обучения.

8. Обучение должно производиться подготовительными инструкторами по утвержденной Народным Комиссариатом по военным делам программе.

9. Уклоняющиеся от обязательного обучения и небрежно относящиеся к исполнению своих обязанностей по всеобщему обучению привлекаются к ответственности.

Социалистическая клятва,

утвержденная Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов 22 апреля 1918 г.

1. Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской армии.

2. Перед лицом трудящихся классов России и всего мира, я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.

3. Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского правительства.

4. Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

5. Я обязуюсь, по первому зову Рабочего и Крестьянского правительства, выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов, и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братства народов — не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

6. Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение, и да покарает меня суровая рука революционного закона.

Всем губернским, уездным и волостным советам Раб., Кр. и Казач. Депутатов.

Центральный Исполнительный Комитет предписал Народному Комиссариату по военным делам приложить все силы к созданию крепкой, строго организованной и внутренно сплоченной Красной Армии, способной отстоять Советскую республику от внешних и внутренних врагов. Создание вооруженной силы требует в качестве первого условия наличности хорошо налаженного аппарата военного управления на местах. Декретом 8-го апреля центральная Советская власть предписала всем губернским, уездным и волостным советам создать на местах губернские, уездные и волостные Комиссариаты по военным делам в составе трех членов, при непременном участии одного военного специалиста. Между тем до настоящего времени большинство советов не провело в жизнь указанного декрета. Во многих местах существуют бесформенные военные отделы, до сих пор не введенные в рамки военных комиссариатов. Не мало и таких мест, где задачи местного военного управления не выделены из советских органов общего управления.

При этих условиях работа над формированием Красной Армии по единому плану абсолютно невыполнима. Настоящим распоряжением вменяется в обязанность председателям местных советов и председателям местных военных отделов, где таковые имеются, провести в жизнь в недельный срок, считая с момента получения настоящей телеграммы, декрет 8-го апреля об организации местных военных комиссариатов. Всякое промедление будет рассматриваться, как прямое неисполнение декрета Советской власти, и непосредственная ответственность за такое неисполнение возлагается на председателей соответственных губернских, уездных и волостных совдепов.

Все ежедневные органы печати на территории Российской Советской Республики обязаются в трех последовательных номерах на первой странице напечатать настоящее предписание.

18. V. 1918.

Организация Красной Армии.

Речь на первом Всероссийском Съезде Военных Комиссаров 7 июня 1918 г. [47]

Товарищи, мы присутствуем на Съезде исключительной важности. Партии, представленные на данном собрании, имеют за собой большое революционное прошлое. Тем не менее, в данный момент мы учимся и должны научиться построить свою собственную революционную социалистическую армию, которая являлась бы полной противоположностью тем демобилизованным уже полкам, которые держались волею властителей, вводивших принудительную дисциплину. Перед нами задача создать армию, организованную на принципе товарищеского доверия и трудового революционного порядка.

Нет сомнения, что это необычайно большое, сложное и трудное дело. Между прочим, буржуазная печать много пишет о том, что мы только теперь поняли, наконец, что для защиты страны нужна вооруженная сила. Это, разумеется, вздор; мы и раньше, еще до октябрьской революции, находили, что до тех пор, пока существует классовая борьба между эксплоататорами и трудовым народом, всякое революционное государство должно быть сильно для успешного отпора против империалистического натиска. Небывалая по силе русская революция не могла, конечно, сохранить старую царскую армию, в недрах которой свила крепкое гнездо тяжелая классовая дисциплина, создававшая принудительную связь между солдатом и командиром.

Перед нами, в первую очередь, стала сложная задача полного уничтожения классового гнета в недрах армии, коренное разрушение классовых оков, старой принудительной дисциплины и создание обновленной военной силы революционного государства, в виде Рабоче-Крестьянской Армии, действующей в интересах пролетариата и деревенской бедноты. Мы по опыту знаем, что оставшиеся части старой армии после революции не в состоянии были оказать активного сопротивления надвигающимся силам контр-революции. Мы знаем, что были на скорую руку созданы импровизированные отряды из лучшей части рабочих и крестьян, и мы отлично помним, как эти героические отряды успешно подавляли предательское движение, организованное всевозможными черносотенными деятелями. Мы знаем, как эти добровольческие партизанские полки победно боролись с палачами революции внутри страны. Но когда дело дошло до борьбы

с внешними контр-революционными бандами, наши войска оказались несостоятельными, ввиду их слабой технической подготовки и прекрасной организованности отрядов противника.

Учитывая это, мы видим, что перед всеми нами встает вопросом жизни и смерти революции вопрос о немедленном создании соответствующей сильной армии, которая вполне отвечала бы революционному духу и программе рабочих и крестьян.

Конечно, приступая к разрешению этой сложной задачи первейшей государственной важности, мы встречаем на пути великие трудности. В первую очередь, надо отметить затруднения в области транспорта и перебрасывания продовольственных грузов, затруднения, вызванные гражданской войной. Гражданская война — наш прямой долг, когда дело идет о подавлении контр-революционных полчищ, но самый факт ее существования все же способствует затруднению в области срочного воссоздания революционной армии.

Кроме этого, тормозит дело ее организации препятствие чисто психологического характера: весь предыдущий период войны значительно расшатал трудовую дисциплину; в недрах народа образовался нежелательный элемент деклассированных рабочих и крестьян.

Я отнюдь не ставлю это в укор ни революционным рабочим, ни трудовому крестьянству. Мы все знаем, что революция увенчалась неслыханным в истории героизмом, который был проявлен трудовыми массами России, но нельзя и скрывать, что во многих случаях революционное движение ослабляло на время способность к систематическому и планомерному труду.

Стихийный анархизм, мешечничество, озорство — вот явления, с которыми необходимо всеми силами бороться, против которых должна пойти лучшая часть сознательных рабочих и крестьян.

И одной из основных задач, выпавших на долю военных комиссаров, является внушение трудовым массам путем идейной пропаганды сознания необходимости революционного порядка и дисциплины, которые должны упорно усваиваться всеми и каждым.

Кроме всех этих явлений, тормозящих дело планомерной организации армии, мы встречаем препятствия чисто материального порядка. Мы разрушили старый аппарат управления армии; является необходимость создать новый орган. Благодаря такому переходному состоянию, мы пока полного порядка в этом отношении не имеем. Военное имущество нашего государства хаотически разбросано по всей стране, оно не взято на учет; нам точно неизвестно ни количество патронов, ни винтовок, ни тяжелых и легких орудий, ни аэропланов, ни броневых машин. Порядка нет. Старый аппарат учета разбит, а новый находится еще только в процессе организации.

В области военно-административного строительства мы должны положить в основу наш декрет от 8-го апреля. Вам известно, что Европейская Россия разбита на 7 округов, а Сибирь на 3 округа.

Вся сеть местных военных комиссариатов, организуемых по всей стране, тесно связуется с советскими организациями. Проводя такую систему в жизнь, мы добьемся того центра, вокруг которого будет планомерно проводиться дело организации Красной Армии.

Всем известно, что до этого времени на местах царил хаос, который, в свою очередь, создавал ужасающий беспорядок и в центре. Мы знаем, что многие из военных комиссаров часто высказывают недовольство центральной властью и, в частности, Народным Комиссариатом по военным делам. Бывали факты несвоевременной высылки требуемых сумм на содержание армии. Мы получали очень часто спешные телеграммы с требованием денег, но при телеграммах не присылались сметы. Иногда это ставило нас в необычайно затруднительное положение; приходилось выдавать только авансы; все это создавало беспорядок, который вызывался тем, что на местах не было очень часто дельного распорядительного органа.

Нами предприняты шаги к спешному созданию на местах комиссариатов-ячеек, в которые будут входить два представителя местных советов и один военный специалист.

Такая местная коллегия, такого рода местный военный комиссариат будет являться организацией, которая сможет в том или ином месте вполне обеспечить планомерное формирование и обслуживание армии. Все знают, что армия, построенная нами на принципах добровольчества, считалась Советской властью только временным явлением.

Как я говорил, всегда в нашу программу входил лозунг: защита всеми силами нашей революционной рабочей страны, очага социализма. Добровольный набор — это только временный компромисс, на который пришлось пойти в критический период полного развала старой армии и обострения гражданской войны. Мы призвали в Красную Армию добровольцев в надежде, что сюда будут привлечены лучшие силы трудовых масс. Оправдались ли наши надежды? Нужно сказать, что оправдались они только на треть. Конечно, в Красной Армии очень много геройческих самоотверженных бойцов, но много элемента негодного — хулиганов, лодырей, отбросов.

Нет сомнения, что, если мы обучим военному делу весь без исключения рабочий класс, то этот количественно сравнительно немногочисленный элемент не будет представлять для нашей армии серьезной опасности; но теперь, когда у нас так мало войска, этот элемент является неизбежной и нежелательной занозой на теле наших революционных полков.

На обязанности военных комиссаров лежит неусыпная работа в области поднятия сознательности в недрах армии и беспощадного искоренения проникшего в нее нежелательного элемента.

Для осуществления обязательной повинности — защищать Советскую Республику — нужно взять на учет не только оружие, не только винтовки, но и людей.

Надо привлечь к созданию армии наиболее молодые годы, не бывавшую еще на войне молодежь, которая всегда отличается подъемом революцион-

ного духа и проявлением энтузиазма. Необходимо выяснить, сколько находится у нас военнообязанных, установить полный порядок в области учета наших сил, создать своеобразную советскую бухгалтерию. Эта сложная задача ложится теперь на волостные, уездные и губернские военные комиссариаты и округа, их объединяющие. Но здесь возникает вопрос о командном составе; опыт показал, что отсутствие технических сил пагубно отзывается на успешном формировании революционных войск, так как революция не выделила из недр трудовых масс знающих военное дело бойцов. Это явление есть больная сторона всех революций, об этом говорит нам история всех прежних восстаний.

Если бы среди рабочих нашлось достаточное количество товарищей-специалистов в военном деле, вопрос решался бы очень просто, но, к сожалению, у нас чрезвычайно мало лиц с военным образованием.

Обязанности представителей командного состава можно разделить на две части: чисто техническую и нравственно-политическую. Если оба этих качества объединены в одном лице, то создается идеальный тип вождя — командира нашей армии. Но, к сожалению, подобного рода явления встречаются чрезвычайно редко. Ни один из вас, я уверен, не скажет, что наша армия может обойтись без командиров-специалистов. Это нисколько не умаляет роли комиссара. Комиссар является непосредственным представителем Советской власти в армии, защитником интересов рабочего класса. Если он не вмешивается в боевые операции, то только потому, что он стоит над всяким военным руководителем, следит за его действиями, контролирует каждый его шаг.

Комиссар — политический деятель, революционер. Военный руководитель отвечает головой за всю свою деятельность, за исход военных операций и т. д. Если комиссар заметил, что со стороны военного руководителя угрожает опасность революции, комиссар имеет право беспощадно расправиться с контр-революционером вплоть до расстрела.

Для того, чтобы мы могли иметь возможность в скором времени приготовить собственных крестьянских и рабочих офицеров, борцов за социализм, во многих местах приступлено к формированию инструкторских школ, которые будут приготовлять и обучать военному делу представителей трудового народа.

Есть еще одна задача, которую должна разрешить наша армия. Эта задача в области борьбы с мешечничеством и богатыми спекулянтами, укрывающими хлеб от бедняков.

Необходимо лучшие, организованные отряды бросить в области, богатые хлебом, где нужно предпринять энергичные шаги для борьбы с кулачеством путем агитации или даже применения решительных мер.

Перед нами, в общем, колоссальные задачи, но, я думаю, что мы не опустим рук, несмотря на то, что и среди нас, советских работников, встречаются иногда скептики и нытики.

И если они отчаялись, то пусть они отходят к сторонке, а мы будем упорно продолжать свою титаническую работу. Надо помнить, что трудовой

народ мучительно угнетался долгими столетиями, и для того, чтобы окончательно сбросить гнет рабства, нужны долгие годы и обучение на опыте и на своих ошибках и промахах, которые мы часто делаем, но которые будут встречаться в нашей деятельности все реже и реже.

На этом Съезде мы будем обмениваться наблюдениями друг с другом, мы научимся друг у друга кое-чему, и я уверен, что вы разъедетесь по местам и будете продолжать свою творческую работу в интересах трудовой революции. От имени Народного Комиссариата по военным делам и Совета Народных Комиссаров я приветствую вас и кончаю свое слово возгласом: Да здравствует Советская Республика! Да здравствует Красная Рабоче-Крестьянская Армия!

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ И КРАСНАЯ АРМИЯ.

Необходимое разъяснение

(о военспецах).

Некоторые из военных специалистов обратились ко мне с представлениями по поводу оскорбительных выражений, которые вкладываются буржуазными газетами в уста председателя Петроградского совета относительно участия бывших генералов в работе по созданию рабочей и крестьянской армии. В официальных отчетах советской печати я указанных выражений не встречал и считаю наиболее вероятным, что в основе инцидента лежит злостная газетная интрига, целью которой является—сорвать работу советской власти по обеспечению обороноспособности страны.

Во всяком случае, я считаю здесь необходимым установить нижеследующие положения, нашедшие полное одобрение со стороны Центрального Исполнительного Комитета, т.-е. высшего органа власти в стране:

1. Нам необходима действительная вооруженная сила, построенная на основах военной науки. Активное и систематическое участие во всей нашей работе военных специалистов является поэтому делом жизненной необходимости. Военным специалистам должна быть обеспечена возможность добросовестно и честно прилагать свои силы в деле создания армии.

2. Нам необходима советская армия, т.-е. такой военный организм, который отвечал бы общей природе рабочей и крестьянской власти. Обеспечение этого соответствия является основной задачей института комиссаров по военным делам.

3. Трудящиеся классы, которым принадлежит власть в советской республике, имеют право требовать от военных специалистов, каковы бы ни были политические убеждения последних, лойяльного отношения к тому режиму, в рамках которого они выполняют свою работу. Всякое злоупотребление доверием Советской власти должно встретить суровую кару. Вместе с тем, рабочие и крестьяне должны и умеют с полным уважением относиться к тем специалистам, военным и иным, которые прилагают свои усилия к поднятию хозяйственной и военной мощи нашей истощенной и временно обессиленной страны.

Со своей стороны, считаю необходимым присовокупить, что те бывшие генералы, хотя бы и консервативного образа мыслей, которые добросовестно работают в настоящих трудных и неблагоприятных условиях, заслуживают несравненно большего уважения рабочего класса, чем те лже-социалисты, которые интриганствуют в разных щелях и в бессильной злобе выжидают падения власти рабочих и крестьян.

23 апреля 1918 г.

Первая измена.

Показания перед Верховным Рев. Триб. по делу Щастного. 20 июня 1918 г.

Товарищи судьи! Я впервые увидел гражданина Щастного на заседании Высшего Военного Совета [48] в конце апреля, после искусного и энергичного проведения Щастным нашего флота из Гельсингфорса в Кронштадт [49]. Отношение Высшего Военного Совета и мое личное к адмиралу Щастному было в тот момент самое благоприятное, именно благодаря удачному выполнению им этой задачи. Но впечатление, произведенное всем поведением Щастного на заседании Военного Совета, было прямо противоположное. В своем докладе, прочитанном на этом заседании, Щастный рисовал внутреннее состояние флота крайне мрачными, безнадежными красками. По его словам, флот в техническом смысле еще хорош, но состояние команд делает его совершенно небоеспособным. Щастный позволил себе назвать флот «железным ломом», хотя эти самые суда, эти самые команды совершили только что вполне благополучно труднейший переход по льдам.

Было совершенно очевидно, что Щастный сильно сгустил краски. В первый момент я объяснял его преувеличения желанием повысить свои заслуги. Это было не очень приятно, но не столь уж важно. Когда же впоследствии оказалось, что Щастный всемерно пытался очертить столь же мрачно состояние центральной Советской власти в глазах самого флота, то стало ясно, что дело серьезнее.

Личная негодность флота сводилась, по словам Щастного, к «паническому настроению», которое питалось, главным образом, неопределенностью положения, отсутствием определенной демаркационной линии. Это признавал сам Щастный. Когда же на том же заседании Высшего Совета выдвигались определенные предложения, с целью упорядочить международное положение балтийского флота, выяснив, прежде всего, вопрос о демаркационной линии, Щастный, не приводя никаких доводов, отбрасывал эти предложения. Ему нужно было безнадежное положение, но не пути выхода.

Щастному было тогда же предписано Военным Советом обратиться к немецкому командованию с предложением путем переговоров упорядочить вопрос о демаркационной линии. Тем не менее, этого прямого и точного приказа Щастный не выполнил [50]. Он охранял «безвыходное положение».

Такая же игра видна и в истории с фортом Ино [51]. На вопрос о судьбе этого форта я ответил на этом же заседании Щастному, что в этом частном вопросе морское командование должно согласоваться с нашей общей политикой. Мы должны стремиться установить демаркационную линию.

Флот ни в каком случае не должен брать на себя почин военных операций, но, в случае нападения, должен обороняться, в крайнем же случае, т. е. если другого исхода нет, — уничтожить суда. Я давал только общую директиву, все же командные распоряжения должны были, разумеется, делаться, в зависимости от обстоятельств, Начальником Морских Сил, каковым и был гражд. Щастный. В оперативных вопросах Щастный обладал неограниченными полномочиями, и вся ответственность в этой области лежала на нем [52].

На полученное от Щастного через некоторое время из Кронштадта сообщение об угрожавшей форту Ино опасности со стороны будто бы внезапно появившегося немецкого флота, я ответил, согласно общей директивы, что, если создавшаяся обстановка окажется безвыходной, нужно будет взорвать форт. Что же сделал Щастный? Он передал эту условную директиву в форме моего прямого приказа о взрыве форта, хотя никакой надобности во взрыве не было. Через два-три дня я получил запросы из Петрограда. Тов. Зиновьев сообщал мне о тревоге в городе по поводу моего приказа о взрыве форта Ино. Пораженный, я ответил, что подобного приказа я не отдавал; что взрыв форта может быть вызван лишь безнадежностью положения по оценке Начальника Морских сил и за его личной ответственностью. Но во флоте и в Петрограде всюду говорили о моем приказе. Темные силы пустили в городе слух о тайном обязательстве со стороны Советской власти перед немцами совершить этот взрыв. Я запросил адмирала Зеленого: неужели же со стороны Щастного не было никакой попытки разъяснить свои действия? Так оно и оказалось. Отдавая Зеленому (от моего имени!) приказ о взрыве форта Ино, Щастный вовсе не ссылался на непосредственную опасность захвата форта немцами. Наоборот: он передавал свой (будто бы мой) приказ, как совершенно немотивированный. Выходило, что форт должен быть уничтожен не по военной обстановке, а в силу каких-то таинственных видов Москвы. Мало того: на самом деле никакого немецкого флота не появлялось у форта Ино, обстановка была вовсе не такова, как ее изобразил Щастный в донесении по прямому проводу. Щастный пытался ложным донесением терроризировать флот.

После заседания Высшего Совета, получив, как сказано, определенное предписание немедленно поднять вопрос о демаркационной линии, Щастный уехал в Петроград. Мы ждали сведений о предпринятых им шагах. Долгое время никаких донесений от него не получалось. Наконец, на 6 — 7 день, на наш настойчивый запрос, получается краткий ответ, что «Зеленый находит несвоевременным вступать в переговоры о демаркационной линии», как если бы решение этого вопроса было предоставлено Зеленому.

Щастному повторно указывается, что он обязан немедленно, через Зеленого или непосредственно, вступить в переговоры с немецким командованием. Тем не менее, переговоры не открыты и по сей день. Щастный признает невозможность борьбы с немцами, всячески подчеркивает и даже

преувеличивает эту невозможность, а в то же время отказывается от переговоров для установления демаркационной линии. Ему нужно одно: безвыходное положение.

А в то же время в самом флоте упорно распространяются слухи о том, будто Советская власть обязалась перед немцами особым тайным пунктом договора уничтожить наш военный флот. Эта легенда служила одним из главных средств восстановления моряков против Советской власти. И всем своим поведением Щастный преднамеренно содействовал распространению и укреплению этого злостного слуха среди моряков, которых он, с другой стороны, перед лицом Советской власти объявлял никуда негодными и безнадежными.

Я уже сказал, что действительное положение флота было тяжким, прежде всего, своей ужасающей неопределенностью. Демаркационной линии не было. Опасность нападения на нас являлась несомненной. Боеспособность флота была понижена. Ко мне лично не раз приходили представители от английского адмиралтейства и запрашивали, приняли ли мы необходимые меры для уничтожения балтийского флота, в случае, если его положение окажется безвыходным? Эти же английские офицеры не раз обращались к адмиралам Советской службы — Беренсу и Альтфатеру. Таким образом, с нашей точки зрения, а также с точки зрения англичан, опасность в этот момент состояла в том, что немцы могут неожиданным ударом захватить наши суда и овладеть ими. Поэтому, наряду с попытками установить демаркационную линию, т. е. добиться с немцами соглашения на море, нужно было принять меры к уничтожению судов на случай, если бы другого исхода не оставалось. Как же держал себя Щастный на этот счет? По вопросу о демаркационной линии он, как мы уже слышали, оказывал упорное, глубокое и немотивированное сопротивление, — не мотивированное, если не считать контр-революционного стремления держать флот в тревоге и панике. По вопросу об уничтожении судов Щастный держал себя еще более уклончиво, я бы сказал, загадочно, если бы разгадка его поведения не стала вскоре совершенно очевидной. Щастный не мог не понимать необходимости подготовительных к уничтожению мер, так как именно он—с явным преувеличением—называл флот железным ломом. Но Щастный не только не предпринимал никаких подготовительных мер, — более того, он пользовался этим вопросом для терроризирования моряков и восстановления их против Советской власти. Это конкретнее всего обнаружилось на следующем эпизоде: при обсуждении вопроса о подготовительных мерах на случай необходимости уничтожения флота было обращено внимание на то, что, в случае внезапного нападения немецких судов, при содействии контр-революционного комсостава на нашем собственном флоте, на кораблях у нас может создаться такое положение дезорганизации и хаоса, которое сделает совершенно невозможным действительный подрыв судов; чтобы обезопасить себя от такого положения, мы решили создать на каждом корабле безусловно надежную

и преданную революции группу моряков-ударников, которые, при всякой обстановке, будут готовы и способны уничтожить корабль, хотя бы пожертвовав своею собственной жизнью. Я предложил членам коллегии Морского Комиссариата отправиться лично в Петроград и Кронштадт и, опираясь там на лучшие, более смелые элементы флота, организовать на кораблях такого рода ударные группы. Щастный официально держал себя так, как будто его этот вопрос совершенно не касается [53]. Вернее сказать, он держал себя так, чтобы вызвать в подчиненных убеждение, что подготовка к уничтожению флота вызывается не интересами революции и страны, а какими-то тайными сделками Советской власти с немцами, и что он, Щастный, вынужден только претерпевать эти мероприятия в силу своего положения. Когда организация этих ударных групп находилась еще в подготовительной стадии, к одному из членов морской коллегии явился видный английский морской офицер [54] и заявил, что Англия настолько заинтересована в том, чтобы суда не попались в руки немцев, что готова щедро заплатить тем морякам, которые возьмут на себя обязательство в роковую минуту взорвать суда. Я немедленно распорядился прекратить всякие переговоры с этим господином. Но должен признать, что предложение это заставило нас подумать о вопросе, о котором мы, в суматохе и в сутолоке событий, не подумали до тех пор: именно, об обеспечении семейств тех моряков, которые подвергнут себя грозной опасности. Я поручил сообщить Щастному по прямому проводу, что на имя моряков-ударников правительство вносит определенную сумму. Это постановление, с моей точки зрения, нисколько не противоречило ни специально «морской», ни общечеловеческой морали. Во всяком случае, в этих трудных обстоятельствах оно обеспечивало лишний шанс в том смысле, что действительные интересы революции в этих труднейших условиях будут ограждены.

Как же поступает Щастный? Ему это предложение и нужно было для руководимой им контр-революционной работы. Не считаясь с тем, что распоряжение, носившее секретный военный характер, должно было оставаться в тайне, Щастный сейчас же принимает меры к тому, чтобы придать этому предложению самую широкую огласку. Он пересылает его в совет флагманов и в совет комиссаров флота [55], очень случайный по составу, заявляя от себя, что считает этот план анти-моральным, и поддерживая ту версию, что все это делается во имя выполнения тайного пункта Брест-Литовского договора. Он прямо говорит, что Советская власть хочет «подкупить» моряков для уничтожения родного флота. После этого, по всему балтийскому флоту пошли слухи о предложении Советской власти расплатиться немецким золотом за уничтожение русских кораблей, хотя, в действительности, дело обстояло наоборот, т. е. золото предлагали англичане, ибо дело шло о том, чтобы не сдавать флота немцам; но обстановка была крайне запутана и поэтому крайне благодарна для дьявольской агитации белогвардейских элементов. И во главе этой агитации стоял

адмирал Щастный. Он в одинаковой мере питал ее как своими действиями и своими словами, так и своим молчанием.

Вы знаете, товарищи судьи, что Щастный, приехавший в последний раз в Москву по нашему вызову, вышел из вагона не на пассажирском вокзале, а за его пределами, в глухом месте, как и полагается конспиратору. После того как Щастный был задержан, во время объяснения с ним, я спросил его: известно ли ему о контр-революционной агитации во флоте? Щастный вяло ответил: — «Да, известно», — но при этом ни одним словом не обмолвился о лежавших в его портфеле документах, которые должны были свидетельствовать о тайной связи Советской власти с немецким штабом. Грубость фальсификации не могла не быть ясна адмиралу Щастному. Как начальник флота Советской России, Щастный обязан был немедленно и сурово выступить против изменнической клеветы. Но, на самом деле, он, как мы видели, всем своим поведением обосновывал эту фальсификацию и питал ее. Не может быть никакого сомнения в том, что документы были сфабрикованы офицерами балтийского флота. Достаточно сказать, что один из этих документов — обращение мифического оперативного немецкого штаба к Ленину — написан в тоне выговора за назначение главным комиссаром флота Блохина, как противодействующего-де видам немцев. Нужно сказать, что Блохин, совершенно случайный человек, был креатурой самого Щастного. Несостоятельность Блохина была совершенно очевидна, в том числе и для него самого. Но Блохин был нужен Щастному. И вот заранее создается такая обстановка, чтобы смещение Блохина было истолковано, как продиктованное немцами. У меня нет данных утверждать, что эти документы составил сам Щастный; возможно что они были составлены его подчиненными. Достаточно того, что Щастный знал эти документы, имел их в своем портфеле и не только не докладывал о них Советской власти, но, наоборот, умело пользовался ими против нее [56].

Тем временем, события во флоте приняли более решительный характер. В минной дивизии два офицера, по имени, кажется, Засимук и Лисиневич, стали открыто призывать к восстанию против Советской власти, желающей, якобы, в угоду немцам, уничтожить балтийский флот. Они составили резолюцию о свержении Советской власти и установлении «диктатуры балтийского флота», что должно было означать, конечно, диктатуру адмирала Щастного. Под влиянием фальшивых документов и всех других приемов поддерживания паники, некоторые суда минной дивизии присоединились к этой резолюции; однако, когда делегаты минных судов явились на крупные корабли, они встретили там революционный отпор. В Кронштадте происходил съезд делегатов балтийского флота [57]. Вся эта история была доложена на съезде, который вынес резолюцию об увольнении из флота Засимука, Лисиневича и др. Член Высшей Морской Коллегии т. Сакс от имени Наркоммора потребовал от Щастного немедленно выполнить предложение съезда и арестовать контр-революционных мятежников.

Щастный уклонился, однако, отдать приказ об аресте, ссылаясь на несоблюдение т. Саксом каких-то формальностей. Для всех нас в этот момент было уже совершенно ясно, что Засимук и Лисиневич только агенты Щастного, его ударники. Сам Щастный держался осторожнее, но шел в том же направлении, т. е. к «диктатуре балтийского флота», Совет Народных Комиссаров назначает главным комиссаром флота т. Флеровского. С этого момента положение должно определиться в ту или другую сторону. Щастный начинает оказывать открытое противодействие, переходящее в прямое восстание против Советской власти. Наперекор постановлению Совета Народных Комиссаров, Щастный отдает в конце мая приказ о назначении главным комиссаром флота Блохина, который, по своему собственному признанию, всецело находился под влиянием Щастного и совершенно не соответствовал такому назначению. Я уже не останавливаюсь на том поистине чудовищном факте, что адмирал Щастный сам назначает к себе комиссара!

В бумагах Щастного найден конспект политического реферата, который он, по его собственным словам, собирался прочесть на упомянутом уже съезде морских делегатов. Реферат должен был иметь чисто политический характер с ярко выраженной контр-революционной тенденцией. Если перед лицом власти Щастный называл балтийский флот железным ломом, то перед лицом представителей этого «железного лома» Щастный говорит о намерении Советской власти уничтожить флот в таком тоне, как если бы дело шло об измене Советской власти, а не о принятии меры, диктуемой в известных условиях трагической необходимостью. Весь конспект с начала до конца, несмотря на всю внешнюю осторожность, есть неоспоримый документ контр-революционного заговора. Щастный прочитал свой доклад в Совете съезда, который постановил не допускать прочтения доклада на самом съезде. На мой вопрос Щастному, кто же, собственно, просил его прочесть политический реферат (что никак не входит в обязанности командующего флотом), Щастный ответил уклончиво: он-де не упомнит, кто именно просил. Равным образом, Щастный не дал ответа на вопрос, какие собственно практические цели преследовал он, намереваясь читать такой доклад на съезде балтийского флота.

Но эти цели ясны сами по себе. Щастный настойчиво и неуклонно углублял пропасть между флотом и Советской властью. Сея панику, он неизменно выдвигал свою кандидатуру на роль спасителя. Авангард заговора — офицерство минной дивизии — открыто выкинуло лозунг «диктатуры балтийского флота».

Это была определенная политическая игра — большая игра, с целью захвата власти. Когда же гг. адмиралы или генералы начинают во время революции вести свою персональную политическую игру, они всегда должны быть готовы нести за эту игру ответственность, если она сорвется. Игра адмирала Щастного сорвалась [58].

Комиссарам и военным специалистам.

Комиссары и военные специалисты! Среди военных специалистов было за последние недели несколько случаев измены. Махин, Муравьев, Звегинцев, Веселаго и некоторые другие, добровольно вступившие в ряды рабоче-крестьянской армии или красного флота, перебежали к иностранным насильникам и захватчикам. Муравьев поделом наказан, другие еще ждут своей кары. Каждый честный человек с отвращением отнесется к этим явлениям офицерской проституции.

В результате измены нескольких негодяев, обострилось недоверие к военным специалистам вообще. Участились столкновения между комиссарами и военными руководителями. В ряде известных мне случаев комиссары обнаружили явно несправедливое отношение к военным специалистам, поставив честных людей на одну доску с предателями. В других случаях комиссары пытаются сосредоточить в своих руках командные и оперативные функции, не ограничиваясь политическим руководством и контролем. Такой образ действий чреват опасностями, ибо смешение полномочий и обязанностей убивает чувство ответственности.

Настойчиво призываю товарищей комиссаров не поддаваться впечатлениям минуты и не валить в одну кучу правых и виноватых. Пятый всероссийский съезд советов напомнил всем, что военные специалисты, которые честно работают над созданием боевой мощи советской республики, заслуживают народного уважения и поддержки Советской власти [59]. Зоркий революционный контроль вовсе не означает мелочной придирчивости. Наоборот: добросовестные специалисты должны получать возможность полностью развернуть свои силы.

Кто попытается использовать свой командный пост в целях контрреволюционного переворота, тот, согласно решения 5 съезда советов, карается смертью. Никакой пощады предателям; товарищеское сотрудничество с честными работниками! От комиссара требуются бдительность, выдержка и такт, ибо пост военного комиссара — один из самых высоких, какие знает Советская республика.

С глубокой уверенностью в конечном успехе нашей трудной работы, братски приветствую военных комиссаров Красной рабочей и крестьянской Армии.

Офицерский вопрос.

Сплошь да рядом приходится слышать: бывшие офицеры не идут в армию, потому что не хотят участвовать в гражданской войне. Офицерство-де хочет стоять «вне политики».

А как же офицеры служили в старой армии? Серьезно думать, будто царская армия стояла «вне политики», могут только простофили. Старая армия была насквозь проникнута политическим духом византийщины, т.-е. прислужничества и раболепства перед монархией. Враги царского самовластия официально считались врагами армии. Гимн был один: «Боже, царя храни»; идеей этого гимна были пропитаны и воспитание офицерства, и солдатская «словесность». Это ли не политика? Где, когда и какая армия стояла вне политики? Пусть нам умники расскажут, мы послушаем!

Более того! ведь, именно, старая армия была орудием утверждения царского самовластия. Последнее десятилетие самодержавного режима было временем непрерывных волнений и брожений. Много ли было регулярных частей, а, стало быть, и офицеров, которые бы прямо или косвенно не участвовали в усмирении и подавлении? На этот счет можно было бы кое-как в каких-либо архивах собрать необходимые справки. Офицерство царской армии руководило гражданской войной против рабочих и крестьян. Тогда это не называлось, правда, гражданской войной. Но рабочим и крестьянам, которых расстреливали, от этого было не легче.

Можно, конечно, сказать: все это было прежде, а теперь вот, офицерство не хочет участвовать в политической борьбе. Другими словами, то самое офицерство, которое участвовало в гражданской войне на стороне правивших страною царя, помещиков и капиталистов, не хочет участвовать в гражданской войне на стороне правящих ныне рабочих и крестьян. Это иное дело. Но тогда так нужно и говорить: с насильниками и богачами против народа боролись, а с рабочими и крестьянами против насильников бороться не хотим! Незачем тогда говорить об отвращении к гражданской войне, а нужно говорить об отвращении к рабочей и крестьянской борьбе за полное освобождение трудящихся. Это будет вернее.

Иной, конечно, скажет: никакой вражды нет, офицерство просто хочет остаться «нейтральным» во внутренней борьбе, но оно готово отстаивать страну от внешнего врага [60]. На первый взгляд, это может показаться правдоподобным. Но на самом деле, это сознательная или бессознательная уловка.

Борьба против банд Краснова, это что такое: гражданская война или оборона страны? Краснов стремится Дон и Кубань отрезать от России, отрезать нас от хлеба и нефти. При этом он, по собственному своему за-

явлению, пользуется немецким оружием и открыто призывает германское вмешательство (речь Краснова 14 июля в Новочеркасске) [61]. Может ли быть враг более низкий, более отъявленный, чем Краснов? Те, которые не на словах, а на деле хотят отстоять Россию от насилия германского империализма, должны, прежде всего, сказать себе: нужно обеспечить себе тыл, нужно задушить изменника и предателя Краснова.

А чехо-словаки? Внутренние это враги или внешние? Цель их мятежа сейчас совершенно ясна даже для слепцов. Дошедшие до нас французские газеты за прошлый месяц открыто пишут, что чехо-словаки имеют своей задачей заставить «тяжеловесных московитов» возобновить войну с Германией. Мы это знали и раньше. Таким образом, французское правительство, взяв на содержание корпус наших военнопленных, хочет нас силой принудить к войне. Ту же цель преследует и англо-французский десант на Мурмане. Борьба против чехо-словаков есть гражданская война, потому что на чехо-словацких наемников французской биржи опирается русская контрреволюция. Но в то же время, это борьба против иноземного империалистического нашествия. Отказ бороться против чехо-словаков равносилен готовности отдать Россию на распятие англо-французскому империализму, как отказ бороться против Краснова означает содействие германскому империализму. Такова голая истина. Все остальное — софистика и игра в прятки.

Нужно заглянуть еще глубже в суть дела. Девяносто девять сотых офицерства на словах заявляют, что не могут участвовать в «гражданской войне». Однако же, не малое количество офицеров принимает в ней самое активное участие. Прежде всего, напомним восстание Краснова — первое открытое и широкое проявление «офицерской» гражданской войны. Затем следовал непрерывный ряд восстаний казачьего офицерства, ведшего за собой наиболее темную и консервативную часть рядового казачества. Рядом с этим стоят факты еще более позорные. Когда немцы наступали на Двинск и Псков, находились русские офицеры, которые встречали их, как освободителей. Нет никакого сомнения в том, что эти самые офицеры за день до немецкого наступления пространно изъяснялись на тему о том, что они — против гражданской войны, но во всякое время готовы защищать родину от внешнего врага.

Бывший генерал Алексеев работал рука об руку с Красновым. Оба боролись против Советского правительства. Сейчас Краснов, при помощи немецкого оружия, пытается отрезать Россию от Дона и Кубани и взять русский народ измором. Вчерашний союзник Краснова, Алексеев, работает на французские деньги и при содействии вологодских агентов французской биржи устраивает восстания в Муроме и Ярославле [62]. В хвосте у Краснова и Алексеева тащится не мало лицемерных противников «гражданской войны». К этому надо прибавить, что кое-кто из этих господ сперва добровольно вступил в ряды Красной Армии, а затем перебежал в ряды чехо-словаков или англо-французского отряда на Мурманском побережье. Это уже офицерская проституция. Иначе назвать нельзя.

Какие же отсюда выводы?

Офицерство воспитывалось в реакционно-монархических взглядах. Революция ошарашила его. Пошли внутренние группировки. Перечислю главнейшие:

Нечистоплотные элементы с подмоченною репутацией попытались быстро примазаться к новому режиму. Вчерашние Распутины и Покровские перекрашивались скоропостижно в большевиков. Об этой нечисти говорить не приходится: она подлежит просто искоренению.

Очень важную, хотя, к сожалению, пока еще немногочисленную группу, составляют офицеры, которые, в большей или меньшей степени, поняли смысл революции и дух новой эпохи. Эти офицеры работают сейчас, не покладая рук, над созданием боевой мощи Советской Республики. Требовать от них, чтобы они перекрашивались в большевиков, — нелепо. Их нужно ценить и поддерживать.

Далее, следует группа службистов. Они выполняют свои военно-канцелярские обязанности, руководствуясь мудрым изречением: что ни поп, то батька. Ничего примечательного о них сказать нельзя.

Значительную группу составляют прямые, ожесточенные и заклятые враги советского режима, боевые контр-революционеры, заполняющие кадры савинковских и алексеевских авантюристов. По отношению к ним позиция ясна: с врагами борются, врагов истребляют.

Самую многочисленную группу составляют трусливые враги, озирающиеся, выжидающие обыватели-шкурники, в сущности безразличные к судьбам страны и норовящие отойти к сторонке и в тайне вожделеющие возврата встарь. Вот эти-то люди, ни горячие и ни холодные, и любят больше всего укрывать свое трусливое ничтожество за фразами о гражданской войне. По существу, это резерв контр-революции. В области чехословацкого мятежа эти резервисты переходят на действительную службу. Там, где власть перешла в руки советов, они занимаются судачением, показыванием кукиша в кармане и созданием атмосферы враждебности вокруг всех офицеров, которые работают не за страх, а за совесть.

С этим положением надо покончить. Офицерский паразитизм нетерпим, как и всякий другой. Принцип принуждения должен быть здесь применен с двойной силой. Офицеры получали свое образование за счет народа. Те, которые служили Николаю Романову, могут и будут служить, когда им прикажет рабочий класс. Это вовсе не значит, что государственная власть всем им вручит командные должности. Нет, командовать будут те, которые на деле покажут свою готовность повиноваться рабочей и крестьянской власти. На остальных будут только возложены обязанности — без каких бы то ни было командных прав. Бывшие офицеры, стоящие не у дела, весьма склонны проповедывать спасительность дисциплины. Советская власть считает, что наступил момент подчинить суровой дисциплине и фрондирующее офицерство.

«Известия ВЦИК» № 154, 23 июля 1918 г.

Манифестация б. ген. Новицкого.

Письмо Н-ку Академии Генерального Штаба.

Бывший главнокомандующий армиями северного фронта Новицкий в ответ на обращение к нему одного из моих сотрудников по комиссариату ответил телеграммой на мое имя, в которой объясняет, почему он вынужден воздержаться от принятия предлагаемого ему поста. Объяснения бывшего генерала Новицкого были оглашены в печати в самый день посылки им телеграммы на мое имя. Смысл заявления г. Новицкого сводится к тому, что сотрудничество военных специалистов должно быть обусловлено доверием к ним и соблюдением гарантий их служебного и человеческого достоинства, на что г. Новицкий, по его словам, в настоящее время не может рассчитывать.

Вопрос о тех взаимоотношениях, которые могут и должны быть между Советской властью и теми военными специалистами, которые призываются ею к делу строительства вооруженных сил Советской Республики, освещался мною в официальных выступлениях, и я не вижу надобности возвращаться к этому вопросу в связи с демонстрацией г. Новицкого, но не могу не обратить внимания на то, что эта демонстрация направлена не против Советской власти, а против тех военных специалистов, которые считают не только возможным, но и обязательным для себя работать над обеспечением обороноспособности страны. То, к чему, по существу дела, призывает всех военных специалистов г. Новицкий своим письмом, опубликованным им в газетах, есть саботаж обороны Советской Республики. Иному толкованию письмо не поддается. Между тем, г. Новицкий состоит профессором Академии Генерального Штаба. Непосредственная задача Академии — воспитывать военных специалистов для формирования Советской армии.

Совершенно естественно, если манифестация г. Новицкого побуждает меня поставить перед вами, как начальником Академии, вопрос о том, в какой мере призыв к саботажу работы по обороне совместим со званием военного воспитателя.

Об офицерах, обманутых Красновым.

Среди тех тысяч офицеров, которые под командой Краснова проливают кровь русских рабочих, крестьян и трудовых казаков, немало отъявленных врагов народа, матерых контр-революционеров, но есть немало и таких, которые сами обмануты и теперь с ужасом видят, куда их завел предатель Краснов.

Сперва Краснов призывал к борьбе с Германией и, во имя этого, требовал свержения Советской Власти. Он вербовал офицеров под знаменем патриотизма, а под патриотизмом он понимал возвращение Российских областей, захваченных германским хищником. Потом он сам перешел в нахлебники и лакеи к императору Вильгельму. Краснов работал рука об руку со Скоропадским, а Скоропадский был только германским урядником на порабощенной Украине. Пал Вильгельм под натиском немецких рабочих и солдат, которые пошли по следам русских рабочих и русской армии. Вслед за Вильгельмом пал Скоропадский. Тогда Краснов немедленно предложил свои услуги, т. е. кровь трудовых казаков и крестьян, англо-французским разбойникам, которые готовы растерзать на части, во имя своих барышей, любую страну, любой народ, любое государство.

Только прожженные политические мошенники могут рассказывать, будто английские и французские капиталисты и ростовщики собираются бескорыстно послать свои войска в Россию для установления так называемого «порядка». Только простаки и глупцы могут этому верить. На самом деле, если бы Англия, Франция, Америка или Япония двинули к нам свои войска, они это сделали бы для оккупации страны, подобно немецкому кайзеру на Украине,—для превращения России в бессильную, безвольную, истощенную, ограбленную колонию.

К счастью, руки англо-французских хищников становятся все короче и короче. Во Франции непрерывные рабочие волнения,—приходится город за городом объявлять на военном положении. В армии неспокойно, — она требует демобилизации. Английская буржуазия дорого дала бы за низвержение Советской власти, но она предпочитает сделать это чужими руками, руками Красновых, Абрамов Драгомировых, Дутовых, Деникиных и других предателей русского трудового народа. Собственных сил у английских империалистов не хватит для того, чтобы держать в порабощении Германию, Австрию, Балканы, оккупированную в значительной части английскими войсками Францию, всю советскую Россию, да, кроме того, озираться на Америку и Японию, ибо добыча, ведь, еще не поделена. Вот почему надежда

русской буржуазии на вступление крупных англо-французских войск в пределы России становится все более и более призрачной.

На эту тему появляются статьи в англо-французских руководящих газетах.

Об этом с озабоченными лицами шушукаются донские заговорщики. Об этом же открыто говорит разочарованная буржуазная печать Украины.

Отсюда с несомненностью вытекает, что вся предательская авантюра Краснова должна в несколько недель кончиться постыдным крушением.

Краснов обещал своим иностранным нанимателям в короткий срок покончить с Советской властью и получил у них за свою каинову работу серебряники.

Теперь, когда англо-французские империалисты на опыте убедились, как трудно свалить Советскую власть,—они десять раз задумаются, прежде чем решатся увязить в борьбе с нею свои корпуса, тем более, что германские корпуса вступали в Украину с трехцветным знаменем Гогенцоллерна, а выступали из нее с красным знаменем Советской власти...

Иностранной помощи нет и не видно. Красновские и деникинские войска попали в тупик. Тысячи неопытных и политически незрелых офицеров, в голове которых застряли старые буржуазно-монархические предрассудки, сперва поверили красновским словам о патриотизме и спасении страны и пошли за ним. Он создал из них особые офицерские части, превратив их в жандармов, при помощи которых держит в повиновении мобилизованных казаков и крестьян. Гибнут казаки, гибнут мобилизованные крестьяне, часто полураздетые, гибнут обманутые Красновым офицеры.

Сейчас они, в значительной своей части, поняли, что заведены в тупик. Многие из них были бы готовы покинуть зачумленный стан Краснова и вернуться в Советскую Россию с повинной головой. Но они опасаются законной расправы революционной власти, они опасаются мести за пролитую ими кровь.

Бесспорно, преступления их велики, они стали отщепенцами от собственного трудового народа и призывали на помощь его злейших врагов; они проливали рабочую кровь. Но революционный народ великодушен по отношению к тем своим врагам, которые сознали свои преступления пред народом и готовы не только сложить оружие, но и честно служить в рядах трудовой России.

Горе изменникам! Гибель предателям!

Но милосердие по отношению к врагу, который повержен и просит пощады!

Именем высшей военной власти в Советской Республике заявляю: **Каждый офицер, который в одиночку или во главе своей части добровольно придет к нам из Красновского стана, будет освобожден от наказания. Если он делом докажет, что готов честно служить народу на военном или гражданском поприще, он найдет место в наших рядах.**

Долой изменника Краснова, обманувшего трудовых казаков, обманувшего многих бывших офицеров!

Да здравствует мирное сотрудничество рабочих, крестьян, трудовых казаков и всех честных граждан, которые, независимо от своего прошлого, готовы самоотверженно служить народу!

Приказ
Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту

от 11 августа 1918 г. № 21.

В полученных мною донесениях указывается, что многие молодые генштабы (т. е. офицеры генерального штаба последних выпусков) в недавних боях на восточном фронте сражались геройски. Считаю долгом своим довести об этом до сведения всей страны. Стало быть, старое кадровое офицерство выделило из себя не одних изменников и тушинских перелетов, которые продают себя поочередно каждой из воюющих сторон. Среди молодых «генштабов» не мало таких, которых революция связала с рабочим народом и Советской властью. Честь им и место. Изменники будут раздавлены, а молодые генштабы будут призваны строить Рабочую и Крестьянскую Армию возрожденной России.

Приказ
Предреввоенсовета Республики

от 30 сентября 1918 г.

Предательские перебеги лиц командного состава в лагери неприятеля, хотя и реже, но происходят до настоящего дня. Этим чудовищным преступлениям нужно положить конец, не останавливаясь ни перед какими мерами. Перебежчики предают русских рабочих и крестьян англо-французским и японо-американским грабителям и палачам. Пусть же перебежчики знают, что они одновременно предают и свои собственные семьи: отцов, матерей, сестер, братьев, жен и детей.

Приказываю штабам всех армий Республики, а равно окружным комиссарам, представить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову списки всех перебежавших во вражеский стан лиц командного состава со всеми необходимыми сведениями об их семейном положении. На тов. Аралова возлагаю принятие, по соглашению с соответственными учреждениями, необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей.

О бывших офицерах

Необходимое заявление.

Огульные, нередко несправедливые нападки на военных специалистов из бывших кадровых офицеров, работающих ныне в Красной Армии, создают в некоторой части командного состава настроение неопределенности и растерянности. С другой стороны, бывшие офицеры, сидящие в тылу, на штатских должностях, опасаются переходить в Красную Армию, в виду недоверия к ним, которое искусственно подогревается неуравновешенными элементами в Советских рядах. Ясно, насколько вредно такие явления отражаются на интересах действующей армии.

Считаю в виду этого необходимым заявить: огульная враждебность к бывшим кадровым офицерам чужда как Советской власти, так и лучшим частям, действующим на фронтах. Каждый офицер, который хочет оборонять страну от насилия чужеземного империализма и его красновских и дутовских агентов, является желанным работником. Каждый офицер, который может и хочет содействовать внутреннему устроению армии и тем обеспечить достижение ее целей с наименьшей тратой рабочей и крестьянской крови, является желанным сотрудником Советской власти, имеет право на уважение и найдет его в рядах Красной Армии.

Советская власть жестоко расправляется с мятежниками и будет карать предателей впредь, но в своей политике она руководствуется интересами трудового народа и революционной целесообразностью, а не слепым чувством мести.

Советской власти совершенно ясно, что многие тысячи и десятки тысяч офицеров, вышедших из школы старого режима, получивших определенное буржуазно-монархическое воспитание, не могли сразу освоиться с новым режимом, понять его и научиться его уважать. Но за 13 месяцев Советской власти для многих и многих из бывших офицеров стало ясно, что Советский режим есть не случайность, а закономерно выросший строй, опирающийся на волю трудовых миллионов. Для многих и многих из бывших офицеров стало ясно, что никакой другой режим не способен сейчас обеспечить свободу и независимость русского народа от иноземного насилия.

Те из офицеров, которые, руководствуясь этим новым сознанием, честно идут в наши ряды, встретят полное забвение тех преступлений против народа, в которых они участвовали, толкаемые своим старым прошлым и революционно-политической неразвитостью.

На Украине, в рядах Краснова, в Сибири, в рядах англо-французских империалистов на Севере—есть не мало бывших русских офицеров, которые теперь готовы были бы вернуться с повинной в Советскую Республику, если бы не боялись беспощадной расправы за свои прошлые деяния. По отношению к ним, к этим кающимся отщепенцам, остается в силе то, что сказано выше обо всей политике Рабоче-Крестьянского правительства: оно руководствуется в своих действиях революционной целесообразностью, но не слепой местью, и откроет двери каждому честному гражданину, который захочет работать в общих Советских рядах.

Козлов. 30 декабря 1918 г.

Военные специалисты и Красная Армия.

Я считаю необходимым, — надеюсь, в последний раз, — вернуться к вопросу о военных специалистах в связи с общей политикой в деле создания армии. Повод для этого представляется тем более удобный, что критика нашей военной политики нашла за последнее время печатное и, так сказать, принципиальное выражение.

Критических замечаний по поводу привлечения бывших кадровых офицеров, военных специалистов, было и раньше немало, но эти замечания имели, по существу дела, мимолетный и уклончивый характер и всегда принимали полушутливую форму.

— А что, не предадут вас ваши военные специалисты?

— А это, как бог даст. Если будем крепки, тогда не предадут.

Дальше таких диалогов дело редко заходило.

Но недовольство наблюдалось. Недовольство в части низов, недовольство в средних, так сказать, кругах партии и даже кой у кого и на «верхах». Недовольство питалось из того простого источника, что, за отсутствием *своих* полководцев, приходилось прибегать к «*не своим*». Когда придирки становились более настойчивыми с той или другой стороны, то приходилось прибегать к аргументу не столько логическому, сколько эмпирическому: «а вы можете мне сегодня дать 10 начальников дивизий, 50 полковых командиров, двух командующих армиями, одного командующего фронтом — все из коммунистов?» В ответ на это «критики» уклончиво смеялись и переводили разговор на другую тему.

Но беспокойство и недовольство оставалось. Оно только было бессильно найти для себя «принципиальное» выражение. Ибо никакого серьезного теоретического решения вопроса быть не могло, а могло быть только решение практическое—отбор подходящих командиров из старых кадровых офицеров и унтер-офицеров и одновременная энергичная работа по воспитанию новых командиров. Поэтому критика и не давала почти мотивов для принципиальной отповеди. Сейчас некоторые статьи, попавшие в центральный орган партии [63], пытаются дать вполне объяснимому недовольству тем, что есть, такое принципиальное выражение, которое является глубоко предосудительным.

I

Незачем говорить, что при прочих равных условиях, Советская власть всегда предпочла бы командира-коммуниста некоммунисту. Моральный фактор в военном деле играет огромную роль, и тесная морально-

идейная, а тем более, партийная связь командира, с лучшей, наиболее самоотверженной частью солдат, представляет собой неоценимый фактор успеха. Но никто не предлагает нам выбирать между командирами-коммунистами и некоммунистами. До недавнего времени у нас почти вовсе не было «своего», — в партийном смысле слова, — командного состава. Моральную связь армии непосредственнее всего обеспечивает низший командный состав. Но даже на роли отделенных, взводных, ротных командиров мы могли выдвинуть только незначительный процент коммунистов. Чем выше командная категория, тем меньшее число коммунистов мы могли для нее найти. Стоя в стороне, можно, разумеется, сколько угодно резонерствовать о преимуществах коммунистического командного состава над иным. Но кто участвует в сегодняшней работе по строительству армии и имеет дело с конкретными полками, батальонами, ротами, взводами, которым нужны сегодня, немедленно же, живые полковые, батальонные, взводные командиры, — тому приходится не резонерствовать, а отбирать командиров из того материала, который имеется налицо.

Очевидные интересы революции требовали привлечения на низшие командные должности бывших унтер-офицеров и даже рядовых, выдвинувшихся своими способностями или просто здравым смыслом. Этот способ практиковался и практикуется Военным Ведомством очень широко. Однако, и здесь приходится, вперемежку с унтер-офицерами, ставить по возможности бывших кадровых офицеров. И только те дивизии хороши, как показывает опыт, в которых представлены бок-о-бок обе эти категории.

У нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом, со стороны офицеров, занимавших более видные посты. Но у нас редко говорят о том, сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава, из-за того, что командир полка не сумел наладить связь, не выставил заставы или полевого караула, не понял приказа или не разобрался по карте. И если спросить, что до сих пор причинило нам больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ.

Некоторые товарищи, которые кажутся себе очень находчивыми, предлагают такое решение вопроса: назначить начальником дивизии толкового коммуниста из солдат, а ему, в качестве консультанта или начальника штаба, придать специалиста—офицера генерального штаба. Можно, конечно, разно оценивать такую практическую комбинацию, которая кстати сказать, нами нередко применяется, когда этого требуют обстоятельства (у нас на этот счет нет никакого шаблона), но совершенно ясно, что никакого принципиально отличного пути это решение нам не дает, ибо руководящая роль в военном отношении останется, при таком распределении ролей, очевидно, за начальником штаба, за командиром же сохранится, по существу, контрольная роль, т. е. та именно, которую выполняет

ныне военный комиссар. Для интересов дела совершенно безразлично, предаст ли военный специалист Красную Армию в качестве начальника дивизии или в качестве начальника ее штаба. «Но зато при этой системе, — возражают иные, — коммунист имеет в своих руках все права, а военный специалист получает только совещательный голос». Такой довод могут приводить только люди, которые мыслят по-канцелярски (советский — канцелярский «коммунизм» есть довольно распространенная и скверная болезнь). Если консультант или начальник штаба захочет погубить дивизию, он подсунет коммунисту, носящему звание командира, предательский план. То обстоятельство, что Керенский назывался Главковерхом, не помешало, ведь, «начальнику штаба» Корнилову сдать немцам Ригу [64]. Более того, именно консультант, не имеющий командных прав и, стало-быть, командной ответственности, может почти безнаказанно подсунуть вероломный план командиру, который не умеет командовать. Кто будет отвечать? Командир, т.-е. тот, у кого командные права. Если допустить, что коммунист, в качестве командира, сумеет разглядеть предательский подвох своего консультанта, то ясно, что он разглядел бы его и будучи комиссаром. А что комиссар имеет право расправляться с предательством и предателями самыми суровыми мерами, в этом не сомневался еще ни один комиссар с головой на плечах. Словом, для всякого серьезного человека ясно, что простое переименование комиссаров в командиров, командиров — в консультантов, ни практически, ни принципиально ничего не дает и рассчитано, в сущности, на инстинкты местничества и еще на отвод глаз мало сознательным людям.

II

Но вот нам предлагают принципиальную постановку вопроса о специалистах и принципиальное решение. «Член Ц. И. К. Каменский» в нашем центральном органе не просто отмахивается от военных специалистов, — он доводит свою мысль до конца и, по существу дела, отрицает военную специальность, т. е. военную науку и военное искусство. Он ставит нам в образец некую идеальную армию, в создании которой он сам принимал участие, при чем, оказывается, что именно эта лучшая, наиболее дисциплинированная и успешно действовавшая армия была построена без военных специалистов под руководством человека, вовсе не знавшего раньше военного дела. На тот же путь должны стать, по мнению Каменского, и все другие армии. Правда, Наполеон, который в военном деле кое-что смыслил и не без успеха руководил революционными армиями, придавал огромное значение военной науке, изучению прошлых кампаний и пр. Правда, Гинденбург в течение нескольких десятилетий теоретически исследовал возможные комбинации войны с Россией, прежде чем применил их практически. Правда, существуют военно-учебные заведения, средние и высшие, обширнейшая военная литература, и до сих пор мы думали, как думали и наши социалистические учители, что военное искусство становится тем сложнее, чем сложнее техника, и что быть хорошим начальником

дивизии так же трудно, как быть хорошим техническим руководителем завода. Теперь мы узнаем, что все это ошибочно. Нужно просто быть коммунистом, а все остальное приложится.

«Нам часто указывали, — иронизирует т. Каменский, — что ведение войны это такая тонкая штука, что без военных специалистов мы никак обойтись не можем. Военная специальность хоть и тонкая штука, но все же это одна из составных частей более тонкой штуки — ведения всего государственного механизма, однако, мы взяли на себя смелость ведения государства актом октябрьской революции»... «И кое-как (!!) справлялись» — победоносно заканчивает наш автор.

Вот это называется поставить вопрос на надлежащее место. Выходит, стало-быть, по Каменскому, что, совершивши октябрьскую революцию, мы как бы обязались во всех отраслях государственного хозяйства заменить специалистов хорошими коммунистами, которые, хотя «немножечко дерут, зато уж в рот хмельного не берут». Товарищи, которые знакомы с социалистической и анти-социалистической литературой, знают, что одним из главных аргументов противников социализма было именно указание на то, что мы не справимся с государственным аппаратом за отсутствием достаточного числа своих специалистов. Никому из наших старых учителей не приходило в голову отвечать так, что, раз мы берем в руки такую «штуку», как государство, стало-быть, «кое-как» (!!) справимся и без специалистов. Наоборот, они возражали всегда в том смысле, что пред лучшими специалистами социалистический режим откроет широкое поле творчества и тем увеличит их; что других мы заставим или купим высоким жалованием, как покупала их буржуазия; наконец, у большинства просто не останется выбора, и они вынуждены будут служить нам. Но никто никогда не предполагал, что победоносный пролетариат будет просто напросто «кое-как» справляться без специалистов.

Каменский рассказывает, как, будучи отрезанными с товарищами от Советской власти, они сами додумались до превращения отрядов в полки. Это, конечно, очень отрадный факт, что и говорить. Но марксистская политика вовсе не есть политика Тяпкина-Ляпкина, который до всего доходит своим умом, ибо история вовсе не собирается ждать, пока мы, отбросив специалистов, станем додумываться постепенно до вопроса о превращении отрядов в полки или, вернее, об их переименовании: ибо, не в обиду будь сказано т. Каменскому, в том случае, о котором он говорит, дело именно свелось к тому, что начальники отрядов назвали себя командирами полков, бригад и дивизий, смотря по вкусу, что, однако, вовсе не приблизило их отрядов к правильным внутренно-пропорциональным военным формированиям.

Совершенно верно, что после октябрьской революции пролетариат оказался вынужденным извлечь меч против специалистов самых разнообразных категорий. Но почему? Не потому, разумеется, что они были специалистами, а потому, что эти специалисты отказывались ему служить

и пытались организованным саботажем сломить его власть. Своим террором против саботажников пролетариат вовсе не говорил: «я истреблю вас всех и обойдусь без специалистов» — такая программа была бы программой безнадежности и гибели. Разгоняя, арестовывая и расстреливая саботажников и заговорщиков, пролетариат говорил: «Я сломлю вашу волю, потому что моя воля могучее вашей, я заставлю вас служить мне». Если бы красный террор означал вступление к процессу полного изгнания и истребления специалистов, тогда октябрьскую революцию пришлось бы признать проявлением исторического упада. К счастью, этого нет. Террор, как демонстрация воли и силы рабочего класса, получает свое историческое оправдание именно в том факте, что пролетариату удалось сломить политическую волю интеллигенции, замирить профессионалов разных категорий и областей труда и постепенно подчинять их своим целям, в области их специальности.

Мы знаем, что телеграфисты саботировали нас, саботировали железнодорожные инженеры, саботировали учителя гимназий, профессора университетов, врачи. Не сделать ли отсюда вывод, что мы можем, раз мы в октябре взяли власть, обойтись без медицины? Можно даже привести несколько спасительных примеров того, как коммунист где-нибудь в Чухломе, отрезанный от Советской Республики, с успехом перевязал тетке палец и совершил еще некоторые другие медицинские подвиги, не будучи нисколько отравлен буржуазной медицинской премудростью. Такая философия не имеет ничего общего с марксизмом, — это философия опрощенства, знахарства, невежественного бахвальства.

III

— Но все-таки, если англичане и французы на нас начнут серьезное наступление, двинув против нас миллионную армию, военные специалисты нам изменят... Это последний и в логическом, и в хронологическом порядке аргумент.

Не сомневаюсь: если англо-французский империализм окажется в силах беспрепятственно двинуть против нас могущественную армию, в таких условиях, при которых наши непосредственные поражения покажутся очевидными «замиренным» пролетариатом общественным кругам, из этих последних начнется дезертирство в лагерь наших политических врагов. Дезертирство это будет тем шире и опаснее для нас, чем менее выгодно будет для нас соотношение военных сил и чем менее благоприятна вся мировая обстановка. Это бывало в истории не раз и с другими классами.

Для краткости у нас военных специалистов нередко называют «царскими генералами»; при этом забывают только, что когда царизму пришлось туго, «царские генералы» изменили ему, заняв по отношению к революции положение благожелательного нейтралитета и даже прямо перейдя к ней на службу. Крестовниковы, Рябушинские, Мамонтовы имеют

право сказать, что их инженеры изменили им. Ведь они теперь служат под режимом пролетарской диктатуры. Если специалисты изменили тому классу, в духе которого они воспитывались, когда этот класс оказался явно и бесспорно слабее своего противника, не может быть никакого сомнения в том, что те же специалисты несравненно легче изменят пролетариату, когда он окажется слабее своего смертельного врага. Но *сегодня этого нет, и у нас есть слишком много оснований думать, что этого не будет.* Чем лучше, шире и полнее мы используем специалистов сейчас, когда они вынуждены нам служить, чем лучше мы построим, при их содействии, наши красные полки, тем меньше будет возможности у англо-французов наступать на нас и вводить наших специалистов во искушение.

Если обстановка изменится к невыгоде для нас, нам придется, может быть, снова изменить и нашу внутреннюю политику, придется снова переходить к режиму красного террора, придется беспощадно истреблять всех тех, которые попытаются помогать врагам пролетариата. Но сделать это авансом, забегая вперед, значило бы только — ослаблять себя. Отказаться от военных специалистов на том основании, что отдельные офицеры изменяют, значило бы то же, что изгонять всех инженеров, всех высших железнодорожных техников на том основании, что в их среде есть немало искусных саботажников.

Не так давно, на 2 Всероссийском Съезде Советов Народного Хозяйства, т. Ленин сказал: «Пора нам отказаться от прежнего предрассудка и призвать всех нужных нам специалистов к нашей работе. Это должны знать все наши коллегиальные управления, все наши коммунистические работники»... «Капитализм оставил нам крупнейших специалистов, которых мы должны непременно использовать в широких размерах». Это совсем не похоже, как видите, на Тяпкин-Ляпкинскую готовность справиться со всякой «штукой» без специалистов.

В речи тов. Ленина заключается даже и прямая угроза по адресу «коммунистических» Тяпкиных. Всякую попытку заменить дело рассуждениями, которые представляют воплощение близорукости и самого грубого тупоумия интеллигентского самомнения, мы будем преследовать путем беспощадных репрессий.

Я не сомневаюсь, что некоторые наши товарищи-коммунисты — превосходные организаторы, но, чтобы научить этих организаторов в большем количестве, нужны годы и годы, а нам ждать «некогда». Если нам ждать некогда в хозяйственной области, то, тем более, нам «некогда» в военном отношении.

IV

Эта статья была бы неполной и заключала бы в себе прямую несправедливость по отношению к военным специалистам, если бы я не сказал здесь о той глубокой эволюции, какую проделало сознание лучшей части старого офицерства.

У нас на службе состоят сейчас тысячи бывших кадровых офицеров. Эти люди пережили идейную катастрофу. Многие из них, по собственным их словам, еще два года тому назад считали Гучкова крайним революционером, большевики относились для них к области четвертого измерения. Они пассивно верили сплетням, клевете и травле продажной и бесчестной буржуазной печати. За 13 месяцев Советского режима они увидели нас, коммунистов, на работе с нашими сильными и с нашими слабыми сторонами. Поистине мы были бы слишком низкого мнения о себе и нашей партии, о нравственном могуществе нашей идеи, о притягательной силе нашей революционной морали, если бы мы думали, что не способны притянуть к себе тысячи и тысячи специалистов, в том числе и военных.

Чего стоит один факт боевого сожительства бывших поручиков, капитанов, полковников и генералов с нашими комиссарами? Разумеется, в семье не без урода. Среди комиссаров попадаются иногда склочники, которые занимаются мелким местничеством на тему о том, кому подписаться первым и пр. Но большинство наших комиссаров — превосходные и самоотверженные комиссары, бескорыстные, бесстрашные, способные умирать за идею коммунизма и заставлять умирать других. Неужели все это может пройти бесследно в моральном отношении для офицерства, большинство которого в первый период пошло к нам на службу только ради куска хлеба? Нужна полная нравственная тупость, чтобы предполагать это. Из своего общения со многими военными специалистами и еще более из своего общения с коммунистами-комиссарами я знаю, как много из бывших «царских офицеров» внутренно сроднились с Советским режимом и отнюдь не величая себя большевиками, живут одной жизнью с лучшими полками нашей Красной Армии.

Совет Народных Комиссаров постановил станцию «Красные Горки» под Казанью переименовать в «Юдино» в память павшего в бою под этой станцией «царского офицера» Юдина, бывшего одним из тех, которые вернули нам Казань.

Широкая публика знает почти о всех случаях измены и предательства лиц командного состава, но, к сожалению, не только широкая публика, но и более тесные партийные круги слишком мало знают о всех тех кадровых офицерах, которые честно и сознательно погибли за дело Рабочей и Крестьянской России. Только сегодня мне комиссар рассказывал о капитане, который командовал всего-на-всего отделением и отказывался от более высокого командного поста, потому что слишком тесно сжился со своими солдатами. Этот капитан на-днях пал в бою...

И сегодня же у меня была очень любопытная беседа с другим нашим комиссаром, с одним из лучших по энергии и преданности делу. Я знал этого товарища, как противника привлечения «царских генералов».

— Присматривайтесь ближе к делу, — сказал я ему с некоторым, если хотите, вызовом, — через месяц, через два мы вас из комиссара дивизии превратим в командира дивизии.

— Нет, — ответил он, — на это я не согласен.

— А как же быть?

— У нас есть лучшие начальники дивизий. Тот же Л. или Р.

— Но ведь это — офицеры генерального штаба!

— Против таких офицеров я ничего не имею. Л. поставил дивизию на ноги, установил твердый порядок. Р. работает днем и ночью, не покладая рук. Дежурит сам у телефона, проверяя исполнение каждого приказа. Я против таких специалистов, как Носович.

— Ну, конечно, все мы против таких специалистов, которые втираются в наши ряды, чтобы служить нашим врагам.

* * *

Тов. Ленин говорил об интеллигентном самомнении и о грубом тупоумии. Это очень крепко сказано, тем не менее (а вернее — именно потому), эти слова, как свидетельствует отчет, вызвали бурные аплодисменты. Я мысленно аплодирую вместе с другими. Интеллигентское самомнение, которое обещает справиться со всем собственными домашними средствами есть поистине оборотная сторона тупоумия, которое не понимает сложности задач и сложности путей, ведущих к их разрешению. Очень часто бывало в истории, что ложные взгляды и распространенные предрассудки получают свое «принципиальное» выражение тогда, когда приходит им время издыхать. Гегель говорил, что сова Минервы вылетает ночью. Я хотел бы надеяться, что не очень мудрая сова совершила свой принципиальный полет, и на сей раз именно потому, что то беспомощное течение, которое она выражает, доживает свои последние часы.

Лиски. 31 декабря 1918 г.

Военная Академия.

Речь на торжественном заседании 8 ноября 1918 г. в Военной Академии (в день ее открытия).

Товарищи преподаватели, слушатели Академии и гости! Позвольте поздравить слушателей, преподавателей и, в лице гостей, всех граждан Советской Республики с открытием Военной Академии — высшего военного учебного заведения Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Академия возникает слишком поздно. Мы хотели открыть ее раньше, потому что в рядах военного ведомства и правительственной власти в целом не было, разумеется, ни на один день сомнения относительно необходимости для армии высшего военного учебного заведения. Большинству, если не всем, известны обстоятельства, которые тормозили и, в известный момент, помешали возобновлению занятий в Военной Академии [65]. Только теперь, более года после октябрьского переворота, мы получили возможность собраться здесь, чтобы вместе отметить торжественный день открытия высшего военного учебного заведения Рабоче-Крестьянской России.

Прежде всего, я хотел бы устранить одно недоразумение, которое часто связывается с вопросом об армии и о военном искусстве. Есть такой предрассудок или, по крайней мере, такая внешняя форма предрассудка, не всегда искренняя, будто армия, наука войны, искусство войны и учреждения войны могут стоять вне политики. Это неверно. Этого не было никогда. Этого нет нигде, и этого никогда нигде не будет. Один из самых больших теоретиков военного дела, немец Клаузевиц, писал что «война есть продолжение политики другими средствами». Другими словами, и война есть политика, осуществляемая при помощи суровых средств железа и крови. И это верно. Война есть политика, армия есть орудие этой политики. Академия есть необходимое учреждение для Армии, стало быть, для политики. Суть дела в том, что в эпохи, когда учреждения и идеи переходят преемственно от поколения к поколению, и когда живущие не видят перелома, переворота, в такие эпохи политика незаметна как воздух. Старая армия была; тут нет ничьей индивидуальной вины, — здесь, среди нас, среди преподавателей — много лиц, которые все время работали в старой армии; и, не сомневаюсь, никто из вас не имеет основания сомневаться в том, что они работали с самыми лучшими намерениями, добросовестно, но, в силу объективных исторических условий, старая армия, старые ее учреждения, в том числе и учебные и ученые

были орудием той политики, которую вели тогдашние господствующие классы. Это была тоже политика — политика монархическая, дворянская, бюрократическая, которая соединилась в последние десятилетия с политикой капиталистической. Мы пережили глубочайший переворот, один из самых могущественных переворотов, какой когда-либо знала человеческая история. И, если до недавнего времени, у кой-кого могла быть мысль или надежда, или опасения, что этот переворот явился случайностью или результатом нашего отечественного варварства (нам бросали этот упрек с Запада), то теперь, после переворота в Германии, где колесо судьбы еще не остановилось, и где оно вращается в том же направлении, в каком вращалось колесо русской истории, после переворота в Австро-Венгрии и после тех первых явлений революции, какие мы наблюдаем в странах более западных, для каждого мыслящего человека, хотя бы он в своем прошлом и не принадлежал к революционной партии, ясно, что мы вступили в новую полосу мировой истории, где все события движутся по однородным законам в разной национальной среде. Германия только догоняет нас теперь в отношении путей и форм революционного развития и быстро догонит. Затем очередь Франции, Англии и других капиталистических стран. Всюду политика изменяется, социальный организм изменяется, новые господствующие классы появляются на сцене, классы, которые временно берут в свои руки господство для того, чтобы уничтожить всякое развитие классов и всякое классовое господство. И вот мы живем в тот момент переходного периода, когда старые господствующие классы, те классы, которые эксплоатировали массы, опрокинуты или опрокидываются, когда новые господствующие трудовые классы забирают в свои руки государственную систему, чтобы уничтожить самые основы классового господства и чтобы превратить общество в один планомерно организованный коллектив, который работает, производит, обороняет себя на артельных товарищеских или коммунистических началах.

Ясно, что в такой период армия должна перестроиться, должна выравняться по фронту с теми классами, которые взяли в свои руки господство. Ясно, что Академия, как высшее духовное учреждение этой армии, должна равняться по фронту со всей рабоче-крестьянской Красной Армией. Она должна отбросить, насколько это допускается самым существом вопроса, внешний академизм, то, с чем связывается представление о педантизме, о схоластике, о рутине, о всяком мандаринстве, очистить от скорлупы и шелухи самое ядро военного познания, ядро, которое должно, особенно теперь, когда мы находимся под палкой международной военной необходимости, иметь непосредственно и глубоко утилитарный характер, т. е. вы должны учиться, чтобы немедленно же учить других и применять все на деле. Мы вынуждены обороняться; мы хотим обороняться хорошо, т. е. с наибольшей экономией сил, средств и крови нашей рабоче-крестьянской Красной Армии. Правда, наше положение не может быть названо легким, но если мы оглянемся на эти 4 с лишком года мировой

войны, то мы должны притти к выводу, что история изменила мировое соотношение скорее к нашей выгоде, чем к невыгоде. В мировой войне мы потерпели ужасающее поражение. Всем ясно теперь, что поражение определялось тремя основными причинами.

Во-первых, — нашей технической отсталостью. Военная техника есть только производная от всей хозяйственной мощи страны. Мы были экономически и технически более отсталыми. В первый период войны это не было так заметно потому, что мы имели возможность запастись известным количеством необходимых в классовом обществе смертоносных орудий техники, но чем больше война затягивалась, чем больше материальных средств войны изнашивалось, чем больше требований предъявлялось к хозяйственному организму страны, тем более обнаруживалась наша экономическая отсталость, а стало быть, и слабость.

Вторая причина — это человеческий состав армии, ее солдатская масса. Многомиллионный русский крестьянин, придавленный царизмом, невежеством, нуждою, был лишен той инициативы и личной предприимчивости, которые неразрывно связаны с новыми методами войны, порожденными новою мировою техникой. Крестьянину, взятому из села, со старыми предрассудками, без всякого навыка личной инициативы, было трудно разбираться в условиях нынешней войны. Он героически умирал, погибал, но он оказывался слабее, как военная индивидуальность.

И, наконец, в третьих, — командный состав, на который и по праву, и без права ложилась ответственность в глазах солдатской массы за все неудачи, за все кровопролитие, не приводившие к цели, и за все унижения, именно потому, что это был командный состав, и именно потому, что этот командный состав во всем своем прошлом был тесно связан с теми господствующими классами, которые, в сознании рядовой солдатской массы, держали в своих руках судьбы страны, привели ее к войне и дали ужасающее поражение. Отсюда тот страшный раскол между солдатской массой и командным составом, раскол, который в известные моменты революции принимал такие драматические, кровавые, всем известные формы.

Если мы теперь спросим себя, какие изменения в эти три фактора внесли последние события, — события последних лет и месяцев, — то мы должны будем признать, что по первому вопросу, о технике, мы, конечно, не стали сильнее или могущественнее. Но все страны стали неизмеримо слабее. Организм германской техники является несравненным, неподражаемым даже для самых европейских стран, но из этого совершенного организма, или, вернее, механизма, только достаточно вырвать то или другое звено, чтобы он пришел в полное расстройство. Там не хватает тех или других ценных металлов, там не хватает топлива, там не хватает бензина, в разных странах не хватает разного, а, стало быть, и военная промышленность приходит в расстройство.

В Германии это обнаруживается уже катастрофически. Завтра это обнаружится во Франции и в Англии, а затем и в Америке, во всех

странах. Следовательно, мы все подровнялись по линии бедности, по линии истощения.

Теперь в отношении солдатской массы и испытания войны со всеми ее бедствиями и унижениями. Прежде всего, колоссальная встряска революции пробудила человеческую личность в самом загнанном, затравленном и неграмотном крестьянине. Разумеется, люди непривычные к революции и ее психологии, не переживавшие предварительно идейно то, что перед ними развернулось физически, материально, могли с известным ужасом, если только не с отвращением, глядеть на тот разгул и произвол анархии, который наблюдался на поверхности революционных событий. Но в этом разгуле, в явлениях самых отрицательных, когда вчерашний раб, — солдат, попавший в вагон I класса, срывал бархатную обшивку себе на портянки, в этом вандальском проявлении все же было пробуждение личности. Этот загнанный, затравленный русский крестьянин, которого били по физиономии, которого ругали самыми последними словами, попал в первый раз, может быть, в вагон I класса, увидал бархат, а у него в сапогах были вонючие онучи, портянки, он сорвал бархат и сказал, что и он имеет право на кусок хорошего сукна или бархата. На второй, на третий день, месяц или год, нет, месяц, он понял безобразие расхищения народного достояния, но пробужденная личность, индивидуальность, не номер такой-то, а человеческая личность, в нем уже остались навсегда. Задача — ввести ее в рамки коллектива, заставить ее почувствовать себя не номером, не рабом, как раньше, и не только Ивановым и Петровым, но Ивановым-личностью, раз, и в то же время частью общенародного коллектива без рабов и без хозяев, — два. Вот задача широкого воспитания в широком смысле слова. И в этом отношении мы, несомненно, сделали огромный шаг вперед. Не только пролетариат городов, но и широкие слои многомиллионного крестьянства совершенно переродились за этот период. Когда-то один французский революционер, Бауси, сказал, что за 5 лет французской революции народ французский накопил больше опыта, чем в другой период за 6 столетий.

Карл Маркс говорит, что революции — это локомотив истории. И это так. За этот период, несмотря ни на грубость, ни на предрассудки, ни на темноту и невежество русского крестьянства, оно в первую голову переродилось внутренно и стало способно к гораздо большей инициативе и самостоятельности; и когда окончательно впитаются уроки истории, народ, который был унижен в течение столетий, совершит могущественный прыжок вперед и станет вровень, а, может быть, и впереди многих других народов.

Вопрос о командном составе есть третий и самый больной еще до настоящего момента вопрос. Здесь, на этом собрании сегодняшних и будущих академиков, мы можем отойти на известное расстояние от событий с тем объективизмом, которого мы себе не позволяем и не имеем права позволять в революционной борьбе, можем дать себе психологический

отчет в том, как и почему широкие круги старого офицерства не пошли и не захотели пойти в ряды рабочей и крестьянской армии. Там были такие, которые продавали себя, но были, несомненно, и честные люди. К этому замечанию относятся мои слова об объективизме... Были и честные люди, но по своей психологии, по навыкам, взглядам и суждениям, они развивались в определенную историческую формацию, в которой не могло быть никаких дальнейших перемен, и они проявили известную цельность. Были другие, которые сумели понять (это, разумеется, — более высокий тип), что тут не причуды банды темных людей и не произвол какой-либо отдельной партии, а глубокий, можно сказать, геологический сдвиг социальных основ жизни, что против него бороться при помощи проклятий или белогвардейского мятежа есть самое жалкое и постыдное дон-кихотство, в лучшем случае. Но было много таких, которые оказались неспособными подчиниться духу новой эпохи. Они шли в ряды рабоче-крестьянской красной армии, как агенты наших врагов. Может быть, и сейчас остался некоторый процент таких. Но были высшие, которые поняли, что страна наша поднимается на некоторую более высокую ступень из тех болот и крови, куда она была ввергнута испытаниями и унижениями этой ужасающей войны. Но таких оказалось мало.

Мы начали создавать новый командный состав из среды рабочих и крестьян. Этот новый командный состав пока еще крайне недостаточен количественно и крайне недостаточен качественно, ибо у нас нет из этой новой среды командиров, красных офицеров с высшим образованием.

Заполнить этот пробел и является задачею настоящей академии. Если задача создания и сформирования солдат и командиров имеет двухсторонний характер, — характер воспитания солдат и командиров и характер обучения, — то мы должны сказать, что и здесь исторический переворот, весь этот социальный сдвиг работы социального воспитания в высшей степени облегчит и работу военного воспитания в том числе, ибо не нужно быть коммунистом и старым революционером, чтобы понять теперь, во всяком случае, то, что старая система воспитания, та, которая нашла свое классическое выражение в Германии и там же потерпела классический крах, сводилась к тому, чтобы из рядов угнетенных классов, трудящихся классов, извлечь миллионы и воспитать их так, чтобы они поддерживали государственный строй, поддерживающий и закрепляющий их собственное угнетение. Вот в чем была трудность старого военного воспитания. Это была сложная социальная дрессировка, она отнимала много времени, внимания и сил. Наше социальное воспитание, и военное в том числе (я говорю о нашем в смысле нашей эпохи), состоит в том, чтобы заставить каждого рабочего солдата и крестьянина понимать тот коллектив, который обслуживает его собственные интересы, и только его интересы. Наше преимущество в том, что нам нечего скрывать от рабочего и крестьянина, нечего скрывать, что все ошибки нашего строя, все ошибки этого режима — есть ошибки господства рабочих и крестьян. У нас плохо распре-

деляется продовольствие не потому, чтобы буржуазия, или дворянство, или царь это продовольствие прибирали к рукам, а потому, что крестьяне и рабочие не научились его распределять, как следует быть. Отсюда вывод: учитесь. У нас военное снабжение поставлено не так, как надо быть. Прорех много везде и всюду. Мы слишком мало обличаем их в печати. Как раз в разговоре с председателем Высшей Военной Инспекции [66] я настаивал на том, чтобы выводить нам на свет божий, за ушко да на солнышко, все прорехи, все недочеты нашего механизма, ибо нам нечего скрывать от тех классов, которые сейчас призваны господствовать, от трудящихся классов. В этом состоит огромное преимущество того положения, в котором находится нынешний командир. Если он потребует суровой дисциплины, — он обязан ее потребовать, — если он поднимет в этом смысле свой голос, никто не посмеет сказать, что этого он требует в интересах дворян, царя. Он скажет, что я поставлен Всероссийской Советской Властью, осуществляемой, как в высшем своем органе, во всероссийском съезде рабочих, крестьянских и солдатских депутатов: это есть колоссальный нравственный авторитет, которого не имеет, по сравнению с нашим новым русским офицером, ни один офицер в мире.

Я начал с того, что Академия не может быть вне политики. Задача Академии — заставить тот офицерский состав, который пройдет через ряды этой Академии, понять характер новых условий, природы новых классов и той новой армии, которая им служит. И для этих новых классов, для этой новой армии учесть и применить все те выводы военной науки и техники, которые можно извлечь из современной войны.

Специалисты очистили и освободили программу Академии от чисто «академического» старья, хлама. Нам незачем изучать теперь, в эти небольшие периоды, какие нам дает история, решение вопросов войны греков и римлян и средних веков. Мы имеем теперь такую эпоху 4-летней войны, в которой все, что было во всех странах, во всех эпохах, у всех наций, нашло свое применение; где люди летали над облаками, с одной стороны, и где они, как кроты, как троглодиты, забирались в пещеры, грязные подземелья траншей. Все полюсы, все противоречия взаимоистребления народов нашли здесь свое выражение и применение, и если Академия захочет — она захочет, — сможет и сумеет, — она сможет и сумеет мобилизовать этот материал последней войны и вооружит практическими выводами наш командный состав, чем сослужит величайшую практическую службу. Мало того, именно потому, что это будет Академия, освобожденная от педантизма, рутины и мандаринства, она не зарождалась в звездных пространствах, а всегда под влиянием непосредственного толчка практики и внутренней потребности. Такая потребность есть. Она неотразима. Мы обязаны оборонять нашу страну, ставшую честной трудовой рабочей и крестьянской страной. Мы обязаны ее оборонить от всякого насилия и всяких попыток подавления. Воля к такой обороне есть у широких масс русского народа. Это воля рабочего класса и крестьянства. И ини-

циатива этих классов, их сознание, их предприимчивость, стали несомненно выше. Им не хватает во многих случаях лишь военного руководства. В лице здесь присутствующих, поздравляю снова Советскую Россию с этим торжественным актом открытия нашего высшего учебного заведения.

Да здравствует же Военная Академия Рабоче-Крестьянской Красной Армии! Да здравствует сама Рабоче-Крестьянская Красная Армия! Ура!

8 ноября 1918 г.

По науке или кое-как?

Письмо другу.

Дорогой друг! Ты спрашиваешь, каким это образом могло случиться, что вопрос о специалистах, вроде офицеров генштаба, мог получить такое крупное значение в нашей среде. Позволь сказать тебе, что дело тут идет, собственно, не о военных специалистах: вопрос и шире, и глубже.

Мы являемся партией рабочего класса. С его передовыми элементами мы сидели десятки лет в подпольи, вели борьбу, сражались на баррикадах, опрокинули старый режим, отбросили всякие межеумочные группы, вроде эс-эров и меньшевиков, и, во главе рабочего класса, мы взяли в руки власть. Но, если наша партия кровно и неразрывно связана с рабочим классом, то она никогда не была и не может стать простой хвалительницей рабочего класса, которая удовлетворяется всем, что делают рабочие. Мы с презрением относились к тем, которые поучали нас, будто пролетариат взял в руки власть «слишком рано»: точно революционный класс может взять власть в любое время по желанию, а не тогда, когда история заставляет его брать власть? Но в это же время мы никогда не говорили, и сейчас не говорим, будто рабочий класс наш достиг полной зрелости и может «играючи» справиться со всеми задачами и разрешить все затруднения. Пролетариат, а тем более, крестьянские массы, только что вышли, ведь, из многовекового рабства и несут на себе все последствия гнета, невежества и темноты. Завоевание власти, само по себе, вовсе еще не преобразовывает рабочий класс и не наделяет его всеми необходимыми достоинствами и качествами: завоевание власти только открывает перед ним возможность по настоящему учиться, развиваться и очищаться от своих исторических недостатков.

Верхний слой русского рабочего класса путем величайшего напряжения совершил гигантскую историческую работу. Но даже и в этом верхнем слое слишком много еще полузнания и полуумения, слишком мало работников, которые, по своим сведениям, кругозору, энергии могли бы делать для своего класса то, что представители, ставленники и агенты буржуазии делали для господствующих классов.

Лассаль говорил когда-то, что современные ему немецкие рабочие—более полустолетия тому назад—были бедны пониманием своей бедности. Революционное развитие пролетариата и состоит в том, что он приходит к пониманию своего угнетенного положения, своей нищеты и восстает

против господствующих классов. Это дает ему возможность захватить с бою политическую власть. Но обладание политической властью, в сущности, впервые открывает перед ним самим полную картину его бедности в деле общего и специального образования и государственного опыта. Понимание же своих недочетов для революционного класса есть залог их преодоления.

Самым опасным для рабочего класса было бы, бесспорно, если бы верхи его вообразили, что, с завоеванием власти, главное уже сделано, и позволили бы своей революционной совести успокоиться на достигнутом. Не для того же, в самом деле, пролетариат совершил революцию, чтобы дать возможность тысячам или даже десяткам тысяч передовых рабочих заседать в советах и комиссариатах. Наша революция вполне оправдает себя только тогда, когда каждый труженик, каждая труженица почувствуют, что им легче, свободнее, чище и достойнее стало жить на свете. Этого еще нет. Еще трудный путь отделяет нас от достижения этой основной и единственной нашей цели.

Чтобы жизнь трудовых миллионов стала легче, обильнее и богаче содержанием, необходимо во всех областях повысить организованность и целесообразность труда, нужно достигнуть несравненно более высокого уровня познаний, более широкого кругозора всех призванных представителей рабочего класса на всех поприщах деятельности. Работая, нужно учиться. Нужно учиться у всех, у кого можно чему-либо научиться. Нужно привлечь все силы, какие можно запрячь в работу. Еще раз: нужно помнить, что массы народные оценят революцию, в последнем счете, по ее практическим результатам. И они будут совершенно правы. Между тем, нет никакого сомнения в том, что среди части советских работников установилось такое отношение к делу, как если бы задача рабочего класса в основах своих разрешена уже одним тем, что к власти призваны рабочие и крестьянские депутаты, которые «кое-как» с делами справляются. Советский режим именно потому лучший для рабочей революции режим, что он вернее всего отражает развитие пролетариата, его борьбу, его успехи, но точно так же — его недочеты, а в том числе и недочеты его руководящего слоя. На ряду с выдвинутыми пролетариатом многими тысячами первоклассных фигур, которые учатся, шагают вперед и которым предстоит еще бесспорно большое будущее, есть в руководящем советском аппарате немало полузнаек, которые мнят себя всезнайками. Самодовольство, успокаивающееся на маленьких успехах, — эта худшая черта мещанства, в корне враждебна историческим задачам пролетариата. Но черта эта, тем не менее, встречается и в среде тех рабочих, которые, с большим или меньшим правом, могут называться передовыми: наследие прошлого, мещанские традиции и влияния, наконец, просто потребность напряженных нервов в отдыхе делают свое дело. Рядом с этим стоят довольно многочисленные представители интеллигенции и полуинтеллигенции, которые искренно примкнули к делу рабочего класса, но внутренно еще не перегорели и сохранили много качеств и приемов мысли, свойственных мещанской среде. Эти худ-

шие элементы нового режима стремятся кристаллизироваться в советскую бюрократию.

Я говорю — «худшие», — не забывая при этом многие тысячи просто безидейных техников, которыми пользуются все советские учреждения Техники, «непартийные» специалисты выполняют, худо ли, хорошо ли, свою задачу, не беря на себя ответственности за советский режим и не возлагая на нашу партию ответственности за себя. Их нужно всячески использовать, не требуя от них того, чего они не могут дать... Зато прямым историческим балластом является наша собственная бюрократия, уже консервативная, косная, самодовольная, не желающая учиться и даже враждебно относящаяся к тем, кто напоминает о необходимости учиться.

Вот это — подлинная опасность для дела коммунистической революции. Это — настоящие пособники контр-революции, хотя и без заговора. Наши заводы работают не лучше буржуазных, а хуже. Стало быть, тот факт, что во главе их, в виде правления, стоит несколько рабочих, сам по себе еще не решает дела. Если эти рабочие исполнены решимости добиться высоких результатов (а в большинстве случаев это так или будет так), тогда все трудности будут преодолены. Нужно, стало быть, со всех сторон подходить к более разумной, более совершенной организации хозяйства, управления армии. Нужно пробуждать инициативу, критику, творчество. Нужно дать больше места великой пружине соревнования. Наряду с этим, нужно, стало быть, привлекать специалистов, искать опытных организаторов, первоклассных техников, давать дорогу всяким дарованиям — и тем, которые выдвигаются с низов, и тем, которые остались в наследство от буржуазного режима. Только жалкий советский бюрократ, ревнивый к своему новому посту и дорожащий этим постом ради личных привилегий, а не ради интересов рабочей революции, может с огульным недоверием относиться ко всякому крупному знатоку дела, выдающемуся организатору, технику, специалисту, ученому, заранее решив про себя, что «мы и сами кое-как справимся».

В нашей академии генерального штаба обучаются сейчас партийные товарищи, которые на деле, на опыте крови добросовестно поняли, как трудно это суровое искусство войны, и которые теперь с величайшим вниманием работают под руководством профессоров старой военной школы. Лица, близко стоящие к академии, сообщили мне, что отношение слушателей к профессорам совершенно не обусловлено политическими мотивами, и наиболее ярких знаков внимания удостоился, кажется, наиболее консервативный из профессоров. Эти люди хотят учиться. Они видят рядом с собой других, у которых есть знания, и они не фыркают, не хорохорятся, не кричат «советскими шапками закидаем», — они учатся прилежно и добросовестно у «царских генералов», потому что эти генералы знают то, чего не знают коммунисты, и что коммунистам нужно знать. И я не сомневаюсь, что, подучившись, наши красные военные академики внесут большие по-

правки к тому, чему их ныне учат, а может быть, даже и скажут кой-какое новое слово.

Недостаток знания, разумеется, не вина, а — беда и притом — беда поправимая. Но эта беда становится виной, даже преступлением, когда она дополняется самодовольством, надеждой на «авось» да «небось» и завистливо-враждебным отношением ко всякому, кто больше знает.

Ты спрашивал, почему это вопрос о военных специалистах возбуждает такие страсти. В том-то и суть, что за этим вопросом, если докопаться до основания, скрываются две тенденции: одна, которая исходит из понимания грандиозности стоящих перед нами задач, стремится использовать все силы и средства, унаследованные пролетариатом от капитала, — рационализировать, т. е. на практике осмыслить всю общественную работу, в том числе и военную, провести во все области принцип экономии сил, достигнуть наибольших результатов с наименьшими жертвами, — действительно, создать условия, при которых будет легче житься. Другая тенденция, к счастью, гораздо менее сильная, питается настроениями ограниченного, завистливого и самодовольного и в то же время неуверенного в себе мещански-бюрократического консерватизма... «Кое-как справляемся, значит, и дальше справимся». Неправда! «Кое-как» не справимся ни в коем случае: либо справимся вполне, как следует быть, по ученому, с применением и развитием всех сил и средств техники, — либо никак не справимся, а провалимся. Кто этого не понял, тот ничего не понял.

Возвращаясь к поставленному тобой, дружище, вопросу о военных специалистах, скажу тебе следующее из своих непосредственных наблюдений. У нас есть отдельные уголки в армии, где «недоверие» к военным специалистам особенно процветало. Что же это за уголки? Наиболее культурные, наиболее богатые политическим сознанием масс? Ничего подобного! Наоборот: это наиболее обделенные уголки нашей Советской республики. В одной из наших армий до недавнего времени считалось признаком высшей революционности довольно-таки мелкотравчатое и глуповатое глумление над «военспецами», т. е. над всяким, кто прошел военную школу. Но в частях этой самой армии почти не велось политической работы. К коммунистам-комиссарам, к этим политическим «специалистам», там относились не менее враждебно, чем к военным специалистам. Кто же сеял эту вражду? — Худшая часть новых командиров. Военные полузнайки, полупартизаны, полупартийные люди, которые не хотели терпеть рядом с собой ни партийных работников, ни серьезных работников военного дела. Это худший тип командиров. Они невежественны, но не хотят учиться. Своим неудачам — а откуда быть у них удачам? — они всегда ищут объяснения в чужой измене. Они жалко робеют перед всякой переменой настроений в своей части, ибо лишены серьезного нравственного и боевого авторитета. Когда часть, не чувствующая твердого руководителя, отказывается наступать, они прячутся за ее спиной. Цепко держась за свои посты, они с ненавистью относятся к самому упоминанию о военной науке. Для них

она отожествляется с изменой и предательством. Многие из них, запутавшись вконец, кончали прямым восстанием против Советской власти.

В тех частях, где духовный уровень красноармейца более высок, где ведется политическая работа, где имеются ответственные комиссары и партийные ячейки, там не боятся военных специалистов, а требуют их, пользуются ими и учатся у них. Более того: там с гораздо большим успехом ловят подлинных изменников и во-время расстреливают их. И — что самое важное — там побеждают.

Так-то, дорогой друг! Теперь ты, может быть, яснее поймешь корни разногласий в вопросе о военных и иных специалистах.

В пути. Тамбов - Балашов. 10 января 1919 г.

«Военное Дело» № 5 — 6 (34 — 35), 23 февр. 1919 г.

Приказ

Народного Комиссара по военным делам

от 3 августа 1918 г.

Унтер-офицер! Тебя призывает страна. Советская власть создает армию, которая должна охранить свободу и независимость трудящихся классов России от покушения внешних и внутренних насильников. Для рабочей и крестьянской армии нужен серьезный, крепкий, честный командный состав. Часть старого офицерства добросовестно работает над делом создания военной мощи Советской Республики. Но это незначительное меньшинство. Большинство, привыкшее раболепствовать и пресмыкаться перед царизмом, не хочет служить рабочему классу и крестьянской бедноте. Этих противников Советской власти мы заставим быть военными инструкторами (учителями). Но мы не можем вручить им командные права.

На командные посты Советская власть призывает вас, бывшие унтер-офицеры. Вы сами — сыны трудового народа. Рабочая и крестьянская армия есть ваша армия. Вы станете во главе ее взводов, ее рот, а затем и полков и дивизий, чтобы твердо и доблестно служить трудовой России. Вы создадите несокрушимые кадры социалистического офицерства Советской Республики. Отныне всякий унтер-офицер, находящийся в рядах Красной армии, как доброволец, или по принудительному набору, переводится на положение взводного командира.

Советская власть даст вам все возможности пополнять ваше военное образование. Оставаясь верными сынами революционного народа, вы должны подняться на вершину военного искусства.

Унтер-офицеры, ваш час пробил! Советская Россия призывает вас. Вперед — на путь упорной работы, на путь доблестной борьбы за свободу и счастье Советской России!

Вперед, на путь славы и чести!

«Изв. ВЦИК», 6 авг. 1918 г.

Декрет

Совета Народных Комиссаров о призыве на обязательную военную службу лиц, служивших в войсках унтер-офицерами. Москва, 2-го августа 1918 г.

Создание армии, способной и готовой защищать интересы трудового населения против внешних и внутренних насильников, встречает большое затруднение в виду почти полного отсутствия командного состава, неразрывно связанного с рабочим классом и крестьянской беднотой.

В старой армии командные должности принадлежали почти исключительно представителям имущих классов, вследствие чего большинство старого офицерства относилось враждебно к власти рабочих и крестьян. Новая армия нуждается в новом офицерстве. Оно может быть создано в короткий срок, путем привлечения на командные должности честных и мужественных сынов народа из числа бывших унтер-офицеров.

Исходя из этих соображений, Совет Народных Комиссаров постановил в дополнение к декрету о призыве в уездах Московской, Петроградской, Владимирской, Нижегородской, Пермской и Вятской губ. рабочих, родившихся в 1896 — 1897 гг., призвать одновременно на основаниях, указанных в вышеназванном декрете, во всех уездах поименованных шести губерний также тех рабочих, родившихся в 1893, 1894 и 1895 годах, которые служили в войсках унтер-офицерами, дабы из них в самый короткий срок создать командный состав для рабочей и крестьянской Красной Армии [67].

Унтер-офицеры.

Речь, прочитанная Петроградскому Маневренному унтер-офицерскому батальону в Козлове осенью 1918 г.

Товарищи! Приехав сюда, я справился у командующего южным фронтом, как выглядит Петроградский Маневренный унтер-офицерский батальон. Он ответил: «великолепно». Я в этом и не сомневался, товарищи. Большинство из вас, как я знаю, именно из этого унтер-офицерского батальона. В техническом отношении вы не имеете тех преимуществ, которые имело офицерство. Вы люди военные, знающие военное дело, именно поэтому старая армия выдвинула вас наверх, из рядовых сделала вас унтер-офицерами. Но вы имеете вместе с тем огромнейшее преимущество в классовом отношении. Вы плоть от плоти, кровь от крови рабочего класса и крестьянства. Вот почему, товарищи, судьба вашего Маневренного батальона, судьба каждого из вас в отдельности имеет огромное значение для Советской Республики, для рабоче-крестьянской Красной Армии.

Вы знаете, почему и как погибла старая царская армия. Когда она выступила на германо-австро-венгерский фронт, она казалась всемогущей; в ней было много героизма, много честных самоотверженных солдат, были честные офицеры. Правда, на высших командных постах таких было ничтожное меньшинство. Эта армия рассыпалась, распалась и погибла. Почему?

Представители старого строя говорили, что армию погубили агитаторы. Мы на это можем ответить так: ведь, царь окружал армию всеми средствами: — полицейскими и жандармами, тюрьмами и виселицами, и, однако, эта армия не сохранилась. Армия разрушилась, армия распалась. Почему агитаторы оказались всемогущими? Мы, например, можем сказать: пусть царские агитаторы, агитаторы помещиков и буржуазии попытаются подойти к нашей армии, чтобы ее разрушить. Они обожгут себе пальцы и язык. Красная армия не допустит к себе царских контр-революционеров-агитаторов. Почему старая армия отказывалась слушаться слова революционных агитаторов, почему нынешняя армия не отказывается? Мы подошли к корню вопроса. Старая армия так же, как и нынешняя, в большинстве своем, состояла из рабочих и крестьян. Да и как же иначе? Рабочие и крестьянство — это подавляющее большинство населения страны. Армии теперь во всех странах набираются из трудовых масс. Но характер армии, ее назначение, ее цель опреде-

ляется командным составом, тем, кто эту армию формирует, воспитывает, складывает и для каких целей? Царизм длительным путем превратил армию в автомат, в котором не пробуждалось сознание и который исполнял приказы, хотя бы они были смертельно вредны интересам народных масс. Старая армия состояла, главным образом, из крестьянских и рабочих масс. Но над этим крестьянством всегда стояло сплоченное офицерство, происходившее из богатых и образованных классов. Каждый солдат был в тисках дисциплины офицерского командного состава. А последний, по своим интересам, привычкам, по воспитанию, принадлежал не к тем солдатам, которыми он управлял, а к могучему классу, во главе которого стоял царь.

Эта старая армия до известного времени была крепка. Что ее погубило, что ее развалило? То самое, что разваливает теперь германскую армию: пробуждение мысли и совести солдата. Только до тех пор, пока солдат автоматически выполнял командный приказ, не задумываясь о его цели, до тех пор армия держалась. Но армию нельзя держать в руках одной полицейской дисциплиной. Дисциплина для всех армий должна быть создана самой армией. Армия должна понимать, чему она служит, какой цели, что заставляет каждого честного солдата отдавать свои силы и свой труд и даже свою жизнь и свою кровь во имя этих интересов? И раз армия пробудилась, раз сознание солдата заговорило, то уже старая дисциплина и старые сказки, прибаутки монархии, дворянства и буржуазии неспособны удержать эту армию. Вот почему разложилась наша старая царская армия, распоролась по всем швам, и вот почему сейчас разваливается самая могучая армия в мире — германская, во главе которой стоит самый искусный, ловкий и опытный офицерский корпус и самое твердое помещичье-буржуазное правительство в мире. Для германской армии настал конец, и она распадается.

После распада старой армии, Советская власть стала создавать новую, на новых основаниях. В чем, товарищи, заключалось наше затруднение? Оно заключалось, с одной стороны, в усталости солдатских масс. Четырехлетняя война навязла всем в зубах. Трудно было заставить понять умом, сознанием, совестью каждого отдельного рабочего и крестьянина, что несмотря на то, что наша страна обессилела, — нужно воевать. Несмотря на усталость нашей армии, нам необходимо было заставить армию воевать во имя защиты новых интересов, не дворянских и не помещичьих, а интересов рабоче-крестьянской массы. И это затруднение было преодолено скоро.

Когда крестьяне взяли в свои руки землю, когда рабочая масса взяла власть на заводах, и трудящиеся оглянулись вокруг, они увидали, что капиталистические честолюбцы Германии, Англии и Франции напали на Россию, на Советскую честную трудовую страну.

В этих условиях нам необходимо было создать армию, и понимание этого глубже проникало в сознание народных масс. Но тут возникло новое затруднение. Вопрос о командном составе. Солдаты из рабоче-кре-

стьянской страны, по существу, были честные труженики, но технически не готовые защищать интересы рабочих. Где взять командный состав? Старое офицерство, как я сказал, на девять-десятых продало душу свою буржуазии и помещикам, и теперь, когда привилегии и власть монархии и буржуазии пали, старое офицерство бежало за пределы Советской страны. На Украине это офицерство, девять-десятых его, продало свою шпагу германскому милитаризму. А там, под Архангельском, оно идет в наймы к английским бандитам; в Сибири на Дальнем Востоке оно продает себя Америке, японцам, как вообще и всюду нанимается против русских рабочих и крестьян. И на Украину до последних дней, пока Скоропадский не шатался, передвигались офицеры генерального штаба. Однако часть офицеров осталась служить Советской власти; но их меньшинство. Разумеется, среди офицерства — и вы, как унтер-офицеры, знаете это собственным опытом, — есть честные люди. Эти честные люди из офицерства поняли, что надо защищать Россию, обеспечить независимость русского народа и что это может сделать новая армия, построенная на новых началах, на новой твердой товарищеской дисциплине. И они служат Советской армии, но их, повторяю, меньшинство, и их не хватает. Мы создали инструкторские школы, в которых солдаты, рабочие и крестьяне, обучаются искусству командования хотя бы небольшими частями. Но эти школы не могут нам в короткий срок дать необходимый командный состав. Хотя курсы эти краткосрочны, требуется месяца 4 — 5, пока из солдата может выработаться наш новый рабоче-крестьянский корпус офицерства. Но у нас есть готовый материал для командного состава. Это — многие тысячи унтер-офицеров, это вы! Вы призваны сейчас, и из вас некоторые включены в Маневренный батальон. Советская власть видит в вас призванных командиров рабоче-крестьянской Красной Армии. После временного перерыва, необходимо обновить ваши военные познания и снова пробудить боевой дух, который жил в вас и благодаря которому, вы, в свое время, были повышены и стали унтер-офицерами. Вам нужно войти в близкое соприкосновение с нашей формирующейся рабоче-крестьянской Красной Армией. Я не сомневаюсь, что многие из вас, 99 из 100, станут в ближайшее время подлинными начальниками в нашей рабоче-крестьянской армии. Вам не хватает вполне законченного образования. Мы стремимся, чтобы наша новая рабоче-крестьянская трудовая страна, чтобы дети рабочих и крестьян, ваши дети, — получили образование во всех областях. Но у вас есть жизненный военный опыт и есть преданность рабочему и крестьянскому делу. В вас есть здоровое народное сознание, незатемненное ложью, которое вы можете и хотите применить для службы рабочему и крестьянскому народу. Из таких людей, не боящихся опасности, выдвигается настоящий командный состав для защиты революционных интересов.

Сто с лишним лет тому назад была великая французская революция, которая разбила старую монархическую армию. И там также офицерство

в массе своей перебегало на сторону врагов французского народа — на сторону Англии против французской революции, как ныне против нас оно ведет, вместе с английскими капиталистами, бесчестную борьбу. Часть французского офицерства перешла на сторону Германии, и мы знаем, что она боролась против французского революционного народа. Французских тружеников, рабочий народ они называли санкюлотами — это значит бесштанники. И эти санкюлоты, бесштанники, создали подлинную Красную Армию. Откуда они взяли свой командный состав? Из капралов, — унтер-офицеров [68]. И Наполеон, который стал после императором, когда он был еще революционным генералом, говорил, что каждый солдат имеет в своей походной сумке фельдмаршальский жезл, т.-е. в революционной стране каждый солдат, энергичный и твердый, в опасный момент может и должен занять какой угодно командный пост. Эти фельдмаршалы, бывшие унтер-офицеры, из которых многие не умели подписывать свою фамилию, стали великими революционными полководцами. Они не только выгнали немцев и англичан из своей страны, но пошли во главе победоносной французской армии по всей Европе и всюду и везде наносили удары господству крепостничества и духовенства. Это значит, что там создана была настоящая народная армия, которая из своей среды выдвинула настоящий подлинный командный состав.

Итак, товарищи, Советская власть смотрит на вас с уверенностью и надеждой. Ваша ближайшая работа есть переходный момент к командным постам. Каждый из вас должен смотреть на себя, как на честного работника рабочей и крестьянской Советской России. Рабочие должны сознавать, что вы хорошо знаете свое военное дело, хорошо владеете оружием и что владеете им в интересах рабочей и крестьянской массы; что вы клянетесь перед всей страной никогда не направлять своего оружия против тружеников, против рабочих, против крестьян во имя помещиков и буржуазии.

Я не сомневаюсь, что вы приобретете авторитет и влияние на всю нашу молодую, ныне формирующуюся, рабоче-крестьянскую Красную Армию. Тогда мы будем иметь подлинный наш собственный рабоче-крестьянский командный состав. Он нам нужен до зарезу, ибо врагов у нас много. Весь мир пробуждается, благодаря нашей рабоче-крестьянской революции; в Германии милитаризм падает, в Австро-Венгрии пал. Не нынче завтра падет во Франции, Англии, Америке, Японии, и это падение нанесет тяжелый удар буржуазии. Но буржуазия не дремлет: она также может нанести жестокий удар революции. Вы знаете, осенняя муха перед смертью кусается больней. Так и буржуазия империалистической Германии и Англии, чувствуя предсмертные судороги, стремится нанести удар Советской России. Но покуда мы стоим, как независимая революционная страна, наш голос звучит, как набат для всех стран. Вот почему империалистская буржуазия стала против нас, и вот почему мы обязаны стать на защиту интересов рабоче-крестьянской массы Советской страны.

Наш враг говорит, что Советской России новой армии не создать. Это говорила немецкая военная печать. Не так давно, месяца три или четыре тому назад, приехал ко мне в Москву, в Народный Комиссариат по военным делам, немецкий генерал, как представитель при Советской Республике. После официального заявления, он попросил остаться, чтобы поговорить со мною частным образом, и задал вопрос: вот вы обвиняете нашу дисциплину в своей печати, но позвольте спросить, как вы сможете создать у себя новую армию? Ведь, вы, при ваших порядках, при отсутствии твердой монархической власти, основанной на авторитете, не сможете создать дисциплины. На это я ему также частным образом ответил: у вас в Германии есть дисциплина? Есть. Если в буржуазных странах солдаты могут поддерживать дисциплину против желания, то наши солдаты, которые начинают понимать с каждым днем, что наша дисциплина направлена на благо солдат и рабочих, создадут дисциплину в десять раз тверже, чем у вас. Это верно. Я думаю, что вы поможете Красной Армии установить такую дисциплину у себя самих и во всех красных армиях в целом. Рабочие во всех странах следили со страхом: не погибнем ли мы под натиском контр-революционной силы? Этот вопрос тревожно рассматривался в революционной печати Запада.

Как Советская власть создаст в Красной Армии командный состав? Пока армия была невелика, всего несколько десятков тысяч, до тех пор можно было взять его из той части старых офицеров, из того меньшинства, которое перешло на сторону Советской власти. Но где найти тысячи офицеров для новой революционной армии? Теперь мы можем сказать нашим врагам: у нас создался новый офицерский состав. Мы кликнули клич, обратившись к унтер-офицерству и ко всем передовым сознательным бойцам, в груди которых бьется благое стремление защищать Советскую Республику на всех фронтах. Двери всех школ и военных академий открыты для всех них. Мы из этих школ выкинули все старое и взяли от буржуазии только необходимое. Мы оставили в наших академиях то, что нужно настоящему военному вождю-политику, который должен влиять на солдатские массы. Он должен не только говорить правду, но и хорошо знать свое военное дело.

Я обращаюсь, товарищи, к вам с призывом: глядите на себя, как на настоящих работников рабоче-крестьянской армии! Завтра вы окажетесь во главе взводов, рот, баталионов, полков, и вы призваны настоящим образом командовать новой формируемой армией. Так глядите вы на себя, пусть солдаты смотрят на вас снизу вверх. Учите молодых и создавайте твердую дисциплину! Это дисциплина, не из под палки, это — товарищеская дисциплина. Раньше дисциплина была именно палочная. У нас должна быть подлинная коммунистическая артель. Возьмем друг друга за руки и установим у себя твердую железную артельную дисциплину и заявим нашим рабочим и крестьянам, что мы своей страны на поругание не отдадим.

Я призываю вас очистить нашу родную страну от буржуазии!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И КРАСНАЯ АРМИЯ.

О военных комиссарах.

Пост военного комиссара, особенно комиссара полка, один из самых трудных и ответственных, какие знает Советская Республика. Далеко не всякий товарищ, хотя бы и политически развитый, способен справиться с обязанностями военного комиссара. Тут, прежде всего, необходим твердый устойчивый характер, ровное, бдительное, а не порывистое мужество. Комиссар, который действует с налета, который является в полк с готовым намерением «подтянуть», наставить, исправить, переделать, еще не зная, как, кого и что, — такой комиссар неизбежно натолкнется на сопротивления, препятствия, отпор, и ему грозит опасность превратиться в комиссара-брюзгу. Это довольно распространенный тип, хотя, к счастью, он составляет все же небольшое меньшинство нашего корпуса комиссаров.

Комиссар-брюзга всегда и всем недоволен: старшими комиссарами, командным составом, реввоенсоветом армии, уставами, словом, всеми и всем. На деле это крикливое недовольство имеет свои корни в самом комиссаре: он просто не годится для выполнения своих обязанностей и скоро превращается в бывшего комиссара.

Центр тяжести вопроса лежит вовсе не там, где его ищут плохие комиссары. Не в том суть, чтобы наделить комиссара какими-то беспредельными, всеобъемлющими правами. Прав у комиссара совершенно достаточно. Задача в том, чтобы на деле, на опыте научиться этими правами пользоваться, не нарушая работы других, а дополняя и направляя ее.

Приказов, которые говорили бы комиссару: «ты не имеешь права вмешиваться в какие бы то ни было распоряжения командного состава»,— не существовало и не существует.

Область, в которой комиссар имеет наименьшие «права», это область оперативно-командная. Каждому здравомыслящему человеку понятно, что не может быть одновременно двух командиров, тем более — в боевой обстановке. Но никто никогда не запрещал комиссару высказывать свое мнение по поводу оперативной задачи, подавать советы, контролировать исполнение оперативных приказов и пр. Наоборот, все это входит в круг работы комиссара, и если последний разбирается в деле, то всегда оказывает значительное влияние — даже в области командования.

В организационно-административной и в хозяйственной областях, где главные вопросы разрешаются не в боевой обстановке, а в подготовительный период, в тылу, комиссары и командиры должны работать соли-

дарно и, вообще говоря, пользуются одинаковыми правами. Если они изо дня в день расходятся по существенным вопросам, стало быть, кто-нибудь из них не понимает основных задач военного строительства. В таком случае, приходится сменить либо командира, либо комиссара, смотря по тому, кто сбивается в работе с правильного пути. Если же расхождение у них по второстепенному практическому вопросу, — нужно перенести вопрос на разрешение по команде. Такая практика фактически давно установилась в наших частях и подтверждалась соответственными приказами и разъяснениями.

В политическо-воспитательной работе дирижерская палочка находится в руках комиссара, как в оперативно-командной области она всегда остается в руках командира. Но это вовсе не значит, что командир не имеет права «вмешиваться» в политическую работу, если он интересуется ею, а хороший командир не может ею не интересоваться, так как состояние политической работы оказывает огромное влияние на боеспособность части.

Чем больше комиссар начинает проникать в строевую и боевую работу, а командир в политическую, тем ближе мы придвигаемся к тому единоначалию, когда лицо, поставленное во главе части, будет сочетать в себе и командира, и комиссара, т. е. и боевого начальника и политического воспитателя.

Осень 1918.

Роль коммунистов в Красной Армии.

Приказ
Председателя РВСР
по Красной Армии и Красному Флоту.
11 декабря 1918 г., № 69 г. Воронеж.

Всем солдатам, всем матросам, наконец, всем гражданам известно, какую серьезную и ответственную работу выполняли и выполняют товарищи-коммунисты в составе Рабочей и Крестьянской Красной Армии. За последнее время были, однако, случаи, когда отдельные коммунисты вели себя недостойным образом, не противодействовали мародерству, не проявляли должного мужества и проч. Такие коммунисты недостойны своего имени и являются просто примазавшимися к великому званию людьми. Солдат-коммунист имеет такие же права, как и всякий другой солдат, — ни на волос больше; он имеет только несравненно больше обязанностей. Солдат-коммунист должен быть образцовым воином, он должен в бою всегда находиться в первых рядах, он должен стремиться и других увлекать в самое опасное место, он должен быть образцом дисциплины, добросовестности, мужества. На фронте и в тылу он должен подавать другим пример бережного обращения с народным достоянием вообще и с военным имуществом в частности. Только такой образцовый солдат имеет право именоваться коммунистом; иначе это жалкий самозванец, с которого нужно взыскивать вдвойне.

Предлагаю политическим отделам всех армий Советской Республики внимательно следить за поведением коммунистов и своевременно изгонять сорную траву из поля вон.

Наша политика в деле создания армии.

Тезисы, утвержденные 8-м съездом Р. К. П. [69] в марте 1919 г. *)

А. Общие положения.

I

Старая социал-демократическая программа требовала установления всенародной милиции на основе, по возможности, вне-казарменного военного обучения всех граждан, способных носить оружие. Это программное требование, противополагавшееся в эпоху II-го Интернационала империалистическим постоянным армиям с казарменным обучением, длительным сроком службы и кастовым офицерством, имело то же историческое значение, что и другие требования демократии: всеобщего, равного избирательного права, однопалатной системы и пр. В условиях «мирного» капиталистического развития и вынужденного до поры до времени приспособления классовой борьбы пролетариата к рамкам буржуазной легальности, естественной задачей социал-демократии являлось требование наиболее демократических форм в организации капиталистического государства и капиталистической армии. Борьба на этой основе имела несомненно воспитательное значение, но, как показал величайший опыт последней войны, борьба за демократизацию буржуазного милитаризма дала еще меньшие результаты, чем борьба за демократизацию буржуазного парламентаризма. Ибо в области милитаризма буржуазия, не отрекаясь от самой себя, может допустить только такой «демократизм», который не задевает ее классового господства, т. е. демократизм призрачный, мнимый. Когда дело коснулось коренных интересов буржуазии в международной области, как и во внутренних отношениях, буржуазный милитаризм в Германии, Франции, Швейцарии, Англии, Америке, несмотря на все различие государственных форм и структуры армий этих стран, обнаружил одни и те же черты беспощадного классового зверства.

II

Когда классовая борьба превращается в открытую гражданскую войну, разрывая оболочку буржуазного права и буржуазно-демократических учреждений, лозунг «народной милиции» лишается смысла совершенно

---

*) Помещаются в первом томе, обнимающем 1918 г., потому что они являются обобщением опыта 1918 г. — На съезде доклада не делал, ибо находился на фронте.
Л. Т.

так же, как и лозунг демократического парламентаризма, и поэтому становится орудием реакции. Как лозунг «Учредительное Собрание» стал прикрытием для работы по восстановлению власти помещиков и капиталистов, точно так же лозунг «народной» или «всенародной» армии стал средством создания армии Краснова и Колчака.

После опыта русской революции, нужна поистине презренная мещанская ослепленность Каутского, чтобы проповедывать формальную демократию в деле организации государственной власти и армии [70] в то время, когда немецкое Учредительное Собрание скрывается в Веймар из Берлина, отдаваясь под защиту белогвардейских полков, когда генерал Гофман вербует свои железные батальоны из юнкерских, буржуазных и кулацких сынков, а спартаковцы [71] вооружают революционных рабочих. Наступившая эпоха пролетарской революции есть эпоха открытой гражданской войны пролетариата против всякого буржуазного государства и всякой буржуазной армии, независимо от того, прикрыта она или не прикрыта формами демократии. Победа пролетариата в этой гражданской войне неотвратимо ведет к установлению классового пролетарского государства и классовой армии.

III

Отбрасывая на ближайший исторический период так называемый всенародный характер милиции, как он значился в нашей старой программе, мы отнюдь не порываем с программой милиции, как таковой. Политическую демократию мы ставим на классовые основы и превращаем ее в Советскую демократию. Милицию мы переносим на классовые основы и превращаем ее в Советскую милицию. Очередная программа работы состоит, следовательно, в создании армии рабочих и крестьянской бедноты на основе обязательного обучения военному делу вне-казарменным, по возможности, путем, т. е. в условиях, близких к трудовой обстановке рабочего класса.

IV

Фактический ход развития нашей Красной Армии находится как бы в противоречии с указанными требованиями. Первоначально мы создавали армию на основе добровольчества. Введя далее обязательное военное обучение для рабочих и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда, мы одновременно приступили к принудительному набору ряда возрастов трудящихся классов. Эти противоречия не были случайными блужданиями, а вытекали из обстановки и представляли собой совершенно неизбежные переходные формы в деле создания армии в тех конкретных условиях, какие нам завещала империалистическая война и буржуазная (февральская) революция.

Добровольчество является единственно возможным средством создания сколько-нибудь боеспособных частей в условиях катастрофиче-

ского развала старой армии и всех органов формирования и управления ею. Лучшим доказательством этого служит тот факт, что в нынешней Германии контр-революционные генералы оказываются в такой же мере, как и спартаковцы, вынужденными прибегать к созданию добровольческих батальонов. Переход от добровольчества к обязательности стал возможным в тот момент, когда главные массы старой армии рассосались по городам и деревням, и на местах успели создаться местные органы военного управления: учета, формирования и снабжения (волостные, уездные, губернские, окружные комиссариаты).

V

Противопоставление идеи партизанских отрядов планомерно организованной и централизованной армии (проповедь «левых» с.-р. и им подобных) представляет собой карикатурный продукт политической мысли или недомыслия мелко-буржуазной интеллигенции. Партизанские методы борьбы навязывались в первый период пролетариату его угнетенным положением в государстве, как ему уже навязывалось пользование примитивными подпольными типографиями и тайными собраниями кружков. Завоевание политической власти дало пролетариату возможность использовать государственный аппарат для планомерного строительства централизованной армии, единство организации и единство управления которой только и могут обеспечить достижение наибольших результатов с наименьшими жертвами. Проповедывать партизанство, как военную программу, то же самое, что рекомендовать возвращение от крупной промышленности к кустарному ремеслу. Такая проповедь вполне отвечает природе интеллигентских групп, неспособных владеть государственною властью, неспособных даже серьезно ставить себе задачу овладения этой властью и изощряющихся в партизанских (полемических или террористических) набегах на рабочую власть.

VI

Можно считать теоретически неопровержимым, что самую лучшую армию мы получили бы, создавая ее на основе обязательного обучения рабочих и трудовых крестьян в условиях близких к их повседневному труду. Общее оздоровление промышленности, повышение коллективности и производительности сельскохозяйственного труда создавало бы самую здоровую основу для армии, — роты, батальоны, полки, бригады, дивизии которой совпадали бы с мастерскими заводов, заводами, деревнями, волостями, уездами, губерниями и пр. Такая армия, формирование которой шло бы нога в ногу с хозяйственным подъемом страны и параллельным воспитанием командного состава, стала бы самой непобедимой армией в мире. К такой именно армии мы идем, и раньше или позже мы к ней придем [72].

VII

Необходимость непосредственного, немедленного отпора внутренним и внешним классовым врагам не позволила нам, однако, перейти таким «органическим» путем к рабоче-крестьянской милиции, для чего понадобилось бы несколько лет, во всяком случае, долгий ряд месяцев. Как на второй день после октябрьской революции мы оказались вынужденными прибегнуть к добровольческим формированиям, так на следующем этапе, именно летом прошлого года, когда кольцо империализма особенно тесно сжалось вокруг Советской России, мы оказались вынужденными форсировать нашу военную работу и, не дожидаясь милиционных, то есть внеказарменных формирований территориального типа, прибегнуть к принудительной повсеместной мобилизации определенных возрастов и к их ускоренному обучению и сплочению их в казармах. При этом все усилия военного ведомства направлены на то, чтобы приблизить казарму к военной школе, сделать ее очагом не только чисто-военного обучения, но и общего образования и политического воспитания.

VIII

Нынешняя наша активная, т. е. действующая или непосредственно подготовляющаяся к действию, армия представляет собой именно указанный переходный тип: будучи классовой по своему социальному составу, она является не милиционной, а «постоянной», «регулярной» — по методам формирования и обучения. Если в этом последнем обстоятельстве заключается источник многих внутренних затруднений, особенно в условиях чрезвычайного истощения страны, то в то же время мы можем с удовлетворением сказать, что и эта переходного типа армия, созданная в самых неблагоприятных условиях, обнаружила способность бить своих врагов.

IX

Одновременно с казарменными или чисто-полевыми формированиями, т. е. формированиями в боевой обстановке, идет широкая работа всеобщего обучения рабочих и трудовых крестьян на местах. По отношению к нашим регулярным формированиям, работа всеобщего обучения на первых его ступенях рассматривалась, как элементарная подготовка, как привитие известных навыков индивидуальному борцу с целью ускорения его дальнейшей выучки в составе той боевой единицы, в которую он будет включен. Несомненно, что и под этим ограниченным углом зрения, всеобщее обучение служит уже сейчас важную службу делу создания армии.

X

Но задача всеобщего обучения военному делу ни в каком случае не может ограничиваться указанной вспомогательной служебною ролью. Всеобщее обучение должно, путем ряда этапов, согласованных с более неотложной и острой работой по формированию регулярных частей, привести нас к созданию действительно милиционной армии.

XI

Для указанной цели необходимо, чтобы всеобщее обучение не ограничивалось задачами индивидуального военного обучения, а перешло к формированиям сперва хотя бы самых мелких воинских единиц, по возможности не отрывая их составные элменты, т. е. рабочих и крестьян, от нормальной трудовой обстановки. Всеобщее обучение должно перейти к формированию отдельных взводов, рот, в дальнейшем — батальонов и полков, с более отдаленной перспективой формирования целых дивизий из местных рабочих и крестьян с местным командным составом, с местными запасами вооружения и всего вообще снабжения.

XII

В предположении дальнейшей непрерывной и продолжительной борьбы с империалистическими войсками, постепенный переход к милиционной армии возможен только через посредство новой организации пополнения убыли в действующих войсках. В настоящее время пополнения формируются по тому же типу, что и основные единицы — через посредство так называемых запасных батальонов. В дальнейшем, притом в ближайшем будущем, пополнения должны формироваться в процессе и на основе всеобщего обучения и направляться в действующие полки того же территориального происхождения с таким расчетом, чтобы при демобилизации составные элементы полка не рассыпались по всей стране, а сохранили местную трудовую земляческую связь. Разработка ряда мероприятий по постепенному переходу от нынешней нашей армии переходного типа к армии территориально-милиционной должна лечь на соответственные органы военного ведомства, которое уже сделало в этом направлении первые решительные шаги.

XIII

Классовая милиционная армия, к которой мы идем, не означает, как ясно из всего предшествующего, импровизированной, т.-е. наспех созданной, мало обученной армии, со случайным подбором оружия и полуподготовленным командным составом. Наоборот, подготовка через всеобщее обучение должна быть поставлена так, чтобы, в связи с маневрами, стрелковыми упражнениями и военными празднествами, дать в результате более, чем ныне, квалифицированный тип отдельного бойца и целой части. Милиционная армия должна быть армией обученной, вооруженной и организованной по последнему слову военной науки.

XIV

Комиссары в армии являются не только прямыми и непосредственными представителями Советской власти, но и, прежде всего, носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели. Партия может с полным удовлетворением

оглянуться на героическую работу своих комиссаров, которые рука об руку с лучшими элементами командного состава в короткий срок создали боеспособную армию. Вместе с тем необходимо, чтобы Политические Отделы армии, под непосредственным руководством Центрального Комитета, производили в дальнейшем отбор комиссаров, устраняя из их среды все сколько нибудь случайные, неустойчивые, карьеристские элементы.

Работа комиссаров может дать полные результаты лишь в том случае, если она опирается в каждой части на непосредственную поддержку ячейки солдат-коммунистов. Быстрый численный рост коммунистических ячеек является важнейшей порукой тому, что армия все больше будет пропитываться идеями и дисциплиной коммунизма. Но именно в виду огромной роли коммунистических ячеек, комиссары и все вообще наиболее зрелые партийные работники в армии должны принимать меры к тому, чтобы в состав ячеек не попадали неустойчивые элементы в погоне за мнимыми правами и привилегиями. Уважение к коммунистическим ячейками будет тем выше и незыблемее, чем яснее каждый солдат поймет и на опыте убедится, что принадлежность к коммунистической ячейке не дает солдату никаких особых прав, а лишь налагает на него обязанность быть наиболее самоотверженным и мужественным бойцом.

Одобряя в общем и целом выработанное Центральным Комитетом положение о правах и обязанностях коммунистических ячеек, комиссаров и Политических Отделов, съезд вменяет в обязанность всем товарищам, работающим в армии, неуклонно сообразоваться с указанным положением.

XV

Требование выборности командного состава, имевшее огромное принципиальное значение по отношению к армии буржуазной, где командный состав подбирался и воспитывался, как аппарат классового подчинения солдат и, через посредство солдат, трудовых масс, теряет совершенно свое принципиальное значение по отношению к классовой рабочей и крестьянской Красной Армии. Возможная комбинация выборности и назначения диктуется революционной и классовой армии исключительно практическими соображениями и зависит от достигнутого уровня формирования, степени сплоченности частей армии, наличия командных кадров. В общем, можно установить, что, чем менее зрелы части армии, чем более случайным и переходящим является их состав, чем меньше проверен молодой командный состав на опыте, тем меньше целесообразного применения может найти начало выборности командиров, и, наоборот, рост внутренней спайки частей, выработка у солдат критического отношения к самим себе и к своим начальникам, создание значительных кадров низших и высших боевых начальников, показавших свои качества в условиях новой войны, создают благоприятные условия, в которых начало выборности лиц командного состава может получить все более и более широкое применение.

XVI

Вопрос о командном составе, представляя большие практические трудности, не дает, по существу дела, никакой почвы для принципиальных разногласий.

Даже если бы наша армия получила возможность в течение нескольких лет планомерно формироваться и подготовлять для себя одновременно новый командный состав, — и в этом случае у нас не было бы никаких принципиальных оснований отказаться от привлечения к работе тех элементов старого командного состава, которые либо внутренно стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить ей. Революционный характер армии определяется, прежде всего, характером того советского режима, который эту армию создает, который ставит ей цель и превращает ее, таким образом, в свое орудие. С другой стороны, соответствие этого орудия советскому режиму достигается классовым составом главной массы бойцов, организацией комиссаров и коммунистических ячеек, наконец, общим партийным и советским руководством жизнью и деятельностью армии.

Работа по обучению и воспитанию нового офицерства, преимущественно из среды рабочих и передовых крестьян, составляет одну из важнейших задач в деле создания армии. Непрерывный рост числа инструкторских курсов и их воспитанников свидетельствует о том, что военное ведомство уделяет этой задаче все внимание, какого она заслуживает. Наряду с высшей военной академией (генерального штаба), организуется 5 школ среднего типа — между инструкторскими курсами и высшей военной академией. Тем не менее, в рядах нынешней Красной Армии имеются очень многочисленные командиры из состава старой армии, которые с большой пользой для дела выполняют свою ответственную работу. Необходимость отбора и контроля, с целью недопущения предательских, провокаторских элементов, разумеется сама собой и — насколько свидетельствует опыт — практически разрешается более или менее благополучно нашей военной организацией. С этой точки зрения, у партии не может быть никакого основания к пересмотру нашей военной политики.

XVII

Изданные до сих пор уставы (внутренней службы, полевой, гарнизонный), внося твердость и оформленность во внутренние отношения армии, в права и обязанности ее составных элементов, и потому представляя собою крупный шаг вперед, отражают тем не менее переходный период формирования нашей армии и будут подлежать дальнейшей переработке, по мере преодоления старых, «казарменных» черт в деле формирования армии и все большего ее превращения в классовую, милиционную.

XVIII

Агитация, которая ведется из лагеря буржуазной демократии (эс-эры, меньшевики) против Красной Армии, как против проявления «милитаризма», как против основы грядущего бонапартизма, является лишь выражением политического невежества или шарлатанства, или смесью того и другого. Бонапартизм не есть продукт военной организации, как таковой, но продукт определенных социальных отношений. Политическое господство мелкой буржуазии, стоящей между реакционными крупно-буржуазными элементами и революционными пролетарскими низами, еще неспособными к самостоятельной политической роли и к политическому господству, создало необходимую предпосылку возникновения бонапартизма, который нашел опору в крепком мужике и поднялся над классовыми противоречиями, не находившими решения в революционной программе мелко-буржуазной (якобинской) демократии. Поскольку коренной основой бонапартизма является кулацкий крестьянин, постольку уже самый социальный состав нашей армии, из которой исключается и изгоняется кулачество, дает серьезнейшую гарантию против бонапартистских тенденций. Российские пародии на бонапартизм, в виде красновщины, колчаковщины и пр., вырастали не из Красной Армии, а в прямой и открытой борьбе против нее. Скоропадский — украинский Бонапарт на гогенцоллернских помочах — формировал армию на основе ценза, прямо противоположного цензу Красной Армии, вербуя в свои полки крепких кулаков. При этих условиях видеть в армии пролетариев и деревенских бедняков оплот бонапартизма могут только те, которые еще вчера и прямо, и косвенно поддерживали украинских, донских, архангельских и сибирских кандидатов в Бонапарты!

Так как сама Красная Армия является только орудием определенного режима, то основную гарантию против бонапартизма, как и против всяких других видов контр-революции, надлежит искать в самом режиме. Контр-революция не может ни в каком смысле развиться из режима пролетарской диктатуры, — она может лишь установиться в результате прямой и открытой кровавой победы над этим режимом. Развитие и укрепление Красной Армии необходимо именно для того, чтобы сделать такую победу невозможной. Таким образом, исторический смысл существования Красной Армии состоит в том, что она является орудием социалистической самообороны пролетариата и деревенской бедноты, защитницей их против опасностей кулацко-буржуазного бонапартизма, поддерживаемого чужестранным империализмом.

XIX

Классовая милиция не является последним словом коммунистического строительства, поскольку это последнее имеет своею целью упразднение классовой борьбы путем уничтожения самих классов, а стало быть и классовой армии. Советское классовое государство, по мере организации

социалистического хозяйства, будет все более растворяться в руководящем аппарате производства и распределения и в культурно-административных органах. Освободившись от своего классового характера, государство перестанет быть государством и станет органом хозяйственно-культурного самоуправления. Одновременно с этим, армия утратит свой классовый характер. Она станет общенародной армией в подлинном смысле слова, потому что в социалистической общине не остается паразитически-эксплоататорских, кулацких элементов. Формирование этой армии будет непосредственно опираться на могущественные трудовые группировки граждан социалистической республики, как ее снабжение будет непосредственно питаться могущественно возросшим социалистическим производством. Такая армия, т. е. хорошо обученный и вооруженный, социалистически-организованный народ, будет самой могущественной армией, какую знал мир. Она будет не только орудием обороны социалистического общежития против возможных нападений со стороны еще сохранившихся империалистических государств, но она позволит оказать решающую поддержку пролетариату этих государств в его борьбе с империализмом.

Б. Практические меры.

Исходя из этих основных положений, 8-й съезд Р. К. П. считает необходимым проведение следующих очередных практических мер:

1) Неуклонное проведение в жизнь принципа классовой мобилизации только трудовых элементов с тщательным выделением в особые рабочие батальоны (роты) кулацких и паразитных элементов, — принципа, ныне не осуществляемого вопреки официальным постановлениям.

2) Продолжая привлечение военных специалистов на командные и административные должности и подбирая надежные элементы, установить над ними неослабный, осуществляемый через комиссаров, централизованный партийно-политический контроль, устраняя тех, кто окажется политически и технически непригодными.

3) Организовать систему аттестаций командного состава, возложив на комиссаров периодическое составление таких аттестаций.

4) Усилить формирование командного состава из пролетариев и полупролетариев и улучшить его со стороны как военной, так и политической подготовки, для чего создать в тылу и на фронте компетентные аттестационные комиссии, составленные с преобладанием партийного представительства для систематического направления в школы красных офицеров красноармейцев, наиболее подготовленных боевой практикой к роли красных офицеров.

Программы курсов пересмотреть сообразно с духом Красной Армии в обстановке гражданской войны.

Местным партийным организациям обратить особое внимание на надлежащую постановку политического воспитания на курсах.

5) Местным организациям вменяется в обязанность ведение систематической и напряженной работы коммунистического воспитания красноармейцев в тыловых частях путем выделения специальных работников.

6) Ц. К. партии поручается организовать планомерное распределение по частям коммунистов армии и флота.

7) Перенести центр тяжести коммунистической работы на фронте из Политотделов фронтов в Политотделы армий и дивизий, дабы оживить и приблизить ее к действующим на фронте частям. Издать согласованное и точное положение о правах и обязанностях Политкомов, Политотделов и Комячеек.

8) Упразднить Всебюровоенком. Создать Политический отдел Реввоенсовета Республики, передав в этот отдел все функции Всебюровоенкома, поставив во главе его члена Ц. К. Р. К. П. на правах члена Реввоенсовета Республики.

9) Переработать военные уставы, сократив их, по возможности, устранив все архаизмы и постановления, устанавливающие ненужные привилегии для командного состава, отведя в распорядке занятий вопросам политического воспитания надлежащее место.

10) Спешно переработать положение о комиссарах и реввоенсоветах в смысле точного определения прав и обязанностей комиссаров и командиров, при этом предоставив разрешение хозяйственно-административных вопросов командирам совместно с комиссарами и предоставив комиссарам право налагать дисциплинарные взыскания (в том числе и право ареста) и право предания суду.

11) Признать необходимым подчинение «особых отделов» армий и фронтов соответственно комиссарам армий и фронтов, оставив за «особым отделом» Республики функции общего руководства и контроля над их деятельностью.

12) Признать необходимым в дальнейшем при выработке обще-руководящих уставов, положений и инструкций ставить их, по возможности, на предварительное обсуждение политических работников армий.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РСФСР
в 1918 г.

I. Первые акты союзнической интервенции.

II. Чехо-словацкий мятеж.

III. Борьба за Казань.

IV. Мятеж левых эс-эров 6—8 июля 1918 г. в Москве.

I.

ПЕРВЫЕ АКТЫ СОЮЗНИЧЕСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ.

К интервенции *).

Я, действительно, говорил на эту тему и, каюсь, не в первый раз. С тех пор, как англо-французская печать (особенно французская) стала настаивать на необходимости военного вмешательства союзников в русские дела, чтобы побудить нашу страну к войне с Германией, я, в полном согласии с общей советской политикой, заявил, что к вмешательству союзных империалистов мы не можем относиться иначе, как к враждебному покушению на свободу и независимость Советской России.

Это значит, что в случае попытки десанта, мы будем сопротивляться всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.

В этом смысле для нас нет разницы между немецким и «дружественным» нашествием союзных армий.

Более того, чтобы иллюстрировать свою мысль, я заявлял не раз, что «союзники» могли бы произвести серьезное военное наступление только при помощи японской армии. Думать же, что японская армия вступит на русскую почву для того, чтобы помогать союзникам и освобождать Россию от немцев, могут только одни глупцы.

Япония могла бы вмешаться в русские дела только с целью поработить Россию, и, встретившись с немецкими войсками, протянула бы им руку дружбы.

Если бы, прибавил я, Россия оказалась, хотя бы временно, перед необходимостью избирать между японской оккупацией и германской, то, разумеется, пришлось бы признать, что японская не менее, а более опасна для судьбы русского народа, ибо у нас несравненно меньше основания

---

*) В буржуазной печати в ее подголосках широко распространилось сообщение о том, что на одном из митингов я будто бы заявил о предпочтительности немецкой оккупации пред японской. «Новая Жизнь», подхватившая грязвую сплетню, поставила вопрос о том, какие планы и дипломатические комбинации за этим скрываются.

Л. Т.

надеяться на возможность глубоких внутренних перемен в Японии в ближайшее время, чем в Германии.

В этом смысле я и выразился на митинге.

Не только на митинге, совершенно то же я высказал в разговорах с французскими офицерами, с английскими представителями и с сербским посланником Спалайковичем несколько месяцев тому назад.

Истолковать этот аргумент, логически совершенно неоспоримый, как указание на союз с Германией против «союзников», могут только те, кто ничего не понимает или кому платят за непонимание.

Что касается сообщения одной из газет, будто я говорил о возможности содействия Германии в борьбе против чехо-словаков, то и это сообщение относится к категории тех провокационных слухов, которые распространяются правыми эс-эрами и меньшевиками, сыгравшими крупную роль в возбуждении чехо-словацкого мятежа. На соединенном заседании в Большом театре [73] я уже громко заявил, что распространять такого рода слухи могут только негодяи. У меня нет оснований изменять что-либо в этом заявлении.

«Изв. ВЦИК», 22 июня 1918 г.

Приказ

Народного Комиссара по Военным и Морским Делам
от 1 июля 1918 г.

В Мурманске высажен чужестранный десант, вопреки прямому протесту Народного Комиссариата по иностранным делам. Совет Народных Комиссаров предписал мне направить необходимые силы для защиты беломорского побережья от захватов со стороны иностранных империалистов.

Во исполнение возложенной на меня задачи, объявляю:

1. Какая бы ни было помощь, прямая или косвенная, чужестранному отряду, вторгшемуся в пределы Советской Республики, будет рассматриваться как государственная измена и караться по законам военного времени.

2. Продвижение в сторону Мурманска или Архангельска военнопленных, в виде ли отрядов, безоружных или вооруженных, а равно одиночным порядком, безусловно воспрещается. Всякие нарушения этого запрещения будут караться по законам военного времени.

3. Для проезда на беломорское побережье русских или иностранных граждан, необходимо разрешение ближайшего окружного военного комиссара. Пассажиры, направляющиеся на побережье без таких разрешений, подлежат немедленному аресту.

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 2 июля 1918 г., № 135.

О десанте в Мурманске.

Мероприятия Народного Комиссариата по Военным Делам в отношении десанта бывших союзников в Мурманске целиком определяются теми указаниями, какие я получил от Совета Народных Комиссаров, и, в частности, со стороны Комиссариата по Иностранным Делам.

Всякая попытка бывших наших союзников превратить беломорское побережье в свою операционную базу будет встречать с нашей стороны непримиримый отпор.

Как известно, мною направлены необходимые военные силы для того, чтобы обеспечить северное побережье от чьих бы то ни было посягательств.

Десант бывших союзников численно ничтожен и является более символическим, чем действительным. Повидимому, расчет англо-французских империалистов состоял в том, чтобы образовать на Севере точку притяжения для разношерстых авантюристов, наемников, контр-революционеров и предателей. С этой целью, наши бывшие союзники давно уже подкармливали отдельные группы нашего беломорского населения и, в частности и в особенности, Мурманского Совдепа [74] и кое-кого из тамошних военно-морских представителей.

Одновременно через французских и иных офицеров была сделана попытка двинуть на Север значительные части из чехо-словаков, сербов, французов, русских белогвардейцев, в частности, летчиков, для того, чтобы создать сильный оккупационный отряд в Мурманске, а затем в Архангельске.

Действительно, в Архангельск пробрались два отряда военнопленных из 100 сербов и 200 итальянцев, снабженных в некоторой степени оружием. Сейчас производится строжайшее расследование, чтобы выяснить, какими путями эти отряды проехали, и кто оказал им содействие.

Само собой разумеется, что согласно отданному мною распоряжению оба отряда уже разоружены и арестованы.

Из французской военной миссии было в главное управление снабжения заявлено ходатайство об отпуске продовольствия на тысячу человек, которые-де направляются через Мурманск во Францию. Это, как известно, та формула, при помощи которой производится мобилизация авантюристов, наемников и пройдох для оккупационных отрядов. Официально они отправляются во «Францию», на самом же деле — для того, чтобы поднимать мятеж на русской почве и захватывать части нашего северного побережья.

Несколько дней тому назад такой отряд в несколько десятков чехословацких и польских белогвардейцев и французских офицеров был за-

держан в Москве и водворен в тюрьму. Принятые меры создают некоторую гарантию против возможности дальнейшего внезапного продвижения и сосредоточения на Севере подобного рода отрядов. С теми русскими изменниками, которые считают в порядке вещей факт наглого самоуправства иностранцев на нашем Севере и оказывают этому самоуправству содействие, расправа будет коротка.

Для всякого честного наблюдателя картина получается сейчас в высшей степени поучительная. Одни и те же группы и классы населения склоняются к англофильской или германофильской ориентации, в зависимости от того, чья помощь ближе. Кадеты и правые с.-р. на Дальнем Востоке идут с японцами, на Севере — с англо-французами, на Украине и на Дону, в Пскове и Двинске — с немцами, причем кадет, вступающий в соглашение с Скоропадским, отнюдь не винит в недостатке патриотизма кадета, который готов продать Россию англо-французским биржевикам, и наоборот, этот последний вполне «понимает» кадета украинского.

Краснов работает по линии германской ориентации. Его родной брат, Дутов, тяготеет к чехо-словакам и англичанам. Третий, Семенов, состоит внаймах у Японии. Все они выполнявют поручения русской буржуазии. Это и есть ее патриотизм, ее национальное достоинство, ее национальная честь.

В заключение, я хотел бы еще только указать на специфическую работу французской военной миссии в России за время революции. Трудно себе представить что-либо более ограниченное, близорукое и беспомощное, чем французский мелкий буржуа в генеральской форме, или в дипломатическом сюртуке. Этот мелкий буржуа, прежде всего, не знает географии, не умеет разбираться в обстановке и условиях чужой среды. В результате, деятельность агентов Франции и России была целиком направлена против элементарных интересов Франции. Я не стану подробно останавливаться на деяниях французского дипломатического и военного представительства, напомню только самое главное.

Франция восстановила против нас румын [75], — румыны окончили тем, что стали перевозить немецкие войска в Новороссию.

Французы восстановили против нас Раду и помогали ей деньгами и военным руководством, — Рада закончила союзом с Германией и Австро-Венгрией.

Французы поддерживали Корнилова, Каледина, Краснова, — Краснов работает со Скоропадским.

Французы больше всего настаивали на японском вмешательстве. Но нужно быть воистину невежественным Тартареном, чтобы воображать себе, будто Япония стремится к военному конфликту с Германией, а не к простому грабежу русских областей на Дальнем Востоке.

Такой была и остается политика всех агентов Франции на русской территории. Господин Клемансо есть только исторический мелкий буржуа, журналист, не выходящий из состояния шовинистического опьянения. Он руководит политикой несчастной обескровленной Франции. Через своих агентов он всюду создает себе врагов.

В самом деле, попробуем спокойно ответить на вопрос: чего хотят англичане и французы? Вмешательства России в войну, создания нового восточного фронта. Советская власть этого не хочет. Отсюда — идея свержения Советской власти.

Допустим на одну минуту, что это удалось. Думает ли хоть один здравомыслящий человек, что рабочий класс и революционная крестьянская беднота, которые безраздельно идут за нами, спокойно и долго потерпят установление буржуазной власти, вступающей в союз с англо-французским империализмом?

Час свержения Советской власти был бы началом удвоенной, утроенной гражданской войны во всей стране. О какой бы то ни было войне со стороны России при этих условиях не могло бы быть и речи.

Русская буржуазная власть оказалась бы под таким натиском со стороны трудового населения, что какая бы то ни было самостоятельная политика с ее стороны стала бы совершенно невозможной. Правительство Милюкова и Керенского в России было бы несравненно слабее даже правительства Скоропадского на Украине. А правительство Скоропадского держится целиком на иностранных штыках.

Для того, чтобы захватить какой-либо город или железнодорожную станцию, кадеты и правые с.-р. нуждаются сейчас в чехо-словаках. Им понадобилось бы удесятерить количество этих чехо-словаков, французов, англичан, японцев, чтобы овладеть позициями в крупных центрах рабочего движения; им понадобились бы целые иностранные армии для того, чтобы механически удержаться на месте.

Чьи же армии помогут буржуазии? Очевидно, армии той страны, которая сможет их дать. Национальные симпатии и антипатии в этих вопросах не играют никакой роли. И в последнем счете французские агенты сыграли бы предательскую игру по отношению к Франции.

Политика Советской власти есть политика строжайшего и безусловного нейтралитета по отношению к обеим империалистическим группировкам. Мы не хотим и не позволим втолкнуть нас в войну путем механического давления извне, путем десанта и наглого вмешательства.

Единственным результатом англо-французской попытки до сих пор явился явный и несомненный подъем военного настроения в рабочем классе. Это обеспечило нам безукоризненное проведение мобилизации в Москве. В ближайшее время мы эту мобилизацию нескольких возрастов распространим на всю Россию.

Я не сомневаюсь, что Всероссийский Съезд Советов [76] санкционирует переход к обязательной воинской повинности во имя сохранения безопасности Советской Республики от империалистических покушений.

А затем, последнее слово во всем этом скажет европейский и мировой рабочий класс.

«Изв. ВЦИК», 4 июля 1918 г.

Приказ

Народного Комиссара по Военным и Морским Делам от 17 июля 1918 г.

В связи с англо-французским десантом на Мурманском побережьи и явным участием французских офицеров в контр-революционном мятеже наемных чехо-словаков, строжайше предписываю всем учреждениям военного ведомства, как и всем военнослужащим вообще, не оказывать никакого и ни в чем содействия французским и английским сухопутным и морским офицерам, не допускать их передвижения из города в город и зорко следить за всеми их действиями, как за действиями лиц, которые, как показывают факты, способны на территории Российской Республики злоумышлять против верховных прав русского народа.

Настоящий приказ вводится по телеграфу и остается в силе впредь до устранения вызвавших его причин, о чем будет объявлено в свое время.

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 17 июля 1918 г., № 149.

Приказ

Наркома по Военным и Морским Делам по Красной Армии и Красному Флоту от 23 июля 1918 г.

Ярославль был в течение последней недели местом тщательно организованного мятежа [77]. Агенты англо-французского империализма, белогвардейцы монархического и эс-эровского толков, буржуазные авантюристы, монахи, гимназисты и уголовные громилы объединились в ожесточенном восстании против рабочих и крестьян. Измена передала в руки мятежников обильные артиллерийские запасы. Участие многочисленных офицеров давало мятежникам все преимущества военной техники. Тем не менее, советские войска успешно оцепили город, подавили мятеж, разоружили и взяли в плен много мятежников. Суровая рука революции опустилась на головы преступных врагов народа.

Над Ярославлем снова развевается знамя Советской Республики.

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 23 июля 1918 г., № 154 и «Изв. Наркомвоен» 24 июля 1918 г.

Предостережение.

В разных пунктах страны советскими властями задержаны русские, польские, сербские, чехо-словацкие и прочие офицеры и солдаты, которые показали, что их отправили на Мурманск или к чехо-словакам французские агенты-вербовщики. Таким образом, иностранные империалисты осмеливаются на русской почве вербовать наемников для борьбы против России.

Предупреждаю:

1) Никто не имеет права направляться на Мурманск, Архангельск или в область чехо-словацкого мятежа без письменного разрешения Народного Комиссарната по военным делам.

2) Всякий, продающийся иностранным империалистам для участия в мятеже или для оккупации русской территории, карается смертью.

Настоящее предостережение вывешивается на вокзалах и в вагонах на русском, польском, сербском и чехо-словацком языках, дабы никто не мог отговариваться неведением.

23 июля 1918 г.

«Изв. Н. К. по В. Д.». 25 июля 1918 г.

Приказ

Народного Комиссара по Военным и Морским Делам Члену Коллегии Наркомвоена т. Кедрову, Казанскому Реввоенсовету и Губвоенкомату Вологды

от 6 августа 1918 г.

Обстоятельства, при которых был временно очищен Архангельск [78]), свидетельствуют о том, что отдельные представители местной Советской власти далеко не всегда обнаруживают те черты, которые обязательны для каждого революционера, занимающего ответственный пост: выдержку, энергию и мужество.

Снова подтвердилось, что находятся советские представители, которые, при первых проблесках опасности, торопятся унести ноги, считая, что спасение собственного существования есть самая важная задача.

Такого рода субъекты не имеют ничего общего с революцией. Это не борцы, не коммунисты, а жалкие советские карьеристы, которые временно прилипли к великому делу.

Всякий представитель Советской власти, который покидает свой пост в минуту военной опасности, не сделав всего, что можно, для защиты каждой пяди советской территории, есть предатель. Предательство же в военное время карается смертью.

Предписываю вам немедленно задержать и подвергнуть аресту всех тех советских работников г. Архангельска, которые, по имеющимся у вас строго проверенным данным, должны рассматриваться, как дезертиры, для предания их суду верховного революционного трибунала.

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 6 августа 1918 г., № 166.

Американская ложь.

Всем, всем, всем.
Обращение Народн. Комиссариата по Военным и Морским Делам.
22 августа 1918 г.

Когда в апреле подготовлялся японский десант во Владивостоке, генеральный штаб в Токио пустил по союзным кабелям весть о том, что Сибирской железной дороге угрожает опасность со стороны германских и австро-венгерских пленных.

Мною тогда были отправлены вдоль Сибирской дороги из Москвы американские и английские офицеры, которые оказались вынужденными официально подтвердить, что все сообщеиня об угрозе Сибирскому пути со стороны пленных являются вздорным вымыслом.

Этот факт хорошо известен бывшему послу Френсису и бывшему начальнику американского Красного Креста в России, полковнику Роббинсу.

Теперь, когда вмешательство союзников стало совершившимся фактом, американское правительство поднимает японскую ложь и пытается преподнести ее миру в подогретом виде.

По словам американского сообщения, вмешательство союзников имеет своей задачей помощь чехо-словакам против нападающих на них вооруженных германских и австро-венгерских военнопленных. Участне в борьбе против чехо-словаков есть такой же чудовищный вымысел, как и японское сообщение об угрозе Сибирской дороге со стороны немцев.

Правда, в составе Советских войск имеется некоторое количество бывших военнопленных, революционеров-социалистов, ставших русскими гражданами, которые готовы бороться против всякого империализма, с какой бы стороны он ни исходил. Нужно, однако, сказать, что интернационалисты — солдаты Советской армни — составляют никак не больше одной двадцать пятой части всего количества Советских войск.

«Изв. ВЦИК», № 181, 22 авг. 1918 г.

II.

ЧЕХО-СЛОВАЦКИЙ МЯТЕЖ.

Чехо-словацкий мятеж [79].

Сообщение Наркомвоена от 29 мая 1918 г.

Чехо-словацкий корпус в течение месяцев стремился покинуть пределы России. Военный Комиссариат принял со своей стороны необходимые меры, чтобы сделать это возможным. При этом было поставлено условие: чехо-словаки сдают все оружие, за вычетом небольшого количества винтовок на каждый эшелон для несения караульной службы. Продвижение эшелонов шло беспрепятственно, при полном содействии местных советов. Японский десант во Владивостоке и выступление семеновских банд сделали дальнейшее продвижение эшелонов на Восток невозможным. Народный Комиссариат приостановил движение, чтобы выяснить условия возможности путешествия чехо-словаков через Архангельск.

Тем временем, контр-революционеры, среди которых главную роль играли правые с.-р., вели среди чехо-словаков демагогически-бесчестную агитацию, уверяя их, будто Советская власть питает какие-то черные замыслы против чехо-словаков. Часть командного состава чешских эшелонов, и в том числе русские офицеры, находилась в непосредственной организационной связи с контр-революционерами. Обнаружилось, что эшелоны недобросовестно отнеслись к обязательству сдать оружие и сохранили значительную его часть у себя. Демагогия и провокация контр-революционеров привели к ряду конфликтов, которые в некоторых пунктах развернулись в настоящие боевые операции.

Народный Комиссариат по военным делам совершенно точно и ясно известил всех заинтересованных лиц и, в первую голову, самих чехо-словаков о том, что Советская власть питает самые дружественные чувства по отношению к массе рабочих и крестьян чехо-словаков, являющихся братьями русских рабочих и крестьян. Однако, Советская власть не может потерпеть того, чтобы сбитые с толку реакционными негодяями, белогвардейцами и иностранными агентами чехо-словаки с оружием в руках захватили железнодорожные станции и производили насилия над Советами, как это произошло в Ново-Николаевске. Военный Комиссариат издал распоряжение о немедленном и безусловном разоружении всех чехо-словаков и о расстреле тех из них, которые с оружием в руках будут противиться

мероприятиям Советской власти. Вместе с тем, Военный Комиссариат от имени всего правительства снова торжественно заявляет и подтверждает, что Советская власть относится с самыми дружественными чувствами к чехо-словакам и, с своей стороны, сделает все необходимое для того, чтобы дать им возможность в самый короткий срок покинуть пределы России. Но условием для этого является полная и безусловная выдача всего оружия и строжайшее подчинение предписаниям Народного Комиссариата по военным делам. До тех пор, пока это не выполнено, распоряжение Народного Комиссариата о беспощадных действиях против мятежников останется во всей своей силе. С Урала, из центральной России и Сибири двинуто достаточное количество войска для того, чтобы сокрушить мятежников и раз навсегда отбить у контр-революционных заговорщиков охоту вовлекать одураченных ими людей в мятеж против Советской власти.

Судьба чехо-словацких рабочих и крестьян в их собственных руках.

Ответы на вопросы,

поставленные представителем чехо-словацкого корпуса Вячеславом Нейбертом.

В конце марта я дал разрешение на продвижение чехо-словацких эшелонов по направлению к Владивостоку, где они должны были погрузиться на суда для отправки во Францию. Условием этого продвижения являлась выдача чехо-словаками всего вооружения, за исключением определенной части, необходимой для внутренней караульной службы.

В начале апреля японцы произвели десант во Владивостоке. Дальнейшие намерения японцев не были известны. Следовательно, нельзя было знать, будут ли иметь чехо-словаки возможность погрузиться во Владивостоке на корабли. В согласии с указаниями правительства, я задержал продвижение чехо-словацких эшелонов и разъяснил представителям французской военной миссии, а также явившимся ко мне представителям чехо-словацкого национального совета, что приостановка движения чехо-словацких эшелонов ни в каком случае не является мерой, враждебной чехо-словакам, а вызвана исключительно новым политическим и стратегическим положением на Дальнем Востоке. Вместе с тем, я предложил представителям национального совета, гг. Макса и Чермак, побудить английское и французское правительства к тому, чтобы они официально выразили свою готовность принять чехо-словаков на свои суда в Архангельске и Мурманске. Со своей стороны, я обязался к определенному сроку, который должен был быть установлен путем переговоров, доставить туда чехо-словаков. Несмотря на то, что гг. Макса и Чермак обещали мне в ближайшие дни доставить такого рода официальное заявление от заинтересованных правительств Англии и Франции, я никакого извещения не получил. В порядке частного обмена мнений с г. Локкарт, английским уполномоченным, я указал ему на необходимость для английского и французского правительств вынести определенное решение относительно чехо-словаков, так как совершенно невозможно держать в течение месяцев людей в эшелонах, особенно в летнее время. Г. Локкарт никакого ответа дать не мог, а указал лишь на то, что вопрос с тоннажем стоит очень остро, и что он не знает, сочтет ли возможным английское правительство отправить необходимое количество кораблей. Таким образом, вопрос оставался в полной неопределенности не по вине Советского правительства, а исключительно вследствие: с одной стороны,— японского десанта во

Владивостоке, с другой стороны, — отсутствия каких-нибудь определенных заявлений со стороны правительства Англии и Франции.

Этим неопределенным и затяжным положением воспользовались контр-революционные элементы в недрах самого чехо-словацкого корпуса и их союзники из среды русской буржуазии и русского реакционного офицерства и приложили все свои силы к тому, чтобы дать ложное освещение положению вещей и вызвать у чехо-словацкой массы подозрение, будто бы Советская власть собирается предать чехо-словаков в руки немцев. Я уже раньше в письменном заявлении называл эти слухи нелепыми, распространить которые могут только подлецы и верить которым могут только глупцы.

В виду неполучения ответа от Англии и Франции я сделал через товарища Аралова следующее предложение чехо-словакам: если бы их дальнейшее движение оказалось невозможным, т. е. если бы Англия и Франция не взяли бы их на корабли, то они будут иметь полную возможность остаться в России и выбрать то занятие, которое отвечает их познаниям и склонностям: т. е. или вступить в Красную Армию, или образовать артели по профессиям, или караульные команды и пр., и пр. Само собою разумеется, что в этом предложении не было ничего принудительного; оно имело целью дать чехо-словакам выход на тот случай, если их путешествие заграницу окажется невозможным не по вине Советской власти.

Все эти предложения и заявления, продиктованные исключительно заботой об интересах чехо-словаков, истолковывались контр-революционными заговорщиками, демагогами и интриганами в смысле враждебном чехо-словакам и служили для сеяния в их среде недоверия и вражды к Советской власти.

Это привело к неслыханным инцидентам, когда чехо-словацкие эшелоны подняли свое оружие против Советской власти, захватывали вокзалы и даже овладевали властью в отдельных городах. Само собою разумеется, что Советская власть не может потерпеть такого положения. В полном согласии с центральной властью, *я*, как военный комиссар, отдал распоряжение о немедленном и безусловном разоружении всех чехо-словацких эшелонов и о расстреле всякого чехо-словака, который не сдаст добровольно своего оружия. В том же извещении я обещал от имени правительства всяческое содействие лойяльным чехо-словакам как в смысле их выезда из России, так и в смысле обеспечения существования в России тех из них, которые добровольно пожелали бы остаться. Все эти заявления и распоряжения сохраняют свою силу целиком и в настоящий момент.

Это значит: во-первых, чехо-словаки обязуются сдать полностью и безусловно все имеющееся в их руках оружие; во-вторых, я обязуюсь от имени Центральной Советской власти сделать все от нас зависящее, для того, чтобы чехо-словаки могли в кратчайший срок выехать заграницу через те или другие порты, относительно которых должно произойти

деловое соглашение с представителями чехо-словаков и с представителями Англии и Франции; в третьих, при эшелонах должны находиться, в качестве комиссаров, чехо-словаки, французы и представители Советской власти.

За полную безопасность чехо-словаков, за их обеспечение продовольствием Советская власть берет ответственность на себя.

Настоящее заявление передается мною представителю чехо-словацкого корпуса Вячеславу Нейберту, которому гарантируется свободный и беспрепятственный проезд для оповещения об этом ответе всех чехо-словацких частей.

Вместе с тем, я заявляю и подтверждаю, что, впредь до получения от советских учреждений донесения о том, что чехо-словаки сдают оружие, боевые действия и сосредоточение сил против мятежников не прекращаются. Приказ о расстреле чехо-словаков, застигнутых с оружием в руках и отказавшихся его сдать, остается во всей своей силе; равным образом, во всей своей силе остается приказ о том, что всякая часть, в составе которой найдено будет оружие, должна быть заключена в концентрационный лагерь.

В виду повторного вопроса представителя чехо-словацкого корпуса Вячеслава Нейберта относительно возможности выдачи чехо-словаков в руки каких-либо их врагов, заявляю, что самая постановка такого вопроса характеризует полное непонимание руководителями чехо-словацкого корпуса принципов и политики Советской власти и является совершенно неуместной и недостойной. Самое предложение принять русское гражданство было сделано именно для того, чтобы, в случае отказа Англии и Франции принять чехо-словаков, все желающие могли бы совершенно свободно, без какого бы то ни было ограничения и стеснения, жить на территории Советской Республики. Повторяю еще раз, подозревать Советскую власть в желании причинить какое-либо зло, тем более учинить какое-либо вероломство по отношению к чехо-словацким рабочим и крестьянам, которые готовы жертвовать собой во имя своих идей, могут только совершенно сбитые с толку люди, развращенные демагогией, ложью и клеветой русских контр-революционеров.

На дополнительный вопрос Вячеслава Нейберта разъясняю, что после добровольной и добросовестной сдачи оружия ни одна чехо-словацкая часть не будет расформирована. Разумеется, все, кто захочет, смогут остаться в России. Никого принудить к выезду с оружием в руках мы не можем и не будем. Но все части, которые пожелают уехать, выедут в том виде, в каком они находятся сейчас, т. е. как сформированные боевые части.

В ответ на вопрос Вячеслава Нейберта относительно того, не ожидает ли какое-либо наказание чехо-словацких солдат, которые добровольно сдадут оружие, отвечаю: ответственности могут и будут подлежать только те элементы, т. е. отдельные лица, относительно которых будет доказано,

что они предварительно вступали в определенное соглашение с русскими и иными контр-революционерами, или сознательно обманывали чехо-словацкую массу, провоцируя ее на выступление. Что касается всей массы солдат чехо-словацкого корпуса, которые были вовлечены в мятежные действия злой волей отдельных демагогов и контр-революционеров, то все солдаты, которые сдадут оружие добровольно, никакого решительно наказания не понесут.

Это заявление не относится, разумеется, к тем частям, которые будут разоружаться сейчас Советскими войсками в бою. По отношению к ним остается во всей своей силе приказ о расстреле застигнутых с оружием в руках.

31 мая 1918 года.

Приказ

Народного Комиссара по военным делам

ко всем отрядам, сражающимся против контр-революционных чехо-словацких мятежников

от 4 июня 1918 г.

Сосредоточение наших отрядов закончено, единство командования на Волжском, Уральском и Сибирско-Омском фронтах установлено [80]. В полном сознании того, что чехо-словацкие мятежники являются прямыми союзниками контр-революции и агентами империализма, Советские войска героически ведут против них борьбу. Преследуемые по пятам и теснимые с двух концов, чехо-словаки мечутся по линии железной дороги. В их среде началось явное брожение. Более сознательные элементы понимают гибельность своего выступления и обнаруживают стремление вступить в переговоры с Советскими войсками. Мною разрешено командующим фронтами принимать парламентеров от чехо-словацких эшелонов. Обязательным условием переговоров является полная сдача чехо-словаками оружия. Не сдающих добровольно оружия, согласно ранее отданному приказу, расстреливать на месте. Насильственно разоруженные эшелоны должны заключаться в концентрационные лагери. В виду того, что военные операции на железнодорожном полотне затрудняют продвижение продовольственных грузов, приказываю главнокомандующим всех трех фронтов действовать со всей энергией, дабы в кратчайший срок ликвидировать постыдную авантюру.

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 5 июня 1918 г. № 113.

Приказ

ПредВВС и Наркомвоенмора всем частям РККА, сражающимся против контр-революционных мятежников и их союзников чехо-словаков

от 13 июня 1918 г.

Солдаты Красной Армии! Враги рабочих и крестьян подняли восстание. Бывший генерал Краснов восстанавливает на Дону царские порядки и открывает ворота чужестранному вторжению. Преступный мятежник Дутов двигает против рабочих и крестьян темные банды на Урале. Агенты чужестранных капиталистов, путем подкупа, лжи, клеветы, подняли наших военнопленных чехо-словаков на восстание против русских рабочих и крестьян. На Дону, на Волге, на Урале, в Сибири помещики, капиталисты, реакционные генералы поднимают голову. Правые эс-эры и меньшевики идут с ними заодно.

Вам, солдаты Красной Армии, Совет Народных Комиссаров приказывает раздавить контр-революционные банды и стереть врагов народа с лица земли!

Во всех частях должны царить порядок и дисциплина. Все приказания лиц командного состава должны выполняться беспрекословно. Приказываю начальникам докладывать мне обо всех подвигах революционного героизма и воинской доблести. Я буду их поименно публиковать для сведения всей страны. Пусть каждый город, каждая деревня рабочей и крестьянской России знает, кто отщепенец, а кто верный и честный сын народа.

Трусы и изменники должны быть отброшены и раздавлены.

На помощь храбрым придут все честные рабочие и крестьяне всей России.

Да здравствует Красная Рабоче-Крестьянская Армия!

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 15 июня 1918 г., № 121.

Приказ

ПредВВС и Наркомвоенмора по Военному и Морскому Ведомству, по Красной Армии и Красному Флоту

от 13 июня 1918 г.

Восстание чехо-словаков, расстраивающее транспорт и продовольствие и вселяющее ложные надежды в сердца внешних и внутренних врагов Советской Республики, должно быть раздавлено в кратчайший срок.

Между тем, в среде военных специалистов, бывших офицеров, состоящих на службе в Советской Республике, наряду с честным выполнением воинского долга, наблюдалось несколько случаев уклонения от выполнения приказаний, вызывавшихся задачами борьбы с чехо-словацким мятежом. Уклоняющиеся пытаются ссылаться на то, что они не призваны вести «гражданскую войну».

Чехо-словаки, в большинстве своем, наши военнопленные. Находясь на территории Советской Республики, они получали жалованье от одного из иностранных правительств. Путем обмана они сохранили, а затем, путем мятежа, они захватили оружие, которого не должно было быть в их руках. Они стремятся овладеть Сибирской железной дорогой, важнейшей продовольственной артерией страны. Они пытаются соединиться с Владивостоком, откуда нам угрожает десант чужестранных империалистов. Чехо-словацкие мятежники являются, таким образом, орудием чужестранной оккупации и порабощения Российской Республики. При этих условиях, прятаться за фразу о «гражданской войне» могут только изменники и пособники иностранных захватчиков.

Объявляю: Советская власть не потерпит никаких уклонений и рассуждений со стороны военнослужащих перед лицом врага. Все негодные и гнилые элементы, которые без возмущения и негодования относятся к мятежу военнопленных чужеземных наемников против свободы и независимости Рабочей и Крестьянской России, будут низвергнуты, виновные в противодействии будут раздавлены.

Настоящее предупреждение является первым и последним.

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 15 июня 1918 г., № 121.

Социалистическое отечество в опасности.

Доклад на чрезвычайном объединенном заседании ВЦИК V созыва совместно с Московским Советом Раб., Кр. и Кр. Депутатов, профессиональными союзами, фабрично-заводскими комитетами 29-го июля 1918 г.

Товарищи, не в правах Советской власти и не в нравах партии, которая является руководящей партией Советов, скрывать или прикрашивать действительное положение вещей в революции. Старый лозунг, данный одним из наиболее боевых социалистов прошлой эпохи, Фердинандом Лассалем, — высказывать то, что есть, объявить и рассказать массам то, что есть, — и является основным правилом всякой подлинно революционной политики, а, стало быть, и нашей.

И со строгим соблюдением этого правила вам здесь было доложено, что то, что совершается сейчас на Волге, в виде чехо-словацкого мятежа, несет опасность для Советской России [81], а, стало быть, и для международной революции. На первый взгляд кажется непонятным, что какой-то чехо-словацкий корпус, забредший к нам в Россию, благодаря извилистым путям мировой войны, оказывается для данного момента чуть ли не важнейшим фактором в разрешении вопросов русской революции. Тем не менее, это так.

Для полного изложения событий, я кратко напомню об условиях и причинах появления этого корпуса на Волге и Урале. Это необходимо также и потому, что вокруг него ложь и клевета, с одной стороны, и темнота, с другой, плетут слухи, эксплоатируемые нашим врагом.

Чехо-словацкий корпус, в большинстве, состоит из бывших военнопленных австрийской армии. И для характеристики патриотизма и национального достоинства нашей буржуазии, как символические в этом смысле факты, я отмечаю, что, когда бывшие военнопленные, нами освобожденные, садятся ныне на шею и на спину русского крестьянина и рабочего, вся буржуазия злорадствует и снабжает их деньгами, имея в виду найти поддержку со стороны блестящего чешского офицерства.

Таково национальное достоинство и самоуважение презренной буржуазии.

Военнопленные — чехо-словаки, интернированные в Сибири, в свое время, при царизме, были освобождены и уже тогда они стремились попасть во Францию, где им были обещаны горы золота, но где на самом деле, они должны были умирать за интересы французской биржи. Русское

царское правительство, по причинам для нас безразличным, отказывало им в этом. В эпоху Керенского чехами также возбуждались ходатайства о выезде во Францию, но опять безуспешно. Во время весеннего наступления немцев на Украину чехо-словацкий корпус находился там (его формирование происходило на юге), вооруженный с головы до ног. Организованные для борьбы с германским империализмом, чехо-словаки готовы были отступить без боя только потому, что на Украине пришлось бы, борясь с немцами, тем самым, бороться за Советскую власть. Если этот корпус, при известных условиях, и формально способствовал организации борьбы против германского империализма, то, во всяком случае, он оказался неспособен бороться за рабочих и крестьян Украины и Белоруссии.

Итак, отступая без боя с Украины, весь корпус перешел на территорию Советской Республики. Здесь представители корпуса обратились в Совет Народных Комиссаров и в Народный Комиссариат по Военным Делам с просьбой пропустить чехо-словаков во Францию; мы ответили, что если это требование исходит не со стороны французской военной миссии и командного состава, если этого хотят сами солдаты, то задерживать мы их не будем, при условии сдачи оружия, которое, как взятое из царских арсеналов, принадлежало нам. Чехо-словацкий корпус прислал делегата для соглашения, и разрешение было дано. Солдаты разоружились, но, вследствие недостаточной внимательности наших властей, сдали не все оружие; в соломе и матрацах осталось значительное количество пулеметов и винтовок. Продвижение эшелонов совершалось по Сибирскому железнодорожному пути к Владивостоку беспрепятственно, до 4 июля, когда в нашем порту на Тихом океане появился японский десант для начала из 4-х рот; нам не было известно, каким темпом пойдет накопление японских войск, которые, в принципе, могут занять территорию до Урала и за Урал. И, для уточнения внутреннего смысла событий, нужно сказать, что из всех союзных стран, которые больше всего требовали японского вмешательства в войну, которые стремились выбросить против немцев новую полумиллионную армию, буржуазная Франция этого требовала и желала больше всего. Не кто иной, как буржуазная Франция, которая на миллиарды своей биржи содержала чехо-словацкий корпус, направляла этот корпус на восток. И вот складывается такая четкая обстановка: в союзе с нею и в своих грабительских интересах на русском Дальнем Востоке, японцы высаживают десант и создают связь между чехо-словацким корпусом и своими частями.

Советская власть была готова оказывать самое энергичное, жестокое сопротивление наступлению японских полчищ (при этом наша главная защита — есть наше пространство), двигавшихся от Владивостока на Челябинск.

Между тем, чехо-словацкий корпус, растянувшись по линии Сибирской ж. д. до Владивостока, мог, по сигналу французской биржи и япон-

ского генерального штаба, занять ее и не дать нам возможности преградить путь японцам, которые на курьерских поездах продвинулись бы быстро до Урала и через Урал. В этих условиях мы обязаны были, и мы это сделали, задержать, до разъяснения вопроса об японском десанте во Владивостоке, продвижение чехо-словацких эшелонов далее на Восток. И как только мы это сделали, я пригласил, по поручению Совета Народных Комиссаров, представителей французской миссии и английской дипломатической миссии, с одной стороны, и, с другой стороны, представителей чехо-словацкого национального совета, профессоров Макса и Чермак, которые не последнее место занимали в этом заговоре против свободы русского народа. Им я сказал, что сейчас мы не имеем права через собственную страну направлять чехо-словаков на Дальний Восток, но мы считали бы возможным направить их на Архангельск или в Мурманск (а тогда, конечно, еще не было англо-французского десанта), но что нам необходимо иметь со стороны официальных представителей Англии и Франции подтверждение, что они желают, действительно, получить чехо-словаков к себе и готовы дать необходимые транспортные средства для их провоза. Сами же мы не сможем доставить по назначению целый корпус и, при бедности продовольственных средств на севере, держать его на побережьи неопределенное время. Словом, мы должны были бы иметь твердую гарантию того, что во-время будут поданы союзные транспорта. На это мне отвечал генерал Свери, который находится здесь, и английский уполномоченный, Локкарт, который находится, если не ошибаюсь, в пути; они оба заявили, что требуемых гарантий дать не могут, потому что теперь вопрос о морском транспорте, — очень сложный и трудный вопрос, и ответственности в этом смысле они на себя не берут. Я обратил их внимание на то, что они через своих агентов и через чехо-словацкий национальный совет призывают чехо-словаков во Францию, сулят им там золотые горы и обвиняют нас в том, что мы не выпускаем чехо-словаков, а, когда мы деловым образом ставим вопрос об их перевозе, нам отвечают уклончиво. Свери и Локкарт ответили мне: мы запросим наши правительства и дадим вам ответ. Проходили недели за неделями, месяцы прошли, а ответа не было. И теперь для нас яснее ясного, и из тех бумажек, которые были захвачены в национальном чешском совете, и из заявлений и показаний, которые дали многие арестованные белогвардейцы, яснее ясного, что здесь был злостный, точно рассчитанный план. И суть этого плана состояла в том, что для империалистов Франции, разумеется, было бы желательно иметь лишний чехо-словацкий корпус, но что для них в 10 раз стало важнее иметь чехо-словацкий корпус на русской территории против русских же рабочих и крестьян, создав, таким образом, то ядро, вокруг которого можно было бы группировать белогвардейцев, монархистов, всех рассыпавшихся по стране буржуазных элементов и т. п. Этот задолго рассчитанный план был приведен в исполнение по знаку, данному из Челябинска, где имела место конференция представителей всех

частей чехо-словацкого корпуса. Наши телеграфисты прислали в мое распоряжение телеграмму, посланную этим съездом французской военной миссии в Вологду, в которой, несмотря на уклончивое выражение, факт подготовки восстания против Советской власти предстанет совершенно ясно. В телеграмме говорилось о том, что все готово, что, мол, мы оттягиваем с Востока на Запад наши эшелоны, концентрируем наши силы. Это относится (если память мне не изменяет) к 25 мая или к 22 мая, т. е. до того, как чехо-словаки подняли открытое восстание в Челябинске, а затем в других местах. Таким образом, действия чехо-словаков совершались в пределах и по диспозиции определенного англо-французского контр-революционного плана. К этому времени мы получили из заграницы предупреждение о том, что одновременно англичане подготовляют свой первый десант, имея в виду выбросить на Мурманское побережье своих солдат. Разумеется, можно сказать, что имеется наша вина, вина Советской власти в том, что мы пассивно смотрели на подготовку этого мятежа, пассивно, потому, что у нас не было достаточно крепкой и дисциплинированной армии, которая по формальному приказу готова в любой час и день сосредоточиться в определенном районе и перейти в наступление. Для того, чтобы организовать и вооружить рабочих и крестьян, привести их в состояние наступления, при их необученности, при их малой, недостаточной обстрелянности, при той усталости, о которой здесь так справедливо говорил тов. Ленин, было необходимо, чтобы они внутренно прониклись, пропитались сознанием, что другого пути нет, чтобы они поняли, что чехо-словацкий мятеж со всем тем, что его окружает, что вокруг него наросло, представляет собою уже фактическую в подлинном смысле слова, смертельную опасность для Советской России. Чтобы такое настроение в стране создалось, нужно было, чтобы определенным образом сложились события, и мы с самого начала событий делали все, что могли, чтобы опасность предупредить. И тут нужно сказать, что в первое время даже со стороны местных Советов, наиболее близких к совершавшимся фактам там, по линии Сибирской ж. д. и до Челябинска, мы не встречали того отклика, на который имели бы право рассчитывать; местные Советы не отдавали себе отчета во всем размахе дьявольского замысла. Среди них были такие малодушные Советы, которые пытались чехо-словаков сбросить на голову соседних, может быть, более сильных Советов. Все это объяснялось тем, что не было полного, ясного сознания, что дело идет не о недоразумении в Сызрани, Пензе, Челябинске, а что дело идет, в прямом и непосредственном смысле слова, о жизни и смерти рабочего класса в России. И нужно было, чтобы чехо-словаки захватили целый ряд городов, чтобы они дали опору белогвардейцам и монархистам, чтобы последние прибегли к принудительной мобилизации взрослого населения, с одной стороны, и к реквизициям и конфискациям в пользу помещиков и капиталистов, с другой стороны, чтобы после всего этого на местах, в Омске, Челябинске и во всей прифронтовой полосе, поняли ясно советские элементы

и начали понимать народные, что в данном случае история бросает жребий России: либо мы победим чехо-словаков и все, что их окружает, либо они сомнут нас.

А такое малое понимание важности момента сознательными частями населения отразилось, в конечном счете, и на сознании наших красноармейских частей. Военных сил против чехов у нас достаточно, и мы, разумеется, в настоящее время перебрасываем на фронт такие значительные силы, которые, вместе с находящимися там, превзойдут чехо-словаков, по крайней мере, в 2—3 раза.

Но, товарищи, одного этого недостаточно. Благодаря дьявольской значительности заговора и поведению чехо-словацкого офицерства, — а их командный состав крайне шовинистического направления, — чехо-словаки поставили себя в такие условия, при которых им нужно или сражаться до конца, или погибнуть. Среди них есть элементы, которые знают, что Советская власть карать будет не слепых, не серых обманутых рабочих, тем более, крестьян, а виновников и активных участников этого заговора: профессоров, офицеров, унтер-офицерство и наиболее отъявленных и развращенных солдат. Эти элементы сейчас отдают себе отчет в том, что им нет выхода, что они должны сражаться до конца. Это придает им энергию отчаяния, — энергию беспомощности, а, кроме того, их окружает толпа русской буржуазии, толпа русского кулачества, которая создает вокруг них хоть и не очень обширную, но, тем не менее, сочувственную среду. Что касается наших красных частей, то они считают, что они у себя дома, и что хотя чехо-словаки захватывают то один, то другой город, вовсе не устранена надежда разрешить чехо-словацкий вопрос путем пропаганды и агитации. Этим объясняется чрезвычайно затяжной с той и с другой стороны характер операции, который имеет для нас невыгодную сторону, ибо мы отрезаны от Сибири — главного и основного нашего источника продовольствия, в результате чего рабочий класс всей страны находится сейчас в состоянии жестокого голода. И вот, оценивая соотношение сил, настроения наши и настроения противника, общее продовольственное положение страны, необходимость возможно скорее очистить и возвратить в советское лоно Сибирь, недопустимость и опасность затяжки операций, — мы должны решительно видоизменить создавшуюся обстановку в нашу пользу. Как этого достигнуть?

Наши красноармейские части лишены необходимой духовной и боевой спайки, так как не имеют еще боевого закала, и пусть среди них есть много солдат, которые бывали в бою, как боевые единицы в отдельности, — как военные коллективы в целом они нуждаются в твердом организационном, дисциплинарном и нравственном воздействии. Если у частей нет старой боевой выправки, эта выправка может быть заменена ясным и отчетливым сознанием железной необходимости бороться. В данном случае, отсутствие дисциплины военной, механической, заменяется дисциплиной революционного сознания. Здесь, в этом зале, нас до 2 тысяч че-

ловек, а то и свыше, и мы в своем подавляющем большинстве, если не все, стоим на одной революционной точке зрения. Мы не составляем с вами полка, но, если нас сейчас превратить в полк, вооружить и отправить на фронт, я думаю, это был бы не самый худший полк в мире. Почему? Потому ли, что мы квалифицированные солдаты? Нет, но потому, что мы объединены определенной идеей, одушевлены твердым сознанием, что на фронте, куда нас отправили, вопрос поставлен историей ребром, и что тут нужно или победить, или умереть. Вот такое сознание нам необходимо создать в наших красноармейских частях. Разумеется, одним взмахом чьей-либо руки они все сразу не могут быть подняты на политический уровень ЦИК, Московского Совета и фабр.-заводских комитетов Москвы, но внутри каждого полка и роты мы обязаны и можем создать твердое ядро из советских людей, из революционеров-коммунистов. Это ядро, хотя бы и малочисленное, будет сердцем полка и роты; во-первых, оно будет в состоянии сделать и привить массам правильную оценку положения, а в опасных положениях оно не позволит частям отступить, поддержит комиссара или командующего, оно скажет части: «стой! вопрос идет о жизни и смерти рабочего класса»...

Таких товарищей, которые могли бы войти в каждую часть и образовать тесное ядро из 5 — 10 человек, могут дать только наиболее сознательные рабочие. А их мы имеем и в Москве, и в Петрограде. Москва уже дала около 200 — 300 агитаторов, комиссаров, организаторов, из которых значительная часть войдет в красноармейские части. Но Москва даст, я уверен, в 2 раза больше. Вы, органы Советской власти, и вы, фабрично-заводские комитеты, поглядите вокруг себя и везде и всюду, в районах, в профсоюзах, в фабзавкомах вы найдете товарищей, которые сейчас выполняют работу первоклассного значения, но которые нужнее фронту, ибо, если мы не сломим чехо-словаков, то эта работа и силы фабзавкомитетов, профессиональных союзов и пр. пойдут на смарку. Нужно сломить чехословаков и белогвардейцев, задушить на Волге гадину, чтобы вся остальная работа получила смысл и историческое значение. Вы обязаны дать несколько сот агитаторов — первоклассных боевых московских рабочих, которые пойдут на фронт, войдут в части и скажут: «Мы остаемся с частью до конца войны; войдем внутрь и будем вести агитацию и в массах, и перед каждым в отдельности, ибо дело идет о всей стране и революции и, в случае наступления, победы или отступления, мы будем вместе с частью и закалим ее революционный дух». Вы нам должны дать и вы нам дадите, товарищи, таких людей! Я вчера разговаривал по этому же поводу с председателем Петроградского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, тов. Зиновьевым, и он мне сказал, что Петросовет уже постановил четвертую часть своего состава, т. е. около 200 членов, отправить на чехо-словацкий фронт, в качестве агитаторов, инструкторов, организаторов, командиров, бойцов. Вот в этом заключается основное условие перелома, который мы должны создать. То, что старым армиям давали

месяцы долгой вышколки, выправки, дрессировки, которые механически сковывали часть, мы должны дать, как я уже говорил, именно в духовном смысле и идейным путем, внедривши в нашу армию лучшие элементы рабочего класса, и это нам обеспечит победу целиком, несмотря на то, что мы хромаем по части командного состава. У нас есть безупречные, преданные командиры на низших ступенях, но именно только на низших ступенях военной лестницы. Что касается лиц высшего командного состава, то у нас слишком мало офицеров, преданных Советской власти и честно выполняющих свои обязательства; более того, вы знаете, что некоторые из них прямо перебегают в лагерь наших врагов. В последнее время таких случаев было несколько. Перебежал Махин с Уфимского фронта, перебежал профессор академии генштаба Богословский, только едва назначенный на Екатеринбургский фронт. Он скрылся, т. е., очевидно, бежал к чехо-словакам. На Севере бывший морской офицер Веселаго продался англичанам, бывший военнослужащий нашего беломорского комиссариата также перебежал на сторону англо-французских империалистов и назначен ими командующим военными силами. Офицерство не отдает себе, повидимому, отчета во всей остроте положения, которое для нас создается не только его прошлым, но и настоящим. Все вы помните, как жестоко солдаты и матросы старой армии расправлялись в критические моменты революции с офицерством.

С тех пор, как власть находится в руках рабочих и крестьян, открылись двери знатокам и специалистам военного дела, чтобы служить рабочему классу, как они раньше служили буржуазии и царю, но значительная часть офицерства думает, очевидно, что положение переворачивается в ее пользу, устраивает авантюристические заговоры и перебегает непосредственно в стан наших врагов.

Контр-революционное офицерство, составляя значительную часть старого офицерства, создает условия ожесточенной и справедливой вражды и ненависти рабочей массы к его заговорщическим элементам и подозрительного недоверия к офицерству вообще. Я думаю, близок час, он, может быть, уже наступил, когда нам придется это фрондирующее, становящееся на дыбы офицерство обуздать железной уздой. Мы возьмем на учет все то бывшее офицерство, которое не желает работать в деле создания рабоче-крестьянской армии добровольно, и, для начала, мы запрячем его в концентрационные лагери. Товарищи, когда великобританский империализм стал давить вооруженной ногой африканских буров, он завел такие лагери для буров, для фермеров, для их жен и детей. Теперь, когда наше офицерство братается с английским империализмом, мы напомним союзникам империалистов как раз об английских концентрационных лагерях. Вместе с тем, нам приходится обратиться к товарищам в советах, в партийных организациях и профессиональных союзах — мобилизовать из своей среды в самый короткий срок всех тех товарищей, у которых есть известное прошлое командной деятельности. Всех, кто

умеет командовать хотя бы небольшими частями, должно немедленно предоставить в распоряжение военного комиссариата для отправки на чехо-словацкий фронт. Вы, советские и профессиональные организаторы, должны взять всех находящихся среди вас боевиков, всех, кто были унтерами, прапорщиками и, без исключения, отправить их на чехо-словацкий фронт; им не место теперь здесь, на штатской работе; нам нужны наши собственные командующие в небольших частях, ибо практикой подтверждается, что, если у небольших военных единиц будут подлинно советские командования, иначе высшие командования нам не страшны, хотя мимоходом я должен заметить, что, если мы со стороны того или иного офицера, которому вручены командные права, заметим подозрительное действие, то, разумеется, виновный, об этом нечего и толковать, тут вопрос ясен и прост, должен быть расстрелян. Но вопрос не в том, как обстоит дело в тылу далеком или ближнем. Мы не имеем ни одного лица в высшем командовании, у которого не было бы комиссаров справа и слева, и если специалист нам не известен, как лицо, преданное Советской власти, то эти комиссары обязаны бодрствовать, ни на один час не спуская глаз с этого офицера. Но мы не имеем, а должны иметь военных комиссаров на самом фронте, чтобы здесь возложить на них ответственность и наблюдение, чтобы здесь при каждом специалисте были комиссары справа и слева с револьверами в руках, и если они увидят, что военспец шатается и изменяет, чтоб он был во-время расстрелян.

Французская революция тоже началась с маленького дела, и ей также пришлось привлечь офицеров из старого военного арсенала, но она ставила им условия: или победа или смерть. Такой же вопрос мы поставим перед лицом тех, кого мы отправим на чехо-словацкий фронт. А чтобы это не было голословным, нужны в каждую часть, в каждый штаб и организацию наши советские люди, для которых эта война есть их война, война рабочего класса, и которые не остановятся ни перед какими опасностями. Перелом нам нужен в другом глубоком смысле.

За эти 8—9 месяцев Советской власти мы привыкли слишком легко расправляться с нашими противниками в гражданской войне. До недавнего времени это нам всегда удавалось. Алексеевские и корниловские банды мы разбивали в два счета небольшими отрядами, балтийскими матросами или красногвардейцами Петрограда и Москвы. В результате — у нас есть товарищи, которые работали в этих красных отрядах, а теперь занимаются советской деятельностью, сидят в своих священных, правда, советских канцеляриях и читают отчеты о действиях на фронте. Проявления таких тыловых настроений наблюдаются также и у многих комиссаров, ибо не у всех, к сожалению, есть революционный закал, несокрушимый в борьбе, когда нужно уметь жертвовать жизнью или заставлять жертвовать жизнью других, ибо дело идет о самом высоком, что мы знаем — о судьбе социалистической революции. К стыду нашему, были случаи, когда отдельные комиссары покидали город не в числе последних.

В то время, как комиссар, подобно честному капитану, должен покинуть корабль последним, или погибнуть вместе с кораблем, были товарищи, которые при первой опасности уносили ноги в безопасное место.

Военный комиссар, поставленный Советской властью, есть должность величайших прав и обязанностей, и не пустые слова, что военный комиссар должен стоять на высоте, ибо комиссарский пост есть один из высочайших постов, какие может дать Советская республика. Комиссар — представитель вооруженной силы в стране, а это великая сила, ибо она определяет, на чьей стороне власть. И кто из комиссаров не чувствует в себе силы, закала и самоотверженности, пусть уйдет прочь, но кто взял на себя звание комиссара, должен отдать свою жизнь!

Я должен сказать, товарищи, что в некоторых провинциальных городах местные советские власти и учреждения также не всегда бывают на высоте. Нередки случаи, когда совет эвакуируется одним из первых, уезжает в другой безопасный город за большое количество верст и там мирно дожидается, пока Красная Армия отвоюет ему покинутую резиденцию. Я заявляю, — и таково общее мнение Советской власти, — что это допустимо быть не может, что, если советская армия потеряла город, то это, в значительной степени, лежит виной и на местном совете и на военном комиссаре, и они обязаны употребить все силы, чтобы вернуть город обратно. В качестве ли агитатора или в качестве передового бойца, но совет того города, который занят чехо-словаками, должен быть на фронте в первой линии огня, а не на задворках, в мирном прозябании. Я подчеркиваю сейчас отрицательные стороны именно потому, что нам, прежде всего, нужно высказывать то, что есть, а эти отрицательные стороны имеются. А затем, — мы собрались не для того, чтобы петь хвалы отдельным, многочисленным, героическим проявлениям в борьбе, — а на фронтах есть таковые, и они множатся, — мы собрались, чтобы искать рессурсы и последовательным практическим действенным путем улучшить положение на чехо-словацком фронте. Но вместе с тем, я не могу не отметить, что т. Раскольников сообщает о героической борьбе одного из наших вооруженных кораблей на Волге, который погиб геройской гибелью.

Вы видите, что наши моряки-балтийцы на Волге, — а их число все множится, нами вооружается все большее количество пароходов, и мы надеемся, что на Волге появятся более могучие пушки, чем 3-дюймовки — ведут себя так, как это отвечает революционному званию Балтийского красного флота.

Были примеры превосходной доблести и со стороны красноармейских частей. Однако, состояние частей хаотично, многое в них не налажено и не пригнано на свои места, и героические порывы не есть результат одного общего основного усилия, так как для такого организованного напряжения еще не всюду имеется сознание того, что на фронте дело идет о жизни и смерти рабочего класса, а следовательно, всей страны.

Правда, в общем и целом наше положение улучшается во всех смыслах. Я упомянул, что на Волге мы создали большую и крепкую военную флотилию, которая скоро даст о себе знать белогвардейцам и чехо-словакам. Мы направили туда и военные части, которые, вместе с находящимися там частями, дадут нам огромный перевес в военной силе. Нам необходимо обеспечить за собою перевес в военной силе. Нам необходимо обеспечить за собою перевес нравственной силы, которая нам принадлежит по праву, ибо мы защищаем дело рабочего класса, а те защищают дело французской и английской буржуазии. Обеспечить этот нравственный перевес могут только живые люди, представители рабочего класса из наших лучших городских промышленных центров. И мы сейчас, помимо всех мер, о которых я говорил, переходим к дальнейшей мобилизации рабочих для пополнения кадров нашей рабочей и крестьянской Красной Армии. Сегодня вечером в С. Н. К. вносится проект декрета о том, чтобы в ближайшее время, в ближайшую неделю, мобилизовать рабочих, родившихся в 1896 — 1897 гг. во Владимирской, Нижегородской, Московской и Петроградской губерниях. Вы знаете, товарищи, что мы мобилизовали в Москве и Петрограде рабочих, родившихся в 1896 — 1897 гг. Они уже дали пример тем частям, которые будут созданы. Они будут нашими лучшими частями. Сейчас Москве предстоит дать новый пример, новый образец. Мы хотим в Москве мобилизовать рабочих, родившихся в 1893, 94 и 95 гг., и ваша обязанность, обязанность районных советов, профессиональных союзов, заводских комитетов и всех рабочих организаций, оказать нам на фабриках и заводах помощь в проведении этой мобилизации. Вам нужно будет указать рабочим на их обязанность мобилизоваться. Такая помощь нужна и в Петрограде — в нашей северной столице. Без вашей помощи и содействия, — а оно нам обеспечено, — мы этой мобилизации провести не можем. Благодаря вам, мы первую мобилизацию провели прекрасно, без сучка и задоринки, и вы теперь обеспечите нам эту вторую, несколько более широкую мобилизацию. Вы распространите ваше влияние на всю Московскую губ. и проведете мобилизацию двух возрастов, а мы создадим несколько новых дивизий в помощь тем дивизиям, которые находятся на чехо-словацком фронте.

Мы требуем от вас ясного понимания того, что положение серьезное. Мы потеряли Симбирск и Екатеринбург. Это факты, которые свидетельствуют о крайней серьезности положения и о том, что с нами борются не мелкие разбросанные отряды, а обученная армия, пополняющаяся русским офицерством, которое, если и не блещет большими талантами, то, во всяком случае, имеет свои большие преимущества. Опасность серьезная, и мы на серьезную опасность должны отвечать серьезным отпором.

Понять это мы можем и должны. Это должно войти в сознание каждого рабочего везде и повсюду. Это надо вспоминать по всякому поводу и, прежде всего, по поводу голода, ибо чехо-словаки и белогвардейцы запирают сибирские врата, через которые мы можем получить хлеб. В те-

чение ближайших дней вы должны дать десятки, сотни рабочих, вы должны снять со штатских постов людей, занимавшихся в прежнее время военным делом, и хотя, может быть, они недостаточно опытны, всех их должны передать военному ведомству. Вы должны облегчить проведение мобилизации трех возрастов в Москве и двух возрастов в Московской губ. Вот практические задачи, которые стоят перед нами. Я не сомневаюсь, что московские рабочие покажут пример своей стране и справятся не только со всеми задачами, стоящими перед ними, но и с шатающимися и неустойчивыми Советами по Волге и по Уралу и со слабыми частями, которые отныне будут опираться на волю пролетариата, а эта воля ведет к победе — эта воля есть половина победы.

Я упоминал о Французской революции. Да, нам, товарищи, нужно возродить ее традиции в полном объеме. Вспомните, как якобинцы во Франции еще в период войны говорили о полной победе, и им жирондисты кричали: «вы говорите, что вы сделаете после победы; разве вы заключили договор с победой?». Один из якобинцев ответил: «мы заключили договор со смертью». Рабочий класс не может потерпеть поражения. Мы — сыны рабочего класса, мы заключили договор со смертью, а, стало-быть, и с победой!

Резолюция, принятая по докладу.

Соединенное Заседание В. Ц. И. К. Советов, Московского Совдепа, Профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, заслушав доклады представителей Центральной Советской власти, постановило:

1. Признать Социалистическое отечество в опасности.

2. Подчинить работу всех Советских и иных рабочих организаций основным задачам настоящего момента: отражению натиска чехо-словаков и успешной деятельности по сбору и доставке хлеба в нуждающиеся в нем местности.

3. Повести самую широкую агитацию в рабочих массах Москвы и других местностей по выяснению критического момента, переживаемого Советской Республикой, по выяснению необходимости и в военном, и в продовольственном отношении, очищения Волги, Урала и Сибири от всех контр-революционеров.

4. Усилить бдительность по отношению к буржуазии, всюду становившейся на сторону контр-революционеров. Советская власть должна обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее.

5. В этих целях Соединенное Заседание считает необходимым перевод ряда ответственных работников Советских и профессиональных в область военную в продовольственную.

6. Каждое заседание какого бы то ни было Советского учреждения, какого то ни было органа профессионального рабочего движения, или иной рабочей организации будет отныне ставить в свой порядок дня вопрос о практическом проведении самых решительных мер по разъяснению пролетарским массам создавшегося положения и по осуществлению военной мобилизации пролетариата.

7. Массовый поход за хлебом, массовое обучение военному делу, массовое вооружение рабочих и напряжение всех сил для военного похода против контр-революционной буржуазии, с лозунгом:

«Смерть, или победа». Таков наш общий лозунг.

Господа чехо-словацкой России.

Нашими разведчиками перехвачена была несколько времени тому назад переписка французских дипломатических агентов, направлявшаяся из Самары в Петроград. Эта переписка в высшей степени выразительно характеризует господ положения и их внутренние взаимоотношения. Французские агенты с нескрываемым презрением говорят о русских белогвардейцах и о чехо-словаках, как орудии своих замыслов. Без них, без избранных представителей парижской биржи, самарский режим, разумеется, не может удержаться. Они, французы — все, и из Самары их господство будет распространяться на всю страну. Их влияние во всех отраслях общественной жизни обеспечено. Все и вся будет им подчиняться.

Таков тон этих писем. Как и полагается, в стане буржуазных победителей, в Самаре, развертываются многочисленные интриги, взаимные козни, клевета и проч. Французский консул на ножах с французским военным уполномеченным Жанно. Мы считаем очень поучительным привести точный перевод письма французского консула в Самаре, которое в нашей папке значится, как документ № 4.

«Господин Жанно», так сообщает консул своему петроградскому корреспонденту (послу Нулансу), «господин Жанно опровергает сведения о его назначении на пост посланника и констатировал только свои функции полномочного представителя французского правительства по военным делвм. Поскольку я остаюсь без бумаг, мне приходится играть роль наблюдателя всех этих фантазий. Имеется ли какая-либо база под этими претензиями, я не могу этого думать. Результатом является то, что мои превосходные отношения с генеральным штабом (Дутовско - эс - эровским) со времени возвращения г. Жанно потерпели ущерб: так, во имя своих военных надобностей, он лишил меня автомобиля, предоставленного в мое распоряжение, и заявил, что консул должен заниматься только консульскими делами. С другой стороны, я знаю, и притом из источников совершенно несомненных, что военные дела г. Жанно состоят в приобретении 200.000 пуд. олова в Омске и в других делах, например, с икрой, в разных областях страны. Его официальные полномочия служат только для облегчения барышей спекулянтов, которые окружают г. Жанно. Он получает даяния, достигающие сотен тысяч руб., со стороны финансистов и коммерсантов, и широко расходует их на вознаграждение своего генерального штаба и на оплату вербовщиков пленных, которые уже достаточно широко его эксплоатировали. Может ли это продолжаться? Если

вы позволите, то — разумеется! Я желаю быть только информированным, и вы понимаете, что в здешней изолированности вопрос об авторитете господствует над всем. Я должен на деле стать главой миссии, либо быть арестованным. Я не думаю, что господин Жаино заставит арестовать меня, но он может объявить, что ему ничего неизвестно о моих полномочиях, и тогда я внезапно окажусь простым французским гражданином».

Таков г. консул. Его главный секретарь в пространном письме на имя некоей Жаниы сообщает о том, что Самара является главным центром, из которого будут исходить все дальнейшие операции. «Наиболее богатый купец предоставил в распоряжение консула свою дачу, которая является истинным дворцом (она стоила около миллиона). Я буду мобилизован в консульстве. Здесь в Самаре ожидают союзников».

Дальше неожиданно оказывается, что г. главный секретарь, который собирается вершить делами России, является учителем танцев женской гимназии. Он жалуется на то, что война и революция убили вкус к танцам, и число его уроков уменьшилось. Но он не унывает. «С развитием военных операций, увеличится моя работа в французской военной миссии, которая учредится, несомненно, в Самаре». — «В Петрограде», продолжает танцмейстер-дипломат, «жизнь должна теперь быть абсолютно невыносимой. Здесь имеется все».

В дальнейшем, автор письма приглашает Жанну, тоже учительницу танцев, в Самару, обещает ей выгодные занятия. «Будет создана высшая школа, и если вы будете здесь, вы будете иметь, разумеется, преимущества над русскими. Наша страна и наши представители будут со дня на день выигрывать в размерах своего влияния»... «Мое положение дает мне, разумеется, много преимущества»... «Я, по необходимости, присутствую на всех банкетах, на всех праздниках, я обедал с самим Дутовым», и проч., и проч.

Таковы новые господа положения, те самые, которые собираются «освободить» Россию. Французский танцмейстер, положивши две ноги на стол, сообщает своей Жанне, что отныне французы в России будут иметь все преимущества над русскими. Господин Жанно, во имя военных задач, скупает металл и икру и наживает сотни тысяч на темных спекуляциях. Эта паразитическая чернь собирается господствовать и управлять революционной страной. Надо надеяться, что скоро-скоро метла революции выметет франко-чехо-белогвардейских проходимцев со всеми их танцмейстерами и Жанно изо всех углов рабочей и крестьянской России!

14 августа 1918 г.
«Изв. ВЦИК», 20 августа 1918 г., № 178.

III.

БОРЬБА ЗА КАЗАНЬ[82].

Приказ

ПредВВС и Наркомвоенмора

от 8 августа 1918 г.

Борьба с чехо-белогвардейцами тянется слишком долго. Нерашливость и небрежность и малодушие в наших собственных рядах являются лучшими союзниками наших врагов. Англо-французские агенты рыщут всюду, рассыпая золото направо и налево. Они подкупают всех тех офицеров, которые продаются. Они подбивают железнодорожников и почтово-телеграфных чиновников на саботаж. Их наемные агитаторы проникают нередко в красноармейские части, вносят туда замешательство и смуту.

Этому должен быть положен конец. Страна нуждается в спокойствии и в хлебе. Чехо-белогвардейцы лишают ее того и другого. Они должны быть уничтожены.

Прямые и косвенные союзники чехо-словаков — контр-революционеры, агитаторы и саботажники должны быть стерты в порошок. Выезжая на чехо-словацкий фронт, приветствую всех тех, кто в армии, на железных дорогах, в продовольственном или почтово-телеграфном деле честно и доблестно отстаивает свободу и независимость рабочего класса и трудового крестьянства.

Честь и слава доблестным борцам!

Вместе с тем предупреждаю, что врагам народа, агентам иностранного империализма и наемникам буржуазии пощады не будет. В поезде Народного Комиссара по военным делам, где пишется этот приказ, заседает Военно-Революционный Трибунал в составе тов. Смидовича, председателя Московского Совета Раб. и Крестьянских депутатов, тов. Гусева, представителя Народного Комиссариата по военным делам, и тов. Жизмунда, представителя Нар. Ком. путей сообщения.

Военно-Революционный Трибунал снабжен неограниченными полномочиями по отношению к полосе железной дороги, объявленной на военном положении.

Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва — Казань, тов. Каменщиков, распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться

темные агитаторы, контр-революционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления или приговариваться Военно-Революционным Трибуналом к другим карам. Предупреждаю ответственных Советских работников во всех областях военных действий и в полосе военных передвижений, что с них будет спрашиваться вдвойне. Со своими нерадивыми и преступными слугами Советская Республика будет расправляться не менее сурово, чем со своими врагами. Грозное положение страны обязывает к применению грозных мер.

Советская Республика в опасности! Горе тем, которые прямо или косвенно увеличивают эту опасность!

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 11 августа 1918 г., № 171.

Латышский Земгальский полк.

От Наркомвоенмора—Председателю В. Ц. И. К. Сов. Раб., Крест., Солд. и Каз. Депутатов.

Во время неприятельского наступления на Казань некоторые части держали себя недостойно, как трусливые наемники, а не как революционные солдаты Рабочей и Крестьянской Красной Армии.

Если мы сейчас вынуждены ценою усилий и жертв брать Казань, то это потому, что были части, которые ее без боя сдавали.

Расследование производится, и все виновные понесут кару, отвечающую тяжести их преступления перед Советской Республикой.

Но, наряду с негодными частями, были также, которые в дни защиты Казани проявили высокую воинскую доблесть. На первом месте надлежит назвать 5-й Латышский Земгальский Советский полк во время двухдневной обороны г. Казани.

По имеющимся у меня донесениям, все наиболее выдающиеся атаки противника были отбиты частями этого полка.

Как в поле, так и в городе, в уличной схватке, с одинаковым самоотвержением и геройской отвагой стрелки и командный состав 5-го Латышского Земгальского полка сражались, невзирая на тяжелые потери убитыми и ранеными. Благодаря этому, удалось удержать Казань в течение двух дней, что имело громадное значение, потому что, если бы Казань перешла в руки противника 5-го августа, то 6-го он захватил бы также мост через Волгу и ст. Свияжск. Потеря же моста через Волгу у ст. Свияжск имела бы самые тяжкие последствия для дальнейшего хода операций.

Из командного состава доблестно вели себя начальник Казанской дивизии тов. Славин, генштаба Петров, личный адъютант главнокомандующего Дылан, комендант штаба фронта Ремер, военный руководитель Авров, лично руководивший уличным боем. Авров погиб смертью героя.

На основании докладов участников боя и, в первую голову, главнокомандующего Вацетиса, считаю необходимым тут же отметить отвагу и самоотвержение следующих революционеров-коммунистов: бывшего комиссара 4-ой армии тов. Левина, который до последней минуты сражался в уличном бою, и братьев Межлаук.

Не предрешая вопроса о том, как будут отмечены подвиги перечисленных выше лиц и других, роль которых будет установлена, считаю однако делом справедливости ходатайствовать перед Ц. И. К. теперь же о награждении 5-го Земгальского полка особым почетным знаменем — от лица высшего учреждения Советской Республики.

13 августа 1918 г.

Приказ

ПредВВС и Наркомвоенмора

№ 18 — 1918 г.

Мне доложено, будто петроградский партизанский отряд покинул позицию.

Приказываю комиссару Розенгольцу [83] проверить.

Солдаты Рабочей и Крестьянской Красной Армии не трусы и не негодяи. Они хотят сражаться за свободу и счастье рабочего народа. Если они отступают или худо сражаются, то виноваты командиры и комиссары.

Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым — командир.

Мужественные, храбрые солдаты будут награждены по заслугам и поставлены на командные посты.

Трусы, шкурники и предатели не уйдут от пули.

За это я ручаюсь перед лицом всей Красной Армии.

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 14 августа 1918 г., № 173.

О содействующих чехо-белогвардейцам.

Сим объявляется.

Граждане городов, временно захваченных чехо-белогвардейцами, продолжают оставаться под действием законов Советской Республики.

Никто не смеет ссылаться на насилие завоевателей в оправдание изменнических действий против власти рабочих и крестьян.

Всякий, кто во время господства чехо-белогвардейцев оказывал им содействие, будет расстрелян.

Движимое и недвижимое имущество участников буржуазного мятежа и их пособников будет конфисковано.

Из этого имущества будут вознаграждены семьи тех рабочих и крестьян, которые погибли под ударами контр-революционеров, а также все вообще труженики, ставшие жертвой буржуазного восстания.

15 августа 1918 г.

Товарищи моряки Волжской флотилии!

Вчера, явившись в штаб флотилии, на пароход «Илья Муромец», я был поражен той картиной, которая открылась моим глазам. На пароходе, как на проходном дворе, много посторонней публики, караул не проверяет пропусков, да этих пропусков и не существует. Ходит всякий, кто хочет, разговаривает о чем хочет, уходит, когда вздумается. Все остальное имело такой же вид. Хозяин на корабле не известен. Кто распоряжается судами, служащими для связи, выяснить невозможно. Кого-то куда-то послали по неизвестно чьему распоряжению. Посланные оставили где-то катер, надеясь, что его пригонят другие. Никакой организации, никакого чувства ответственности. На пароходе, который служит местом работы военно-морского штаба, много женщин, детей.

При этих условиях, сколько-нибудь серьезная деловая жизнь совершенно невозможна. Еще менее возможно сохранить какую-либо военную тайну. Во время моего пребывания на корабле, комиссар Маркин привел механика, который не мог пустить в ход мотора. «Это всякий раз у нас так», заявил комиссар Маркин; «когда нужно уходить с позиций, моторы работают прекрасно, а когда нужно итти на позиции, — моторы сразу бастуют».

Товарищи моряки! Такой порядок невозможен. При таком порядке, флот не боеспособен, не жизнеспособен. И не даром все обращают внимание на то, что наша новая волжская флотилия работает в высшей степени вяло, лениво, без энергии и без успеха. Когда нет надлежащего порядка в центре, не может быть твердой энергичной работы и на судах. А, между тем, мы ведем серьезную борьбу, великую борьбу, поистине борьбу не на жизнь, а на смерть. Если мы не возьмем сейчас Казани, враг отберет у нас Нижний и соединится с англо-французскими бандитами на Архангельском побережьи. Тогда у них будет общий фронт. Тогда наше дело крайне затруднится. И тогда, можно сказать с несомненностью, немцы начнут наступать с запада и с юга для того, чтобы не дать возможности чехо-словакам и англо-французам установить прочный фронт на почве России. Мы, рабочие и крестьяне, солдаты и матросы советской Республики, окажемся меж двух огней: англо-французы, чехо-словаки белогвардейцы — на северо-востоке, германцы — на западе и юге. Между этими двумя огнями погибнет наша молодая республика. Самый дикий буржуазный произвол воцарится в наших городах и деревнях, и все за-

воевания, обретенные величайшими жертвами, среди которых было много борцов моряков, окажутся потерянными на десятилетия.

Товарищи моряки! Я призываю вас всех вдуматься в то положение, которое сейчас создалось у нас в стране. Если вырвем Казань, то этим разобьем неприятельский фронт. Симбирск и Самара падут сами собой. Англо-французский ничтожный десант не будет нам страшен. Немцу незачем будет наступать, раз нового фронта не образуется в России. Все интересы нашей страны требуют от нас напряжения всех сил для взятия Казани.

Товарищи моряки! Подтянитесь! Выкиньте вон шкурников, если они есть в вашей среде, выметите прочь нерешливость, неаккуратность, халатность. Все должно быть поставлено на военную ногу. Ни одной минуты не терять даром. Ни одной пяди не уступать. Захватывать у врага все, что можно. Вести борьбу смело, мужественно, наступая. Кто не рискует, не выигрывает никогда.

Братски жму вашу руку, товарищи моряки!

19 августа 1918 г.

Приказ

Народного Комиссара по Военным и Морским Делам от 24 августа 1918 г.

Солдаты 5-й армии, моряки волжской флотилии! Мы получили радостную весть. С северо-востока вплотную к Казани подошли солдаты 2-й Советской армии[84]. Казанские чехо-белогвардейцы попытались им дать бой. Но советские войска отбили атаку, перешли в наступление, захватили два броневика и пулемет, подбили два орудия, обратили неприятеля в бегство и завладели деревнями Киндеры и Кощаково. Таким образом, геройские войска 2-й армии находятся в двенадцати верстах от Казани.

Теперь дело за вами, солдаты 5-й армии! Вы должны двинуться навстречу 2-й армии и, вместе с нею, задушить казанскую контр-революцию в стальных тисках.

Солдаты 5-й армии! Моряки Волжской флотилии!

Взятие Казани означает освобождение казанских рабочих и крестьян.

Взятие Казани означает начало гибели буржуазной сволочи на Волге, Урале и в Сибири.

Взятие Казани означает беспощадную расправу над врагами революции.

Взятие Казани означает для вас заслуженный отдых и награду для всех мужественных и твердых бойцов революции.

Враг уже чувствует свою гибель.

Готовьтесь! Наступил час решительного натиска. По первому слову вашего командующего, товарища Славина[85], вы, как один человек, двинетесь вперед и нанесете обессиленному врагу смертельный удар.

Командиры! Комиссары! Солдаты! Матросы! Все на места!

Мятежным Казанским войскам, сражающимся против Рабочей и Крестьянской Красной Армии, обманутым чехо-словакам, обманутым крестьянам, обманутым рабочим.

Во имя чего вы сражаетесь?

Помещики, капиталисты, старые офицеры хотят вернуть себе власть и богатство.

Французские и японские биржевики хотят себе вернуть барыши.

А вы солдаты — чехо-словаки, рабочие и крестьяне?

Вы обмануты. Вы—пушечное мясо. Вы проливаете рабочую кровь ради интересов богатых.

Восставшим белогвардейцам спасения нет.

Казань окружена со всех сторон. Наши силы несравненно многочисленнее ваших — на суше, на воде и в воздухе.

Ваши вожди, захватившие народное золото, спешат покинуть Казань. Они чуют свою гибель.

Солдаты чехо-словаки! Крестьяне и рабочие!

Хотите ли вы погибать вместе с ними?

Я объявляю всем:

Советская власть ведет войну только с богатыми, с насильниками, с империалистами.

Труженикам мы протягиваем братскую руку. Всякий из вас, кто добровольно перейдет в наш лагерь, встретит с нашей стороны полное помилование и братский прием.

Десятки из ваших рядов уже перешли к нам. Никто из них не пострадал. Все они невредимы и на свободе.

Именем Совета Народных Комиссаров делаю вам последнее предупреждение.

Переходите все на сторону советских войск!

Свияжск. 26 августа 1918 года.

О мобилизации.

Крестьянам и рабочим Казанской губернии.

Враги трудового народа, помещики, капиталисты, офицеры и их наемники — чехо-словаки, пытаются мобилизовать трудовое население Казанской губернии для борьбы против рабочих и крестьян.

Сим объявляю, дабы позднее никто не мог отговариваться незнанием революционных законов и распоряжений Советской власти:

1. Всякий, кто подчиняется мобилизации белогвардейцев чехо-словаков и вступает в армию врагов народа, совершает тягчайшее государственное преступление.

2. Все рабочие и крестьяне, уже вступившие по принуждению в ряды неприятельской армии, должны немедленно перейти в лагерь Советских войск; при этом условии им будет обеспечено полное помилование.

3. Те крестьяне и рабочие, которые продались белогвардейцам и добровольно не сложат оружия, будут расстреляны заодно с офицерами, буржуазными и помещичьими сынками. Все их имущество будет передано раненым и искалеченным красноармейцам и семьям убитых солдат Рабочей и Крестьянской Армии.

Рабочие и крестьяне Казанской губернии! Слово Советской власти твердо. Кара ее сурова. Ни одного солдата продажным белогвардейцам! Все на поддержку Советской власти!

27 августа 1918 г.

Из-за чего идет борьба?

Рабочие Казани! Честные граждане! Ваш город сейчас в руках чехо-словаков и белогвардейцев.

Чехо-словаки — это наемники французской буржуазии. Парижские банкиры, биржевики и ростовщики желают получить с русского народа десятки миллиардов рублей, которые брал у них взаймы царь. Английские хищники хотят захватить северное побережье России. Японцы стремятся отрезать у нас Сибирь. Наконец, французские, английские и американские капиталисты хотят заставить истощенную Россию снова ввязаться в войну с Германией.

Вот почему они вступили в борьбу с рабочей и крестьянской Россией.

Чужестранцы — капиталисты содержат на жаловании чехо-словаков и царских офицеров. Французский капитал правит в Казани, в Симбирске, в Самаре. А Фортунатовы и Лебедевы [36]—это только жалкие и преступные дурачки, которые играют роль фальшивой вывески.

Рабочие Казани! Наемники иностранного капитала отрезали вас временно от рабочей и крестьянской России. Вам лгут, вас обманывают в газетах и листках. Вам рассказывают, будто советские войска разбиты и рассеяны. На самом же деле, рабочие и крестьянские полки спешат со всех концов России освобождать Поволжье и Урал от чехо-белогвардейского засилья. Казань окружена сейчас кольцом революционных войск.

Рабочие и крестьяне! Советские войска не допустят, чтобы русские белогвардейцы продавали вас иноземной буржуазии. Мы не позволим помещикам отнять землю у крестьян. Мы не позволим выродкам романовской династии захватить в свои руки власть. Мы не позволим наемным чехо-словакам хозяйничать на русской земле.

Казань будет скоро вырвана из рук контр-революции и чехо-словацких банд.

Готовьтесь, рабочие и честные граждане Казани! Близок час, когда наши враги будут раздавлены, и трудовая Казань вернется в семью Советской России.

Долой чехо-словацких, англо-французских, японских и иных бандитов!

Смерть белогвардейцам!

Гибель предательской Казанской буржуазии!

Да здравствуют казанские рабочие и крестьяне!

Да здравствует Советская Рабочая и Крестьянская Россия!

«Гражд. Война» (орган 5 армии), 28 августа 1918 г., № 2.

Приказ

Народного Комиссара по Военным и Морским Делам по Красной Армии и Красному Флоту от 30 августа 1918 г. № 31.

Изменники и предатели проникают в ряды рабоче-крестьянской армии и стремятся обеспечить победу врагов народа. За ними идут шкурники-дезертиры. Бесчестные трусы покидают поле сражения нередко в тот момент, когда нужно нанести последний удар, чтобы уничтожить врага. Советская власть предупреждала всех шкурников, что шутить не будет. Дело идет о судьбе рабочего класса. Храбрый и честный не может умирать дважды: за себя и за дезертира. Подавляющее большинство революционных солдат давно требовало беспощадной расправы над изменниками Ныне Советская власть от предупреждения перешла к делу. Вчера, по приговору военно-полевого суда 5 армии восточного фронта, расстреляны двадцать дезертиров.

В первую голову расстреляны те командиры и комиссары, которые покинули вверенные им позиции. Затем расстреляны трусливые лжецы, прикидывавшиеся больными. Наконец расстреляно несколько дезертиров-красноармейцев, которые отказались загладить свое преступление участием в дальнейшей борьбе.

Всякий честный солдат и матрос прочитает приговор суда с полным удовлетворением. Изменникам рабочего дела не должно быть пощады.

Публикуя во всеобщее сведение приговор Революционного Военно-Полевого Суда, я выражаю одновременно твердую надежду на то, что центральная Советская власть установит вскоре особый знак революционного отличия для честных и мужественных борцов. Нужно, чтоб все отличали храбрых сынов революции от жалких трусов.

Да здравствуют доблестные солдаты Рабочей и Крестьянской Красной Армии!

Гибель шкурникам! Смерть изменникам-дезертирам!

У ворот Казани.

Пятой армии поставлена задача: взять Казань. Наш враг стремится из Казани прорваться на Нижний, на Пермь, на Вятку, на Вологду, соединиться с англо-французскими войсками, задушить сердце рабочей революции — Москву.

Но под Казанью поставлены рабочие и крестьянские полки Красной Армии. Они знают свою задачу: не дать врагу ни на шаг продвинуться вперед; вырвать из его рук Казань; отбросить чешских наемников и офицеров-громил назад, утопить их в Волге, раздавить их преступный мятеж против рабочей революции.

В этой борьбе мы пользуемся не только винтовками, пушками, пулеметами, но и газетой. Ибо газета тоже оружие. Газета свяжет все части 5-й армии единой мыслью, единым стремлением, единой волей.

Вперед на Казань!

Август 1918 г.

Помните об Ярославле!

Буржуазно-офицерский мятеж в Ярославле подавлен советскими войсками беспощадно. Сотни мятежников были перебиты или потоплены в Волге. Свыше 350 захваченных белогвардейцев были расстреляны после усмирения мятежа. Попытки буржуазии вернуть в рабство рабочих и крестьян обрушили на заговорщиков суровую кару.

Помните об Ярославле, контр-революционные бандиты Казани, Симбирска и Самары!

Темные, обманутые, одурманенные солдаты и чехо-словаки еще могут надеяться на помилование, если своевременно раскаются и сдадут оружие. Но буржуазные заговорщики, иностранные агенты-провокаторы, офицеры-белогвардейцы будут истреблены поголовно. Советская Власть каленым железом отучит буржуазных авантюристов устраивать мятежи против рабочих и крестьян.

Помните об Ярославле, наемники буржуазии!

Август 1918 г.

Предупреждение трудовому населению Казани.

Необходимо временно выехать из города. После захвата Казани чехо - белогвардейскими бандами, Казань стала гнездом контрреволюции.

Это гнездо должно быть разорено. При дальнейшем сопротивлении, контр-революционные кварталы будут срыты до основания.

Наши артиллеристы, сухопутные и речные, а также летчики приложат все усилия к тому, чтобы не причинить вреда жилищам и кварталам бедноты. Но в ожесточенном бою возможны всякие случайности.

Мы предупреждаем трудовое население Казани о предстоящей опасности.

Всякий, кто может, пусть лучше покинет пределы Казани на эти дни предстоящей беспощадной расправы с бандитами.

Необходимо, как можно скорее, удалить из города детей.

Мы предлагаем рабочему населению Казани искать убежища на Советской территории. Мы окажем всем трудящимся и нуждающимся братское гостеприимство. Через несколько дней рабочее население Казани сможет, вместе с Советскими войсками, войти в город, очищенный от нечисти.

Горе черному Казанскому контр-революционному гнезду!

Да здравствует Красная Рабочая Казань!

Август 1918 г.

Казанский мужик задним умом крепок.

Наши солдаты рассказывают, что в некоторых селах и деревнях Казанской губернии крестьяне встречают их недружелюбно, а местами и совсем враждебно. Почему? Относительно кулаков дело понятно. Кулаки знают, что сейчас революция несет им гибель. Но и среднее крестьянство, отчасти под влиянием того же кулака, обнаруживает враждебность к рабочей армии. Это потому, что казанский крестьянин живет в глуши, в темноте, оторван, сам не знает еще своего завтрашнего дня. Так было на Украине. Когда буржуазные войска Рады, вместе с немецкими бандами, направлялись на украинские города и села, советские войска сражались против этого нашествия. А крестьяне во многих местах сторонились и говорили: «это не наше дело. Наша, мол, хата с краю». Не мало было случаев, когда крестьяне причиняли вред украинским советским войскам, а буржуазные украинские войска поддерживали. Немецкие войска заняли Украину. Земли помещичьи вернули помещикам. Восстановили в правах старых исправников и становых. Восстановили старые налоги. Взвыл крестьянин. По всей Украине крестьянство сейчас поднялось. С винтовками, с пулеметами, а то и с ножами и вилами восстал украинский мужик против украинского немецкого насильника. Льются реки крови. Чешет в затылке украинский крестьянин и приговаривает: «то-то я задним умом крепок. Надо бы в свое время поддерживать советские войска. Теперь бы меньше жертв понадобилось».

Казанскому крестьянину теперь бы на украинского поглядеть, да смекать, а не то гляди: сядут тебе на шею завтра помещики и исправники и становые. Придется и тебе браться за вилы, да за косу, да за ножи.... Не лучше ли сейчас объединяться с советскими войсками и поддерживать их в борьбе. Это есть единственный путь обеспечить за крестьянством землю и волю.

Сентябрь 1918 г.

Что такое паника?

Паника — это стадный, слепой, бессмысленный страх. Один-два выстрела, темный слух — и паника налицо. «Обходят... нас обходят», — и в бессмысленном ужасе часть отступает. Почему мы потеряли в начале августа Казань? Потому что некоторыми частями овладела темная постыдная паника, и они бежали перед ничтожными силами врага [87]. Удержать Казань 5 августа можно было с незначительными жертвами. А теперь приходится с гораздо большими затратами сил и жизней отбирать Казань.

Панике поддается темный, несознательный, трусливый, плохой солдат. И он легче всего гибнет, потому что бессмысленный страх — плохой советчик. Охваченный паникой человек мчится, очертя голову, не размышляя, нередко налетает на действительную опасность и гибнет. Сознательный мужественный солдат не поддается панике. Он взвешивает все обстоятельства, сохраняет необходимое спокойствие и потому нередко спасает свою жизнь даже при труднейших обстоятельствах. Трусов гибнет больше, чем мужественных.

Есть солдаты, которые сеют панику. Они распространяют всегда тревожные сплетни и первые поднимают крик: «Нас обошли... нужно отступать». Из-за таких негодяев, тысячи отступают иногда перед десятками.

Чехо-словаков всего 22.000. Белогвардейского офицерства тоже не так много. Мы могли бы с ними справиться в день-два, если бы молодые части не охватывались этой гнусной болезнью — паникой. С этим нужно покончить раз навсегда. Комиссары, командиры, передовые солдаты, агитаторы-коммунисты должны объявить панике беспощадную войну. Прочь панику! Суровая кара тем, которые сеют панику!

Сентябрь 1918 г.

Приказ

Председателя РВСР и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту

от 10 сентября 1918 г., № 32.

День 10 сентября войдет праздником в историю социалистической революции. Частями пятой армии Казань вырвана из рук белогвардейцев и чехо-словаков [88]. Это поворотный момент. Натиск буржуазной армии встретил, наконец, должный отпор. Дух неприятеля сломлен. За Казанью последуют Екатеринбург, Симбирск, Самара и все другие города Поволжья, Урала и Сибири, временно захваченные врагами рабочих масс.

Солдаты и матросы! Месяц борьбы под Казанью протекал на моих глазах. На стороне врага, с его офицерскими батальонами, был явный перевес организации и искусства. Наши молодые необстрелянные части в первые дни не обнаружили подчас необходимой стойкости. Наблюдались случаи беспричинной паники и бессмысленных отступлений. Но первые неудачи не сломили вашего духа. Наиболее сознательные солдаты и матросы сплотились теснее и помогли установить твердую дисциплину в рядах 5-й армии. Шкурники, при всеобщем презрении, подвергались суровой каре. Командиры, комиссары, солдаты, матросы действовали заодно. И сразу наступил перелом. Испытав ваши удары, чехи-белогвардейцы стали говорить: «это не красноармейцы, а немцы». Царские офицеры, привыкшие быть битыми немцами, считают теперь немцами всякого, кто их бьет.

Солдаты и матросы пятой армии! Вы взяли Казань. Это зачтется вам. Те части или отдельные бойцы, которые особенно отличились, будут соответственно вознаграждены рабочей и крестьянской властью. Здесь же я пред лицом страны и международного пролетариата заявляю: пятая армия в целом честно исполнила свой долг. От имени Совета Народных Комиссаров я вам говорю: «товарищи, спасибо».

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 14 сентября 1918 г., № 199.

Телеграмма

Председателям Петроградского и Московского Совета тт. Зиновьеву и Каменеву

11 сентября 1918 г.

Взятие Казани есть ваша победа не только потому, что это победа рабочего класса над бандами буржуазии, но и потому, что в этой победе решающую роль сыграли героические рабочие Петрограда и Москвы, шедшие в первых рядах и показавшие в самых трудных обстоятельствах пример мужества и несокрушимой верности.

Да здравствуют Петроградский и Московский Советы Рабочих Депутатов!

Опубликована в «Изв. ВЦИК», 12 сентября 1918 г., № 197.

Значение взятия Казани в ходе гражданской войны.

Речь в Казанском театре на другой день после взятия Казани 11 сентября 1918 г. *)

Мы дорожим наукой, культурой, искусством и хотим сделать их со всеми их учреждениями, т.-е. школами, университетами, театрами и т. д., доступными для народа. Но если бы наши классовые враги захотели нам снова показать, что все это существует только для них, а не для народа, мы бы сказали: «гибель науке, искусству, гибель театру!» Мы, товарищи, любим солнце, которое освещает нас, но если бы богатые и насильники захотели бы монополизировать солнце, мы сказали бы: «пусть солнце потухнет, и воцарится тьма, вечный мрак...».

Именно из-за этого шла борьба под стенами Казани, из-за этого идет она на Волге и на Урале, — идет из-за того, кому будут принадлежать дома, дворцы, города, солнце, небеса, — будут ли они принадлежать людям трудящимся, рабочим, крестьянам, бедвякам или буржуазии и помещикам, которые пытались снова, оседлав Волгу и Урал, оседлать и рабочий народ.

Правы эс-эровские газеты, когда пишут, что рабочий класс, который взял в свои руки власть, который попробовал, понял, что значит она, — без жестокой борьбы ее не отдаст.

«Рабочие, — злорадно говорят враги, — вы взяли власть, а где же ваши молочные реки и кисельные берега?» А рабочие, в полном сознании своей исторической правоты, им на это отвечают: «Да, мы взяли страшное наследство, оставленное нам самодержавием и 4-мя годами всемирной бойни, которые истощили страну. Верно, что рабочему классу приходится туго, но верно и то, что работа по преобразованию страны — труднейшая работа. Имущие классы в течение тысячелетий господствовали, властвовали, множили раны, а рабочий класс в течение нескольких месяцев должен эти раны исцелить. Дайте срок: мы справимся со всем, — справимся, не прибегая к тому средству, которое рекомендуют русская буржуазия, русские помещики и бывшие русские чиновники, т.-е. — Учредительному Собранию».

---

*) Начало этой речи не было застенографировано. Воспроизводится сохранившаяся часть стенограммы.

«Учредительное Собрание!» Под этим лозунгом еще вчера у стен Казани буржуазия пыталась противостоять рабочим и крестьянам, умиравшим в борьбе против этого лозунга.

Учредительное собрание представляет собою совокупность классов и партий, т.-е. состоит из представителей всех партий, от помещиков до пролетариата. И вот мы спрашиваем: «кто же в Учредительном Собрании будет править? Не предложат ли нам коалицию, а это единственное, что можно здесь предложить — союзное правительство из Лебедева, с одной стороны, и т. Ленина, с другой?» Я думаю, товарищи, что этот номер не пройдет в нашей исторической программе. Впрочем, наши враги на практике сами не хотят коалиции с пролетариатом, ибо тогда, когда Лебедев подготовлял Учредительное Собрание вместе со своим кумом Керенским, т. Ленин находился в шалаше в лесу, где, как отшельник, скрывался в течение нескольких недель, а мы, другие, сидели в Петроградских Крестах[89]. Нет, с коалицией не вышло даже тогда, когда были у власти те, кто провозглашает идеи Учредительного Собрания. Допустим, что с коммунистами тогда не могло быть коалиции, но остальные почтенные партии, партии государственные, партии патриотические: кадеты, правые эс-эры, меньшевики, а, может быть, даже и левые эс-эры, — все эти нравственные, почтенные партии могли же образовать коалицию? В том-то и дело, что коалиция противоречит законам классовой борьбы.

Учредительное Собрание не правит, править будет министерство. Из кого? Из всех партий без большевиков. Коалиция всех буржуазных и мелкобуржуазных партий против рабочего класса и деревенской бедноты — вот что такое Учредительное Собрание. Но на весах истории имеют значение только тяжеловесные силы: с одной стороны, рабочий класс, который силен своим трудом, своей ловкостью, своей численностью и своей хозяйственной ролью; с другой стороны, помещики, пока они имели землю в своих руках, капиталисты, банкиры, пока они имеют в своих руках капиталы — эти классы тоже имеют большое значение; и вот между ними, как в щелях тараканы, ютятся правые эс-эры и меньшевики, которые говорят: «зачем вам, рабочие, борьба с капиталистами, зачем вам крестьяне, борьба с помещиками? Мы, правые эс-эры и меньшевики, станем посредине и, путем коалиции, примирим вас с классовыми врагами; не нужно гражданской войны». Но рабочий класс отверг эту ложь и игру. К этому его вынудила сама буржуазия! Соглашатели обвиняют большевиков в том, что они разжигают гражданскую войну, но когда эта гражданская война переходит в войну имущих против неимущих, правые эсэры и меньшевики оказываются всегда на стороне имущих. Разве поднялись они с протестом против гражданской войны, когда в Казани расстреливали рабочих, когда этим способом буржуазные группы укрепляли власть свою? Нет.

Есть две гражданских войны, или, вернее, два полюса гражданской войны. Та гражданская война, которую ведут помещики, старые чинов-

ники, старые генералы, банкиры, капиталисты против трудящихся масс — это бесчестная гражданская война, и есть другая гражданская война, которую мы, которую вы, рабочие, поднявшиеся, расправившие свои спины, начинаете вести против угнетателей, против насильников — это священная гражданская война. Эту войну мы вели вчера и будем вести завтра и сегодня — мы выражаем ее взятием Казани!

Взятие Казани! Как оценить этот отрадный факт?

Внутренняя классовая борьба в Советской республике усложнилась и приняла формы затяжной и правильной войны, благодаря тому, что сопротивление русской буржуазии объединилось с военным вмешательством, нападением, вторжением иностранного империализма, в форме европейско-американского десанта и сети заговоров. Для начала, высадив небольшой десант двух-трех тысяч англичан и французов в Мурманске и Архангельске, налетчики-империалисты рассчитывали, что к ним сейчас же начнут приливать широкие народные массы. На сопротивление революции они совсем не рассчитывали, видя тяжелое положение русских рабочих. Но носитель революции, голодный пролетариат Москвы и Петрограда, сказал им: «Я ем сегодня восьмушку, а завтра и ее не будет, но я еще туже подтяну кушак и ясно скажу — власть я взял и этой власти не отдам никогда!» И когда империалисты встретили первый отпор после их неожиданного натиска на Архангельск, то во всей буржуазной прессе Англии и Франции поднялись голоса о том, что все предприятие на севере есть авантюра.

Между тем, английский уполномоченный Локкарт и французский генерал Лавери, находящиеся в Москве, подняли восстание в Ярославле, в Вологде, организовали заговор в Москве. Все было готово, оставалось только разрешить одну «мелочь»: что сделать с т. Лениным — отправить ли под конвоем в Архангельск, или расстрелять на месте. Ярославское и Московское восстание не только проходило по указке союзных империалистов и на их деньги, нет; они назначили и срок. И когда генерал Лавери призвал для этого к себе Савинкова и сказал ему: «нам нужен к такому-то числу мятеж на Волге», а Савинков заявил: «это опасное предприятие, — сейчас это преждевременно», то Лавери ответил ему приблизительно такими словами: «не мы ли вам все ваши организации создали», т. е. не я ли тебе заплатил? — Лавери как бы сказал: «осел ясли господина своего да знает, — Савинков приказы господина своего да знает». И, по прямой команде французского генерала Лаверна, Савинков организовал мятеж в Ярославле, который уничтожил часть города и стоил жизни многим рабочим. Он их там расстреливал не менее жестоко, чем здесь, в Казани. Пока совершались эти события, на подмогу явилось восстание чехо-словаков в Сибири, Челябинске, захват Самары, Симбирска. Не вышло в Вологде, не вышло в Ярославле, так вот со стороны Казани катится волна в сторону Нижнего и пытается соединиться с англо-французским фронтом. Вся буржуазная печать трубила уже победу этого маневра. Вот почему взятие

нами Казани означает не только освобождение одного рабочего города, — нет, взятие Казани обозначает крушение дьявольского плана, в котором участвуют представители американской, французской, японской бирж, в который вовлечена русская буржуазия, десятки, сотни тысяч конспираторов-заговорщиков белой кости; того плана, который имел своей задачей передать все узловые пункты нашей страны в распоряжение англо-франко-американо-японского империализма, т. е. поступить с Россией так, как поступали со всякой колонией. — И этот план со взятием Казани потерпел крушение! Борьба еще будет, и жестокая борьба, но надеяться на то, что произойдет соединение чехо-словаков и англо-французов уже не приходится! К тому же и природа оставляет для замыслов врага месяц, полтора месяца, никак не больше: начнут подмерзать наши северные моря, замерзнет и матушка-Волга, и окажутся они маленькими кучками, разбросанными по отдельным городам, без правильной связи друг с другом, изолированные и обреченные!

Для них взятие Казани — нож острый. За взятием Казани последует взятие Самары, Симбирска, Челябинска, Уфы, будут освобождены Екатеринбург, Оренбург, т. е. Волга, Урал и Сибирь вернутся в семью Советской России. Разумеется, это не значит, что все опасности прошли. Нет ничего более опасного для революционного класса, как предаваться успокоению на лаврах и считать, что достигнутые успехи обеспечивают полную победу. Не было бы чехо-словацкого мятежа, если бы мы после октября оставались с тем же напряжением мышц, с каким сражались против буржуазии во время октябрьской революции. Но несчастье рабочего класса в том, что он не доощенивает силу своих врагов. Сколько наших злейших врагов отпущено на свободу рабочими Петрограда и Москвы после первого восстания! Тот самый генерал Краснов, который теперь господствует на Дону, который там перестрелял, перевешал и перерезал тысячи, многие тысячи рабочих, он еще в октябре прошлого года в Петрограде был взят в плен и петроградскими рабочими по добродушию был отпущен. А все правые эс-эры, которые теперь являются министрами на Украине, министрами Сибирского правительства в Самаре, все эти Лебедевы, Фортунатовы и пр. — они тоже все побывали в руках рабочего класса. Эти руки их подержали, подержали и отпустили, без уважения, с презрением, но отпустили; теперь они организовали заговор против рабочих, расстреливают и вешают их. И теперь, когда рабочих обвиняют в жестокости и в ведении гражданской войны, мы говорим, на основании опыта: единственный порок был бы теперь непростителен для русского рабочего класса — это милосердие, мягкосердие по отношению к своим классовым врагам. Мы боремся во имя величайшего блага человечества, во имя возрождения всего рода человеческого, во имя его освобождения от гнета, от темноты, от рабства. И все, что стоит на пути, должно быть сметено. Мы не хотим междоусобицы, крови, ран! Мы готовы по-братски объединиться за общим котлом со всеми злейшими врагами; если казанская буржуазия вернется сегодня

в свои богатые хоромы, которые она трусливо покинула, и скажет: вот товарищи рабочие, — или помещики скажут: вот, товарищи крестьяне, в прошлые века и десятилетия наши отцы и деды и мы сами угнетали, грабили и насиловали ваших дедов и отцов и вас, а теперь мы предлагаем вам братскую руку, вместе будем работать общей артелью и все плоды труда по-братски делить, — то я думаю, что, в этом случае, от вашего имени я мог бы сказать: «господа помещики, господа буржуа, возвращайтесь свободно, для вас будет стол накрыт, как для всех друзей! Если не хотите гражданской войны, хотите жить по-братски, то пожалуйста... Но если вы хотите вновь управлять рабочим классом, вырвать у него заводы и фабрики, — если так, то мы покажем вам железный кулак, а ваши хоромы, которые вы покинули, отдадим казанским беднякам, труженикам и угнетенным».

В происходящей борьбе задача сознательных рабочих опуститься к их собратьям, сидящим в темноте (их еще не мало), опуститься и разъяснить им смысл того, что произошло, поднять их наверх, объяснить им, что борьба идет не между партиями, не за пустяки, а за то, будет ли жить рабочий, как полновластный хозяин русской земли, или будет распростерт, как труп, на который слетятся коршуны всемирного империализма, чтобы терзать его. Вы должны указать, что мы хотим, чтобы на русской земле была установлена Советская Рабоче-Крестьянская Республика, чтобы здесь властвовали трудящиеся и чтобы здесь невозможно было восстановление господства капиталистов, помещиков, землевладельцев. Это—простая мысль, которую в рабочем изложении должен понять каждый отставший рабочий и каждый крестьянин.

Как все, что делает русская революция, наши первые успехи против чехо-словаков сыграли огромную революционную роль во Франции и Англии: там началось наступление рабочих на империалистов, а среди империалистов этих стран начался раскол; часть их стала утверждать, что нужно прекратить это бессмысленное наступление, эту жалкую рискованную авантюру. Это было до взятия Казани.

Стало быть, можно не сомневаться, что весть о взятии ее внесет величайший раскол в среду буржуазных империалистов Англии, и они начнут бить отбой, увидав, что русская земля не плохо лежит, что каждый проходимец по большой дороге империалистического разбоя не может прикарманить русскую землю. Она сейчас рабоче-крестьянская земля, и защищает ее рабоче-крестьянская армия. Советская Россия даст решительный отпор империалистам; в Советскую Россию, как в осиное гнездо, не засунешь более грабительскую руку. Героическое взятие Казани — это предостережение всем империалистам! Но нужно, чтобы это предостережение не осталось изолированным, нужно, чтобы оно имело за собою твердое энергичное продолжение. Здесь, в Казанской губ., происходит мобилизация. Рабочие г. Казани первыми обязаны встать в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии. Мы должны создать такое общественное мнение, что тот,

кто теперь отвиливает, кто теперь укрывается от воинской повинности, есть изменник и предатель делу рабочего класса, и как в старое время стачек мы жестоко и сурово поступали с штрейкбрехерами, с теми, кто срывал стачки, подлаживался к капиталистам, так теперь мы будем поступать с тем рабочим, который не поддерживает рабоче-крестьянскую армию, а помогает контр-революции. Все честные советские граждане обязаны защищать страну!

Нас обвиняют в том, что мы плохие патриоты. Да, товарищи, пока во главе нашей страны стояли буржуа, помещики-бюрократы гнали серую скотину, русских солдат, проливать свою кровь за их интересы, до тех пор мы были плохими патриотами их барышей, их прибылей, ибо всегда были патриотами рабочего класса. Но теперь в нашей стране господствует рабочий класс и крестьянская беднота. Это ныне другая страна, на почве которой, пропитанной насилием, рабством, потом многих поколений, впервые во всемирной истории поднялся во весь рост рабочий класс и сказал: «я здесь хозяин и нет другого хозяина, кроме меня». И к этой России у нас есть самое пламенное чувство, и за нее мы все готовы свои головы сложить и кровь свою пролить до последней капли.

Грозная опасность помогает нам создавать крепкую армию не по дням, а по часам. Мобилизация, судя по последним сводкам, всюду проходит превосходно; получается масса телеграмм, в которых просят разрешения провести мобилизацию 2-х, 3-х, 4-х и более возрастов. Нельзя задерживаться на Казанском бивуаке, нужно итти дальше! Нас призывают в другие места, где господствуют белогвардейцы. И мы отсюда от общего имени революции провозгласим: «товарищи Симбирска, Самары и других городов! Мы помним о вас, ни минуты не задержимся, мы все готовы с объединенными усилиями двинуться на помощь, чтобы освободить нашу Советскую Россию от черного насилия буржуазной контр-революции, мы все готовы отдать свои головы за жизнь рабочего класса».

И, во имя этого, призываю, вас, товарищи, соединиться сейчас в одном кличе:

Да здравствует рабоче-крестьянская Советская Россия!

Да здравствует рабоче-крестьянская Красная Армия! Ура!

Приказ

ПредРВСР и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту от 13 сентября 1918 г.

В приказе № 33 мною оценена доблестная работа 5-й армии по взятию Казани. Но в геройческой борьбе под Казанью принимал участие также и отряд 2-й армии, наступавший с северо-востока под командой тов. Азина. Этот отряд до последних дней лишен был постоянной связи с пятой армией. Ныне из докладов и изо всех обстоятельств дела усматриваю, что отряд 2-й армии, преодолевая все трудности и лишения, боролся с подлинным революционным героизмом. Считаю долгом довести об этом до сведения Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета Сов. Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов.

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 14 сентября 1918 г., № 199.

Приказ

ПредРВСР и Наркомвоенмора по Красному Воздушному Флоту от 13 сентября 1918 г. № 37, г. Казань.

Солдаты Красной воздушной флотилии 5-й армии!

Вся Советская Республика была свидетельницей вашего несравненного героизма в исторических боях под Казанью. Вы сразу пригвоздили к земле предательских летчиков неприятеля. Вы изо дня в день терроризовали белогвардейскую Казань. Вы создали незаменимую разведку. Вы обеспечили связь 5-й армии с Арским отрядом 2-й. Вы бесстрашно преследовали врага, внося смятение и ужас в его ряды.

Честь вам и слава, красные витязи воздушного флота!

Приказ

ПредРВСР и Наркомвоенмора по Красному Флоту от 13 сентября 1918 г. № 38

Моряки Волжской военной флотилии! под Казанью ваша флотилия покрыла себя славой. Все суда соревновались в героизме и преданности рабочему классу. Славные моряки показали, что они остаются тем, чем были: красой и гордостью революции.

Приказываю нынешние названия ваших кораблей, унаследованные от царской и буржуазно-купеческой эпохи, заменить новыми именами, достойными революции и ваших подвигов.

Братский вам привет, товарищи моряки. Вперед! Задушите гадину!

Опубликован в «Изв. ВЦИК», 17 сентября 1918 г., № 201.

Обращение к чехо-словакам.

Солдаты чехо-словаки, рабочие и крестьяне! Вам обещали английскую, французскую, американскую и японскую помощь, но вас обманули. Английским и японским буржуям нужна ваша кровь, чтобы покорить себе русский трудящийся народ и выжимать из него золото. Русские белогвардейские офицеры прячутся за ваши спины и заставляют вас умирать за дело буржуазии.

Вы видите теперь силу нашей Красной Армии. Нами взята Казань, взят Симбирск, завтра падут Екатеринбург, Самара и все другие города, временно захваченные буржуазией при помощи вашей крови.

Вы погибнете все за интересы богачей, банкиров и королей. Вас обманывают. Протрите глаза: русские рабочие и крестьяне борются за свою свободу и власть против русской и иностранной буржуазии. Не становитесь на нашем пути!

Торжественно, перед лицом рабочего класса всех стран, объявляю вам: «всякий чехо-словацкий солдат, который добровольно сдаст оружие, будет помилован и получит возможность жить в России наравне со всеми трудящимися гражданами Советской Республики».

Солдаты чехо-словаки! Вспомните, что вы сами в большинстве — рабочие и крестьяне. Арестовывайте ваших контр-революционных офицеров, объединяйтесь с рабочими и крестьянами Советской России, и в этом ваше спасение!

13 сентября 1918 г.

О громилах, захвативших в Казани часть золотого запаса Российской Советской Республики.

В Казани белогвардейцами и чехо-словаками захвачена была часть золота, составляющего народную собственность Российской Советской Республики. Захват золота был произведен по приказанию французских, английских, японских и американских капиталистов. Русский народ после Октябрьской Революции отказался платить заграничным ростовщикам по займам, заключенным царями. Чтобы вырвать у русских рабочих и крестьян свои барыши, иностранные хищники руками наемных чехо-словаков и белогвардейцев захватили часть золота, составляющего достояние русского народа. Теперь грабители стремятся вывезти захваченное золото через Сибирь в Японию и Америку или через Архангельск—во Францию и Англию.

Этому нужно воспрепятствовать во что бы то ни стало.

Золото, украденное у русского народа, должно быть в неприкосновенности возвращено русскому народу.

Охрана этого золота в области чехо-словацкого и белогвардейского мятежа возлагается на всех честных рабочих и крестьян.

Они должны воспрепятствовать его вывозу и расхищению.

Заговорщики, у которых давно уже не хватает кредитных билетов, могут сделать попытку расплачиваться золотом.

Всякий, кто станет принимать золото в уплату за труд или продукты, будет считаться соучастником грабежа.

Сознательным рабочим, крестьянам и всем вообще честным гражданам в местностях, временно захваченных мятежниками, вменяется в обязанность установить тайный надзор над всеми теми преступниками, которые содействуют сейчас перевозке, сокрытию или расхищению золота.

После очищения Волги, Урала и Сибири от белогвардейцев и чехо-словаков, все виновные в расхищении золотого запаса будут установлены. Имущество их будет конфисковано, и сами они подвергнутся тягчайшим карам, вплоть до расстрела.

«Изв. ВЦИК», 14 сентября 1918 г., № 199.

По поводу победы.

Что сказать по поводу победы? Победы не требуют комментариев; они говорят сами за себя. Многие думают, что они явились неожиданностью. Это не так. Вскоре по выезде на восточный фронт я телеграфировал тов. *Ленину*, что наши части будут превосходно сражаться и побеждать, если обеспечить им минимальную организацию и компетентное командование. На опыте 5-й армии я мог следить изо дня в день, как сплачивались, крепли молодые свеже-сколоченные части. Коммунисты составляли, в подлинном смысле слова, душу каждой роты, каждого полка. Отдельные отряды коммунистов подавали пример несравненного самоотвержения. В первые дни на фронте 5-й армии я слышал жалобы на Брянский полк, который отступил без основания. Во все время дальнейших боев Брянский полк был одним из наиболее героических, и командующий говорил о нем с неподдельным восторгом. Как только наши части почувствовали связь друг с другом, каждая часть приобрела уверенность в том, что ни справа, ни слева от нее отступления не будет, что командование преследует определенный целесообразный план, — все подлинные качества революционной армии, энтузиазм, порыв, героизм проявились наружу в полном своем объеме. На наковальне войны мы сейчас выковываем армию первоклассного качества. Можно сказать, что, если бы чехо-словаков не было, то их следовало бы выдумать, ибо в обстановке мирного времени нам никогда не удалось бы создать в короткий срок сплоченной, дисциплинированной геройской армии. А теперь эта армия складывается на наших глазах. Нам необходимы пополнения; эти пополнения нам должны посылаться из тех же мест, откуда посланы основные части, так чтобы тульский рабочий и крестьянин вливались в свой Тульский полк, владимирцы во Владимирский и т. д. Пополнение, как и формирование, будет у нас идти непосредственно под неприятельским огнем. Так выходит крепче. В этой лихорадочной работе формирования, совершаемого в самом огне борьбы, выдвигаются и будут выдвигаться все больше и больше способные и энергичные солдаты, и ими мы будем замещать командные должности. Порыв революционных рабочих — солдат, их воинская доблесть увлекают многих старых офицеров и в их лице мы приобретаем вполне надежный, кровно связанный с Красной Армией командный персонал. После невероятных трудов, лишений и потерь красноармейские части вступили в Казань в полном порядке. Там белогвардейцы пугали население резней, поголовным истреблением и проч. На самом деле, приход красноармейцев

означал установление в городе режима суровой дисциплины и изгнание пьянства и мародерства. На колоссальных митингах в городском театре, на площади перед театром пролетарские массы казанского населения с бурным революционным энтузиазмом приветствовали восстановление у себя Советской власти и обещали поддержать Красную Армию, пополнив ее новыми казанскими полками. Взятие Симбирска также не явилось неожиданностью. Командующий первой армией, тов. Тухачевский, обещал взять Симбирск не позже 12 сентября. Он честно выполнил свое обязательство. О взятии города он известил меня телеграммой: «Приказание выполнено. Симбирск взят».

Вернейший способ развить, довершить победу состоит в том, чтобы не ослаблять натиска на врага. Для этого необходимы пополнения изнутри страны, а для этого, в свою очередь, необходима широкая и напряженная агитация среди рабочих масс и крестьянской бедноты. В самых глухих захолустьях Советской России труженики должны понять, что эта война — их война, и что от исхода ее зависит судьба трудящихся масс России и, в значительной мере, всего мира.

Сентябрь 1918 г.

Приказ

ПредРВСР и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту от 3 ноября 1918 г. № 56, г. Царицын.

В числе сражающихся против нас контр-революционных войск имеются чехо-словацкие части. Они состоят в своем большинстве из обманутых чешских рабочих и крестьян, которые надеялись на то, что англо-французские империалисты обеспечат независимость их родины—Богемии. В настоящее время независимость Богемии провозглашена в самой Австрии, благодаря развивающейся там революции.

Через Народного Комиссара по Иностранным Делам я возбудил вопрос о том, чтобы обеспечить всем чехам, которые этого пожелают, возможность возвратиться на родину, переживающую теперь период революционного подъема. Народный Комиссар по Иностранным Делам известил в свою очередь чешское правительство, что Советская власть, несмотря на весь успех нашего оружия на Волге и на Урале, ни к чему так горячо не стремится, как к окончанию кровопролития, и поэтому готова предоставить чехо-словакам без оружия при полной гарантии их безопасности проследовать через Россию на свою освобожденную родину. Советское правительство предложило правительству Богемии переговоры для определения всех условий возвращения чехо-словаков на родину.

Приказываю Революционным Военным Советам всех армий Восточного фронта принять меры к тому, чтобы довести до сведения чехо-словаков об этих наших шагах, а также о великих переменах, происходящих ныне в Австро-Венгрии. Строжайше приказываю щадить чехо-словаков, сдающихся в плен. За расстрел пленных чехо-словаков виновные будут подлежать самой суровой ответственности.

Настал момент, когда обманутые и проданные английским, французским и русским империалистам чехо-словаки должны понять, что их спасение в союзе с Российской Советской Властью, которая одна только может облегчить им возвращение на их родину.

Приказ

ПредРВСР и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту от 15 ноября 1918 г. № 60, г. Москва.

По поводу моего приказа, касающегося обманутых чехо-словаков, которые ныне сражаются против Советских войск, мною получено заявление от сербов, находящихся в России и также в значительной своей части вовлеченных империалистами в борьбу против Рабочей и Крестьянской власти. В ответ на поставленные мне вопросы заявляю, что приказ о чехо-словаках относится целиком также к сербам, полякам и солдатам других национальностей, навербованным англо-французскими, японскими империалистическими агентами.

Строжайше приказываю Революционным Военным Советам фронтов следить за тем, чтобы рядовые солдаты, попадающие к нам в плен или добровольно сдающиеся, не подвергались расстрелам или каким-либо другим карам; принять меры к широкому оповещению сербских солдат о развивающейся на Балканах революции, о создании в Сербии Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, а равно о том, что Советская власть в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике готова, с своей стороны, облегчить солдатам сербской национальности беспрепятственное возвращение на родину под условием немедленного сложения оружия.

IV.

МЯТЕЖ ЛЕВЫХ ЭС-ЭРОВ 6—8 ИЮЛЯ 1918 г. В МОСКВЕ.

Перед мятежом *).

I

Я позволил себе ходатайствовать перед Президиумом, а теперь и перед вами, о том, чтобы мне из вашего столь ценного времени было уделено несколько минут для внесения предложения, которое не было предусмотрено порядком дня, но которое вызывается сейчас самой жизнью.

На отдельных частях нашей прифронтовой полосы наблюдаются тревожные явления, значения которых я отнюдь не хочу преувеличивать, но которые, тем не менее, имеют принципиальный смысл. И если мы к ним отнеслись безучастно, они могли бы разрастись в такие факты, которые угрожали бы той политике, какую вы хотели и, думаю, хотите вести.

На Курской части украинского фронта, в зоне демаркационной линии с немцами, наблюдались несколько недель тому назад тревожные симптомы того, что какие-то элементы ведут агитацию среди отдельных частей нашей армии, призывая ее, независимо от команды и директив центральной Советской власти, переходить в наступление.

Я, товарищи, здесь, конечно, не намерен и не имею права поднимать вопроса о том, какая политика — война или мир — правильна или неправильна, — этому вопросу у нас посвящен специальный пункт порядка дня, — но, во всяком случае, я не сомневаюсь, что в этом зале нет ни одного делегата и даже ни одного посетителя-гостя, если это не тайно пробравшийся сюда наш враг, который мог бы думать, что вопрос о войне и мире, о наступлении и перемирии может решаться отдельными частями и отрядами Красной Армии.

Я получил телеграмму от нашего курского военного комиссара Кривошеина и, в скобках, здесь же скажу, хотя этот вопрос для меня, как для Комиссара по военным делам, совершенно безразличен,—что товарищ Кривошеин, один из наших лучших и энергичных комиссаров, принадлежит к партии левых эс-эров,—который сообщает, что, благодаря «провокации,

---

*) Внеочередное предложение, сделанное мною на 5 Съезде Советов Раб. Кр. Каз. и Кр. Депут. 4/VII 1918 г. [90]

Настоящий текст представляет стенограмму этого предложения. *Л. Т.*

о которой я доносил, в настоящее время некоторые части потребовали наступления. Н-ский полк вынес резолюцию: в наступление не итти без приказания центральных властей». Он же докладывал 15-го числа телеграммой, которую я только что цитировал, о том, как пятая рота 3-го полка перешла в наступление. Это было вызвано, говорит он, причинами разного порядка.

Далее, на-днях, третьего дня, в том же районе, в Льгове убит комиссар Быч и ранен начальник бригады Слувис,—опять замечу в скобках, что Слувис принадлежит к фракции левых эс-эров, причем Кривошеин, которого я назвал уже, докладывал, что при этом, по его соображениям, по тем данным, которые у него имеются, отдельные темные элементы натравливали части к прямому переходу в наступление, минуя распоряжения центральной и даже местной Советской власти. Он говорит, что это убийство — дело рук той же руководящей группы, которая производит демагогическую агитацию.

Такого же рода сообщения получаются и из других мест. Я должен только добавить еще, что я отправил на Курск и Льгов комиссию для расследования дела, и что эта комиссия была обстреляна той же самой бандой, двое товарищей ранено.

Из Невеля один из наших комиссаров сообщает о том, что и там ведется бесчестная демагогическая агитация, смысл которой сводится к тому, что Советская власть предает украинских братьев. Там рассказывают гнусные легенды о том, что мы скупаем все ткани и передаем их немцам, что мы посылаем в Германию хлеб, и т. д., — словом, те легенды развратной и бесчестной буржуазной демагогии, которая вам всем прекрасно известна.

Я вполне понимаю, что отдельные темные крестьяне могут быть сбиты с толку такого рода легендами, и когда я говорю, я имею в виду не их, а тех лиц, которые стремятся вовлечь отдельные части в борьбу, помимо воли Всероссийского Съезда Советов. Кроме того, мне было сообщено из Жалобовки, что там, на пропускном пункте, несколько человек осмелились грозить бомбой председателю нашей мирной делегации т. Раковскому. Они, к сожалению, еще не задержаны и не расстреляны.

Вы понимаете, товарищи, что с такого рода вещами шутить нельзя, что я, как лицо ответственное в настоящий момент за поведение красноармейских частей (Камков: «Керенский!» Крики: «долой закричавшего!»)... Керенский! Керенский оберегал волю буржуазных классов, я же здесь отвечаю перед вами, представителями русских рабочих и крестьян, и если здесь вы вынесете мне порицание и примете другое решение,—решение, с которым я могу соглашаться или нет,—то я, как солдат революции, ему подчинюсь и буду его выполнять.

Прошлый IV Всероссийский Съезд Советов [91] (принявший политику мира с Германией) и избранные им ЦИК и Сов. Нар. Ком. проводили определенную политику, которая выражала, верную или неверную — это особый вопрос, точку зрения той партии, которая представляет волю подавляющего большинства классов, не эксплоатирующих чужого труда. Я являюсь обязанным вести ту часть этой политики, которая проходит через военное ведомство, и когда мне говорят, что отдельные части Красной Армии уби-

вают, как это было, например, комиссара Быча, или ранят командира бригады, левого эс-эра Слувиса, и комиссар Кривошеин доносит, что банды спаивают войска, а когда мы посылаем 5—6 человек для расследования, их обстреливают,—то я не знаю, будем ли мы рекомендовать политику снисходительности или же мы поспешим беспощадно призвать, кого следует, к порядку.

Я думаю, товарищи, если вы спросите меня, кто эти темные агитаторы, я этого точно сказать не смогу, но если вы спросите: «нет ли там правых с.-р., которые толкают нас этим путем к войне», я скажу: «наверное есть». Если спросите меня: «нет ли между этими делегатами представителей той партии, которая не удовлетворяется даже брестским миром и хочет провоцировать нас к войне, чтобы были взяты Москва и Петроград?», я скажу: «наверное, есть». Если вы спросите меня: «нет ли там агентов англо-французской биржи, которые учинили десант на Белом море?», я скажу: «наверное, есть». И они все работают в дружном единении путем провокаций, лжи и подкупа и навязывают нам то решение, которое только вы, вашей свободной волей, вашим голосованием можете принять или не принять.

Чтобы положить предел явлениям, о которых я сообщал, мною вчера отдан следующий телеграфный приказ, санкцию которого я хочу просить у вас:

«Две партии хотят немедленно вовлечь Россию в войну с Германией. Первая — это крайние немецкие захватчики и насильники, которые не удовлетворены даже Брест-Литовским миром и стремятся нас провоцировать, чтобы захватить Москву и Петроград. Другая партия — это англо-французские империалисты, которые хотят снова вовлечь Россию в империалистическую бойню.

Среди красноармейцев работают наемные агитаторы наших врагов, которые стремятся вовлечь нас в войну.

Приказываю: всех агитаторов, которые после объявления настоящего приказа будут призывать к неподчинению Советской власти, арестовывать и препровождать в Москву на суд Чрезвычайного Трибунала. Всех агентов иностранного империализма, которые будут призывать к наступлению и оказывать сопротивление Советским властям с оружием в руках, расстреливать на месте.

Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов сегодня открывается в Москве. Я доложу ему о работе негодяев и наемных агентов германской и англо-французской буржуазии. Я предложу Съезду беспощадную расправу с провокаторами, хулиганами и шкурниками. Горе тому, кто ослушается воли Всероссийского Съезда Советов!

Да здравствует революционная дисциплина! Да здравствует честная рабоче-крестьянская армия!»

Испрашивая санкцию на этот приказ, я прошу вас со всей серьезностью уделить несколько минут тому большому вопросу, который в приказе предлагается вашему вниманию. Война есть серьезная и большая вещь, как и революция, а мы приняли на себя серьезное обязательство довести начатое дело до конца.

Если мы решили воевать, мы должны сказать открыто, что мы воюем, и притом точно указать, на каком фронте и с какого часа мы воюем.

Если мы по-прежнему поддерживаем политику, которая была одобрена на прошлом Съезде, то мы должны заставить уполномоченных нами лиц эту политику проводить со всею решимостью и категоричностью. В любой момент вы можете ее изменить из соображений того или иного характера, в зависимости от той или иной международной ситуации, но, пока она неизменна, вы не позволите агитаторам, у которых в карманах бренчат империалистские червонцы, натравливать вас друг на друга и говорить: «Советская власть предает Украину и Литву». Вы не позволите им бросать тысячи или сотни солдат в наступление на отдельных частях фронта. Пусть собрание представителей всех Российских Советов скажет нам: «мы поставили вас на ответственный пост, вменили вам определенную политику и вы имеете право против провокации и предательства, ее срывающих, применять не только орудия агитации, но и самые суровые революционные репрессии» [92].

II

Здесь вкралось несколько явных недоразумений, которые определяются недостаточно критическим отношением известной части Съезда к тому, что здесь говорится и читается.

Здесь говорилось, будто бы вам предлагается подмахнуть предлагаемую Троцким резолюцию. Я никакой резолюции не оглашал, я огласил приказ, который, как оказалось, несколько шокировал некоторых лиц со стороны стиля. Я сам, товарищи, вовсе не являюсь любителем военного стиля, как такового, и привык в жизни и литературе применять стиль публициста, который я более всего предпочитаю. Но каждая деятельность имеет свои последствия, в том числе и стилистические, и в качестве Народного Комиссара по военным делам, который запрещает хулиганью расстреливать наших представителей, я являюсь не публицистом и не могу выражаться в том лирическом тоне, которым говорила т. Спиридонова.

Прежде всего, позволю себе отвести некоторые запоздалые политические братания левых эс-эров, на которые в своих речах они нам указывали, расписывая, как они с нами-де братались в разные эпохи. Что касается нас, то мы помним, что в тот период, когда при правительстве Керенского мы в тюрьмах братались с уголовными, та партия, от которой здесь выступала Спиридонова, принимала участие в фирме Керенского. Это было в июне прошлого года, когда мы при каждом свидании с левыми эс-эрами спрашивали их — дело шло тогда не о международной политике, где все зависит от обстоятельств, навязываемых извне, — «когда же у вас проявится революционная честь и совесть и вы порвете с правительством Керенского?» И в октябре, когда мы восстали против Керенского, — я должен это напомнить, чтобы не было новых ретроспективных братаний, — все левые с.-р. заявили, что они этого восстания поддерживать не будут.

Камков тем более может улыбаться, потому, что он это говорил вместе с Натансоном и Шрейдером.

Я с полным спокойствием могу говорить об этом, но не на том языке смеси лирики с подзаборной литературой, на котором говорят все представители этого фланга: по отношению к дипломатической ложе, или к нам, или к вам, этого я делать не собираюсь. Но те, кто проделал октябрьскую революцию, не в ввгусте или в июле этого года, а в октябре прошлого, как она и была, те знают, что левые с.-р. оставили работу в революционном комитете и взяли оттуда всех своих работников кроме тех, которые остались там самостоятельно. Точно так же, когда мы однажды пошли навстречу их призыву создать общую власть, они ответили: «мы войдем в правительство только в том случае, если войдут меньшевики и правые с.-р.» Да, вот так и ответили. Правда мы были склонны в известный период этой партии многое прощать и забывать. Мы говорили: «это партия молодая, чтобы не сказать зеленая; нельзя от иее требовать последовательности действий и большой логики в мыслях». Но если теперь нам говорят, что эта партия является передовым отрядом пролетариата и крестьянства и даже всего Интернационала, тогда как мы, коммунисты-де, переходим на позицию Керенского, то я все-таки позволю себе сказать, что передовой пролетариат группируется вокруг Петрограда и Москвы, ио во всяком случае не в Тамбове, где уездный съезд левых с.-р. постановил, против нашей фракции, раздать населению водку. Я, товарищи, не обвиняю всей пвртии левых с.-р., ибо я глубоко убежден в том, что никакая партия ие может отвечать за то, что в том или другом уголке ее периферии могут совершаться подобные поступки, но я хотел этим сказать, что левые эс-эры оказываются в большинстве не в Петрограде, и не в Москве, в в уездах Тамбовской губернии или во Льгове, где действуют банды, и левые эс-эры только что выразили свою солидарность со льговскими бандами, назвав их уголовную работу революционным возмущением против германского империализма.

Потом вспомните, что говорил здесь т. Зиновьев. Сколько в Петрограде левых эс-эров, способных своим авторитетом поддерживать те банды, о которых я сообщал? И когда левые эс-эры хотят бандитскую работу, между прочим, объяснить, квк революционное настроение красноармейских частей, мы этому не поверим. Наши красноврмейские части, которые, худо или хорошо, мы формировали (а если они слабы, то, значит, слабы мы сами, сделайте их сильнее!...) — хотят честно оборонять Советскую Республику. Это дисциплипированные полки и они никогдв не пойдут на то, чтобы в количестве 20-ти человек выйти за демаркациоиную линию и зарезать 2 — 3 случайно попавшихся немецких солдат. Так поступают только темные и недисциплинированные элементы, — о них и идет речь. И заранее сквжу по поводу того, что здесь говорил представитель Латвии, — а пускай назовут другие войсковые части, которые были бы так дисциплинированы, так тверды и так самоотверженны, как наши латышские

части, я скажу, если на фронтах, где мы примыкаем к Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, случится конфликт, который затем будет стоить нам крови наших собственных солдат или крестьян и никакого политического результата не даст, то значит, там участвовали кто угодно, но там не было латышских большевиков, потому что это организованные части, которые стоят под знаком твердой революционной дисциплины.

Левые эс-эры говорят, что курские и льговские эпизоды — не бандитизм, а здоровое течение.

В чем истинное здоровье? В том, что революционер говорит: «я негодую, возмущен, но я сегодня подчиняюсь общей обстановке и приказаниям той власти, которую я создал. И я подчиняюсь, как дисциплинированный солдат». Неужели это проявление революционного здоровья состоит в том, что 20 человек, послушавшись темных агитаторов, или, быть может, неврастеника или, быть может, истерички, бросаются за демаркационную черту, увидевши, что там меньше немецких солдат, чем их? Нет. Это есть со стороны левых эс-эров постыднейший импрессионизм в политике, а со стороны этих банд — уголовщина, авантюра.

Мы находимся теперь в более трудных условиях, чем 10—15 лет назад, когда нами в борьбе против царизма рассматривался вопрос о тактике индивидуального террора и массовой революционной организации, и когда даже в то время мы были за массовую работу, а эс-эры — за импрессионистский террор, и мы видели, как эти сторонники крикливых партизанских вспышек пошли, в большинстве своем, в лагерь буржуазии.

15 лет назад мы отстаивали организованность действий, противопоставляя массовую организацию индивидуальному террору, и эту организованность мы отстаиваем и теперь, в виде регулярной армии пролетарской и крестьянской массы, противопоставляемой партизанщине, имеющей много общего с террором. И мы говорим, как в свое время по адресу террора, что партизанские движения дезорганизуют нашу армию, убивают в конец ее дисциплину.

Некоторые участники Съезда осмеливаются говорить, будто угроза Советской власти для этих отрядов, находящихся в жалком меньшинстве, ничего не означает и никого из них не пугает. Если это так, то почему, однако, мы видели, как целая партия, защищающая эти отряды, без достаточных оснований сочла нужным нести сюда, в этот зал, свой испуг и сказать: «мы знаем, вы хотите нас расстрелять; дайте нам последнее слово, выслушайте нас».

Нет, вопрос так трагически не стоит, левые эс-эры, которые серьезно и честно работают над делом создания армии, — а есть и такие — первыми сообщают мне по прямому проводу о всех эксцессах, о всякого рода хулиганстве. Я повторяю: Кривошеин в Курске, левый эс-эр, губернский комиссар, — прекрасный комиссар. В Курске есть еще такие же товарищи, и они эти партизанские элементы сами третируют, как темные, развращенные, как такие, которые проходят демаркационную черту, и, при виде немецкой каски, если она помножена на 10 или 20, бегут, в то время как

твердые части, сознательные, например, латышские части, в которых есть партийный дух и крепкая дисциплина, не зарываются и не нападают без смысла, но и не бегут при виде первой немецкой или иной каски. И мы хотим именно такую армию создать, т. е. элементы дезорганизованные, деморализованные, неврастеников, истеричек из армии искоренить, и водворить твердую дисциплину, которая состоит в том, чтобы держаться выдержанно и сознательно, в самых худших, тяжких условиях, когда нет ничего легче как заниматься дешевой демагогией о том, что вот-де на Украине наших братьев режут и т. д. Вообще, зачем об этом говорить, как здесь, на Всероссийском Съезде Советов, где 99 сотых партийных людей, деятелей старого партийного закала, ощущается нужда в базарной демагогии? Здесь мы собрались не для этого, а чтобы решить, как нам стать крепкими, как нам стать твердыми, как нам стать сильными. И когда нам говорят, что нужно поклоняться действиям, выражающимся в том, что группа хулиганов грозит бомбой т. Раковскому, причем это делают те самые деморализованные элементы, которые у всех проезжающих немцев, да и у наших тоже, отрезают чемоданы, то мы отвечаем: «здесь этому не место!» Так может говорить только сбившаяся с пути группа, а деморализованные отряды мы обязаны расформировать.

Там, на границах, могут держаться только твердые части. И вы скажете, что они обязаны твердо держаться на том посту, на котором вы их поставили, что они не смеют на горячей почве границы сами решать вопрос о войне и мире. Я от вас не требую и не имею права требовать, чтобы вы хотели мира, а не войны, я не об этом говорил, товарищи, и напрасно левыми эс-эрами весь вопрос передвинут в другую плоскость, я говорил о том, что мы должны заявить всем частям армии, рабочему классу, крестьянству, всем партиям, всем группам, имеющим отношение к Советам и не имеющим к ним отношения, что решать вопрос о войне и мире можете вы, и никто, кроме вас.

И грубые нарушения этого незыблемого условия Советской власти левые эс-эры одобряют, они аплодируют с трибуны Всероссийского съезда тем частям, среди которых негодные элементы, кучки бандитов противопоставляют себя суверенному органу всей страны, они осмеливаются говорить, что это — симптомы здорового действия. По этому поводу вы должны высказаться и высказаться решительно, без неясностей и недоговоренностей. Здесь, по существу, нужно решить вопрос не о частях под Курском или под Льговом.

В ЦИК, на старых съездах советов, мы говорили меньшевикам и эс-эрам: возьмите в свои руки власть, и вы создадите такую власть, которая будет переходить из рук в руки безболезненно. Но Советы тогда не были орудием, не были органом власти, а были аппаратом прислужников тем силам, которые имели власть и стояли над Советами. Мы говорили, что не можем примириться с участью быть прислужническим аппаратом. Теперь Советы — орган власти. На Съезде Советов вы будете разбирать

и принимать конституцию, которая опирается на рабочих и беднейшее крестьянство, выражая и правовые взаимоотношения их соотношением сил в революции. И если левые эс-эры нам говорят по поводу происшедшего военного эпизода, что они не хотят советскую работу вести в рамках Всероссийского Съезда Советов, что в этих рамках нет легального русла для борьбы, то этому не бывать! Независимо от того, как решается вопрос о войне и мире, независимо от этого каждая партия, каждый красногвардеец, каждый из вас, несогласный с Брест-Литовским миром, может подготовиться к новому Всероссийскому Съезду Советов. Но если другие партии претендуют на то, что ваше решение будет срываться путем «прямых действий», если они захотят проявить это на фронте, — права на это мы им не дадим! Не для того мы брали власть, чтобы отдельные группы неврастеников и интеллигентов срывали волю рабоче-крестьянских масс страны.

В данный момент не решается соотношение голосов, высказывающихся в ту или иную сторону. Тут ставится вопрос: за Советскую власть или против нее, за «прямое действие» или подчинение? И пусть при этом не ссылаются на число голосов. Какое имеет отношение проверка мандатной комиссии к этому вопросу?

Мы обязаны вопрос, сегодня поставленный, не случайно, а серьезно, решить с сознанием полноты ответственности перед всей страной. Мы обязаны дать ясный ответ на то: даете ли вы каждой красноармейской части по-своему решать советскую политику, когда эта часть, начитавшись статей Спиридоновой и других, пытается вступать в бой?

Вы знаете, что движутся англо-французские отряды вместе с правыми эс-эрами, меньшевиками, для того именно, чтобы, помимо Советов, сражаться против немцев. И если одни отряды, — увы, пьяные отряды, — устраивают пограничные бесчинства, если другие высаживают десант, — высаживают потому, что у нас нет броненосцев, — если чехо-словаки поднимают восстание, и ими руководят правые эс-эры, если произносят патетические речи об Украине, с наступательными призывами, — то все это, независимо от различия формы и лозунгов, по своим общим конечным целям и задачам устремляется в одну точку: сорвать мир.

Я говорил о том, как я понимаю вопрос о мире и войне. Но если Съезд Советов скажет, что нужно воевать, то мы, большевики, можем умирать не хуже, чем эс-эры.

На этот вопрос, на который вы обязаны ответить, вы и ответите завтра или после завтра, после обсуждения всего положения в полном объеме. Сегодня вы отвечаете на другой вопрос, который гораздо важнее, чем порядок сомнительных, подмоченных мандатов, — партийная кухня — это сложный аппарат: там бывает неряшливая стряпня, — вопрос, заключающийся в том: имею ли я право сказать частям армии, что Всероссийский Съезд — это суверенный орган Республики?

И если товарищи скажут, что это так, то этим они же скажут: «здесь будет решаться вопрос о нашей международной политике, и всякая попытка

изнасиловать волю Всероссийского Съезда путем отдельных вспышек на фронте есть жалкая, постыдная и бесчестная провокация».

Вместе с тем, вы скажете, что Народный Комиссар по военным делам до тех пор, пока он не заменен другим, обязан вашу волю выполнять, обязан тем самым военную провокацию, идущую против наших постановлений, подавлять.

Мне говорят о расстрелах. Вспоминали Керенского! Да, разумеется, товарищи, стреляет класс, который проявляет свое господство. Но Керенский стрелял в народные массы, чтобы поддерживать английский империализм. Мы же отстаиваем независимость Российской Советской Республики от всех империализмов; мы не пойдем с Германией против Франции и Англии; точно так же, как не пойдем с Англией и Францией против Германии. Мы хотим стать сильнее, дисциплинированнее и организованнее, как Советская Республика. И в целях этого вы, как суверенный орган, обязаны сказать всем мелким и крупным группам, которые этому будут мешать мелким подталкиванием к войне: «Руки прочь, здесь говорит суверенный орган Советской Республики, он решает: мир или война, и никто, кроме него!» [93]

Резолюция, вынесенная 5-м съездом советов по вопросу о войне и мире, поднятому тов. Троцким.

«5-й Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, заслушав внеочередное сообщение Народного Комиссара по военным и морским делам, постановил:

Решение вопросов о войне и мире принадлежит только Всероссийскому съезду советов в установленным им органам центральной Советской власти: Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров.

Никакая группа населения не смеет, помимо всероссийской Советской власти, брать на себя решения вопроса о перемирии и наступлении. Все части Красной Армии обязаны в этих вопросах строжайшим образом подчиняться распоряжениям центральной Советской власти и поставленных ею комиссаров и командиров.

Всероссийский съезд советов предупреждает всех рабочих и крестьян, всех солдат Красной Армии против работы наемных провокаторов — агентов иностранного империализма, которые стремятся с разных сторон, путем насилия, лжи, провокации и обмана, вовлечь Советскую республику в империалистическую бойню.

Всероссийский съезд советов вменяет Народному Комиссару по военным делам в обязанность через подчиненные ему органы очистить все красноармейские части от провокаторов и наемников империализма, не останавливаясь перед самыми решительными мерами.

Всероссийский съезд советов вменяет в обязанность всем советам прифронтовой полосы тщательно следить за теми темными личностями, которые, прикрываясь иногда разными партийными кличками, выезжают на украинский фронт для агитации в пользу немедленного наступления. Такие агитаторы должны арестовываться и караться по законам военного времени.

Всероссийский съезд советов вменяет своему президиуму в обязанность немедленно направить в Курск — Льгов чрезвычайную комиссию с неограниченными полномочиями для подавления провокации и установления твердого революционного порядка.

Благо советской республики есть высший закон. Кто этому закону противится, тот должен быть стерт с лица земли».

Убийство графа Мирбаха.

Приказ
Народного Комиссара по Военным Делам.

Неизвестными лицами брошена бомба в германское посольство. Посол Мирбах, как сообщают, тяжело ранен [94]. Явной целью является стремление вовлечь Россию в войну с Германией. Эту цель преследуют, как известно, все контр-революционные элементы, — белогвардейцы, правые с.-р. и их союзники.

В виду вчерашнего решения Всероссийского съезда, одобрившего внешнюю политику Совета Народных Комиссаров, контр-революционные заговорщики решили сорвать решение съезда.

Брошенная ими бомба направлена не столько по германскому посольству, сколько по Советской власти. Предписываю следственным органам Военного Комиссариата принять меры против контр-революционных заговорщиков, как и их исполнителей покушения.

О ходе розыска доложить непосредственно мне.

«Изв. ВЦИК», № 140, 7 июля 1918 г.

Мятеж.

Доклад на 5 Всероссийском Съезде Советов Р., С., К., Кр., Депутатов 9 июля 1918 г., на другой день после подавления происходившего 6—8 июля мятежа л. с.-р.

I

Товарищи, в заседании 5-го Всероссийского Съезда Советов произошел непредвиденный перерыв, который был обусловлен последними событиями в Москве, эхо которых еще не заглохло окончательно. Я сказал: **непредвиденными** событиями, хотя, в известной мере, симптомы их были налицо уже накануне этого Съезда. Если вы помните, — а вы, разумеется, это помните,—первый политический вопрос, которым был открыт настоящий Съезд, касался именно провокации отдельных групп и лиц в области наших международных отношений. 5-й Съезд вынес первой резолюцию, сурово осуждающую те группы, которые считают возможным за спиной Советской власти, в данный момент — за спиной Всероссийского Съезда Советов, решать политические вопросы по собственному разумению и, в частности, пытаться решать, и при том практически, вопрос о том, с кем сегодня Российская Республика должна быть в мире, с кем воевать. Тогда, когда голосовали этот вопрос, фракция левых с.-р. удалилась из зала заседания, и это удаление было уже, само по себе, глубоко симптоматичным. Оно означало, что, при решении главного, наиболее острого вопроса в области внешней политики, от разрешения которого в ту или иную сторону зависят судьбы жителей Российской Республики и судьба всей революции, партия с.-р., так-называемая левая, считает вынужденным выходить, как бы вычеркивая себя из советского списка. Это первое предостережение тогда не было учтено полностью.

6 июля, в 3 часа дня, и около того, этот политический ребус, эта политическая полузагадка нашли свое более ясное и отчетливое выражение в провокационном убийстве германского посла гр. Мирбаха. Это убийство явилось бессмысленным и бесчестным насилием над той политикой, которую проводит Всероссийская Советская власть. Самое убийство было совершено путем использования аппарата Советской власти. Мы имели акт, не похожий на старые террористические акты лучших борцов партии с.-р. Вы знаете все, что мы в прошлом относились к террору отрицательно. Но в то же время мы относились с моральным уважением к тем неподдельным героям, которые в эпоху царизма жертвовали своей жизнью за жизнь палачей царского режима.

В данном акте факты не только с политической, но и с нравственной стороны представляют собой полную противоположность тому, на что я только что ссылался.

С.-р. объявили себя советской партией. Я говорю о так называемых «левых». Они входили в советские учреждения и пользовались Советской властью, как таковой, и для совершения террористического акта они использовали не свой партийный аппарат, не свои личные силы. Проводя партийные мероприятия, они бесчестно действовали из недр советской организации, имея своей задачей, ради обеспечения своих планов, использовать советские учреждения, или учреждения, стоящие на охране советского режима. И, в частности, чтобы проникнуть в здание германского посольства, они выкрали документы, подделывая подписи лиц, в подчинении у которых они были. И вот, опираясь на выкраденные и поддельные документы, они проникают к германскому послу и производят свой террористический акт. Для чего?... Для того, чтобы, путем убийства германского посла, бросить тяжелый аргумент на ту чашу весов, которая гласит: война.

Таким образом, чтобы вызвать войну, эта группа не считается с мнением Всероссийского Съезда Советов, выраженным вашим голосованием 4-го июля. Для того, чтобы сорвать политику Советской власти, эта группа пользуется учреждениями этой власти, входит в них как советская партия, владея, через правящие руководящие органы ее, Советской властью. Это есть вероломство, подобного которому не знает история, по крайней мере, революционная.

Это — акт вероломства, который могли совершить только Азефы революции. Азефы,—предварительно они перед вами здесь развили свою точку зрения, точку зрения войны, но, когда вы ее отклонили, они с тем полномочием, которое вы не успели у них отнять и которое осталось у них на руках, пришли в ваше учреждение,—использовали ваше оружие, чтобы парализовать вашу волю. Вот почему я повторяю, что это преступление есть неслыханное во всей революционной истории вероломство.

Вместе с тем, повинуясь той логике положения, в которой она убийством гр. Мирбаха себя поставила, эта группа, действуя, насколько мы можем судить, за спиной 9/10 своей партии, оказалась вынужденной немедленно развернуть прямое восстание против Советской власти.

В те часы, когда мы в Кремле собирали первые сведения о том, кто совершил покушение на гр. Мирбаха, когда тов. Дзержинский, со свойственным ему рыцарством, несмотря на предостережение друзей, взял на себя миссию отправиться туда, откуда, по первым слухам, исходило выступление, чтобы на месте проверить его происхождение,—мы стали получать вести о том, что из отряда Попова выделяются патрули, которые задерживают караулы и отдельных представителей Советской власти. Тов. Дзержинский оказался задержанным в отряде Попова, который был ему подчинен и который на Красной площади, когда я вручал ему знамя,

клялся в верности Советской власти. Он был арестован при прямом участии виднейших деятелей партии левых с.-р., — Александровича, Карелина, Камкова, Спиридоновой и Черепанова. Через некоторое время группа вооруженных матросов отряда явилась в комиссию по борьбе с контр-революцией, и мне оттуда бывший член комиссии Сакс, тоже левый с.-р., по телефону сообщил, что она захватила и увела тов. Лациса. Сам был он против, но, очевидно, в полной растерянности покинул здание Комиссии. К этому времени восстание уже приняло прямой, открытый характер; левые с.-р. взяли под свое прямое руководство отряд Попова и стали расставлять караулы, патрули и задерживать представителей Советской власти; так, например, был задержан председатель Московского Совета Раб. и Солд. Депутатов тов. Смидович.

Во всех этих действиях была глубокая логика. В первой, внесенной мною резолюции, я спрашивал партию лев. с.-р.: считают ли они себя связанными дисциплиной с Советами Раб., Солд. и Кр. Деп. и Съездом Советов? Я говорил не только от своего имени, но и от имени коммунистической партии, что мы вотуму Всероссийского Съезда подчиняемся, какой бы он ни был, — по международному вопросу, по вопросу о войне и мире и всякому другому.

Я спрашивал партию левых с.-р.: признают ли и они вотум Всероссийского Съезда Советов и обязуются ли и они считаться с ним в данный момент в остром вопросе о войне и мире? Я на этот вопрос ответа не получил. Это неполучение ответа само собой уже было ответом. Оно означало, что эта группа интеллигенции считает, что в своей политике она опирается на известную часть крестьянства, тогда как в вопросе разрыва Брест-Литовского мира партия с.-р. не опирается ни на какой значительный слой крестьянства. Эта интеллигентская группа, подталкиваемая, подхлестываемая разнузданным общественным мнением буржуазных классов, подстегиваемая неврастенией и ежедневными истеричными воплями с.-р. и буржуазной печати, дала довести себя до состояния исступленности, в котором она сочла, что она сама сможет решать вопрос, ни много ни мало, о том, воевать или не воевать русской земле, подвергать ли Москву и Петроград непосредственной и прямой опасности оккупации или нет? И она эти вопросы решила по-своему, помимо вас и против вас; и при этом она осмеливается ссылаться на вотум лучшего элемента русского народа. Мы противопоставили ей рабочих Петрограда, мы противопоставили рабочих Москвы, мы противопоставили подавляющее большинство этого Съезда, но она в своем исступлении, подгоняемая буржуазным общественным мнением, игнорировала все. Эта группа хотела знать только общественное мнение кулаков, которые выражали недовольство Советской властью не из-за Брестского мира, а из-за продовольственной политики. Темные элементы деревни выражают недовольство из-за получения недостаточного количества тканей. Они забывают, что рабочие так же мало получали хлеба, что они страдают из-за отсутствия хлеба, во всяком

случае, так же, как крестьяне из-за текстильного производства. Правда, что наиболее отсталые слои крестьян на этой почве недовольны Советской властью, но что они хотят войны — это ложь. Есть ли хоть один сознательный человек, который в настоящих условиях, сегодня, считает возможным войну с Германией?

И левые с.-р., интеллигентская группа, плоть от плоти буржуазной интеллигенции, на недовольстве рабочих, части рабочих, на недовольстве части крестьян-кулаков — основала свое знамя. Свой интеллигентский колпак с бубенцами они надели на недовольство части народных масс и сказали: «Народ вместе с нами требует немедленной войны с Германией».

Спросите, переспросите сейчас все Советы, сейчас, когда вопрос стал серьезным, когда он был поставлен жизнью ребром, после этого провокационного террористического акта,—не те, разумеется, поддельные Советы, которые сидят по закоулкам, углам и которые ни в чем не помогали отражать германско-гайдамацкое наступление, когда враги подступали к Воронежу, Курску, Брянску, наступали на Дону, где с Красновым ныне идет борьба, где наши красноармейцы отражают атаки, умирают, борются, отстаивая Советскую республику, спрашивайте не тех, которые по закоулкам сосут свою кулацкую порцию, а спросите сознательных солдат, которые прошли школу войны, лучшие элементы Советской власти в наиболее крупных центрах, где население более культурно, где оно оценивает всю международную обстановку, где оно знает, что можно сделать, чего нельзя: спросите на местах, — вы должны, вы после съезда обязаны будете, это сделать: «хотят ли они войны?» И вам все скажут, что те, кто путем террористического акта не через нашу волю, не через наше сознание, а механически, извне пытались обрушить на нас войну, те действовали, как злейшие враги, как изменники и предатели Советской власти!

Левые с.-р. сами ясно и отчетливо сознавали, ощущали, что перешли фактически в лагерь контр-революции, ибо нет ни одной буржуазной партии, которая не требовала бы войны с Германией, кроме тех, разумеется, партий, которые перешли на сторону Германии по соседству с германскими войсками. Все газеты, органы правых с.-р. и меньшевиков, требовали немедленного разрыва Брест-Литовского договора и в то же время бесчестно умалчивали о том, что англо-французские войска сегодня, в настоящий момент продвигаются вперед на Мурманском побережьи, и что мы сосредоточиваем там наши силы, чтобы охранять Советскую Республику, как мы сосредоточиваем их на Сев. Кавказе и в других местах против турецкого, гайдамацкого и, в случае опасности, германского наступления, ибо мы везде, в меру наших сил, стремимся отстоять Советскую Республику не только против германских войск, там, где они переходят в наступление, нарушая Брест-Литовский договор, но и против англо-французских войск, которые сейчас пытаются нанести нам предательский удар. Об этом буржуазная печать молчит, тем более молчит и буржуазия. Помогая ей, левые с.-р. попытались нас вовлечь в войну

с Германией, зная, что эта попытка есть уже сама по себе восстание против Советской власти. Вообще, характером, который они придали своему восстанию, левые с.-р. поставили себя в лагерь контр-революции. Свой первый удар они направили на председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. В этом факте все получило символическое выражение: левые с.-р. арестовывают председателя комиссии по борьбе с контр-революцией, со спекуляцией и с саботажем. Этим одним они показали, в каком лагере они были!

Даже тем из нас в нашей среде, которые склонны были с благожелательной, выжидательной терпеливостью относиться к поведению партии левых с.-р., как таковой, — которые говорили: «Это может быть отдельные безумцы и преступники совершили террористический акт, но Ц. К. партии не может быть в этом замешан». Даже таким через час, через полчаса после убийства Мирбаха уже было ясно, что дело идет о прямом заговоре, о восстании мятежников, организованном под непосредственным руководством Ц. К. партии левых с.-р. И, разумеется, мы не могли, как раньше, отдать в первый момент приказ немедленно изловить для предания суду двух провокаторов, которые пытались путем террористического акта вовлечь нашу страну в войну, ибо был отдан приказ немедленно сосредоточить достаточные военные силы для того, чтобы подавить контр-революционный мятеж, организованный под знаменем Ц. К. партии левых с.-р.

Для того, чтобы в общих чертах ввести вас в ход военной операции, протекавшей в эти дни, я прочитаю вам выдержки из тех рапортов, которые были нам по этому поводу представлены.

Начальник латышской дивизии, бывший полковник генерального штаба Вацетис, человек, стоящий вне политических партий, солдат, докладывает, что ему стало известно из правительственных источников, что около 9 час. вечера 6 июля отряд Попова сосредоточился в Трехсвятительском переулке; что он состоит из всех родов войск и находится в полной боевой готовности; что в составе этого отряда находятся лидеры левых с.-р. По получении этих сведений, стало совершенно ясно, что перед нами продуманный, организованный план действия и полная боевая готовность со стороны левых с.-р. к немедленному выступлению. Вацетис дальше дает перечень тех сил, которые находились в распоряжении мятежников, причем относительно главной массы сил показания у него колеблющиеся, и это вызвано тем, что сами мятежники не могли указать точно, какие вовлеченные ими части, действительно, с ними, какие против них, какие нейтральны. Он указывает, что пехоты у них было от 800 до 2000 человек, артиллерии — тоже, в зависимости от тех же обстоятельств, от 4 до 8 орудий, пулеметов 60; кроме того, были бомбометы и ручные гранаты. Кроме того, было получено сообщение, что некоторые части перешли на сторону поповцев. Внушительная численность отряда, а, главное, — полная боевая готовность и сосредоточенное расположение давало

нашим противникам, в виду предстоящих действий, большое преимущество для захвата инициативы действий. Ц. К. партии левых с.-р. имел все преимущества в этом деле, ибо он имел на своей стороне преимущества вероломства: все члены ЦК партии левых с.-р. имели всегда, когда этого желали, свободный доступ в Кремль, в частности, доступ к т. Ленину и, стало быть, могли произвести арест, убийство, выкрасть те или другие бумаги, то, что они и сделали в комиссии, председателем которой является т Дзержинский. Они имели эту возможность, ибо, повторяю, за ними было преимущество вероломства, и этим орудием они пользовались по отношению к революционной партии, которую считали или объявляли братской партией.

Задача, которая была поставлена перед военными властями, состояла в том, чтобы, после того, как инициатива попала в руки мятежников, сосредоточить достаточные военные силы для того, чтобы сокрушить их в самый короткий срок. Как отнеслись советские части к своей задаче, на это указывает, в частности, по отношению к некоторым из них, рапорт комиссара латышской стрелковой дивизии тов. Петерсона, известного здесь многим революционного деятеля.

Предварительно я должен отметить, что в распоряжение Советской власти отдал себя отряд интернационалистов, руководимый старым венгерским товарищем Бела Куном. По этому поводу со стороны левых с.-р. и со стороны крестьянской секции ВЦИК, руководимой ими, была пущена в оборот клевета, будто мы вооружаем германских пленных, немцев, тогда как, на самом деле, нам предложил услуги небольшой, но тесно сплоченный коммунистический социалистический венгерский отряд, руководимый старым венгерским социалистом, — отряд, который состоит из родных братьев тех венгерских рабочих, которые сейчас своей революционной борьбой потрясают Будапешт и всю Венгрию. Однако, войска не могли быть сосредоточены в течение ночи именно потому, что враги имели преимущество инициативы, и поэтому операции приняли характер дневного боя. Наши части были расположены у храма Христа-Спасителя, на Страстной площади — у памятника Пушкину, на Арбатской площади и затем, разумеется, в Кремле. «К трем часам утра 7 июля,—докладывает тот же Вацетис, — я узнал о том, что главные силы противника остаются пассивными в районе Трехсвятительского переулка, но что за ночь они временно захватили почтамт и пытались захватить электрическую станцию, что им не удалось».

Я не упомянул о том, что в ночь с 6 на 7-е небольшой отряд левых социалистов-революционеров, или поповский отряд, захватил телеграф; захвачен он был не силой, а вероломством. Солдаты отряда Попова захватили Народного Комиссара почт и телеграфов тов. Подбельского, овладели его автомобилем и в этом автомобиле подъехали к зданию и беспрепятственно проникли туда со своими руководителями. Везде и всюду мы видим один и тот же метод действий: левые с.-р. выступают с фаль-

шивыми паспортами в руках, с паспортами Советской власти, и этим объясняется то преимущество их, слишком мимолетное, которое казалось им очень значительным в первый момент, в тот момент, когда сторонники уже с телеграфа распространяли приказ не доверять более никаким распоряжениям и телеграммам Совета Народных Комиссаров, ибо они вредны для «правящей ныне партии левых «эс-эров».

В дальнейшем боевые операции повернулись следующим образом: лево-эс-эровский отряд с телеграфа был вытеснен товарищами-латышами и отрядом Бела Куна. Все отдельные приказания были войсками выполнены, но так как они ночью шли на сборные пункты, то не успели ориентироваться.

Левые эс-эры открывали огонь по Кремлю. Необходимо отметить, что в данном случае перед нами действия, которые можно назвать символическими: и когда мы из здания в Кремле наблюдали падавшие во двор, к счастью, немногочисленные снаряды, мы говорили себе: Совет Народных Комиссаров является сейчас естественной мишенью для левых с.-р., они подняли знамя восстания против Советской власти и они должны были открыть, в силу логики, артиллерийский огонь по Кремлю, где помещается столп Советской власти.

7-го днем левые эс-эры беспорядочно отступили из района Трехсвятительского пер., рассеиваясь по пути на Курский вокзал. После оставления поповцами вокзала, они не представляли более организованных сил. Для их преследования были предоставлены соответствующие силы в распоряжение т. Антонова. В докладе Подвойского и Муралова рассказывается, что Антонов обнаружил на 12-й версте Владимирского шоссе, по которому отступали мятежники, взорванный броневик с орудиями и на 20-й того же шоссе — орудия, бомбы и т. д. Нами взято всего в плен к 12 час. 8-го июля около 300 человек.

Равным образом, были задержаны и разоружены отряды левых с.-р., которые направлялись сюда из Петрограда, в несколько десятков человек. Был задержан также отряд в 300 — 400 человек, направляющийся сюда с западной пограничной полосы. Была перехвачена телеграмма, в которой рекомендовалась борьба теми или другими рискованными средствами. В Петрограде дело ограничилось разоружением лево-эс-эровских дружин, разоружение прошло быстро, причем при этом в Пажеском корпусе, где это происходило, мы потеряли 10 чел. убитыми и 10 ранеными. В других частях Петрограда разоружение произошло безболезненно и без жертв.

Такова фактическая сторона событий. Она вам ясна. О политической я вам сказал в самом начале своего доклада. Сейчас я должен только подвести небольшие итоги чисто военной стороны. Несомненно, левые с.-р., почти незаметно для Советской власти, сосредоточили значительные силы, но эти силы оказались фиктивными силами. Когда наши арестованные товарищи, Дзержинский, Лацис, Смидович, вступили в общение с отрядом левых с.-р., который их караулил, для них стало ясно, что значительная часть его по своим чувствам, настроениям, стоит на стороне Советской

власти, что люди сбиты с толку, не знают, в чем дело, и когда арестованные товарищи открыто и мужественно выяснили им положение, то отряд перешел на их сторону, разоружился и сказал: вы можете уходить. Как-то был арестован один из наших разведчиков, и его вели в штаб с двумя финнами; по дороге он отобрал от обоих финнов винтовки и бомбы и привел обоих в плен. Очевидно, те, кто шел на борьбу, не обнаруживали особенной готовности бороться с Советской властью. Нам с этой трибуны не так давно, а в то же время уже так давно по отношению к левым эс-эрам, говорили: «не нужно Красной армии, нужны партизанские отряды, не нужно войны, а нужно восстание». Вот произошло восстание, которого так хотели левые с.-р., но оно оказалось восстанием не против иностранного империализма, а восстанием против Советской власти; для этого восстания приготовили партизанские отряды и они показали свою полную непригодность и, наоборот, преимущество нашей Красной Армии перед ними. Наши части обнаружили громадный моральный и физический перевес. Я говорю о моральном перевесе потому, что операции против левых с.-р. можно было вести так, что отряд Попова потерпел бы очень многочисленные жертвы, но этот путь был отброшен. Артиллеристы на руках подвезли орудия на 200 шагов, направили их непосредственно на штаб левых с.-р., разгромили его, как теперь нам подтверждают бывшие там товарищи, с поразительной меткостью. Сам штаб левых эс-эров был окружен партизанской атмосферой нерешительности, взаимного недоверия и враждебности. Не было никакой стойкости; несколько метких ударов заставили мятежников удариться в самое жалкое бегство, и мятеж был ликвидирован с небольшим количеством жертв.

Сейчас остается только подвести политические итоги этому мятежу, этой жалкой, постыдной пародии на мятеж. Мы имеем уже массу доказательств, что многие члены партии левых эс-эров с возмущением относятся к авантюре, которая была затеяна за их спиной. Этому мы были свидетелями хотя бы тогда, когда читали заявление левых эс-эров Москвы, негодующих против небольших групп интеллигентов, с зияющей пустотой вокруг, доведших себя до настоящего политического опьянения.

Восставшая оппозиция пыталась достать средства из разных источников: тут было и крестьянство из бедняков, которые чувствуют себя обиженными, что и не удивительно, ибо всем и трудно, и тяжело теперь живется после войны на Руси, а бедняки в своих захолустьях еще не научились охватывать всю политику в целом. Когда им говорят об Украине, они искренно оценивают этот вопрос и искренно сочувствуют Украине, но разве в начале войны, в эпоху царизма, не говорилось точно так же о Сербии, о распятой Бельгии, к которой мы должны идти на помощь? Что мы тогда отвечали? Мы отвечали тогда, что в этой войне вы не освободите ни Бельгию, ни Сербию, ни Польшу!

Кто бы ни победил в этой войне, мелкие, слабые и отсталые народы будут жертвою сильных хищников и будут растоптаны; и когда нам говорят,

что Украина занята, что она распинается контр-революционными империалистами, мы, разумеется, не хуже всякого зная, что творится на Украине, говорим: освободить Украину может только сила, которая освободит всю Европу и даст возможность свободно дышать Советской России, но превращение нашей Советской России в ту одну единственную силу, которая вмешалась бы в бой империалистов-хищников, которая истекла бы кровью,— это значило бы: безрезультатно израсходовать тот нравственный капитал, то достояние, которое мы сейчас здесь призваны охранять, в виде власти рабочих и крестьян. Пока мы здесь стоим и смотрим на все удары, мятежи, стоим со знаменем Советской, рабочей и крестьянской власти в руках, теплится и разгорается надежда у рабочих, у всех угнетенных во всех странах. Они говорят: «вот, в труднейших условиях, замкнутые империалистским кольцом, русские рабочие не сдаются, идут с нами. Стало быть, и мы, рабочие всех стран, можем развернуть большие революционные силы и совершить гораздо более великий исторический подвиг, чем молодой русский рабочий класс». С того момента, когда мы вмешались бы в эту проклятую войну по собственной вине, мы были бы последними изменниками по отношению к мировому социализму, ибо наше вмешательство означало бы смертельный удар для Советской Республики. Разумеется, если на нас будут нападать,— все равно, чем бы это нападение ни было вызвано, если бы оно оказалось вызванным жесточайшей провокацией левых с.-р., мы все как один человек, будем обороняться до последней капли крови; об этом я не должен даже говорить. Мы все будем обороняться против всех хищников, откуда бы они на нас ни наступали, но в то же время мы не скрываем того, что мы ослаблены до последней степени всем предшествующим ходом событий, и что мы против всякой войны.

У революционного класса, когда он сознает, что на него наступают его враги, всегда найдется достаточно революционной энергии, чтобы этому наступающему врагу создать величайшее препятствие, затруднение, и чтобы заставить израсходовать огромные массы империалистических сил. Но если бы мы сейчас оказались вовлеченными в войну с Германией тем фактом, что убит германский посол, если бы пришлось сдавать Петроград, Москву,— русский рабочий и крестьянин знал бы, что этим мы обязаны не исторической неизбежности, а только провокации левых эс-эров. И я потому говорю, что та партия, которая могла быть так безумна, так бессмыслена со своей маленькой кликой, кучкой, что стала против воли и сознания подавляющего большинства рабочих и крестьян,— эта партия убила себя в день 6 и 7 июля навсегда. Эта партия воскрешена быть не может!

Если нам не доверяют, если не доверяют русским рабочим и крестьянам? то я спрашиваю, на кого рассчитывают эти авантюристы в борьбе с Германией. Ведь, они затевали не партийную конференцию, не партийный раскол где-нибудь на заграничном съезде: они хотели противопоставить Россию Германии и обрушить на нас войну. При этом они не доверяли—кому? Рабочим и крестьянам! Они против них и помимо них хотели вызвать войну, которую

должны были вести рабочие и крестьяне, те самые, за спиной которых они организовали свой заговор. Каким путем, какими средствами и силами они вели бы эту войну? Они нам показали это. Они сказали: это будет не регулярная война с Германией, а восстание путем оргвнизации партизанских отрядов. Мы видели в Трехсвятительском пер. боеспособность этих партизанских отрядов из того факта, что наш плененный разведчик приводил двух пленных с винтовками, или что после первого снаряда весь отряд рассыпался, — говоря, что, если весь штаб удирает, зачем же нам оставаться дальше? И он разбежался по Владимирскому шоссе. И вот такие кучки с такой армией и идеей хотели против вас подняться, чтобы вести войну с Германией.

Как бы этот эпизод ни закончился, опасность того, что эта провокация может достигнуть своей цели, еще не исчезла потому, что крайняя милитаристическая партия в Германии, которую не удовлетворяет ничто, даже Брест-Литовский мир, готова использовать все, как подарок, который ей преподносится со стороны ли правых с.-р., монархистов или левых с.-р. Опасность еще не прошла. Мы не знаем, каковы будут результаты, но мы знаем одно, что после авантюры 6 — 7 июля одной политической партией на Русской земле стало меньше.

Мы явимся вместе с вами всюду к каждому крестьянину и спросим его: хочешь ли ты теперь, сейчас, сегодня, выступить на войну с Германией? Если ты не согласен, то знай, что партия левых с.-р. хотела тебя заставить это сделать, и потому, что мы, Советская власть, считаем, что это было бы гибельно для тебя, поэтому она пыталась нас представить, как агентов германского империализма, как друзей его крайнего крыла. Она нас изображала, как врагов русского народа только потому, что мы говорили, что русский народ был бы безумным сейчас, если бы по своему желанию открыл ворота войне! Мы пойдем отсюда ко всем крестьянам и понесем им имена тех депутатов, которые здесь одобрили эту бесчестную провокацию. Мы скажем каждому крестьянину в каждом глухом углу в деревне: Иванов или Петров, хочешь ли ты воевать теперь с немцами? И мы посмотрим, как выскажется после этого Советская власть на местах, как выскажутся миллионы и десятки миллионов рабочих и крестьян. Их ответ будет таков же, как и ваше заявление здесь, что вы остались на той точке зрения, которую мы утвердили на решающем съезде *): мы войны вести не хотим. За мир мы заплатили ценою дорогих уступок. Мы знаем сейчас, в настоящий момент, какими бесчестными средствами пытается англо-французский империализм втянуть нас в войну, и как наши злейшие враги пытаются захватить города для того, чтобы англо-французскому империализму проложить дорогу. Напрасно! В Ярославле контр-революционные банды окружены нашими войсками, Сызрань, которая была занята чехо-словаками, занята нами. Я, товарищи, не сомневаюсь, что бесчестная авантюра левых с.-р. внесет отрезвление в сознание тех, которые про-

*) IV Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

должали колебаться и сомневаться и не давали себе отчета, откуда, из какого угла исходит истерический вопль о мире, о том, что мы решили не входить в войну с Германией. Мы не сомневаемся, что и для нашей Красной Армии московские события послужат уроком для укрепления дисциплины. В Красной Армии лучше поймут, что нам нужна армия, построенная по науке, что партизанские отряды — это кустарнические, т. е. ребяческие отряды, что нам необходимо упрочить дисциплину, при которой такого рода авантюра будет больше невозможна. Московский опыт даст возможность всякому солдату понять, что, при отсутствии дисциплины, возможно кровопролитие и братоубийство. Красная Армия есть вооруженный орган Советской власти; она служит не на себя, или не тому или другому кружку, а рабоче-крестьянским целям: воля народа представлена на Всероссийском Съезде Советов, а поэтому, долг Красной Армии — твердо и беспрекословно подавлять тех, которые осмеливаются высказываться против суверенного органа Советской власти. Скажем этой Красной Армии, объясним ей, что здесь перед нами одни и те же звенья, один и тот же принцип в виде чехо-словацкого наступления на Волге и Урале и продвижения англо-французского империализма с Мурманского побережья и мятежа левых с.-р. в Москве; и хотя жалкое и постыдное покушение на германского посла субъективно связано разно, но объективно все направлено к одной цели, и всем этим руководит злобствующая буржуазия, печать которой науськивает и натравливает на нас меньшевиков и левых эс-эров, говоря им: «заставьте сделать невозможное, заставьте опрокинуть германский империализм; пусть русский рабочий класс разобьет свое сердце о скалу германского империализма, пока еще он силен».

Вот куда направлены чехо-словаки, англо-французский десант и пр., и пр. Мы скажем Красной Армии, что мы хотим обороняться от войны и, если нам удастся замирение на англо-французском фронте, то запишем в книге, как плюс, что мы достигли мира, что мы хотим быть нейтральными, и что империалисты нас оставили в покое, отошли от нас прочь; этим самым мы сделаем большое завоевание для русского народа. Если белогвардейцы или англичане со своим десантом, и меньшевики, и правые с.-р., и левые с.-р. будут наступать, мы будем обороняться со всем ожесточением. Здесь мы никаких шуток не знаем!

Мы готовы были бы сказать: неужели запутались все эти ребята? Какая жалкая игра зарвавшихся ребят! Я и другие члены Совета Народных Комиссаров говорили: эти ребята — жалкие безответственные люди, — не понимают, что говорят. Можно ли относиться серьезно, можно ли видеть здесь заговор? Но, вместе с тем, ведь, такого рода ребята, провоцируя положение, устраивают восстание, убивают лиц, которые в объективных условиях стоят под охраной Советской власти. Нет! Такого рода ребятам места здесь нет. Здесь идет речь не о судьбе одной группы интеллигентов, а о судьбе Советской России, и мы не позволим, чтобы такая ставка была бита чьими бы то ни было выходками. Может быть один метод у Совет-

ской власти, проводящей в политике тот принцип, который вами считается правильным и который вы одобряете: кто покусится на Советскую власть не критикой, а действием, тому мы на железо отвечать будем сталью. Мы обязаны власть рабочих и крестьян отстаивать теми силами и теми путями, которые мы знаем, и теми мерами, которыми покушаются на Советскую власть. Советская власть существует и будет существовать и упрочит русскую революцию для установления европейской и мировой республики труда [95].

II*)

Товарищи, здесь была установлена аналогия, которая на первый, поверхностный, взгляд напрашивается сама собой, — между лево-эсеровским восстанием, или, вернее, пародией восстания, и между июльскими днями в Петрограде, в прошлом году. С тех дней прошло 12 месяцев, но уже одно название текущего месяца, июля, вызывает естественную ассоциацию сходства и аналогии. Об июльских днях говорил нам здесь представитель одной из групп. Я очень хорошо помню те дни; здесь есть не мало товарищей, которые переживали их тогда вместе с нами, и память об этих днях удержалась твердо в их сознании. Что было в июле прошлого года? Тогда рабочий класс, в лице своего авангарда, стремился к власти. Он отдавал себе ясный отчет, что буржуазная, соглашательская власть не может не погубить России. Петроградские рабочие были авангардом рабочего класса, и этот авангард рвался вперед. В этом, с одной стороны, была его миссия, а, с другой, прямая трагедия, складывавшаяся из того, что авангард еще не имел за собою тяжелого резерва в провинции, даже в рабочей провинции, не говоря о крестьянской, и что он наталкивался на сопротивление врагов и подставлял себя под удары.

Разумеется, когда этот авангард, влекомый вперед своим политическим чутьем, но не поддержанный провинцией, попал под удар, наша партия сказала себе: где на рабочий класс сыплются удары, там мы, вместе с ним, должны принять эти удары.

Таков был смысл июльских дней [96] прошлого года, и я спрашиваю, какой новый класс борется за власть теперь? Пусть нам скажут, какой новый класс в июле 1918 г. в Москве борется за власть против власти петроградских и московских рабочих, потому что, при всем нашем уважении, при всей нашей пламенной братской симпатии к трудовому крестьянству, никто из вас, крестьяне, не станет утверждать, что крестьянство сейчас, сегодня, есть наиболее сознательная часть революции. Всякий из вас, кто честно задумается над условиями теперешнего момента, должен признать, что в 1905 году и в годы 1917 — 1918 рабочие Петрограда и Москвы были передовым отрядом, что они раньше сказали: «земля крестьянам», чем вы, крестьяне, сами сказали это. Они выходили 9-го января 1905 года [97] с лозунгом: «земля крестьянам», и царь их расстрелял, а крестьянство их не поддержало. Конечно, здесь сказалось влияние векового

*) Заключительное слово в том же заседании.

рабства, темноты, деревенской разобщенности, деревенской неграмотности; это не вина крестьянства, а беда его, но таковы факты.

И вот, я спрашиваю теперь, когда Советская власть в стране установлена, когда она живет и дышит заодно с передовым пролетариатом Петрограда и Москвы, я спрашиваю тех, кто смеет вызывать призрак июля прошлого года, — какой новый класс борется за власть ныне, сейчас? Левые эс-эры — это не класс, это — попутчики, которые только пристали к рабочему классу, которые сперва не доверяли ему; когда он вместе с нами в октябре разбивал устои соглашателей, буржуазной власти, они отошли, они стояли в стороне. Когда же рабочий класс овладел властью, они временно примкнули к нам; задача им показалась более легкой. Сперва они не дооценивали силу рабочего класса, затем они не дооценивали силу наших врагов, и каждый раз, когда создавалась особенно опасная обстановка, они отходили в сторону и заводили свою критическую мелодию против нас, занимая позицию слушателей, наблюдателей. Эс-эры — мещанская интеллигенция. Она всегда опиралась на те части мелкой буржуазии, которым трудно было идти с рабочим классом по его тернистому пути.

Вот о каком «классе» можно здесь говорить. Можно говорить только о мещанской интеллигенции, которая пытается, в лице ее небольшой части, сбросить с себя ярмо пролетариата и советскую дисциплину; ей слишком трудно и тесно пережить вместе с рабочим классом его борьбу со всеми муками и затруднениями, пережить их в тех условиях, когда приходится временно мириться с чужестранным насилием. Интеллигенция говорит: а не лучше ли мне отойти к стороне и занять позицию наблюдателя, критикующего, брюзжащего? Если победит рабочий класс, я с ним, если он будет поражен, я скажу: это я всегда предсказывал.

Вот, товарищи, та психология, на почве которой у небольшой группы фанатиков и безумцев, от которой сейчас отшатнулись широкие круги интеллигенции, людей безответственных, могла возникнуть мысль о таком чудовищном опыте, как события 6 и 7 июля.

Нам говорят: да, но вы, вы заявляете, что вся партия левых эс-эров виновата в этом, вы на нее в целом обрушиваете громы вашего негодования и ваших репрессий. И здесь один из ораторов, именно Лозовский, в оглашенном заявлении позволил себе прямое и, я скажу, злостное искажение фактов, когда привел их даже в такую связь: убийство посла Мирбаха и арест всей фракции левых социалистов-революционеров. Это оратор заявил, что второе является последствием первого; как если бы дело было, действительно, так, будто какие-то Блюмкин и Андреев убили Мирбаха, а мы, в ответ на это, арестовали партию левых эс-эров. Нет, такое сопоставление фактов есть злостная неправда. Дело было иначе.

Когда произошел террористический акт, то ко мне в Военный Комиссариат позвонил по телефону Председатель Совета Народных Комиссаров, сообщил факт и прочитал свой приказ о том, что какие-то белогвардейцы или анархисты, таково было наше убеждение, чтобы вовлечь Россию

в войну, совершили террористический акт, и что предписывается искать их повсюду. Я, с своей стороны, отдал такое же распоряжение. Мы были уверены, что дело идет о прямом и открытом противнике, о честном враге Советской власти. Но через некоторое время мы получили сообщение, что по номеру автомобиля, или по какой-то другой причине, предполагается, что это сделано левыми эс-эрами. О том, что это есть акт Центрального Комитета или партии левых эс-эров, мы не знали, хотя и были предостережения с этой трибуны. Хотя Спиридонова здесь играла револьвером и грозила бомбой, но мы были спокойны и относились к этому, как к ее личному убеждению, не подозревая никакой реальной угрозы, направленной против мирного существования Советской Республики. Когда по первым непроверенным сведениям мы узнали, что дело идет об акте левых эс-эров, мы еще были уверены, что не только партия, но и Центральный Комитет ее ни в каком случае не захотят и не смогут солидаризироваться с этим актом, что они к нему не имеют отношения. Именно этим и определился шаг т. Дзержинского, который он предпринял, узнав о том, что убийцей является Блюмкин, что именно он совершил террористический акт. Что сделал Дзержинский? Он отправился не во фракцию левых эс-эров, а в отряд Попова. У Дзержинского были сведения, что убийца, бывший слугою Советской власти, скрывается здесь; Дзержинский думал, что он безболезненно выяснит вопрос. Вот как было дело. И не в ответ на террористический акт мы арестовали фракцию левых эс-эров. Затем, когда до нас дошла весть, что Дзержинского не вызывают к телефону, что он не подает о себе никаких вестей и что, следовательно, он арестован, и когда нам стали сообщать, что патрули Попова арестовывают советские автомобили и советских представителей, мы приняли меры к тому, чтобы окружить весь театр, так как мы думали, что восставший отряд захочет окружить помещение Всероссийского Съезда. Для гарантии мы заперли фракцию левых эс-эров и окружили стеной надежной защиты. Вот как было дело.

Мы рассудили, что, раз дело идет о восстании, то первою мыслью восставших будет овладеть цитаделью Советской власти. В обычное время такой цитаделью является Кремль, а в эти дни Большой театр, где заседает Всероссийский Съезд. И мы сказали: «заговорщики могут проникнуть сюда, или отсюда они захотят выпустить своих сообщников, — запрем же их на несколько часов и окружим надежной защитой, до выяснения обстоятельств дела».

Затем, когда мы узнали, что Центральный Комитет партии левых эс-эров не только солидаризируется с этим бесчестным убийством, но что даже берет на себя за это ответственность, мы не хотели этому верить. Я — не левый эс-эр, вы знаете и слышали, как мы выступали здесь до акта, и все же для меня было жестоким ударом, что на такое безумное и преступное вероломство мог пойти Центральный Комитет партии, которая считала себя Советской. Мы тогда еще надеялись на то, что, наконец, фракция левых эс-эров отмежуется от своего Центрального Комитета. Вот как стоял для нас вопрос об отношении к действиям левых эс-эров.

Но нам говорят: а почему вы просто не выпустили левых с.-р. на волю? Сделать это, когда они, с ног до головы вооруженные бомбами в Трехсвятительском переулке арестовывают и задерживают Лациса, расстреливают наши патрули и наводят свои пушки на Кремль, когда Центральный Комитет их партии сидит там и руководит операциями против Советской власти? Ну, а если среди этой фракции есть несколько десятков или сотен вовлеченных в восстание, то отпустим их, пусть они помогают расстреливать Кремль, или Большой театр, или наших красноармейцев?

Нет, товарищи, как ответственные советские политики, мы сказать так не могли, и мы сказали: это прямой и открытый мятеж против Советской власти, и в этих условиях есть два ответа — да или нет.

Центральный Комитет партии левых эс-эров сказал: «да», он за мятеж. Мы хотели, чтобы фракция левых эс-эров открыто сказала: за мятеж она против Советской власти, с теми, которые хотят накликать на нас войну, или за Советскую власть, которая против мятежников обороняется? Здесь, на улицах Москвы была борьба, до вас докатывались ее раскаты. Мирные обыватели и мирные граждане подвергались риску расстрела, события вовлекали их в гражданскую войну, подвергали их опасности. Нужно было подтвердить, что фракция этой партии, во главе которой стоял Центральный Комитет, все осветивший и организовавший, не стоит в стороне и не говорит ни да, ни нет. Мы потребовали ответа: идете вы защищать Советскую власть, или расстреливать ее? Мы поступили правильно, ибо мы обороняли власть рабочего класса от кучки бесчестных и вероломных мятежников.

Нам указывают, что вся партия не виновата в этом; и Советская власть тоже говорит: вся партия не виновата в этом. Ведь, я в своей речи указал, что ЦК партии левых с.-р. за спиной, вероятно, 90, а может быть, и 98% своей партии, совершил эту безумную авантюру, и многие представители партии с негодованием отмежевываются от этого возмутительного акта. Здесь мы слышали представительницу Елецкой организации левых эс-эров, выступавшую в этом духе. Ясно, что вся партия в целом, все члены и все организации не могут нести ответственность за действие ЦК. Эти безумцы — темные люди. Но партия — есть партия; она тем и отличается от толпы, что она есть, действительно, организация духовная, а не физическая. Партия — организация сознания. И мы хотим знать от левых эс-эсеров: будут ли они и дальше организовываться под знаменем ЦК, который сыграл уже провокационную роль, или будут организовываться на Советской платформе? Это должна решить каждая группа, идущая с нами, каждая организация, каждый отдельный член партии. Там, где будут производиться попытки захвата несчастных пленных немецких солдат под знамена партии левых эс-эров, — а попытки такого рода были, — мы будем беспощадно карать и пресекать их. Дело, созданное ЦК, дало обильную почву для таких попыток. Там, где будут

заявления, что группа солидаризируется с ЦК и сохраняет за собой право в любой момент срывать решения Советской власти, там мы скажем: этим группам в рамках существующего государства места нет, и быть не может. Советская власть есть власть. Здесь дело идет не о борьбе партий или кружков, как здесь говорил представитель худшего из кружков — максималистов, а о праве рабочего класса и многомиллионного крестьянства держать в руках власть. Власть — это не клуб и не митинг, это — государственная организация. Если ей подчиняются — она власть, если ей не подчиняются, она перестает быть властью. В данный момент перед властью стоит самый острый вопрос — вопрос о войне и мире. Если этот вопрос не может решать власть, а может решать группа, кучка проходимцев, то нет у нас власти; поэтому власть и говорит, что возьмет в железные тиски всяких проходимцев, которые хотят решать за Советскую власть, а воля к власти есть одно из важнейших условий власти.

Товарищи, здесь много говорилось ложных фраз о гражданской борьбе, о всеобщем единении и пр., и пр., с теми, кто считал возможным поднять знамя восстания во время Съезда Советов. Разве я не предупреждал левых с.-р., разве я не выходил на эту кафедру и не говорил, что существуют «опасные элементы». Я не хотел, чтобы левые эс-эры снова сыграли такую роль, как на Курском фронте. Я говорил это, чтобы дать им возможность опомниться. Я вообще, как товарищей, предупреждал их, против такого рода действий в отношении Советской власти. Тов. Ленин здесь же говорил, что Спиридонова — честнейший человек, искренний человек. Но горе той партии, честнейшие люди которой в борьбе вынуждены прибегать к клевете и демагогии! Мы предупреждали их накануне движения, которого мы не предвидели, не могли предвидеть. Вспомните, не сюда ли выходили левые эс-эры, чтобы бросать обвинения рабочим Петрограда и Москвы, приписывать Советской власти всякие гнусности? Тут пошла самая бесчестная травля Советской власти для того, чтобы сделать вас восприимчивее к той авантюре, которая подготовлялась за вашей спиной. А теперь нам говорят о примирении — с кем? Нам называли Александровича, который был расстрелян, и говорили: «Вот жестокий террор». Но, вспомните: Александрович был товарищем председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и саботажем. Я его знал, и когда встречался с ним, я никогда не спрашивал, левый он с.-р. или большевик; он был авторитетный член Комиссии, и этого было достаточно. Эта Комиссия была одним из наших важнейших органов, боевым органом, направленным против контр-революции. И так как контр-революция уже давно хотела учинить покушение на гр. Мирбаха, то Комиссия имела своей задачей расследование этого дела. Мы принимали в этом участие потому, что обязаны охранять личность представителей иностранных держав вообще, — германского посла точно так же, как мы охраняем американского или английского, ибо удар сюда есть угроза миру и подрыв авторитета Совет-

ской власти. Александрович занимался расследованием нитей заговора против Мирбаха. Он работал рука об руку с Дзержинским. И Александрович делает эту Комиссию органом убийства гр. Мирбаха. Он похищает 500.000 руб. и передает их ЦК левых с.-р. на организацию восстания. Он был революционер, и мне рассказывали, что он умер мужественно; он был революционер, но здесь дело идет не о личной оценке, а о работе власти, которая хочет существовать. Вы должны понять, что товарищ председателя Комиссии по борьбе с контр-революцией не может превращать аппарата власти в орудие восстания против Советской власти и не может брать денег для организации восстания. Он не может организовывать восстания и не может арестовывать представителей Советской власти. А он арестовал Дзержинского, своего ближайшего начальника, который доверял ему. Большего вероломства, продиктованного дисциплиной партии, и большего бесчестия нельзя себе представить! Невольно приходится сказать: в таком случае, одно есть средство — это каленое железо, это — прижечь каленым железом, чтобы не было таких примеров, и каленое железо было пущено в ход. Это жестоко? Жизнь — вещь жестокая вообще, и революции, как говорил старый революционер Мирабо, не делают маслом. Если бы левые эс-эры победили вчера, при помощи нашего мягкосердечия, они все равно не были бы у власти. И это должен каждый из вас понять. Левые эс-эры не имеют опоры, особенно в Москве. Здесь есть две партии: это—руководящая Советская партия большевиков, с одной стороны, и контр-революция, с другой. И если бы левые эс-эры оказались той вишневой косточкой, о которой говорил анархист Карелин, и если бы о нее поскользнулись, то власть перешла бы к контр-революции. Вы все сделались бы жертвами контр-революции; здесь было бы настоящее зверство, и железный каток прошел бы по вам.

Я, товарищи, отбрасываю заявление о том, что Советская власть после Брест-Литовского договора оказалась в положении позорном, — так здесь говорил один из ораторов. Только буржуазные филистеры могут видеть позор в том, что угнетенный класс слишком слаб, чтобы свергнуть всех своих угнетателей. В чем состоит позор русского рабочего класса? В том, что он сегодня недостаточно силен, чтобы сбросить всех своих угнетателей. В этом позор? Жалкими болтунами являются те, которые видят позор в мирном договоре. Это есть несчастие, беда, в этом видеть позор могут только прямые агенты буржуазии, или жалкие болтуны. Другой довод, который здесь приводился, состоит в том, что путем мира с немцами мы поднимаем патриотическое настроение среди пролетариата союзных стран. Есть известные доводы, которые повторяются изо дня в день, причем люди, жалкие люди, не читают газет, не знают, что делается в Европе, не читают документов и повторяют одну и ту же фразу. На-днях только был Съезд английской рабочей партии, который большинством голосов, впервые за все время войны, заявил, что он разрывает священный союз со своей буржуазией. Миллион сто тысяч голо-

сов против семисот тысяч. Таким путем произошел разрыв священного союза, который цепями приковывал рабочий класс Англии к его буржуазии, к буржуазному патриотизму. А во Франции та организация, к которой мы вместе принадлежали с Лозовским, организация по восстановлению международной связи, где работали наши друзья Мерргейм, Симано и др.,—она только на-днях выпустила манифест, в котором заявляет свой пламенный протест против вмешательства союзников в русские дела и выражает братский привет русской революционной партии большевиков. А в Германии? Если раньше, из-за цензуры, там нас не знали и не понимали, то за последнюю неделю мы имели десятки резолюций, многочисленные документы, в которых лучшие представители германского социализма солидаризируются с нами и говорят: «Разумеется, было бы лучше, если бы мы были так сильны, чтобы сбросить иго империализма и изнутри и извне». Но они прекрасно понимают, что политика, которую мы ведем, нам навязана тем, что рабочий класс всех стран еще не порвал цепей милитаризма. Мы требуем слишком много от русского рабочего класса. Но мы не можем требовать, чтобы он выполнил работу пролетариата всех стран. А этого требуют те, которые говорят о нашем позоре. Они говорят: немецкий рабочий класс в тисках империализма; так вот, русский рабочий класс, бери в руки оружие и иди очищать всю Европу. А мы говорим: нет; эта задача слишком велика для наших сил. Мы постараемся обороняться, удержаться путем выжидания и дождаться того момента, когда и там неизбежно начнется расчистка Авгиевых конюшен империализма. Наши собратья приветствуют нас и призывают к помощи и поддержке.

В заключение, скажу только несколько слов. Здесь на Съезде, в первые дни, присутствовал один товарищ, который явился к нам из плена; он — иностранец и, вместе с тем, русский и, прежде всего, наш брат, потому что он международный революционный социалист. Он слышал наши прения с левыми эс-эрами и сказал: «Есть ли смысл здесь заниматься этим, есть ли смысл во всем этом в такую минуту, в таких трагических условиях?» Это было первое впечатление, которое он здесь получил. И вслед за ним, пожалуй, можно было сказать, что, действительно, не проще ли было отбросить все это и пройти мимо? Но в том-то и дело, что революция — это большая и серьезная машина. То, что сегодня — разногласие, недоумение, — то завтра превращается в гражданскую войну. Спиридонова писала за день или два до Съезда тов. Ленину в духе самой близкой товарищеской солидарности, являлась ко мне в Военный Комиссариат, и мы разговаривали, как близкие товарищи, как собратья по оружию, хотя я прекрасно знал, как шатка партия левых эс-эров в своей политике. Эта партия все больше и больше отделялась от нас, особенно после ухода ее представителей из Совета Народных Комиссаров, и тем все больше и больше подпадала под влияние буржуазной демократии. Нам приходилось говорить на заседаниях ЦИК: «Товарищи левые эс-эры, от-

бросьте это жалкое и постыдное влияние буржуазной психологии! Нам вас приходится на аркане тащить при всяком крутом повороте, потому что вы не справились еще с буржуазным общественным мнением, и его крики являются для вас не чем иным, как нравственным законом. Отбросьте это». Это я говорил не раз и не отдельным членам партии левых эс-эров. Есть только один контроль над сознанием интеллигентных групп— это твердый контроль организованного рабочего класса. Он организован в Советы. Пока левые с.-р., прихрамывая, шли в Советах за большинством, была скрыта их настоящая физиономия. Но когда они сочли себя в праве отделиться и действовать на собственный салтык, тем самым они отделились от рабочего класса и подпали под влияние буржуазии, которая бросила их в форме вооруженного восстания против Советской власти.

Наоборот, товарищи, в настоящее время не относитесь легко ни к одному вопросу политики, который решает, который принимает Советская власть, ибо путем внутренней борьбы, открытой борьбы, она находит лучшее и наиболее обеспечивающее для рабочего класса решение. И отдельные, особенно интеллигентские, несогласные группы должны пересмотреть свой багаж прежде, чем выносить свое знамя, открыто призывая к борьбе. Сегодня — критика, а завтра — гражданская война. Мы ее не хотим. Мы всюду дадим один лозунг. Разъясните крестьянам, как опасен раскол, охраните Советскую власть путем твердой дисциплины и скажите в провинции нашим друзьям, единомышленникам, все. Вместе с тем, мы заявляем: вы, товарищи, члены Всероссийского Съезда Советов, и вы, противники наши, когда выходите на трибуну, будьте осторожны в ваших выражениях. Зачем Лозовский, объясняя репрессии против левых с.-р., как ответ на убийство графа Мирбаха, сказал: мы требуем, чтобы нам сказали о тех требованиях, которые предъявлены Германией Советской власти за работу левых «эс-эров». Я не знаю, для какой бесчестной цели сказал он новую клевету и ложь.

Нет ни одной бесчестной выдумки, чтобы не нашлись какие-нибудь Лозовские, которые, выйдя на трибуну, не стали бы повторять ее перед рабочими и крестьянами. Будьте осторожны с такой бесчестной провокацией. Не становитесь, хотя бы бессознательно, передатчиками такого рода бесчестной клеветы. Наоборот, из этой бесчестной клеветы, из этого тяжелого урока мы можем извлечь для себя кое-какую выгоду. Известный нарыв назрел на периферии Советской власти. Он прорвался сравнительно безболезненно, потому что прорвался в Москве, как центре, где сосредоточено население наиболее сознательное, где находятся хорошие воинские части (В дальнейшем, главным образом, нужно обращать внимание на то, есть ли внутри организация?). И когда где-либо будут настраивать против Советской власти темное крестьянство, будут говорить про нас, что мы насильники, которые грабят трудовое крестьянство, платят германскому империализму, отправляют ему всю мануфактуру, в то время, когда крестьяне ходят нагими, если такого рода агитация будет вестись,

то, знайте, что это есть не что иное, как предвестник завтрашнего взрыва новой гражданской войны. Поэтому вы, представители правящего класса, несете большую ответственность, когда вы, по поручению этого правящего класса, создаете Советскую власть, ваш ответственный, наш политический орган. И когда вы услышите злостные, клеветнические выпады, когда предвзятый человек будет распространять ложные слухи, возьмите его за руку и скажите: «Советская власть вышла из октябрьской революции и она хочет нам только лучшего. Если она ошибается, мы спокойно поправим ее ошибки на Всероссийском Съезде Советов».

Советскую власть, которую вы создали, надо охранять, и мы будем это твердо делать под тем знаменем, которое вы нам вручили.

Примечание. Выступление левых эс-эров против Советской власти 6/VII — 1918 г. положило конец тому политическому блоку, который после октября, а частью и до него, образовался на платформе Советской власти и борьбы против буржуазии и соглашателей из коммунистов, левых эс-эров и анархистов.

Эта условная временная коалиция в ходе революции неизбежно должна была распасться, в силу полного социального различия программ ею объединяемых партий.

Первый крах она пережила еще в апреле 1918 г., когда Советская власть, принужденная к этому их дезорганизаторской деятельностью, разоружила и призвала к порядку анархистские организации.

Чтобы рядом с оценкой выступления левых эс-эров, как части после октябрьского блока, дать объяснение того, почему Советская власть, в лице господствовавшей в Советах коммунистической партии, порвала также и с другим компаньоном—анархистами, чтобы установить общий факт распада к июлю 1918 г. Советского блока,— ниже я привожу соответствующее извлечение из моей речи от 14 апреля того же года, произнесенной в одном рабочем собрании и изданной под названием «Слово русским рабочим и крестьянам» к-вом «Жизнь и Знание» М. 1918 г.

(Подробно о разрыве с анархистами смотри «Протоколы В. Ц. И. К. 4-го созыва» И-во В. Ц. И. К. М. 1918 г.)

Меня спрашивают: «Вы себя считаете социалистами-коммунистами, а вот своих товарищей коммунистов-анархистов расстреливаете и сажаете в тюрьму?»

Этот вопрос, товарищи, действительно, заслуживает разъяснения. Мы, марксисты-коммунисты, являемся глубокими противниками анархистского учения. Это учение ошибочно, но за него никак нельзя арестовывать, сажать в тюрьму, а тем более расстреливать.

Я сперва скажу в двух словах, в чем ошибочность анархистского учения. Анархисты говорят, что, дескать, рабочему классу не нужна власть; ему нужно организовать производство. Власть, мол, есть буржуазная выдумка, власть — буржуазная принудительная машина, и рабочему классу брать в свои руки власть не нужно. Это — ошибочно с начала до конца. При организации хозяйства в деревне Нееловке, и вообще на мелких клочках земли, власть государственная, действительно, не нужна. Но при организации хозяйства во всей России, в большой стране, — а как нас ни обобрали, мы все еще страна большая — нужен государственный аппарат, аппарат, который находился до сих пор в руках у враждебного класса — у класса, который эксплоатировал и обирал трудящихся. Мы говорим: для того, чтобы организовать хозяйство по-новому, нужно аппарат государственный, правительственную машину вырвать из рук врагов и взять в свои руки. Иначе — ничего не выйдет. Откуда эксплоатация, гнет? От частной собственности на средства производства.

А кто эту частную собственность отстаивает, поддерживает? Государственная власть, доколе она в руках буржуазии. Кто может частную собственность отменить? Государственная власть, как только она попадет в руки рабочего класса.

Буржуазия говорит: не трогайте государственной власти — это есть священное наследственное право образованных классов. А анархисты говорят: не трогайте — это есть адова выдумка, чортова машина, не прикасайтесь к ней. Буржуазия говорит: не трогайте — это священно; анархисты говорят: не трогайте — это греховно. И те и другие говорят: не трогайте. А мы говорим: не только тронем, но и в руки возьмем и пустим в ход в своих интересах, для уничтожения частной собственности, для освобождения рабочего класса.

Но, товарищи, как ни ошибочно учение анархистов, за это ни в коем случае нельзя их преследовать. Многие анархисты являются честнейшими сторонниками рабочего класса; они только не знают, каким путем замок отпирается, как дверь открыть в царство свободы, — и они толкутся возле двери, переминаясь с ноги на ногу, а как ключи повернуть — не догадываются. В этом беда их, а не вина, не преступление, и за это наказывать их нельзя.

Но, товарищи, под флагом анархизма у нас за время революции — это все знают, и это лучше всех знают честные идейные анархисты — скопилось очень много всякого хулиганского воронья, грабителей, ночных рыцарей. Вчера еще он за изнасилование женщины сидел на каторге или за воровство — в тюрьме, или за грабеж был на поселении, а сегодня он говорит: «Я анархист из клуба «Черный Ворон», из клуба «Буря», «Штурм», «Лава» и т. д., и т. д., — есть много названий, много.

Я, товарищи, об этом разговаривал с идейными анархистами, и они сами говорят: «К нам много привязалось этого черного воронья, хулиганов, всякой уголовщины».

Что в Москве происходит, вы знаете прекрасно. Анархистами облагаются данью целые улицы или захватываются здания, помимо Совета Раб. и Кр. Депутатов, помимо рабочих организаций, и бывает так, что советские организации занимают здание, а хулиганы под маской анархистов, врываются в это здание, пулеметы устанавливают, захватывают броневики и даже артиллерию. Во время ареста у них нашли массу награбленных вещей, груды золота. Московские анархисты просто налетчики, громилы, которые компрометируют идейных анархистов. Анархизм — это идейное учение, хотя и ошибочное. А хулиганство есть хулиганство. И мы говорили идейным анархистам: необходимо вам строго размежеваться с громилами, потому что нет большего зла для революции, как если она начнет гнить с какого-либо конца. Вся ткань революции тогда расползется под пальцами. Советский порядок должен быть прочной тканью. Мы власть брали не для того, чтобы грабить, хулиганствовать, разбойничать, пьянствовать, а для того, чтобы ввести общую трудовую дисциплину и честную трудовую жизнь.

Я считаю, что Советская власть поступила совершенно правильно, когда гг. лжеанархистам сказала: «Вы не думайте, что ваше царство настало, вы не думайте, что русский народ и Советское государство есть теперь падаль, на которую может слетаться воронье и расклевывать на части. Если вы хотите вместе с нами жить на трудовых началах, то вместе с нами подчинитесь общей советской дисциплине трудящегося класса, а если вы встанете нам поперек дороги, то не взыщите: мы вам покажем ежовые рукавицы рабочего правительства, Советской власти!»

Если мнимые анархисты, а попросту громилы, попытаются и далее действовать в том же направлении, то вторая расправа будет втрое и вдесятеро суровее, чем первая. Говорят, что среди этих хулиганов попалось несколько честных анархистов; если это верно — а, повидимому, это верно относительно нескольких человек, — то это очень прискорбно, и необходимо их немедленно освободить. Необходимо им выразить полное наше сожаление, но и сказать вместе с тем: товарищи-анархисты, чтобы таких неприятностей впредь не было, вы проведите между собою и хулиганами водораздел, твердую черту, чтобы вас не смешали друг с другом, чтобы раз навсегда знать: это — громила, а это — честный идейный человек.

Л. Т.

Приказ

Народного Комиссара по военным делам.

Наряду с частями, безукоризненно исполнявшими свой долг во время контр-революционного мятежа левых эс-эров, в составе московского гарнизона оказались недостойные группы, которые либо примыкали к мятежникам, либо ослаблялись внутренними раздорами.

Для расследования поведения всех частей московского гарнизона, для установления порочных элементов в его среде с целью примерного их наказания, учреждается комиссия в следующем составе: председатель — М. С. Кедров, члены — Даннишевский, Аросев.

Эта комиссия имеет право создавать подкомиссии в отдельных районах или частях. Результат расследования представить не позже 15-го июля.

Июль 1918 г.

Ликвидация мятежа.

Официальное сообщение.

Безумное восстание так называемых левых эс-эров ликвидировано. Судебно-следственная власть выяснит в ближайшие дни точную фактическую картину этой беспримерной авантюры и установит степень ответственности отдельных ее участников. Но политический смысл московских событий 6—7 июля совершенно ясен уже в настоящий момент.

Подчиняясь давлению буржуазных классов общества, левые эс-эры за последние недели делали все более и более настойчивые усилия к тому, чтобы вовлечь Россию в войну с Германией. Эти усилия выражались не только в указаниях на исключительно тяжкие условия брест-литовского договора, но и в измышлении и распространении чудовищных слухов и подозрений, способных возбуждающим образом повлиять на народное воображение. Сознательные рабочие и крестьяне отдают себе, разумеется, достаточно ясный отчет в тягости условий брест-литовского договора. Но не менее ясный отчет дают они себе в том, каковы были бы последствия вовлечения истощенной и обескровленной России в империалистическую бойню. Оттого подавляющее большинство рабочих и крестьян сознательно отвергало разрыв брестского договора, чего неистово требуют кадеты, правые эс-эры, меньшевики и левые эс-эры.

Неудача демагогической агитации в пользу войны толкнула левых эс-эров на путь бессмысленной и бесчестной авантюры: они решили посредством террористического акта вовлечь Россию в войну против воли рабочих и крестьян. После того, как пятый всероссийский съезд советов категорически одобрил внешнюю политику Совета Народных Комиссаров, некий Блюмкин произвел по постановлению центрального комитета партии левых эс-эров убийство германского посла графа Мирбаха.

Совершая этот провокационный акт, левые эс-эры опирались не столько на свой партийный аппарат, сколько на то официальное положение, какое они занимали в качестве советской партии. При поддержке своей партии Блюмкин проник в состав чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Воспользовавшись своим официальным положением, он захватил в свои руки одни документы, подделал другие, проник под официальным прикрытием своего положения в помещение германского посла и совершил там продиктованное ему центральным комитетом партии убийство.

Одновременно левые эс-эры открыто приступили к мятежническим действиям, которые имели своею целью насильственно передать государственную власть из рук всероссийского съезда советов в руки той партии,

которая на этом съезде оказалась в меньшинстве. Члены ц. к. левых эс-эров пытались развернуть восстание, опираясь на часть отряда комиссии по борьбе с контр-революцией. Этот отряд состоял под командой левого эс-эра Попова. Вовлеченные в заговор части отряда Попова, усиленные деморализованными элементами из состава Черноморского флота, выдвинули уличные караулы и патрули, арестовывали отдельных представителей Советской власти, разоружали и обстреливали отдельные группы красноармейцев. В распоряжении мятежников находились пулеметы, орудия и броневики.

Так развернулось 7-го июля восстание советской партии, оказавшейся в меньшинстве, против власти советов.

Успех восстания (если бы авантюра могла иметь успех) означал бы: немедленную войну с Германией и крушение Советской власти, так как ни один здравомыслящий человек не мог, разумеется, допускать, что левые эс-эры окажутся способны хотя бы на 24 часа удержать в своих руках власть, вырванную из рук рабочих, крестьянских и красноармейских советов. По существу всего положения левые эс-эры выступали 6—7 июля, только как боевая дружина на службе контр-революционной буржуазии, для которой они расчищали дорогу.

В этих условиях Совет Народных Комиссаров мог принять только одно решение: в самый короткий срок подавить мятеж, в котором легкомыслие, вероломство и провокация соединились в одно отвратительное целое.

Энергичные действия дали результаты в течение нескольких часов. Левые эс-эры очистили почту и телеграф, где они хозяйничали в течение двух часов. В среде отряда Попова после первого обстрела со стороны советских войск началось разложение. Значительная часть отряда с возмущением относилась к авантюре и стала целиком на сторону захваченных мятежниками в плен представителей Советской власти—тт. Дзержинского, Лациса и Смидовича. Только благодаря этому жизнь их оказалась огражденной от опасности.

Ликвидация мятежа была вполне достойна первоначального замысла и всего хода этой постыдной авантюры. Полная растерянность штаба и деморализация отряда шли параллельно. Поставя перед собой такую цель, как захват государственной власти, вожди левых эс-эров, повидимому, совершенно не оценивали размеров и значения этой совершенно непосильной для них задачи. Мятежники после ничтожных попыток сопротивления начали посылать в разных направлениях парламентеров, а затем перешли к беспорядочному отступлению.

Преследование бегущих идет сейчас с полным успехом. Число захваченных в плен исчисляется уже сейчас несколькими сотнями. Подробные данные будут представлены правительством на ближайшем заседании всероссийского съезда советов, который скажет свое решающее слово как по поводу мятежа 6—7 июля, так и по поводу всей судьбы так называемой партии левых эс-эров.

Изв. ВЦИК, 8 июля 1918 г. № 141.

Солдаты Рабочей и Крестьянской Красной Армии!

Приказ
Народного Комиссара по Военным и Морским Делам
15 июля 1918 г. № 561.

После безумного и бесчестного мятежа левых эс-эров, германское правительство потребовало допущения в Москву батальона немецких солдат для охраны германского посольства [98].

Центральный Исполнительный Комитет советов рабочих и крестьянских депутатов ответил на это требование решительным отказом. Советская власть хочет мира со всеми народами. Но именно поэтому она не может допустить появления чужестранных империалистических войск на почве Советской республики. Германские солдаты в Москве были бы такой же угрозой для свободы и независимости русского народа, как чехо-словацкие наемники в Самаре, англо-французские банды на Мурмане или японские во Владивостоке.

Солдаты Советской республики! Россия хочет жить в мире со всеми народами. Но именно поэтому вы должны быть готовы дать отпор насилию, откуда бы оно ни исходило. Революционный порядок в Москве может охраняться советскими войсками и никем более. Волга, Урал и Сибирь должны быть очищены от врагов. Урал сейчас более, чем когда бы то ни было, — становой хребет Советской России. Нельзя ни одного лишнего дня терпеть там банды, преграждающей нам путь к сибирскому хлебу. Для того, чтобы Советская Россия могла жить, развиваться и давать твердый отпор насилию извне, нужно на собственной нашей территории беспощадно раздавить чехо-словацкий и белогвардейский мятеж.

Солдаты революции! Советская Россия, жаждущая свободы, мира и хлеба, указывает вам рукою на Урал и говорит:

Задушите гадину!

КРАСНАЯ АРМИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Создание Рабочей и Крестьянской Красной Армии.

Доклад на 5 Съезде Советов в заседании 10 июля 1918 г.

Наши противники, а, тем более, наши враги, — хотя можно сказать, что ходом революции наши противники превращаются в наших врагов, — обвиняли нас в том, что мы только постепенно, только с запозданием пришли к необходимости создать армию и притом построенную на твердых, планомерных, научных началах.

Программа нашей партии, как программа всякой рабочей социалистической партии, говорит отнюдь не о разрушении и упразднении армии в настоящую эпоху борьбы, а лишь о построении ее на новых демократических началах, на началах милиционных, на принципе всеобщего вооружения.

Я скажу в дальнейшем о том, какое видоизменение получает этот принцип всеобщего вооружения в революционных условиях эпохи гражданской войны. Сейчас же, прежде, чем перейти к этому вопросу, надо спросить себя: почему исчезла старая армия, которая была армией регулярной и, в меру материальных и идейных сил и средств старого режима, построенной на научных началах?

Главная причина гибели царской армии заключается не в антимилитаризме революции, не в том, что революция отрицает военную оборону, как таковую, а исключительно в классовой структуре самой старой армии, в том, что она, состоя, конечно, в своей массе из крестьян и рабочих, имела правящий аппарат, который был построен, организован и воспитан так, чтобы эта армия автоматически служила господствовавшему тогда классу, увенчивавшемуся монархической верхушкой.

Этого, разумеется, мы никогда не забываем. И оттого нам кажется несостоятельным, ребяческим утверждение некоторых военных специалистов, будто бы армию погубила политика, и будто бы армия может существовать, как здоровый и боеспособный организм, только тогда, когда она поставлена вне политики.

Недавно, например, один из виднейших старых генералов, Брусилов, поведал буржуазной печати по поводу воспоминаний Керенского, вышедших отдельной брошюрой, что распадение старой армии явилось процессом, вызванным революцией, как таковой, и что воссоздание боевых сил возможно лишь при изолировании армии от политики. Под именем «политики» в этом утверждении фигурируют, разумеется, интересы рабочих и крестьян-

ских масс, потому что никогда в истории не было армии, — ее и сейчас нигде нет, — которая стояла бы «вне политики».

«Война,—говорит знаменитый немецкий теоретик войны Клаузевиц,— есть продолжение политики, но только другими средствами», т. е. армия данной страны подчинена политике данной страны.

Из этого явствует, что армия царизма была не чем иным, как вооруженной силой, приспособленной для обслуживания интересов царизма и проводившей именно его политику. Для вящшего доказательства я не буду напоминать о внешнем ее состоянии и присяге на верность царю, о так называемом национальном гимне, который был гимном царизма, о табельных днях, парадах, обо всем том, что создавало вокруг армии атмосферу сгущенной царистской политики. Я укажу лишь на командный состав, превращенный в аппарат для подчинения крестьянских и рабочих масс требованиям господствовавших верхов страны.

И если старая армия распалась, то это произошло не от тех или других зловредных лозунгов, а от того, что произошла самая революция, т. е. возмущение рабочих и крестьянских масс против командовавших раньше имущих классов. Старая армия лишь разделила судьбу всей старой России. Если восстание крестьян против помещиков, рабочих против капиталистов, всего народа против старого царства бюрократизма и против самого царя означало распад старой России, то распад армии этим самым был предопределен. Он был заложен во внутренней механике революции в динамике ее классовых сил.

И когда нам теперь бросают обвинение в том, что октябрьская революция нанесла армии неисцелимую рану и разложила ее, то, товарищи, я, который этот период пережил в Петрограде, очень хорошо помню, помнят это и многие из вас, как в течение сентября и октября, до момента октябрьской революции, к нам, в Петроградский Совет, приходили делегаты от полков, дивизий, корпусов и целых армий и говорили: «назревает в окопах нечто грозное. Армия не станет больше оставаться в окопах, если не будет сделано решительных шагов в сторону мира».

В тот период в окопах распространялись самодельные солдатские прокламации, и в них писалось, что мы, т. е. солдаты, остаемся до первого снега, а затем побросаем окопы и уйдем прочь.

И если эта истощенная и внутренно пораженная армия—пораженная прежде всего, еще при царизме, страшными внешними ударами со стороны германской армии, затем подлостью и бесчестностью царского режима и, наконец, обманом соглашателей и буржуазии после февральской эпохи, бросившей армию в наступление 18 июня,—если эта трижды пораженная армия в течение ноября, декабря, января, при страшном отливе из окопов, все-таки продолжала еще держаться на местах, то она была удержана только идейным натиском октябрьской революции.

Но сохранить эту армию, как таковую, не могла уже никакая сила, ибо эта армия была внутренно разрушена: она должна была атомизиро-

ваться, распылиться,—каждый солдат,—рабочий и крестьянин,—должен был демобилизоваться, войти обратно в свои трудовые соты, хозяйственные ячейки, чтобы оттуда, возродившись, мог он снова вступить в новую армию, построенную сообразно с интересами и задачами новых классов, ставших у власти — рабочих и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда.

«Ведь, вы пытались построить армию на принципе добровольчества», ставили нам новое возражение.

Я не знаю ни одного человека в нашей среде, который когда бы то ни было полагал, что принцип добровольчества является здоровым принципом в организации подлинно-народной демократической армии. Принцип добровольчества был принят Англией — державой хищнической, для которой главная военная задача заключалась в организации флота, а флот не требует большого человеческого материала. Принцип добровольчества применялся и Соединенными Штатами, которые до последнего времени не вели, вне Америки, империалистическо-захватной политики, потому что сама американская территория представляла широкий простор для буржуазии Нового Света.

За исключением Америки и Англии, решительно во всех буржуазно-демократических странах принцип всеобщей воинской повинности являлся неизменным, будучи и здесь навязан общими условиями, режимом политической жизни и т. п.

И партия рабочих и крестьян, и Советская власть, опирающаяся на эти классы, ни в коем случае, не могли ставить вопрос об обороне страны в зависимость от прилива добровольцев. Они пришли к временному применению добровольческого принципа только потому, что переживали самый острый, переломный момент революции, когда старая армия распалась и распылилась, и, вместе с нею, распался и распылился старый аппарат военного управления как в центре, так и на местах.

Для того, чтобы набирать новую армию по законам, диктуемым интересами трудящихся классов, нужно было, во-первых, чтобы старая армия окончательно разбрелась по трудовым и классовым ячейкам и превратилась бы в сырой материал, из которого затем можно было бы строить новую социалистическую армию, а, во-вторых, чтобы был предварительно создан аппарат военного управления в центре и на местах, который смог бы взять на учет весь наличный человеческий материал и планомерно привлекать его к несению важнейшей из всех гражданских повинностей— к несению повинности по охране Советского Рабочего и Крестьянского режима и отечества.

Вот, почему, товарищи, в тот момент, когда мы еще не успели создать органов для учета, призыва и обучения новых кадров, но, вместе, с тем, когда нельзя было ждать, ибо враги наши, внутренние и внешние, не дремали, нам осталось лишь обратиться к народу и сказать: «вы, рабочие, вы, крестьяне, которые видите трудное положение Советской власти, нашей

власти, откликнитесь, и те из вас — из рядов старой армии, с заводов и из деревень, которые хотят спасать социалистическое отечество, немедленно вставайте под знамя Красной Армии на началах добровольческих».

Это не было принципом, который мы отстаивали и проводили.

Это была необходимая компромиссная мера для данного момента, ибо не оставалось никакого другого выхода. Но если вы возьмете все наши принципиальные заявления со времени октябрьской революции, все наши программные речи, то вы тогда сможете установить, что мы оценивали принцип добровольчества именно как временную меру, как паллиатив, как меру, стоящую в принципиальном противоречии с задачами построения настоящей рабочей и крестьянской армии.

Вот почему мы задались задачей, прежде всего, создать орган военного управления на местах, орган учета, призыва, формирования и обучения. Местные военные комиссариаты уже не являются отделами местных Советов, а находятся в иерархическом подчинении один другому, вплоть до Народного Комиссариата по военным делам.

8 апреля мы провели декрет о создании волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов.

Окружные комиссариаты подчиняются Народному Комиссариату по военным делам.

Это, товарищи, важнейшая военно-административная реформа, без добросовестного и точного проведения ее на местах мы никакой серьезной мобилизации не проведем, даже тогда, когда условия для нее улучшатся, а они улучшатся в тот момент, когда мы соберем новый урожай.

На создании армии отражается общее состояние страны, ее экономическое положение, наличность продовольственных запасов, транспорта и т. д. Все те трудности, о которых здесь докладывали отдельные Народные Комиссары и отдельные делегаты с мест, разруха и прочие явления — все это отражается на деятельности Военного Ведомства и затрудняет работу по созданию армии. Я говорю это не для того, чтобы в ком-нибудь укреплять скептицизм. Наоборот, я проникнут той же верой, которая, несомненно, живет в каждом из вас, верой в то, что мы со всеми трудностями и опасностями справимся, все преодолеем и создадим благоприятную обстановку для укрепления Советской Республики.

Сейчас, прежде всего и раньше всего, нам необходимо создать аппарат военного управления в уездах, волостях, губерниях и округах. Я уже не говорю про волостные комиссариаты. Они созданы лишь в незначительном меньшинстве волостей. Но и уездные комиссариаты не везде и не вполне организованы, не имеют всех отделов и не всегда располагают тем штатом, который нами утвержден, т. е. не имеют специалистов. Даже губернские комиссариаты в некоторых местах хромают на одну, а то и на обе ноги и не имеют достаточного количества компетентных работников, авторитетных и крепких комиссаров. А без всего этого, товарищи, мы, разумеется, никакой армии создать не сумеем.

Нужно, далее, чтобы каждый комиссариат хорошо помнил свою иерархическую зависимость от комиссариата, стоящего выше над ним: волостной от уездного, уездный от губернского, губернский от окружного, окружный от центра — от Москвы. Это простая механика, но ее нужно усвоить, а, между тем, это не всегда делается. Советский централизм вообще находится еще в зачаточном состоянии, а без него мы ничего не создадим ни в продовольственной, ни в других областях, ни тем более в военной области.

Армия, по своему существу, есть строго-централизованный аппарат, тесно связанный нитями со своим центром. Нет централизма — нет армии.

По этому поводу вы слышали здесь утверждение, будто нам вовсе и не нужна армия, построенная на научных началах, а нужны партизанские дружины. Но это все равно, как если бы нам сказали: «Рабоче-крестьянскому правительству не нужны железные дороги — будем пользоваться гужевым транспортом; бросим — паровые плуги, где они имеются, и вернемся к сохе-Андреевне; перейдем вообще на режим XVII—XVI столетия»,—потому что возвращение к партизанским отрядам есть скачок на целые столетия назад.

Да, действительно, когда мы работали в подпольи, мы создавали партизанские отряды, но и в них мы стремились внедрить максимум централизации и единства действий. Однако, мы завоевали власть не для того, чтобы продолжать кустарническим способом ковылять к своей цели. Взяв в свои руки весь централизованный государственный аппарат, мы хотим построить его на новых началах, превратить его в аппарат вчера еще угнетенных и унижениых масс. Дело идет о величайшем историческом опыте, который вы должны произвести, об опыте постройки рабоче-крестьянского государства и хозяйства и создания рабоче-крестьянской централизованной армии.

Для этого мы, первым делом, должны ввести строжайший Советский централизм. К сожалению, на местах мы сплошь и рядом встречаем противодействие и, боюсь, встречаем его даже со стороны некоторых из тех товарищей, которые присутствуют здесь. Психологически такое противодействие понятно: оно создалось еще от господства старого бюрократического централизма, который душил всякую свободную инициативу, всякую личность. И теперь, когда мы сбросили этот старый бюрократический аппарат, нам кажется, что каждый из нас может действовать вполне самостоятельно, все сумеет и сам все будет делать. На центр мы привыкли смотреть, как на помеху и угрозу. К центру, мы, товарищи, обращаемся тогда, когда нужны деньги или броневики, а у всех волостей сейчас великая симпатия к броневикам, и нет такой волости, которая не требовала бы, по крайней мере, дюжины броневиков.

Но центр может вам давать лишь то, что нужно, и тогда, когда это нужно, и притом, если вы умеете брать и держать все это в руках.

Нужно положить предел такому порядку, когда из уездов посылают делегатов в Москву чуть ли не за каждой портянкой, думая, что так будет скорее. А это создает величайшую разруху и затруднения. Надо, например, чтобы в военном ведомстве губернские совдепы учили своих комиссаров наблюдать за уездными совдепами, чтобы все сметы и ведомости направлялись через округа. Только таким способом мы наладим военный аппарат, который поможет создать нам армию.

Разумеется, этот военный аппарат — есть только административный скелет. Для того, чтобы создать армию, необходимо при помощи этого аппарата привлечь живой, творческий, человеческий элемент, элемент сознательный, ибо в этом и заключается отличие нашей армии от старой. И царская армия была, главным образом, крестьянской, но крестьяне были бессознательны, темны; не рассуждая, они шли туда, куда их вели. Дисциплина не проходила через индивидуальное сознание каждого отдельного солдата.

Теперь в стране часто жалуются, и мы жалуемся, что дисциплины нет. Старая дисциплина нам не нужна — та дисциплина, при которой каждый темный крестьянин и рабочий был пригнан к своему полку, к своей роте, к своему взводу и шел, не спрашивая, зачем его ведут, зачем заставляют проливать кровь. В темном крестьянине и угнетенном рабочем революция пробудила человеческую личность, и это главное величайшее завоевание революции.

Революция дала крестьянам землю, революция дала рабочему и крестьянину власть; это огромные завоевания, но нет более важного завоевания революции, как пробуждение в каждом угнетенном, униженном человеке человеческой личности.

Этот процесс пробуждения личности принимает, на первых порах, хаотическую форму. Если вчера еще крестьянин не считал себя человеком и, по первому приказу начальства, готов был слепо итти проливать свою кровь, то теперь он не хочет слепо подчиняться. Он спрашивает: куда меня зовут, зачем меня зовут? и заявляет: не пойду, не хочу подчиняться! Он так говорит потому, что в нем впервые пробудилось сознание своего человеческого достоинства, своей личности, и это сознание, слишком яркое, неперебродившее еще, выливаясь в поступки, принимает анархические формы.

Нам нужно достигнуть такого соотношения, когда каждый крестьянин, каждый рабочий сознавал бы себя человеческой личностью, которая имеет право на уважение, но и чувствовал бы себя частью трудового класса республиканской России и был бы способен безоговорочно принести свою жизнь в жертву этой Советской Республиканской России.

Если раньше трудящийся человек не ценил себя, то теперь он, наоборот, не ценит целого. Нужно помнить о целом, нужно помнить об интересах всего класса трудящихся, о нашем трудовом рабочем социалистическом отечестве.

Вот тот психологический цемент, при помощи которого мы можем создать новую армию, настоящую Советскую сознательную армию, связанную дисциплиной, прошедшей через головы, а не просто дисциплиной палки. Вот такую дисциплину мы проводим и другой дисциплины мы не хотим знать.

Но для этого, повторяю, необходимо иметь централизованный аппарат.

Я указал в самом начале, что принцип демократии — это принцип общей мобилизации, а так как мы этого не вводим, то на нас сыплется много нападок со стороны буржуазных газет и буржуазной политики. От нас требуют, чтобы мы ввели всеобщую воинскую повинность.

Всеобщая воинская повинность — это необходимый режим для эпохи мирного демократического строя. Но мы живем в условиях открытой гражданской войны класса против класса. Это основной факт, из которого мы исходим. Хорош этот факт или плох, мы не будем говорить. Гражданская война есть не принцип, а факт, подготовленный веками исторического развития, веками угнетения трудящихся, которые восстали против этого угнетения. Не считаться с этим фактом мы не можем.

Гражданская война беспощадно рассекает национальную оболочку. Имущие классы в любой момент готовы протянуть руку любому насильнику-иностранцу, чтобы раздавить рабочих и крестьян своей страны. Это тоже факт, который нашел себе подтверждение в событиях на Украине, на Дону, на Мурмане и на побережьи Волги. Везде буржуазные классы относятся к власти рабочих и крестьян с гораздо большей ненавистью, чем к власти германских или англо-французских империалистов или чехословаков — ставленников французской биржи.

Раз гражданская война у нас есть, то, естественно, что мы не заинтересованы в том, чтобы вооружать наших классовых врагов, являющихся в то же время союзниками всех наших внешних врагов. Мы не хотим вооружать буржуазию, которая готова поставить полученное оружие на службу иностранному империализму.

Мы отвергли учредительное собрание, потому что эта демократическая оболочка является лишь пустопорожней формой там, где класс стоит против класса, и вопрос о власти решается оружием. И всеобщая воинская повинность в данный момент, в данных условиях является такой же пустопорожней оболочкой.

Всеобщая повинность на деле вылилась бы для буржуазии в повинность побежать к Краснову, на Урал, к чехо-словакам, соединиться со всеми врагами и броситься на нас, а повинность для нас выражается в том, чтобы сломить буржуазию и наших внешних и внутренних врагов.

Этим определяется тот принцип, на котором мы строим нашу армию. Мы включаем в нашу армию рабочих и крестьян, наша армия — отражение всей системы Советов, отражение Всероссийского Съезда Советов. Понятно, что буржуазные агенты — с.-р. и меньшевики — жестоко нападают на наш метод создания армии. Конечно, наша армия им ненавистна, так как она

является орудием Советского строя. Повторяя приведенные уже мною слова немецкого теоретика, что война и армия являются отражением общей политики, мы можем сказать, что при Советской рабоче-крестьянской политике необходимо иметь Советскую Красную рабоче-крестьянскую армию.

Но среди крестьян и рабочих ведется агитация, что вот, дескать, Советская власть возлагает на вас воинскую повинность, а буржуазию и помещиков от этого освобождает. На этот аргумент вы, товарищи, должны отвечать так: «В эпоху, в которую мы живем, винтовка не бремя, а привилегия, монополия господствующего класса».

За недостатком времени и за неимением еще вполне законченного военного аппарата, мы до сих пор не успели привлечь буржуазию к несению тягот, от которых буржуазные классы, конечно, не должны быть избавлены. В Совете Народных Комиссаров разрабатывается и в ближайшие дни, надеюсь, будет проведен ряд декретов, которые привлекают буржуазию к несению соответствующей тяготы. Из буржуазии будут сформированы тыловые ополчения, рабочие и служебные команды [99].

Нам говорят, что это жестоко. На это мы отвечаем: если буржуазная молодежь докажет на деле, что она предана крестьянскому и рабочему классу и готова вместе с нами жить, из одного братского котла есть, готова отражать наших внешних и внутренних врагов, то для такой молодежи мы, разумеется, широко и свободно откроем ворота Красной Армии. Но те, из кого революция не вытряхнула еще мысли о восстановлении помещичьей и буржуазной власти, — те нуждаются в широкой выправке. Мы скажем: «Деды, прадеды и отцы наши служили вашим прадедам и отцам, подчищали грязь и навоз, а мы вас заставим подчищать грязь».

До тех пор, пока вы не признаете, что Советская Россия есть страна трудового равенства, трудовых обязанностей, гражданских и военных, до тех пор мы будем подвергать вас жестокой выучке.

Но опять-таки для практического разрешения этого вопроса необходимо создание военных комиссариатов на местах, повсеместный учет и контроль как рабочего класса для привлечения в армию, так и буржуазии — для привлечения в тыловые команды.

Вопрос о всеобщем обучении военному делу разрешается нами, как я уже сказал, на основе общего принципа Советского режима. Мы приступаем (и уже приступили) к обучению военному делу всех рабочих и всех крестьян, не эксплоатирующих чужого труда. Но эти колоссальные кадры, которые должны пройти через школу обучения, еще не армия, а лишь тяжелые резервы, которые могут быть призваны в критическую минуту. Между тем, нам необходимо сейчас иметь основное ядро армии, которое было бы боеспособным в каждую минуту. Этот боеспособный кадр мы составляли до сих пор путем добровольчества, но от этого принципа мы должны были отказаться и практически пришли к методу принудительной военной мобилизации.

Мы сделали пока один практический законченный опыт. Здесь, в Москве, мы произвели мобилизацию двух возрастов — 1896—97 гг. Как всегда, во всех буржуазных закоулках и подворотнях шушукались, что наш опыт ни к чему не приведет, что ни один рабочий не явится. Вы знаете, товарищи, что мы не прибегли ни к одной мере насилия, ибо в этом не было никакой надобности: рабочие все явились, как один человек, и мы взяли из числа явившихся то количество тысяч, которое было нам нужно, и из них мы создадим прекраснейшие боевые полки.

Совнарком предписал Петроградской коммуне произвести такую же мобилизацию двух возрастов — 1896—97 гг. Кроме того, нами дополнительно производится мобилизация трех возрастов рабочих, принадлежащих к артиллерийским и инженерным войскам.

Кто знает петроградский пролетариат, тот не усомнится, что мобилизация пройдет там безупречно. По общему декрету, без указания сроков, объявлена мобилизация в 50 уездах Поволжья, Урала, Сибири, Дона и Кубани, но там еще не вполне налажены военно-административные предпосылки для фактического проведения мобилизации.

Все эти наши частичные опыты являются только подготовительными шагами к объявлению закона о том, что каждый гражданин Советской Республики от 18 до 40 лет в любой момент по призыву центральной Советской власти должен становиться под знамена для защиты этой власти.

Мы будем просить Съезд дать нам право, в интересах Советской Республики, мобилизовать по 2, по 3 и более возрастов, в зависимости от тех условий, которые будут налицо. Дав нам это право, вы, товарищи делегаты Съезда, разъехавшись на места, будете объяснять перед каждым собранием рабочих и крестьян, что для того, чтобы обороняться от врагов, чтобы не быть под гнетом империалистов, нам нужна военная сила.

И здесь, пользуясь случаем, мы говорим тем товарищам из левых с.-р., которые не ушли от нас и, надеюсь, не уйдут, останутся верными Советской власти, которые, по их словам, с особенной остротой ощущают гнет германского империализма на Украине (правда, они не так ощущали давление другого империализма), которые заявляют: «Мы не хотим быть рабами», мы говорим им: «Мы тоже не хотим быть рабами, мы все хотим быть свободными гражданами Советской России; — поэтому, товарищи, не нервничайте, не занимайтесь истерикой, а стройте на местах роты, батальоны, полки рабоче-крестьянской армии».

Если, товарищи, война и армия являются продолжением политики, то и политика, со своей стороны, является отражением силы армии.

Труднейшим вопросом создания Красной Армии является вопрос о командном составе. Кризис старой армии вызвал раскол между трудовыми массами и господствующим классом, а это привело к разрыву между солдатскими массами и офицерством. Это было неизбежно.

И рабочий класс, и крестьянская масса не имеют еще навыка в управлении, не имеют достаточных знаний, необходимых во всех обла-

стях хозяйственного, государственного и военного управления. Это несомненный факт, на который мы не можем закрывать глаза. У нас чрезвычайно мало инженеров, врачей, генералов и офицеров, которые представляли бы собой плоть от плоти и кровь от крови рабочего класса и крестьян. Все буржуазные специалисты воспитывались в таких учебных заведениях, в такой атмосфере, что у них создалось убеждение, будто трудящиеся массы не могут взять в свои руки аппарата государственной власти, что править могут только образованные буржуазные классы. В момент перехода власти к нам они, в большинстве, оказались в стане наших врагов и лишь некоторые осторожно остались нейтральными и ждали в сторонке, кто победит, чтобы предложить победителю свои услуги.

Но отсюда, товарищи, нельзя делать того вывода, который делают наивные и поверхностные люди, что мы должны отказаться от услуг старого командного состава и обходиться собственными средствами. Иначе мы придем к партизанщине, к военному кустарничеству.

Власть рабочего класса и крестьян начинается не там, где мы дубиной гражданской войны прогнали буржуазию и помещиков от аппарата государственной власти: власть начинается там, где мы этот аппарат взяли в свои руки и заставили служить задачам нашего собственного класса.

Царские пушки, царские пулеметы, броневики, инженеров, генералов, специалистов всех рангов и кадров — мы все берем на учет, заявляя: «Вот, господа, до сих пор все это было в руках имущих классов и служило им, а теперь потрудитесь служить рабочему классу!»

В этот момент нам говорят: «А если изменят?» Разумеется, бывает измена. Разве железнодорожные тузы, всякие праваленцы не занимаются саботажем, призывом к стачкам? Разве не было позорнейших случаев, когда они задерживали передвижения наших красноармейцев? Сколько угодно! Какой же отсюда проистекает вывод? Конечно, не тот, что нам нужно отказаться от железных дорог, а тот, что нужно ловить саботажников и беспощадно душить; а честных инженеров, честных железнодорожных деятелей поддерживать. Совершенно то же самое относится к командному составу.

Среди вас, на местах, говорят: «Приглашают старых генералов». А многие прибавляют: «Восстанавливают старый режим», но когда начинается серьезное дело, нам телеграфируют: «Пришлите опытных специалистов — военных руководителей!» И среди военных руководителей, военных специалистов есть, я утверждаю, целая категория лиц, которая сейчас служит добросовестно Советскому режиму, потому что они видят, что этот режим — твердый, крепкий, умеет себе подчинять. Не брать их на службу было бы жалким ребячеством. Наоборот, все военные специалисты, которые добросовестно исполняют наши предписания, должны встречать самую энергичную поддержку на местах. Местные Советы и совет-

ские люди должны разрушать предрассудки и недоверие к ним масс, должны внушать последним: «Ты, рабочий и крестьянин, ты держишь в руках правительственную власть, ты часть этой правительственной власти; значит, офицеры и генералы — они тебе теперь служат».

— А если, говорят, не доглядим?

— Товарищи! Если мы за этим не доглядим, а в руках у нас вся власть, — то грош нам цена!

Что к нам могут, наряду с честными военными специалистами, проникнуть с десяток или два таких, которые захотят свои посты использовать для контр-революционного заговора, — это возможно. Был такой случай — он имел место в Балтийском флоте, и вы знаете, как он закончился [100].

Нам нужна не кустарническая, построенная на каком-то самодельном принципе, армия, а армия настоящая, централизованная, построенная на началах военной науки и техники. Для этого она должна иметь достаточные кадры военных специалистов.

Сейчас нет еще новых военных специалистов из среды рабочего класса. Поэтому мы привлекаем старых.

Среди кадровых офицеров, сознание и опыт которых формировались только за время войны и революции, есть много таких, для которых опыт событий не прошел бесследно. Они поняли, какой глубокий, органический процесс вызывает революция, они поняли, что народ и армия выйдут другими из революции, что нужно другим путем и методом строить армию. Среди этого молодого офицерства есть не мало таких, которые нас понимают и идут вместе с нами.

Вместе с тем, мы сделали все возможное, чтобы создать наше новое офицерство из среды тех рабочих и крестьян, которые прошли через школу войны, и у которых есть боевое, военное призвание. Мы их пропускаем через инструкторские курсы. Число этих курсов мы будем увеличивать с каждым месяцем и покроем ими всю страну.

В Москве, как я уже докладывал, в подавлении мятежа принимали участие наши завтрашние Советские офицеры, воспитанники инструкторских курсов. Они являются самыми преданными, самыми твердыми солдатами Советской власти. Поставленные во главе небольших войсковых единиц, взводов и рот, они будут оплотом Советского режима, таким оплотом, о который сломятся чьи бы то ни было происки в рядах Красной Армии.

Вместе с тем, мы открыли двери академии генерального штаба, ныне называющейся Военной Академией, для лиц, лишенных ценза. Раньше в академию могли поступать только военные специалисты с определенным образовательным цензом. Мы сказали: каждый солдат, который имеет известный командный опыт, у которого подвижной мозг, известное воображение, способность комбинировать военные задания, может быть допущен в военную академию. Через месяц-два-три мы определим,

по силам ли ему эта работа. Если нет, он переводится на подготовительные курсы, а потом снова перейдет в военную академию. Мы послали туда около 150 новых воспитанников, которые являются преданными солдатами Советской власти, и первый выпуск этих офицеров генерального штаба даст нам наша академия в течение ближайших 10—12 месяцев.

Создавая новый командный состав из среды тех классов, которые теперь призваны к власти, мы пока будем использовывать старый командный состав во всех его здоровых частях, давая представителям этого старого командного состава возможность широкой работы.

Говоря о трудностях, с которыми мы встречаемся при создании новой армии, я должен указать, что самая большая из них — это ужасное местничество, местный патриотизм. Происходит перехват, захват, укрывательство военного имущества, учреждений, всего, чего угодно, органами местной Советской власти.

Каждый уезд, чуть ли не каждая волость считает, что Советская власть будет лучше ограждена, если в пределах данной волости будет сосредоточено как можно большее количество авио-имущества, радио-имущества, винтовок, броневиков, и все стремятся это имущество укрывать; и не только в провинции, даже в центрах, даже в петроградских районах до сих пор наблюдается это ребячество.

Само собой разумеется, что, с точки зрения общегосударственной, нам необходимо иметь все наше военное имущество на учете. Оно осело в процессе демобилизации старой армии, без всякого плана, в разных местах и там рассасывалось, разбиралось, расхищалось, распродавалось. Оно должно быть извлечено, взято на учет, передано по инстанциям, сосредоточено в складах, чтобы быть в распоряжении всей страны.

Неужели не понятно, что какой-нибудь Царево-Кокшайский уезд или любая волость гораздо лучше будут ограждены от внешних врагов и контр-революции, если центральная Советская власть будет иметь на учете и в своих руках все снаряжение и вооружение, вместо того, чтобы военные запасы находились в волости, не умеющей с ними ни справиться, ни распорядиться? Мы посылаем телеграммы, жалобы в губернские Советы на эти непорядки, но в 9 случаях из 10 не встречаем на местах достаточно активной поддержки с вашей стороны, товарищи.

Необходимо этому положить конец; необходимо строжайшим образом бороться против того, чтобы местные Советы перехватывали, присваивали и утаивали военное имущество.

Есть целый ряд и других затруднений более общего характера. О них говорит большое количество донесений, полученных только за сегодняшний день. Я приводить их всех не стану, возьму лишь на выбор, для примера, некоторые из них.

Вот телеграмма из Усманьского уезда, Тамбовской губ.: «Организация Красной Армии идет с большим трудом. В ряды армии записа-

лось очень мало. Упорную агитацию против Советской власти ведут кулаки; в некоторых волостях они разогнали Советы. Вообще усиленно ведется контр-революционная агитация».

Те самые кулаки, которые разрушают продовольственную организацию и укрывают хлеб, ведут борьбу и против Красной Армии. Это означает, что Красная Армия есть не что иное, как отражение всего Советского режима, и она наталкивается на те же трудности, на тех же самых врагов.

Вот сообщение из Вятки: «Дело по организации Красной Армии находится в удовлетворительном состоянии. Беднейшее крестьянство относится к созданию новой Красной Армии хорошо. На общем собрании вынесена резолюция с приветствием рабоче-крестьянской Красной Армии. Среди красноармейцев настроение превосходное, но зато относительно железнодорожников этого сказать нельзя. Среди них ведется контр-революционная агитация. Военный Комиссариат только теперь стал учреждаться».

Там, где железнодорожники представляют собой старые черносотенные кадры, где они идут на поводу у своих правленцев, там они восстают против Советской власти и против Советской рабоче-крестьянской армии.

Из Калеевской волости Волоколамского уезда Московской губ. я получил сообщение о том, что там крестьяне одной деревни заявили, что все, состоящие на службе в рядах Красной Армии, должны немедленно оставить свою службу и к 30-му июня вернуться в свои деревни. Неисполнившие этого постановления будут лишены крестьянского состояния (так говорится в постановлении) и не будут приняты в деревню. Это доносит один из комиссаров и говорит, что это произвело очень тяжелое впечатление на Красную Армию. Я, товарищи, пользуюсь этой высокой трибуной Всероссийского Съезда Советов, чтобы кулакам и черносотенцам Калеевской волости Волоколамского уезда дать первое предостережение. Лишать красноармейца крестьянского состояния они не имеют права. Они сами будут лишены всякого состояния, если посмеют восстать против создания рабоче-крестьянской армии.

На местах идея обязательной воинской повинности встречает, по тем сведениям, какие мы имеем от наших комиссаров, в большинстве случаев, вполне благоприятное отношение со стороны рабочих и крестьянской бедноты. Так, я получил телеграмму от нашего окружного комиссара относительно ярославского губернского съезда. Он пишет, что ярославский губернский Съезд приветствует последний декрет о всеобщей воинской повинности и считает, что одной из главных задач, быть может, самой главной задачей переживаемого момента является формирование, техническое обучение и вооружение по последнему слову военной науки рабоче-крестьянской Красной Армии. Съезд твердо убежден, что Советской России удастся осуществить ее заветные желания и впредь быть в состоянии противопо-

ставить всем империалистам мира не только идейную, но и боевую вооруженную силу. Подписал представитель Съезда Нахимсон.

Нахимсон был нашим окружным комиссаром. Он убит в Ярославле во время белогвардейского мятежа. Он был одним из преданнейших работников Советского режима, одним из лучших наших комиссаров. Ту идею, которую он здесь изложил, мы будем осуществлять, создавать технически вооруженную по последнему слову науки и прекрасно обученную рабоче-крестьянскую армию.

В заключение, я должен сказать, что к этому приходят все те, кто раньше в этом сомневался. В Комитете партии Северо-Западной области были товарищи, которые относились с некоторым недоверием и критикой к нашему стремлению построить армию на рациональной военной науке, с привлечением необходимого числа специалистов. Я получил оттуда, именно от них, телеграмму, которая требует теперь установить строжайшую дисциплину, привлечь необходимое количество старых военных специалистов, принудительно привлечь на особых условиях на военную службу всех тех офицеров, которые разбросаны по разным другим комиссариатам и занимаются разной другой работой, и создать новые кадры военных руководителей из Советских рядов.

Я могу назвать имя одного из прекраснейших работников Советской власти — т. Мясникова, который раньше сам относился, если не с недоверием, то с выжиданием к применяемым нами методам создания рабоче-крестьянской армии. Я не знаю, — здесь ли он, — он хотел выступить по этому вопросу. Теперь, путем опыта, он пришел к тем же выводам, что и мы, и хотел публично доложить об этом Съезду.

Нам чаще и чаще приходится слышать, что те советские работники, которые иногда открыто, иногда по углам брюзжали на нас за то, что мы создаем армию настоящую, а не игрушечную, не кустарную, не какие-нибудь отряды милиции, теперь становятся на нашу точку зрения. Те же, кто протестует против этого, не поняли еще до сих пор, что рабоче-крестьянский класс стоит у власти, и именно поэтому все, что мы делаем, не самодельное, не кустарное, а на твердых, научных началах построенное.

Брюзжание надо отбросить! Нас пугают: «Вот мы приглашаем старых генералов, а красноармейцы услышат и подумают, что мы их приглашаем, чтобы воссоздать старый режим». А мы говорим: «Ты, рабочий и крестьянин, взял власть? Ты хочешь, чтобы мы ее укрепляли? Это мы можем, но необходимо создать и такие условия, в которых мы можем работать с успехом. Мы для этого должны приглашать специалистов. Чтобы создать армию рабочих и крестьян, нам нужны генералы, а если у нас будут в этой области ошибки и неудачи, если мы увидим, что какой-нибудь генерал ведет контрреволюционную работу, мы его арестуем».

Нужно рассматривать каждый случай в отдельности, а не отбрасывать огульно всех специалистов. К счастью, рабочие и крестьяне понимают, что для создания дела на новых началах нам без специалистов не обойтись.

Если бы буржуазный инженер, приглашенный на фабрику, вздумал в своих действиях руководствоваться мыслью, что промышленность ведет к капитализму, то, разумеется, рабочее правление показало бы ему, что это не так. И каждому военному специалисту мы это показывали и показываем. Наша задача — создать механизм нового строя. Эта задача не так проста.

Если царскому режиму удалось создать армию, удалось создать дисциплину в той армии, которая служила не народу, а врагам народа, то мы, создавая армию для защиты народных интересов, не сомневаемся, что нам удастся создать в 10 раз более прочную дисциплину. Нужно только преодолеть болезнь молодости, болезнь роста, расхлябанности и слабости, которые являются последствием проклятой войны и царского режима.

А вопрос о том, сумеем ли мы это сделать, есть вопрос существования нашей власти. Если не сумеем, значит, рабочий класс должен протянуть шею под старое ярмо.

Но мы эту мысль отбрасываем. Мы знаем, что рабочий класс преодолеет все трудности и сумеет продержаться эти труднейшие несколько недель, когда наши враги напрягают все усилия, прибегая к восстанию, мятежам, задерживая продовольствие, задерживая поезда, стремясь внести повсюду разложение; когда по существу, все партии исчезли и слились в одну, задавшуюся целью сбросить рабоче-крестьянскую власть; когда все средства пущены в ход — и клевета, и саботаж, и призыв чужестранных штыков.

Мы уверены, что вы здесь, набравшись новой энергии, новой воли к власти, увезете с собой на места с этого Съезда уверенность в том, что никакая сила нас сокрушить не может, ибо мы все тесно связаны друг с другом. Новая, более тесная связь — это наша рабоче-крестьянская армия, которая будет расти, укрепляться, упрочиваться.

Через месяц-полтора мы перейдем перевал, дождемся нового урожая, а он даст нам возможность создать базу для организации нашей армии. Мы получим возможность давать нашим красноармейцам не три четверки, а полтора, может быть, два фунта хлеба, как это нужно молодому здоровому парню, который обучается шесть часов в день военному строю и три часа посвящает своему политическому развитию.

Мы будем формировать новые и новые кадры рабочих и крестьян, а вы будете на местах нас поддерживать, истребляя всякое местничество, понимая, что Советская Россия есть единый цельный организм, что армия — одна из частей этого организма, что необходима твердая дисциплина и твердая последовательная политика для укрепления рабоче-крестьянского социалистического строя.

Резолюция по докладу о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

1. Российская Советская Республика подобна крепости, которую со всех сторон осаждают империалистские войска. Внутри Советской крепости поднимает голову контр-революция, нашедшая временную опору в чехо-словацких наемниках англо-французской буржуазии.

Советской республике необходима крепкая революционная армия, способная сокрушить буржуазно-помещичью контр-революцию и дать отпор натиску империалистских хищников.

2. Старая царская армия, которая создавалась путем насилия и во имя поддержания господства имущих верхов над трудовыми низами, потерпела страшный разгром в империалистской бойне народов. Она оказалась окончательно добитой ложью кадетской и соглашательской политики, преступным наступлением 18-го июня, керенщиной и корниловщиной.

Вместе со старым строем и старой армией рухнул и рассыпался старый аппарат военного управления в центре и на местах.

3. В этих условиях рабочая и крестьянская власть не имела на первых порах других путей и средств создания армии, кроме набора добровольцев, которые оказались готовы стать под знамена красной армии.

4. В то же время Советская власть всегда признавала и Пятый Всероссийский Съезд Советов снова торжественно подтверждает это, — что на каждом честном и здоровом гражданине, в возрасте от 18 до 40 лет, лежит долг по первому зову Советской Республики встать на ее защиту от внешних и внутренних врагов.

5. В целях проведения обязательного обучения военному делу и обязательной воинской повинности, Совет Народных Комиссаров установил Советские органы местного военного управления, в виде окружных, губернских, уездных и волостных военных комиссариатов. Одобряя эту реформу, Всероссийский Съезд Советов вменяет в обязанность всем местным Советам строжайшее ее проведение на местах. Условием успешности всех мероприятий в деле создания армии является последовательный централизм в деле военного управления, т. е. строгое и безусловное подчинение волостных комиссариатов уездным, уездных — губернским, губернских — окружным, окружных — Народному Комиссариату по военным делам.

6. Пятый Съезд Советов требует от всех местных учреждений строгого учета военного имущества, его добросовестного распределения и расходования по штатам и положениям, утвержденным центральными органами Советской власти. Произвольный захват военного имущества, его сокрытие, незаконное присвоение, недобросовестное расходование должны отныне быть приравнены к тягчайшим государственным преступлениям.

7. Период случайных формирований, произвольных отрядов, кустарного строительства должен быть оставлен позади. Все формирования должны производиться в строгом соотвествии с учрежденными штатами и согласно разверстке Всероссийского Главного Штаба. Рабочая и Крестьянская Красная Армия должна быть построена так, чтобы при наименьшей затрате сил и средств давать наибольший результат, а это возможно только при планомерном применении всех выводов военной науки, какой она вышла из опыта нынешней войны.

8. Для создания централизованной, хорошо обученной и снаряженной армии необходимо широкое использование опыта и знаний многочисленных военных специалистов из числа офицеров бывшей армии. Они все должны быть взяты на учет и обязаны становиться на те посты, какие им укажет Советская власть. Каждый военный специалист, который честно и добросовестно работает над развитием и упрочением военной мощи Советской Республики, имеет право на уважение рабочей и крестьянской армии и на поддержку Советской власти. Военный специалист, который попытается свой ответственный пост вероломно использовать для контрреволюционного заговора или предательства в пользу иностранных империалистов, должен караться смертью.

9. Военные комиссары являются блюстителями тесной и ненарушимой внутренней связи Красной Армии с рабочим и крестьянским режимом в целом. На посты военных комиссаров, которым вручается в руки судьба армии, должны ставиться лишь безупречные революционеры, стойкие борцы за дело пролетариата и деревенской бедноты.

10. Важнейшей задачей в деле создания армии является воспитание нового командного состава, целиком проникнутого идеями рабочей и крестьянской революции. Съезд вменяет Народному Комиссару по военным делам в обязанность удвоить свои усилия на этом пути, посредством создания широкой сети инструкторских школ и привлечения в их стены способных, энергичных и мужественных солдат Красной Армии.

11. Рабочая и Крестьянская Красная Армия должна быть построена на основе железной революционной дисциплины. Гражданин, который получил оружие от Советской власти для защиты интересов трудящихся масс, обязан беспрекословно подчиняться требованиям и приказам поставленных Советской властью командиров. Хулиганские элементы, которые грабят и насилуют местное население или устраивают мятежи, шкурники, трусы и дезертиры, которые покидают боевые посты, должны караться беспощадно. Всероссийский Съезд вменяет в обязанность Военному Комиссариату привлекать в первую голову к ответу тех комиссаров и командиров, которые попустительствуют бесчинствам или смотрят сквозь пальцы на нарушения воинского долга.

12. До тех пор, пока буржуазия не экспроприирована окончательно и не подчинена всеобщей трудовой повинности, до тех пор, пока буржуазия стремится к восстановлению своего былого господства, вооружать буржуазию значило бы вооружать врага, который в любой момент готов предать Советскую республику иностранным империалистам. Съезд подтверждает постановление Совета Народных Комиссаров о создании из призывных возрастов буржуазии тылового ополчения на укомплектование нестроевых частей, служительских и рабочих команд. Перевода в строевые части могут удостаиваться только те буржуазные элементы, которые на деле обнаружат свою верность трудящимся классам.

13. Съезд вменяет в обязанность всем Советским учреждениям, всем профессиональным фабрично-заводским организациям всемерно содействовать военному ведомству в сфере проведения обязательного обучения военному делу рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян. Необходимо повсеместное создание стрелковых обществ и тиров, устройство маневров и военно-революционных празднеств и широкая агитация, направленная на повышение интереса к военному делу в рабочем классе и крестьянстве.

14. Приветствуя призыв рабочих двух возрастов в Москве и Петрограде, а также приступ к мобилизации на Волге и на Урале и принимая во внимание стремление мировых хищников снова вовлечь Россию в империалистическую бойню, Съезд считает необходимым в самый короткий срок произвести мобилизацию нескольких возрастов рабочих и трудовых крестьян во всей стране. На Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров возлагается обязанность издать декрет, определяющий число возрастных категорий, подлежащих немедленному призыву, а равно и сроки и условия приема.

15. Окруженная со всех сторон врагами, лицом к лицу с контр-революцией, опирающейся на иноземных наемников, Советская Республика создает крепкую армию, которая охранит рабочую и крестьянскую власть до того часа, как восставший европейский и мировой рабочий класс нанесет смертельный удар милитаризму и создаст условия мирного и братского сотрудничества всех народов.

Перед взятием Казани.

Речь на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 2 сентября 1918 г.

Товарищи, я не предполагал иметь возможность в эти дни выступить перед вами, перед высшим органом Советской Республики, и явился я сюда не по делам того ведомства, в котором работаю, а вызванный известием о покушении на тов. Ленина [101]. В разговоре с товарищами по этому поводу я иначе не мог формулировать создавшееся положение, как такое, благодаря которому, наряду с фронтами, которые у нас имеются, у нас создался еще один фронт — в грудной клетке Владимира Ильича, где сейчас жизнь борется со смертью, и где, как мы надеемся, борьба будет закончена победой жизни. На наших военных фронтах победа чередуется с поражениями; есть много опасностей, но все товарищи несомненно признают, что этот фронт — кремлевский фронт, — сейчас является самым тревожным. На фронте — на том армейском фронте, весть о покушении на вождя рабочего класса не вызвала подавленности и упадка, насколько я мог судить по первому впечатлению, а, наоборот, вызвала прилив ожесточения и воли к революционной борьбе. Нет надобности говорить, как отнеслись сознательные борцы на фронте к т. Ленину, когда узнали, что он лежит с двумя пулями в теле. Мы знали, что о т. Ленине никто не мог сказать, что в его характере не хватает металла; сейчас у него не только в духе, но и в теле металл, и потому он будет еще дороже рабочему классу России.

Обращаясь к тому фронту, с которого я прибыл, я должен сказать, что не могу, к сожалению, доложить о решающих победах, но зато, с полной уверенностью, имею возможность заявить, что эти победы предстоят впереди; что наше положение твердо и прочно; что произошел решительный перелом; что мы теперь застрахованы, поскольку можно быть застрахованным, — от крупных неожиданностей, и каждая неделя будет усиливать нас за счет наших врагов. Что касается армейских масс, то они прошли известную школу и боевую, и политическую, и в этом направлении огромную роль сыграли те передовые рабочие Петрограда, Москвы и других городов, которые были отправлены на фронт. Трудно оценить то значение, которое имеет на фронте каждый сознательный передовой рабочий. В самый критический момент, когда Казань пала, и возобновились бои, тт. коммунисты все трудности положения вынесли на своих плечах. Они организовали передовые отряды. Их ушло 50, а вернулось 12.

Они являются агитаторами, но, когда нужно, берут винтовки, как комиссары, они вкрапливаются в ненадежные части и создают в них прочный скелет. Они устанавливают всюду твердый, порою, суровый режим, ибо война вообще суровое дело. Вместе с тем, благодаря тем же силам и тесному соприкосновению частей с населением, совершился огромный перелом в настроении волжского крестьянства.

Наша страна огромна и требует для себя громадных сил и политической напряженности. Мы на Волге и на Урале еще не затронули толщу крестьянства так, как выворачивают целину, в бедноте еще не пробуждено сознание, но она уже приходит в соприкосновение с красноармейскими частями, которые не мародерствуют, не грабят, и хотя кое-где эксцессы бывают, мы в целом имеем твердые дисциплинированные части; опять-таки здесь огромную роль играют те же петроградские и московские рабочие. Политические обстоятельства слагаются целиком в нашу пользу; наши части крепнут и растут духовно и численно, что же касается неприятеля, то, по сведениям, полученным от наших разведчиков, в его частях — полное разложение и распад, и те рабочие и крестьяне, которые относились к ним безразлично или слегка враждебно, являются теперь их врагами и нашими друзьями. Это видно из того, что, когда наша артиллерия молчит, то казанская буржуазия немедленно примыкает к белогвардейцам, но когда гремит наша артиллерия, реют наши аэропланы и осыпают буржуазные кварталы динамитом,—в рабочих кварталах начинаются митинги, буржуазия прячется по щелям, белогвардейцы оказываются изолированными. Поскольку нашим частям приходится наступать, постольку наше командование придерживается осторожной тактики. Мы не имеем права внушать ему другую тактику, если оно считает, что это более отвечает характеру частей, которые вовлечены в эту войну, и; вместе с тем, эта тактика гарантирует нас от опасностей и крупных неожиданностей, и при ней успех можно считать твердым и обеспеченным.

На других фронтах положение тоже с колебаниями в ту или другую сторону, но на каждом фронте сейчас имеется гораздо больше шансов на успех. Лучше всего дела в направлении Поворино-Царицын, где мы выступаем против банд Краснова. Последние сведения, о которых вы, вероятно, знаете, сообщают о занятии Качалинской станицы. Здесь некий 6-ой казачий полк был разоружен, а другой подобный полк присоединился к нам и, вместе с нашими частями, преследовал бежавшего противника. Это, товарищи, произошло не случайно, это имеет глубокие внутренние причины. Рабочий класс и трудовые массы поняли, что дело идет о жизни и смерти, что они идут на смертный бой, и что каждый день способствует изменению положения в нашу пользу. И потому от нас требуется работа, не покладая рук, работа решительная и напряженная.

В области командования дело обстоит лучше, чем обстояло раньше, хотя еще далеко не благополучно. Наш новый фронт сложился в то время, как отмирал старый аппарат командоаания вообще, а аппарат военной

организации был рассчитан на старый фронт. Отсюда двойственность в организации. Мы формировали дивизию на началах добровольчества и, в соответствии с этим, формировали обширные штабы этой дивизии. Добровольческий принцип нами уже отменен. Мы перешли к обязательному набору рабочих и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда, и штабы старых дивизий должны быть переброшены туда, где формирование проводят с наибольшим успехом. Вблизи нового фронта, там, где крестьянин находится под непосредственно-угрожающим ударом чехо-словаков и белогвардейцев, крестьянство с возрастающей охотой идет навстречу в деле создания новых формирований.

В верхах нашего военного аппарата мы не имеем сейчас необходимого единства. У нас имеется бывший Высший Военный Совет, который был построен применительно к старому фронту, Революционный Военный Совет в Арзамасе, организованный для нужд Восточного фронта, причем мы в настоящее время подчинили ему и северо-восточный фронт.

В чем же заключаются наши неотложные задачи?

Здесь докладывали, что Англия собирается с нами воевать три года. Трудно, товарищи, предсказывать что-нибудь насчет срока. Когда началась мировая война, думали, что она будет длиться 3 месяца, — она длится 5-й год. Теперь крупные английские дипломаты говорят, что война с Советской Россией будет длиться 3 года, и те успехи, которые мы имеем, отнюдь не говорят, что мы войну закончим в ближайшие три недели, или три месяца. Эти успехи свидетельствуют лишь о том, что рабочий класс научается воевать, создавать военную организацию, и что Советская Республика, если захочет, сумеет себя оборонить. Как долго будет длиться империалистический натиск, какие формы он примет, к каким дальнейшим мерам нам придется прибегать для обороны—сказать нельзя. Одно нужно сказать, что опасность еще в высшей степени велика, и что велика особенно она будет в течение двух ближайших месяцев — до зимы, которая парализует, по крайней мере, на этот зимний период усиление английской помощи чехо-словакам. Эти два ближайшие месяца будут временем самой напряженной, энергичной, я скажу, героической работы нашей по военному упрочению всех рубежей Советской Республики. Мы истощены, мы бедны во всех областях, в том числе и в военной, и нам необходимо все рессурсы страны поставить на службу делу обороны Советской Республики.

Вы должны провозгласить, что в тех условиях, в каких мы сейчас стоим перед концентрированным бешенством мирового империализма, который повернулся к нам своим англо-французским и японо-американским лицом, мы обязаны Советскую Республику превратить в один вооруженный лагерь, и все наши средства, все силы, все достояние страны, личное достояние граждан и каждого гражданина в отдельности, должно быть прямо поставлено на защиту Советской Республики. Нужна мобилизация людей, солдат, мобилизация духа и идейных сил страны, и эта мобилизация должна принять напряженный героический характер, чтобы всюду, везде

и, в частности, на английской бирже, где котируется кровь русского народа, знали, что мы живьем в руки никому не отдадимся, что мы будем сражаться до последней капли крови.

Мероприятия, о которых я говорю, вытекают из объективного положения, из тех опасностей, которые нас окружают и которые не измеряются чехо-словацкими силами и жалким англо-французским десантом, которые могут вырасти и принять другую физиономию и другие размеры.

Нам нужно быть сильными, мощными; для этого нам нужно обеспечить, в первую голову, снабжение нашей армии. А в наших хозяйственных условиях это возможно лишь при мобилизации всех рессурсов страны. Работу по снабжению нужно централизовать. Во главе этой работы уже сейчас поставлен такой энергичный и знающий работник, как т. Красин. Ему должны быть даны самые широкие полномочия и все те материальные средства, которые нужны для того, чтобы наше военное снабжение поставить на должную высоту. Все должно быть предоставлено в распоряжение организаторов снабжения!

Нам нужно, как я уже упоминал, вместе с тем, централизовать военный аппарат. Та разрозненность, которая вытекала из двойственности фронта — одного отходившего и другого создававшегося, — должна быть упразднена. Во главе вооруженных сил и средств Советской Республики должен быть поставлен один руководящий орган, в лице Революционного Военного Совета, и один главнокомандующий. Все остальные учреждения Всероссийского Главного Штаба, как органа снабжения, должны быть подчинены этому Революционному Военному Совету, и от него получать основные задания, что обеспечит нам единство в распоряжении всеми вооруженными силами и средствами страны, в их перебросках из одной части страны в другую, с одного фронта на другой, снабжением, снаряжением, которое должно быть заготовлено и собрано в самый короткий срок. Наряду с этим, необходимо продолжать ту агитационную и организационную работу, которая совершалась и совершается здесь в тылу. Каждый поезд, который приносил к нам 10 — 15 или 20 коммунистов на фронт вместе с запасом литературы, был так же дорог, как поезд, который приносил хороший полк или богатый запас артиллерии; каждый отряд, каждая группа коммунистов перерождала тот или другой участок фронта, обеспечивала его стойкость, налаживала связь и, что является не последним в этом деле, обеспечивала нам известное поведение офицеров из числа тех, которые имеются сейчас на фронте. В связи с этим я должен указать, что очень многие, особенно из среды молодого офицерства прежнего воспитания, сроднились с новой армией, с нашей партией, с Советской властью и прониклись глубоким уважением к советским деятелям. Среди так настроенных офицеров генерального штаба, имеется много работников, которые действовали не за страх, а за совесть. Это показал следующий пример: при падении Казани, офицерам легко было продать себя, а, между тем, многие погибли в боях, другие же скрывались

по неделям и тайком пробирались к нам. Но есть и элементы, которые предают нас при первом удобном случае; есть элементы шатающиеся, которые нуждаются в железном корсете, и таким железным корсетом является 1—2 добрых коммуниста. Без коммунистов наша армия будет небоеспособна, и если здесь многие жалуются на то, что мы обезлюдили целый ряд важнейших учреждений, то я это не вполне понимаю.

Эти жалобы, исходящие от известных органов, не вполне понятны и естественны. Если мы там не сломим напирающие силы, разумеется, все советские учреждения пойдут на слом, а основная советская политика сейчас действует под Казанью, Симбирском, Самарой и в других участках нашего фронта. Поэтому все те элементы, которые вы можете дать,— дайте. Вы объявите, что дело фронта есть сейчас центральное дело, и что вся страна является резервуаром для питания этого фронта. Вы переведете страну на положение военного лагеря; вы централизуете дело снабжения и предоставите в распоряжение его все необходимые рессурсы страны; вы централизуете военное управление, передав всю военную власть в руки Революционного Военного Совета. Этим вы покажете вашу волю к победе и к жизни, и, будем надеяться, что в те немногие недели, в которые вождь рабочего класса встанет на ноги, мы победим на других фронтах, и что весть о надении нашего врага в Самаре, Симбирске, Уфе, Оренбурге, Сибири, придет на то заседание нашего Ц. И. К., где нашим дорогим гостем будет т. Ленин.

Красные офицеры.

Речь на курсах Военной Администрации в сентябре 1918 г.

Товарищи, первым делом позвольте передать вам братский привет, а затем уже и впечатления от тех наших армий, в среде которых я провел последние полтора месяца, наблюдая изо дня в день за ростом их силы, сплоченности и героизма. Два месяца тому назад мы, товарищи, были гораздо слабее, чем сегодня; огромный шаг вперед сделан нашей рабоче-крестьянской Красной Армией. Не говоря уже о врагах, два месяца тому назад среди наших друзей было не мало таких, которые сомневались в том, удастся ли нам в стране, истощенной четырехлетней бойней, в стране, на шее которой затянута петля Брестского мира, которая не изжила страшного наследия царизма и буржуазного господства, создать сильную революционную армию. И вот оказалось, что новые испытания, перед которыми нас поставила история, породили новые силы. Из под палки исторической необходимости и новой войны — гражданской — русский рабочий класс и крестьянство напрягли свои силы, и мы наблюдаем сейчас, как, в результате этого напряжения, строится рабоче-крестьянская Красная Армия.

Та армия, которая сражалась под Казанью, создалась всего лишь в течение нескольких недель. Под Казанью у нее были шатания, слабости, порочные уклоны. Были случаи, когда Революционный Трибунал, при сочувствии всей армии, приговорил к расстрелу командира полка, который, считая себя коммунистом, позорно покинул полк и перешел на пароход, чтобы уехать в Нижний Новгород. По поводу этого случая Революционный Трибунал сказал: «Трусам и шкурникам вообще — суровая кара, а тем, кто, неся командные функции и высокое звание коммуниста, делаются беглецами, изменниками, им кара — вдвойне, втройне!» И, несмотря на свою молодость, вся армия поняла, нравственным чутьем восприяла всю справедливость этой суровой беспощадной кары, а полк стал одним из лучших полков; впоследствии он сражался превосходно, с неподдельным мужеством.

Так, товарищи, в нашей Красной Армии, несмотря на мизерный срок ее существования, уже действует со всей силой революционное сознание, которое сплачивает все честное, доблестное и отбрасывает прочь все нечистое и развращенное. А, ведь, недавно со всех сторон нам говорили, что мы не создадим армию дисциплинированную и твердую. Воистину те, кто так говорил, не понимали нашей армии вдвойне. Во-первых, у господствующего ныне рабочего класса для армии есть глубоко-нравственная

основа, во-вторых, осознание этой глубокой нравственной основы, состоящей в том, что мы сражаемся за самую высокую цель человечества; она оправдывает самые суровые беспощадные меры по отношению к тем, кто подкапывается под основы и устои рабоче-крестьянской Красной Армии. Если царские генералы могли устанавливать дисциплину во имя интересов, чуждых рабочему классу, то мы можем и должны — и она уже входит в силу — установить дисциплину в десять раз более твердую и прочную, ибо это есть дисциплина во имя интересов рабочего класса.

В военной литературе — в частности, как раз сегодня, я читал об этом кое-что в нашем довольно плохом и слабом журнале «Военное Дело», который издается господами специалистами, очевидно, не вполне понявшими дух и смысл военной эпохи, — в военной литературе часто ставился вопрос — муштровка или воспитание? Под муштровкой понимали физическое воспитание солдата. Под воспитанием — духовное воздействие на него. Отрицали ли мы эту муштровку? Никогда. Мы только вносим в нее наибольшую целесообразность, живой необходимостью изгоняя вон пережитки казарменного самодурства, шагистику и пр. Муштровка в нашем понимании означает привитие солдату способности целесообразно управлять руками, ногами, шашкой, винтовкой, притом управлять всем этим автоматически. Музыкант не может стать хорошим музыкантом, если он не бегает автоматически своими пальцами по клавиатуре, если он должен искать глазами каждую ноту в отдельности; так же, как музыкант должен автоматически класть пальцы на каждую нужную клавишу, солдат должен автоматически управлять своим телом, своим оружием с наибольшей продуктивностью, в интересах боевой задачи, которая поставлена, как в производстве это достигается, механизацией движений. Чем больше автоматизма техники, тем свободнее действует его мысль, тем легче он ориентируется в пространстве, тем легче он оценит опасность, найдет прикрытие, — тем больше свободы для его боевого творчества. Муштровка, т. е. привитие солдату автоматизма, не противоречит воспитанию.

Но воспитание есть другая область, и здесь господа военные специалисты не понимают, я, разумеется, говорю не о всех специалистах, — есть среди них и такие, которым революция протерла глаза, — что то воспитание, которое мы имеем в виду, глубоко отлично и прямо противоположно воспитанию прошлой эпохи. Что разумели под воспитанием солдата в эпоху царизма, что понимают под этим в Германии и во Франции и поныне? Воспитать солдата для имущего класса — привить ему в духовном смысле рабство, подчинение, заставить его не понимать его собственных интересов, классовых и общечеловеческих. Достигнуть этого в условиях капиталистического общества немножко трудно, и потому воспитание солдат во всех странах есть такая сложная, крупная, деликатная работа. Там, где на помощь приходит религия, дело легче, но по мере того, как критика овладевает сознанием солдата, и он не подчиняется слепо слову своего жреца, все труднее и труднее имущему классу внушить солдатской

массе необходимость подчинения, т. е. воспитать ее на служение задачам, враждебным массам. Только наша армия, та, в которой и вы, товарищи, служите, впервые в мировой истории является не чем иным, как вооруженной рукой рабочего класса и крестьянской бедноты. Стало быть, воспитать солдата,— для нас значит показать ему, что он служит себе самому в лице своего класса и своего потомства. Поэтому, наше воспитание несравненно легче, честнее, проще, и, в этом смысле, задача ваша, товарищи красные офицеры, заключает в себе, наряду с боевой миссией, великую моральную, культурную миссию. Вы можете вашу задачу выполнить при том условии, если каждый солдат почувствует, узнает, увидит, ощупает, что вы плоть от его плоти и кровь от его крови. Разумеется, ваша принадлежность к трудовым классам, ваша духовная связь с рабочими и крестьянскими массами еще не решает всего и оставляет большое и свободное место для личной оценки. Иванов может быть и храбр, а Петров храбр недостаточно. Горе тому офицеру, относительно храбрости и мужества которого у солдат зарождается искра сомнения; горе тому офицеру: он погиб в сознании масс, погиб для боевого дела. Ваше первое боевое качество есть то же, что и революционное — это беззаветное мужество перед лицом всякой опасности; гордо голову вверх — вот завет для каждого воина. Мало того, товарищи; вы должны быть и будете, — ибо в этом ваше призвание, вы на него пошли свободно, — не только мужественными; вы должны непрерывно бороться за расширение ваших познаний, навыков, умения, как руководителей Красной Армии. Я видел в бою, в действии, прекрасные части, которые не чувствовали над собой твердой технической руководящей руки. Когда они замечают в критическую минуту, что их вождь, руководитель колеблется, горе тому офицеру, горе той части! Часть должна в каждый момент, особенно в момент боя, сознавать, что ею руководит твердая мысль, отчетливый глаз и твердая рука, и если эта рука иногда сурова, сознательная солдатская масса не сетует; необходимость этого в общих интересах она понимает; она сознает, что сражается во имя классового дела, и что боеспособность войсковой части есть при этом — обязательное условие.

Сплоченность и рост армии есть второй завет для каждого красного офицера. Вас называют пролетарскими офицерами. В буржуазном обществе слово «пролетарский» имеет один определенный оттенок, который не может и не будет относиться к вам. Вы знаете, что когда говорят — «он живет по-пролетарски», это значит — он плохо живет; когда говорят — «он живет на пролетарской квартире», то, значит, тут плохая квартира, когда говорят — «обедает по-пролетарски» — это значит — голодный обед. Но слова «пролетарский офицер» не должны в понимании и значении переводиться, как «плохой офицер». «Пролетарский офицер» должно означать — первоклассный офицер, являющийся образцом мужества, твердости, знаний, беззаветной преданности делу советской страны. Вот что значит пролетарский офицер. Благодаря царизму и старой армии, слово «офицер»

у нас скомпрометировано и сдано в архив, но я думаю, что вы его обновите, возродите, наполните новым содержанием. Я не сомневаюсь в том, что солдатская масса сама обновит и возродит это слово, и когда вы явитесь к ней, вы, новые люди, проникнутые новым духом, она вас так и назовет: «Наши красные, рабоче-крестьянские офицеры».

На фоне военных задач революции, ваша задача, товарищи, как и задача Красной Армии — поистине необъятна и в высшей степени благодарна. Когда нас придавили германцы в Брест-Литовске, то казалось, что нам выхода нет. Ведь нас разрезали на части, отделили сестру Украину от сестры Великороссии, придавили Польшу, Литву и Прибалтику, в Финляндии в крови утопили пролетариат, и снова после того, как мы обескровленные, начали залечивать наши раны, англо-французские, японо-американские хищники направили свои когти на север и восток. Казалось бы, что выхода нет. Однако, есть! Историческая Немезида, т. е. богиня справедливости, которая в данном историческом периоде воплощается в революционное сознание рабочих масс всего мира, — была и есть с нами. Мы, казалось, были уничтожены, придавлены насилием Германии, но прошло только несколько месяцев: Болгария отпала от Германии, ныне за Болгарией уже очередь Турции, в Австро-Венгрии — брожение и через несколько недель или дней австрийский монарх будет стоять на коленях. Самая Германия изолирована, в ней происходит недовольство и брожение, и германский кайзер, который всегда говорил «Unser alter Gott», т. е. «наш старый немецкий Бог», и состоял с ним в самой тесной дружбе, — он сегодня заговорил о необходимости привлечь немецкий народ к более близкому участию в правительственных делах. Вильгельм говорит так, как говорил Николай в первые дни февральской революции, но он еще заговорит другим языком, а если не заговорит, то с ним заговорят другим языком. История совершает на наших глазах быстрый поворот. Революция поднимает свое знамя в Болгарии, где, как сообщают газеты, образовался совет рабочих и солдатских депутатов. Германская буржуазная печать пишет, что виною капитуляции Болгарии является не военное положение, а идеи большевизма, которые охватили не только народные массы, но и болгарскую армию. «Идея большевизма» — это значит — всюду растет ненависть и негодование тружеников против бесчестной буржуазной бойни, в которую ввергли их имущие классы. Мы предсказывали это и на этом строили нашу политику, и тогда нас обвиняли в том, что это неправда, раз мы оказались вынужденными подписать трижды тяжкий и позорный Брестский мир. Мы говорили: «мы вынуждены лишь временно претерпеть; дайте срок, мы зажжем в сердцах народов Германии и Австро-Венгрии пламя нашей революции, и Украина, и Польша, и Финляндия, и Прибалтика будут свободны». Разумеется, тупицы и живодеры французского и английского правительства потирают жизнерадостно руки, думая, что, раз масса ослаблена, это дает возможность прикончить с Россией. Они ошибаются. Всякому свой черед: за Россией Болгария, за Болгарией —

Турция, Австро-Венгрия, за ней — Германия, за Германией и, одновременно с ней, придут Франция, Англия и другие страны. У всякого свой черед, и мы отсюда предсказываем с полной уверенностью, что ослабление германского милитаризма означает не только революцию в Германии, но и во Франции, и в Англии, в Соединенных Штатах и в Японии. У нас сейчас больше союзников во всем мире, чем врагов, и именно потому нам необходимо в этот переходный период не дать возможности нашим врагам нанести нам смертельный удар. В этом основная военная задача Советской Республики, Красной Армии и вас, ее командиров. Вы знаете, что издыхающие насекомые иногда часто смертельно жалят, и поэтому, чтобы издыхающий империализм на востоке или западе не нанес нам жестокого удара, нужно быть на-чеку, нужно быть крепкими, прочными, и особенно вам, ибо вы, товарищи — часть скелета рабочей и крестьянской Красной Армии, часть позвоночника, а на позвоночнике держится весь организм; если позвоночник слаб — организм не годится; вы должны быть твердым костяком, на котором держится мускулатура рабоче-крестьянской Красной Армии, должны закрепить дело международной революции, укрепляя свой дух боевыми упражнениями, связью с Красной Армией, с ее делами, с сознанием того, что нет и не было более высокой задачи, чем та, которой служите вы. Вот ваш первый долг!

Сегодня, глядя на Волгу, на Урал, вы можете сказать с полным удовлетворением: у нас армия есть, она слагается, она крепнет, и под Казанью она на голову разбивала офицерские батальоны, состоящие сплошь из старых царских офицеров. У противника — разложение и распад, а у нас в Красной Армии — подъем духа, самосознание, самоуверенность.

Но у нас подчас не хватает командного состава, и вы призваны заполнить этот недочет, призваны стать во главе наших красноармейских частей. Я братски приветствую вас, я каждому мысленно протягиваю руку и говорю вам: «Добро пожаловать, красные пролетарские офицеры, в рабоче-крестьянскую Красную Армию! Вам, красные офицеры, и нашей рабоче-крестьянской Красной Армии, и нашей Советской России, которую мы любим и за которую мы все готовы сложить головы и пролить свою кровь до последней капли, нашей советской, рабоче-крестьянской России, — ура!

Войско Донское.

Декрет
Совета Народных Комиссаров
от 3-го сентября 1918 года.

Длительная гражданская война между рабочими и трудовым крестьянством, с одной стороны, и помещиками и буржуазией, объединившимися с английскими, французскими, чехо-словацкими и другими наемниками, с другой, потребовала от Советской власти большого напряжения народных сил. Непоколебимо решив в корне пресечь злодейские замыслы иноземных и русских разбойников-империалистов, Советское правительство вынуждено было обратить против них большие вооруженные силы и все внимание, чтобы быстро и беспощадно раздавить в железном кулаке революции последние остатки этих грабительских шаек.

В силу этого, южная окраина Российской Республики, Донская, Кубанская, Терская земля, Кавказский край оказались лишенными своевременной поддержки центральной Советской власти. Множество генералов, помещиков, чиновников, все черное царское воронье слетелось на казачью землю, сплотило вокруг себя помещичьи и кулацкие элементы казачества, силой и лукавством завладело Донщиной, смутило и запутало казачьи головы и заставило вольное казачество собственными руками задушить свою казачью вольность.

Не смогло славное трудовое казачество уберечь своих державных прав. Царский порядок опять завелся на Дону. Обезлюдели хутора и станицы, хлеба стоят неубранными, нищает и гибнет трудовое казачье племя.

Дабы положить предел обманам и козням мятежника Краснова и его сторонников и провести в жизнь декреты Центрального Правительства о новом трудовом и свободном устройстве Донской земли, Совет Народных Комиссаров постановил:

Созвать Походный Круг Советского войска Донского—войсковое правительство, облеченное всей полнотой власти на Дону и составленное из представителей трудящегося донского населения, с оружием в руках защищающего законную власть Советов от мятежных банд.

В состав Походного Круга Советского войска Донского входят представители донских Советских полков, а также хуторов и станиц, освободившихся от офицерской и помещичьей власти.

Походному Кругу Донского Советского войска, впредь до восстановления законно-избранной Советской власти на всей территории Донского войска, предоставляются все права и прерогативы Войсковых Советов, указанные в декрете Народных Комиссаров от 1-го июня 1918 г.

Ближайшей и непосредственной задачей Походного Круга является восстановление на Донской земле Советского Социалистического строя и очищение территории Донского войска от всех контр-революционных сил.

Для достижения указанной цели Походному Кругу предоставляется право:

а) призыва в ряды Советских войск всего трудового населения Дона;

б) руководство организацией Донских вооруженных Советских сил и

в) согласование действий этих сил на всем Донском фронте.

Установление порядка выборов и нормы представительства, а также самый созыв Походного Круга возлагается на особую комиссию, образуемую по указанию Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Военное положение.

Доклад на VI Съезде Советов[102] от 9 ноября 1918 года.

За те четыре с лишком месяца, которые прошли со времени июльского Съезда, в мировом положении и внутренней жизни всех стран произошли огромные изменения, которые нашли себе непосредственное отражение в жизни и развитии нашей Красной Армии.

Когда в памятные июльские дни мы переживали один из самых острых кризисов существования 9-месячной Советской Республики, наша Красная Армия была еще слаба, и — что было еще более тяжело — даже в наших, в советских рядах ее будущее развитие нередко ставилось под знак вопроса; тогда многим товарищам казалось сомнительным, удастся ли в условиях крайнего утомления всего взрослого мужского населения страны, при обескровлении и истощении всего хозяйственного организма Республики, создать в короткий срок обученную, сплоченную, боеспособную Красную Армию.

Тогда—в июле, как вы помните, товарищи, одна партия, занимавшая известный сектор в этом зале, принципиально противопоставляла рабочей и крестьянской армии партизанские отряды. Нам говорили из лагеря существовавшей еще тогда партии левых эс-эров, что революционный режим не может создавать регулярных армий, что он должен ограничиться созданием партизанских отрядов. Это была опасная бессмыслица. Партизанские отряды соответствуют периоду борьбы за власть и первому, младенческому времени ее развития. По мере же того, как господствующий класс начинает пользоваться властью для военных целей, он от партизанского кустарничества переходит к планомерному государственному строительству и должен создавать регулярную армию. Я думаю, товарищи, что здесь сейчас не найдется не только сотен, но десятков и даже единиц среди наших депутатов, которые поддерживали бы тогдашний лево-эс-эровский клич: «Да здравствуют партизанские отряды», в противовес тому кличу, который раздался здесь: «Да здравствует рабочая и крестьянская армия».

Тогда, в июле, наша армия страдала. Положение было таково: с одной стороны, болезненное разложение старой армии, которая, распадаясь, разлагала наши новые формировавшиеся части; с другой стороны, эти части, страдая естественными болезнями молодости, были сколочены еще непрочно и были еще без минимальных боевых традиций. В этих условиях мы тогда отступали везде, где против нас действовали сколько-нибудь ско-

лоченные части противника. Это случалось, например, когда на нас наступали чехо-словаки на Восточном фронте, но, однако, постепенно стали создаваться крепкие части, и, по мере их роста, положение начало видоизменяться.

Раньше красноармейские части обнаруживали низкую степень боевой подготовки, и мы сдавали город за городом. Мы ушли с Волги, сдали часть Сибири.

Когда англо-французы высадили десант в Мурманске, а потом почти без боя, нахрапом захватили Архангельск, в этот момент перед нами выступила конкретная опасность того, что англо-французский северный фронт соединится с белогвардейскими на Востоке, на Волге и Урале. Эта огромная северо-восточная опасность потрясла Советскую Республику.

Все же, после V Съезда Советов, который закончился в начале июля, мы еще целый месяц отступали. В первых числах августа мы сдали Казань— боевой оперативный центр, где находился Военный Совет Восточного фронта. Наша неспособность удержать Казань символизировала более чем низкий пункт развития Красной Армии.

Вслед за этим, наконец, начался перелом, совершившийся в короткий срок. Перелом произошел не столько внутри военного ведомства, сколько во всей Советской России. Впервые все поняли, что страна стоит перед смертельной опасностью, и что военное ведомство и рабоче-крестьянская Красная Армия собственными силами и с помощью всего русского рабочего класса должны от этой опасности освободиться.

Мы обратились к Петроградскому Совету, к Московскому Совету, к профессиональным союзам, к фабрично - заводским комитетам и более передовым провинциальным Советам, которые еще далеко не в полной мере равнялись по революционным столицам. Перечисленные организации двинули цвет своих работников, лучших, наиболее самоотверженных пролетариев на Восточный фронт.

Эти товарищи, члены профессиональных союзов и работники различных комиссариатов, влились в еще расплывчатую, неорганизованную рабоче-крестьянскую армию и создали, как я и докладывал в Центральном Исполнительном Комитете, ее крепкий, твердый, гибкий позвоночник. Без этих тысяч советских работников и передовых пролетариев, военное ведомство со своей задачей не справилось бы. Только благодаря их необычайной самоотверженности, мы не только не сдали Нижнего - Новгорода, Вятки и Перми, не позволили соединиться чехо-словакам с англо-французами, но, наоборот, перешли на этих фронтах в наступление, которое развивалось все более успешно и привело к очищению нами от белогвардейских войск в течение нескольких недель всей Волги. И я должен сказать перед наиболее авторитетным собранием Республики, что мы обязаны этими победами, в первую голову, Петроградскому и Московскому Советам, в лице брошенных ими на фронт пролетариев. На Урале наши успехи развивались не с такой скоростью, как этого мы желали. Главное затруднение здесь заключалось в том, что на Ижевском и Воткинском заводах

начались белогвардейские мятежи, и эти заводы превратились в опорные пункты белогвардейских и чехо-словацких сил. Заводы снабжали их патронами и пулеметами. Контр-революции удалось вовлечь в заводское восстание не только кулаков, но, несомненно, и часть рабочих, которые присоединились к ним по принуждению. Началась борьба за обладание этими важнейшими центрами военного питания. Эта борьба оттягивала силы от наступления на Екатеринбург и др. пункты Урала. И вот вчера нами получено известие о том, что Ижевские заводы завоеваны полками Красной Армии и стоят к моменту годовщины Республики под знаменем Советской власти. Все остальные пункты будут очищены в короткий срок. Отныне эти заводы будут снабжать нашу Красную армию патронами, пулеметами и всем, в чем она нуждается. Это дает основание ожидать, что в ближайший период, на ближайшем фронте мы будем продвигаться вперед. И успех будет развиваться более быстрым темпом. Можно предполагать, что в ближайший период англо-французы должны бросить самую мысль о создании единого Северо-восточного фронта. У нас есть данные, что на Северном фронте у англо-французов и чехо-словаков отпала надежда на успех, и одновременно есть несомненно признаки разложения десантной армии. С Котласского фронта сообщают, что впервые к нам перебежал отряд в 58 английских солдат. Лиха беда начало: 58 — разумеется, это немного. Но нужно принять во внимание, что на Севере англичан в высшей степени мало, и что их положение будет ухудшаться, в связи с зимним временем; потому-то и нет сомнения в том, что англичане должны будут в самый короткий срок убрать свой десант, если они не хотят подвергнуть его опасности полного разложения и распыления.

В течение зимы на Северном фронте никакая опасность стране не грозит. И нет сомнения, повторяю, что неприятель временно поставил на этом фронте крест.

На Востоке операции будут развиваться дальше в указанном направлении, т. е. в смысле нашего систематического и планомерного наступления. Можно, товарищи, выражать законное нетерпение по поводу того, что столица Урала — Екатеринбург — до сих пор еще не в наших руках; но, вместе с тем, вы должны констатировать и дать себе ясный отчет в том факте, что на Восточном фронте наше наступление является в высшей степени правильным, планомерным и систематическим, ни в какой степени не партизанским. Здесь мы застрахованы от каких бы то ни было неожиданностей. Это не мешает тому, что на флангах нашего наступающего фронта и в значительно глубоком тылу неприятеля действуют наши партизанские отряды по директивам Центра, передаваемым командованиями регулярных армий, и действуют с сознательным успехом.

На Южном фронте, товарищи, дело до настоящего времени, несомненно, обстоит хуже [103], чем на Северном и, особенно, на Восточном фронтах. На Южном фронте наша армия складывалась другими путями, чем на первых двух фронтах. Противник здесь другой, и ход военных операций

развертывался иначе. До последнего времени Южный фронт был, так сказать, нашим пасынком: к нему относились почти что спустя рукава, и потому, конечно, что приходилось главное внимание, силы и средства сосредоточивать на Северном фронте. Там были англичане, французы, чехословаки, и уже показывались на Восточном горизонте американцы и японцы. Но опасность оказалась слишком велика, и неожиданно для нас, и на близком юге, где против нас находилась банда Краснова. А мы в течение первого года революции слишком легко привыкли расправляться с внутренней контр-революцией и отечественной буржуазией, с красновскими и калединскими бандами при помощи импровизированных рабочих отрядов, слабо организованных, численностью в тысячу или две петроградских необученных рабочих, которые брали винтовки и хорошо справлялись с делом. Отсюда у нас сложилось небрежное отношение к Южному фронту, мнение, что мы с нашими врагами раньше или позже, но, в конце-концов, справимся. Это — одна сторона дела. Вторая сторона заключается в самом процессе образования частей, сейчас занимающих наш Южный фронт. В значительной мере, это — выходцы из Украины, из Донской области, из Кубани, с Северного Кавказа. Есть превосходно обстрелянные части, которые прошли суровую школу испытаний во время партизанской войны. У них есть командиры, которые разделяли с ними все невзгоды, бедствия и все заслуги боев в течение многих месяцев и на Украине, и на Дону, и на Северном Кавказе, но, вместе с тем, эти части несли в себе — больше всех остальных наших частей на других фронтах и сейчас еще от этого не излечились — отрицательные черты партизанского периода войны. Каждый партизанский командир считал свою часть, свой отряд, который он потом наименовывал дивизией, еще замкнутым миром; он требовал от солдат своей дивизии безусловно суровой дисциплины и даже нередко умел ее поддерживать и создавать. И в то же время по отношению к более высоким командным центрам наверху, у него самого часто этой дисциплины не хватало. Свести эти части в регулярные соединения, правильные единицы, дивизии, нормально действующей централизованной армии было трудно. Для подобной задачи необходимо было большое количество советских работников-коммунистов, закаленных деятелей революции, и мы в этом случае вторично, товарищи, кликнули клич Петроградскому и Московскому Советам, с указанием, как крайне важно и нужно дисциплинировать, объединить Южный фронт по образцу Восточного. И опять Петроградский и Московский Советы дали нам многие сотни работников на Южный фронт. Но это произошло в самые последние дни, и только несколько дней тому назад эти многие сотни лучших работников государства явились на фронт, и, может быть, сегодня распределяются по отдельным частям его. На Южном фронте до сих пор не было комиссаров ни в полках, ни в дивизиях; те из ваших товарищей, которые сколько-нибудь близки к армии, знают, какую огромную роль играют комиссары из старых партийных работников. Мы в качестве командиров имеем лишь молодых людей и

бывших солдат, внимание и сила которых поглощены целиком боевой стороной дела, а задачи политического контроля и революционного закала войск, естественно, переходят к другому начальнику, к комиссару, пост и значение которого поставлены на большую высоту. И вот в наших южных армиях, очень многочисленных по своему составу, почти вовсе не было частей с комиссарами, за исключением тех полков и дивизий, которые за последнее время на фронт переброшены и перебрасываться продолжают. Только теперь создался на фронте комиссарский аппарат. Наши враги наш режим называли комиссарско-державным, и мы, по отношению к нашим рабочим и рабоче-крестьянской армии, готовы принять то наименование, которым, как бранным, хотели назвать нас наши враги. Да, наша армия держится на комиссарах, и поскольку она на них держится, мы можем назвать комиссаро-державие революционным режимом. Если вы нам даете закаленных испытанных комиссаров, которые умеют умирать, то наше дело хорошо стоит.

Товарищи, повторяю то, что я не раз говорил в Ц. И. К. Я не знаю ни одной части, которая отступала бы панически, проявляла бы малодушие, выделила бы из своей среды много дезертиров, если в этой части имеются твердый начальник и твердый комиссар. Во всякой части есть всегда, хотя и небольшое, совершенно сознательное и закаленное ядро солдат-революционеров, коммунистов, преданных рыцарей социалистической борьбы, и если комиссар всегда стоит на своем посту, как непреклонный солдат революции, если он, в момент самой грозной опасности становится в первую линию перед лицом своей части и говорит: «н и с м е с т а», его поддерживают лучшие солдаты, и тогда поведение всех солдат обеспечено, ибо у всякой части, даже мало сознательной, есть в душе голос совести, который подсказывает: «нельзя изменять, нельзя дезертировать». И если даже командный состав молчит, а известно, что животный инстинкт может преодолеть сознание, достаточно раздаться голосу долга: «товарищи, ни с места», — чтобы красноармейская часть не отступила бы. Я еще не знаю примера паники в таких условиях. Вот почему мы ввели правило, которое кое-кому кажется суровым, но которое остается во всей своей силе: за всякое паническое отступление, за всякое дезертирство отвечают, в первую голову, командир и комиссар. Если они не приняли всех мер, остались невредимыми, дезертировали вместе со своей частью, — они, разумеется, подпадают первыми под острие ножа нашей революционной расправы. Кажется, кое-кто из товарищей считал и высказывал мысль, что мы поступаем слишком жестоко, немилосердно. Наше время вообще жестокое и немилосердное время по отношению к рабочему классу, вынужденному отстаивать свою власть и существование против сонма внешних врагов. И если мы хотим не только праздновать одну первую годовщину Советской Республики, но и отстоять Советскую власть, завоевать будущее рабочего класса и трудового крестьянства, то в это немилосердное время мы обязаны быть немилосердными по отношению ко всякому, кто в наших соб-

ственных рядах не развивает максимума энергии, мужества, твердости, раз он поставлен на ответственный пост; а нет более ответственного поста, чем пост комиссара. Товарищи, нет сомнения, что, при таком твердом пролетарском курсе, на Южном фронте в течение ближайшего времени будет совершена благодетельная работа дисциплины, сцепки и централизации расположенных там армий.

Армии, расположенные на Воронежском, Балашовском, Царицынском и Астраханском фронтах, я посетил и самым внимательным и детальным образом ознакомился с их состоянием и могу сказать по чистой совести, что мы на юге имеем хорошую и очень многочисленную армию, гораздо большую, чем думают многие из вас. Она теперь получит надлежащую командную организацию и подлинный комиссарский корпус. Повторяю, что результаты этого скажутся в самое ближайшее время.

Со стороны казаков и белогвардейцев мы имеем сейчас противника гораздо более серьезного, чем это казалось до недавнего времени. Против нас соединены значительные силы, которые поддерживались до последнего времени немцами, в лице красновских банд, и англо-французами, в лице банд деникинских и алексеевских. Сейчас происходит объединение, раньше порознь опиравшихся на две враждебные империалистические коалиции германскую и англо-французскую, алексеевско-деникинского и красновского фронтов, и они сейчас надеются в обеих частях объединенного фронта питаться за счет уже одного победоносного англо-французского милитаризма. Проблемы на Южном фронте стоят для нас сейчас в высшей степени остро. Немецкий милитаризм рушится. Мы только что выслушали сообщение, которое свидетельствует, что процесс его крушения идет с лихорадочной быстротой. Защищать Украину немцы вынуждены. Англо-французский милитаризм спешит им на смену на Украину, Дон и Северный Кавказ. И нам нужно просунуться между уходящим германским милитаризмом и приближающимся англо-французским милитаризмом. Нам нужно занять Дон, Северный Кавказ и Каспий, поддержать рабочих и крестьян Украины, раздвинуть их врагов и войти в наш Советский дом, — в котором мы включаем мысленно и Северный Кавказ, и Дон, и Украину, войти в наше собственное советское помещение и сказать, что сюда ни английским, ни германским прохвостам входа нет. В этом и заключается отражение на Красной Армии тех изменений в мировом положении, о которых я упоминал вначале. Перехожу к области вопросов организационного характера.

Мы испытываем, — это не тайна, — затруднения в организации снабжения и подготовки командного состава.

Самый глубокий кризис нами изжит; армия существует, управляется и снабжается. Недавнее сомнение, создадим ли мы боеспособную армию, теперь не может иметь места. Армия существует, борется и становится международным фактором, с которым враги уже считаются. В нашей советской печати не так давно приводились отзывы иностранной прессы, именно

руководящей английской газеты «Таймс» и германской буржуазной газеты «Локаль-Анцейгер». О нашей Красной Армии пишут, что она растет с угрожающей быстротой. Говоря о численности, газеты указывали цифру в 400 — 500 тысяч солдат, уже имеющихся сейчас. Я не стану, по понятным причинам, приводить точные указания, но скажу, что сейчас уже та цифра, которую называют «Таймс» и «Локаль-Анцейгер», стоит ниже действительной, и очень значительно ниже. Мы переживаем в то же время сейчас некоторый кризис с командным составом, вызванный расширением армии. Но мы его изживем, и доказательством является тот факт, что Съезд сегодня видел на площади перед театром наших новых, молодых красных офицеров. Их уже есть тысячи, готовятся десятки тысяч, и они будут вливаться в нашу Красную Армию. Съезд видел их. В строевом смысле они ни на один волос не уступают самым лучшим царским юнкерам, но это, товарищи, н а ш и юнкера, р а б о ч е-к р е с т ь я н с к и е ю н к е р а. Они, товарищи, наши лучшие рабочие, лучшие закаленные борцы, люди, которые будут итти умирать все равно, как на праздник. Я говорю это с полной уверенностью, на основании того, что наблюдал лично.

У нас есть теперь надежнейшие красные командиры. Они встали в ряды нашей Красной Армии и они помогут ей притти к победе.

Вопрос о снабжении один из самых трудных, особенно при существующих условиях хозяйства страны. В этой области создана центральная организация, во главе которой поставлен такой выдающийся инженер-организатор, как т. Красин, которому дана задача использовать все силы и средства страны для продовольственного, вещевого и боевого снабжения армии. Профессиональным союзам, советским организациям, комитетам бедноты всей Республики предлагается эту задачу поставить во главу угла. Вы знаете, что Ц. И. К. Советов объявил нашу страну военным лагерем. Замечу, что это объявление хотя и не везде, до сих пор еще не вполне вошло в жизнь.

Сплошь и рядом на местах требования военного ведомства налагают ограничения на местные силы, ибо безвыходность положения заставляет превращать страну в военный лагерь, и приходится очень многим поступаться для достижения общей цели. Я готов сознаться и перед местными советскими организациями, и перед ж.-д. организациями, что, сплошь и рядом, представители военного ведомства требуют больше, чем можно, и не таким тоном, которым следовало бы требовать; но все это небольшие трения, и их нужно отбросить перед лицом задачи, стоящей перед нами во весь свой исторический рост. Задача же эта такова, что все остальные отступают перед нею на задний план.

В настоящее время ведется лихорадочная работа в области т. Луначарского — в ведомстве Народного Просвещения. Она сводится к тому, что на советских площадях мы ставим памятники великим людям, вождям социализма. Мы уверены, что душе каждого рабочего и всей народной массы дороги эти произведения искусства. Вместе с тем, мы должны сказать

каждому из них в Москве, Петрограде и до самых глухих углов: вы видите, Советская власть поставила памятник Лассалю. Вам дорог Лассаль, но, если буржуазия прорвет фронт и придет сюда, она снесет этот памятник, вместе с Советской властью и всеми завоеваниями, которыми теперь мы обладаем. Значит всем рабочим, всем, кому дорога Советская власть, нужно защищать ее с оружием в руках. Через конкретный образ нашей пропаганды эта необходимость должна войти в сознание страны, сделаться его частью. Боевая задача — теперь главная задача. Нет более высокой, более важной повелительной задачи! На нашем Южном фронте бьется, как в пульсе, судьба нашей власти. Все организации, местные Советы должны направить сюда все силы и средства, а, между тем, во многих областях это еще не проведено и не выполнено. И в такой обстановке нередко случается, что местные советские организации мало думают о том, что имущество, которое у них есть — патроны, автомобили, винтовки — нужно в первую голову для фронта. Допустить теперь подобные явления было бы преступлением против рабочего класса. Сейчас необходима организация всех сил страны и, в первую очередь, для Южного фронта. Если некоторые учреждения ощущают давление военного ведомства, как жестокое давление новой красной советской солдатчины, то я решительно повторяю, что мы живем в суровое время, когда необходимо превратить страну в военный лагерь. Если наши солдаты отступают под влиянием паники, их ждет суровая расправа. Эта участь будет постигать и советские учреждения, способные, как многие из них делали это прежде, удаляться с территории фронта. Правда, такие случаи теперь бывают гораздо реже, и наоборот, когда фронт изгибается и придвигается к уездным или городским Советам, то они больше не уходят, а вооружаются и присоединяются к рядам нашей армии. Но, при всем этом, до создания прочного, дисциплинированного, энергичного тыла еще далеко. А имея подобный тыл, мы на нашем Южном фронте перейдем в наступление. Для всех ясно, какое значение имеет завоевание Донской области. Оно отразится и на Украине, и на всем мире, ибо мы здесь развернем усилия, которые помогут нам вести борьбу за обладание Каспийским морем. Как раз три дня тому назад я был в Астрахани и вернулся оттуда с 7-ю большими пароходами, вырванными у Бичерахова. Эти пароходы нам необходимы, ибо 3 из них самые большие на Каспийском море, такие, каких у нас не было. Мы установим на них наши сто-миллиметровые орудия, каких не будет ни у Бичерахова, ни у турок. И я думаю, что наша честная советская река Волга скоро будет вливаться в такое же честное советское море, в Каспий. Конечно, не позволительно впадать в чрезмерный оптимизм, но нельзя не признать наше общее военное положение удовлетворительным.

... На Восточном фронте полная деморализация в сражающихся против нас частях. Теперь мы ее усилим сообщениями о событиях в Австро-Венгрии, о том, что Богемия стала свободной страной, а каждый чехо-словак понимает и знает, что путь в освобожденную Богемию лежит не через

Англию и Францию, а через Советскую Россию или через Советскую Украину. Что же касается южного фронта, то там весь вопрос сводится к темпу нашей работы. Мы не должны дать нашим врагам возможности заместить друг друга. Краснов, который до вчерашнего дня боролся с Алексеевым и конкурировал с ним, сегодня с ним же объединяется; Бичерахов сегодня ведет войну с Турцией, завтра он с ней объединяется. Немцы, несомненно, очистят дорогу англичанам и французам и даже помогут им в общей борьбе против нас. Темп — самое важное дело, и мы должны создать огромную скорость, и она, вместе с силами Красной Армии, даст возможность действовать так, чтобы оградить Россию от контр-революционных натисков.

С фронта я приехал с убеждением, что работы много, и что есть еще субъективные затруднения; что, например, не все советские работники поняли, что существует централизованное управление, и все приказы, идущие сверху, должны быть незыблемы, что отступление от них недопустимо; и к тем советским работникам, которые еще всего этого не поняли, мы будем безжалостны: мы их отстрвним, выбросим из наших рядов, подвергнем репрессиям. Трудностей еще много, особенно на Южном фронте, но наши силы стали больше, у нас больше опыта и уверенности. Если вы все, товарищи, уйдете со Съезда Советов, обновленные путем объединения друг с другом, если вы поедете на места и доложите о том, что вы здесь выслушали, и если вы скажете, что у вас есть Красная Армия, которая сильна и сплочена, если вы поедете с этой уверенностью на места и разъясните, что главная задача, которая стоит перед нами, заключается в том, чтобы все полусвободные и свободные силы отправить на фронт, что все закрома надо обыскать и все лишние штыки, патроны мобилизовать и отправлять через соответствующие инстанции опять-таки на фронт, что если есть автомобили на местах, то надо остаться без них и отправить их все на тот же фронт, если вы все это сделаете, если работу милитаризации всех советских организаций вы проведете, то наша страна будет приведена в такое положение, при котором ей не будут страшны ни германские, ни англо-французские империалисты. Тогда наша Красная Армия и наш тыл будут развиваться с каждым днем и с каждым часом. И лозунг, который бросил в своем письме Центральному Исполнительному Комитету т. Ленин о том, что нам нужна трехмиллионная армия, сможет стать действительностью.

В то время, как в остальных странах происходит процесс внутреннего распада, с разницей для каждой страны только в степени, в то время, как война там производит процесс разрыва между солдатскими массами и командным составом и между господствующими классами и массами вообще, когда там переживают период, изведанный нами в феврале, марте и апреле этого года, — в это время у нас происходит обратный процесс. Мы слагаемся, формируемся, закаляемся. У нас солдаты, взятые частью из старой армии, выполняют новые исторические задачи, которые не могут разлагать и рас-

пылять, что происходит ныне только в странах обанкротившейся буржуазии. Там армии либо рассыпались, либо рассыпаются, либо будут рассыпаться завтра от одной только революционной агитации. Нашим же солдатам никакие агитаторы не страшны, и, в подтверждение этого, я довожу до вашего сведения, что на Южном фронте, там, где мы сейчас находимся в трудном положении перед лицом империалистов Германии, Франции и Англии, там не только правые, но и левые с.-р. безрезультатно учиняют беспочвенные заговоры. Подробности одного из таких заговоров в нашей Красной Армии (С места возгласы: — «Позор!»), сражающейся против объединенного англо-французского империализма, будут опубликованы на-днях.

Тут было сказано слово «позор». Да, позор, трижды позор!

Нашей Красной Армии теперь никакие агитаторы не страшны. Она знает, что у всей страны нет других задач, как снабжение и забота о Красной Армии. Армия имеет свой командный состав. Все силы, которые есть в стране, даются Красной Армии. Мы не скрываем наших задач и целей. Наша Красная Армия чувствует себя вооруженной советским и рабоче-крестьянским режимом. Наша Красная Армия этот режим отстоит. Товарищи! Поставьте во главу угла задачи обслуживание Красной Армии как моральными, так и материальными средствами. Вся страна должна быть мобилизована материально и духовно. Все силы и средства ее принадлежат Красной Армии, которая должна сражаться лучше, чем до сих пор. Опыт Красной Армии слагается в незыблемый капитал. Этот опыт она накопляет, духа своего не расходует. Вся страна сейчас стоит перед новым формированием частей рабочих и крестьян, и все должны следить на местах за тем, чтобы эти формирующиеся части не терпели недостатка ни в чем, ни материально, ни духовно. Они должны чувствовать себя опирающимися на Советскую власть. Ваша обязанность отсюда уехать с сознанием, что большей задачи, как упрочение Красной Армии, как поддержка фронта, нет.

И когда эта задача будет выполнена, тогда наш фронт будет незыблемым и тогда мы будем справлять годовщину не только у себя, но и в Ростове, Харькове, Киеве, Вене, Берлине и, может быть, тот международный конгресс, который собирался создать Ф. Адлер в июле 14-го года накануне войны, мы созовем полностью в одной из наших советских столиц. Тогда мы скажем Третьему Интернационалу, что вот вы собрались у нас в Москве или Петрограде потому, что ваш съезд защищает рабоче-крестьянская Красная Армия, первая армия коммунизма во всей мировой истории.

Постановление

Всероссийского Исполнительного Комитета Сов. Раб., Кр., Каз. и Красноарм. Депутатов *).

Советсквя Республика стоит перед возрастающей опасностью вторжения соединенных полчищ мирового империализмв. Выступиа на арену мировой бойни под фальшиаыми лозунгами демократии и братстаа народоа, победоносные союзные хищники попирают ныне все более слабые нвроды и государства. Германский рабочий класс, который сам был жертвой политики буржуазно-дворянской монархии Гогенцоллернов, ныне беспощвдно удушается Вильсоном, Ллойд-Джорджем и их сообщниками. Бельгия, очищенная немцами, становится добычей Англии; Венгрия, Богемия, все страны Балканского полуострова оккупируются чужеземными войсками. Все нейтральные страны покорно склоняют шею под ярмо победителей. Сама Франция, входящая в состав победоносных держав, на деле оккупнрована англо-американскими н колониальными войсками, которым поставлена задача задушить революцию французокого пролетарната.

В этнх условиях мирового разбоя, грабежа и насилия, одна страна является сейчас подлинным очагом незааисимости рабочего класса, оплотом слабых и угнетенных народов, крепостью социальной революции—это Советская Россия.

Протиа нее направлена вся злоба, вся ненависть мировой буржуазии. На севере и юге, на востоке и на западе, англо-вмериканскне и франко-японские хищники воздвигли, воздвигают против Советской России враждебные фронты; вооружают белогвардейцев, казацких генералов, помещичьих и буржуазных сыноа, городских и деревенских кулаков, выбрасывают десанты и угрожают все новыми и новыми полчищами.

Всероссийские съезды Советов, перед лицом всего человечества, проявили свое стремление жить в мире и братстае со всеми народами и в то же время свою готовность с оружием в руках охранять социалистическую республику от натиска империалнстическнх войск. С высокнм удовлетворением констатируя успехи Красной армии и Красного флота, Всероссийский Центральный Исполнительный Комнтет подтверждает необходимость удесятерить усилия рабочих н крестьян, солдат и матросов в деле обороны рабочей и крестьянской страны.

---

*) Подписаво Я. Саердловым, В. Ульяновым (Левиным) и В. Аванесовым.

Декретом В. Ц. И. К. от 2 сентября Советская Республика провозглашена военным лагерем.

Это постановление должно быть ныне проведено в жизнь во всех отраслях хозяйственной деятельности и государственного управления.

Необходимо обеспечить армию снабжением и для этого повысить производительность труда.

Необходимо обеспечить продовольствием армию и флот, а также Москву, Петроград и все другие центры формирования труда.

Для этого нужно заставить все продовольственные и железнодорожные органы в центре и на местах работать с высшим напряжением и высшей добросовестностью.

Не только в армии и во флоте, но и в продовольственном и транспортном деле, а также в области военной промышленности должен быть установлен военный режим, т. е. режим суровой трудовой дисциплины, отвечающей положению страны, которую бандиты империализма вынудили превратиться в военный лагерь.

Для проведения в жизни указанных мер, необходимо теснейшее объединение военного ведомства, чрезвычайной комиссии по производству снабжения, ведомств путей сообщения и продовольствия на общей работе во имя общих практических задач.

С этой целью В. Ц. И. К. постановляет учредить Совет Рабочей и Крестьянской Обороны под председательством тов. Ленина, как Председателя Совета Народных Комиссаров, в составе Председателя Революционного Военного Совета Республики тов. Троцкого, Народного Комиссара Путей Сообщения тов. Невского, заместителя Народного Комиссара Продовольствия тов. Брюханова, председателя Чрезвычайной Комиссии по производству снабжения тов. Красина (или их заместителей) и представителя Ц. И. К. тов. Сталина.

Совету Обороны предоставляется вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств страны в интересах обороны. Для всех ведомств и учреждений центральных и местных, для всех граждан, постановления Совета Обороны безусловно обязательны.

Непосредственное руководство армией и флотом, а также всеми учреждениями военного и военно-морского ведомства остается попрежнему в руках Революционного Военного Совета Республики.

В целях большего сосредоточения деятельности этого учреждения выделяется его Бюро в составе: председателя тов. Троцкого, главнокомандующего тов. Вацетиса и тов. Аралова.

30 ноября 1918 г.

Опубликовано в Собрании Узак. и Распор. Раб. и Крестьян. Правительства от 22/XII 1918 г., № 91—92, ст. 924.

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ.

В пути.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по войскам Южного фронта от 5 октября 1918 г., № 43, г. Козлов.

Прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах.

Именем Совета Народных Комиссаров приветствую красные войска южного фронта!

В течение долгого времени вы ведете здесь, товарищи, борьбу против красновских банд.

В этой борьбе было много геройства, много потерь, много жертв. Но до сих пор ваша борьба еще не дала желательных результатов. В то время, как наши восточные армии взяли Казань, Симбирск, Вольск, Хвалынск, Сызрань и продолжают безостановочно наступать, — на южном фронте борьба ведется с переменным успехом, и красновско-германские банды все еще сидят в Ростове и Новочеркасске.

Причина тому отчасти та, что отдельные части обнаруживали нередко недостаточную стойкость. Стоило сотне красновцев прорваться в тыл, как нестойкие части предавались постыдной панике и начинали отступать. Этого больше не будет. Подавляющее большинство среди вас — честные солдаты рабочей, крестьянской и казацкой армии. Вы сами подтянете малодушных. Лучшие полки будут отличены. Храбрые будут вознаграждены пред лицом всей страны. Трусы, шкурники и предатели будут выметены вон и сурово наказаны.

Но главная причина ваших прошлых неуспехов в том, что отдельные отряды (бригады, дивизии) действовали в разброд, без связи, без общего командования, наступали и отступали по собственному усмотрению. Бывало даже не раз, что командиры отдельных отрядов не выполняли боевых приказов, шедших сверху. Этот пагубный преступный образ действий будет отныне уничтожен с корнем.

Во главе всех армий южного фронта поставлен Революционный Военный Совет, состав которого в настоящий момент таков: командующий фронтом П. П. Сытин, Народный Комиссар А. Г. Шляпников, Член Революционного Военного Совета Республики К. А. Мехоношин и бывший Член Коллегии Народного Комиссариата по Военным делам П. Лазимир. Командующий П. П. Сытин, опытный боевой военачальник, на деле доказал свою верность рабочей и крестьянской революции. Товарищи Шляпни-

ков, Мехоношин, Лазимир — старые испытанные борцы за дело рабочего народа. Этот Совет стоит во главе всех армий южного фронта. Все приказы и распоряжения Совета подлежат безусловному и немедленному исполнению.

Командиры и комиссары, которые осмелятся нарушать дисциплину, будут, независимо от прошлых заслуг, немедленно преданы суду Революционного Военного Трибунала южного фронта.

Предупреждаю:

Если часть расшатана, поддается легко панике — виноваты командир и комиссар.

Если часть отступает, вместо того чтобы наступать, — виноваты командир и комиссар.

Они ответят за свою часть по законам военного времени.

Солдаты южного фронта! Для вас пробил час решительных действий. Белогвардейские банды должны быть раздавлены. Теснее сомкнитесь в ряды. Советская республика ждет ваших подвигов и вознаградит вас по заслугам. Вперед к победе!

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 7 октября 1918 г. № 44, г. Бобров.

О дезертирах.

В то время, как полки Красной Армии честно сражаются на фронте, охраняя рабочих и крестьян от разбойничьих банд Краснова, некоторые трусы, шкурники и предатели покидают свои части и скрываются в своих деревнях.

Объявляю:

1) На сельские советы и комитеты бедноты возлагается обязанность задерживать дезертиров и доставлять их под надежной охраной в штаб дивизии или полка.

2) Если в каком-либо селе будут обнаружены непойманные дезертиры, ответственность будет возложена на председателя совета и председателя комитета бедноты, которые, в этом случае, подлежат немедленному аресту.

3) Каждый дезертир, который немедленно сам явится в штаб дивизии или штаб полка и заявит: «Я дезертир, но клянусь, что дальше буду сражаться честно», — должен быть прощен и допущен к исполнению высоких обязанностей воина Рабочей и Крестьянской Армии.

4) Дезертир, который при задержании окажет сопротивление, должен быть расстрелян на месте.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 4 ноября 1918 г. № 55, г. Царицын.

Во время объезда фронта десятой армии, я имел возможность познакомиться с расположенными здесь частями. Большинство из них имеет уже в прошлом крупные боевые заслуги. Есть части, которые, вырвавшись из неприятельского кольца, с огромными затруднениями и лишениями прошли сотни верст. В своем большинстве части эти обнаруживают внутреннюю сплоченность и связь с командным составом — необходимый залог боевого успеха. Среди солдат и командиров много истинных героев, имена которых должны стать известны всей стране. Стальной, Коммунистической и Морозовской дивизиям и Доно-Ставропольской бригаде мною вручено именем ВЦИК Советов почетное знамя.

Но всем серьезным работникам ясно, что на достигнутых успехах останавливаться нельзя. Необходимы дальнейшие шаги по пути организации и объединения X армии в единое целое.

На фронте X армии расположено несколько боевых единиц, которые носят название дивизий, не являясь таковыми по существу. Необходимо в возможно короткий срок свести все войсковые объединения и группы к нескольким дивизиям штатного состава, обеспечив эти дивизии необходимым аппаратом командного и хозяйственного управления.

Политическая работа в частях пока еще почти не поставлена. Необходимо каждую дивизию, каждый полк и каждую самостоятельную действующую бригаду обеспечить комиссарами, в руках которых должно сосредоточиться идейное руководство жизнью своей части.

Расходование боевых запасов происходит далеко не всегда с необходимой осмотрительностью. Против этого необходимо принять решительные и систематические меры. Нужно, чтобы командный состав сам проникся мыслью и пропитал этой мыслью свои части, что оружие и боевые запасы представляют собою народное достояние, которое необходимо со всей тщательностью охранять и со всей осмотрительностью расходовать. Командиры тех частей, где происходит чрезмерное расходование артиллерийского имущества, должны подвергаться каре. Наоборот, те части, где в этом отношении царит порядок, должны получать особые награды.

Некоторые части, вышедшие из партизанской борьбы, еще далеко не освоились с той мыслью, что они теперь являются не самостоятельными

отрядами, а частями централизованной армии. Отсюда проистекает иногда несогласованность действий. Встречаются командиры, которые не понимают, что приказ есть приказ и подлежит безусловному исполнению. Бывали случаи, когда командир, не желая выполнить оперативный приказ, передавал его на рассмотрение митинга, а сам прятался за спину этого митинга. Это зло должно быть выжжено каленым железом. Как граждане, солдаты в свободные часы могут устраивать митинги по любым вопросам. Как солдаты, в строю и на фронте они выполняют беспрекословно боевые приказы той власти, которая поставлена рабочим и крестьянским правительством. Если часть отказывается выполнить приказ, то в этом виноват командный и комиссарский состав. В тех случаях, когда командиры и комиссары на высоте, части никогда не отказываются от выполнения революционного долга. Поэтому, в случае беспричинных отступлений, паники, невыполнения боевых приказов, предписываю немедленно отстранять от дела соответственных командиров и комиссаров, предавая их суду по законам военного времени.

Основой войскового объединения нашей армии является дивизия. На начальников и комиссаров дивизий ложится огромная задача и огромная ответственность. Устанавливая рука об руку с комиссаром строгую дисциплину в своей дивизии, начальник ее должен в то же время сам подавать пример строгого и безусловного исполнения оперативных приказов командующего армией, как командующий армией, в свою очередь, ведет свою работу по точным указаниям командующего Южным фронтом. Только при таких условиях работа X армии даст наибольшие результаты, и героизм ее красных полков, их усилия и жертвы в кратчайший срок приведут нас к решительной победе над Красновско-кадетскими бандами.

Уезжая из области действий X армии, посылаю всем ее честным солдатам братский привет.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 7 ноября 1918 г. № 58.

Товарищи солдаты! Вы ведете борьбу на побережьи Каспийского моря. Отсюда враги Рабочей и Крестьянской России хотят нанести вам смертельный удар. Немецкие, английские, турецкие и русские насильники—империалисты, порознь и вместе, стремятся овладеть Астраханью и Царицыным, соединиться с чехо-словаками и белогвардейцами на Урале и задушить Рабочую и Крестьянскую революцию. Вы стоите на ее защите, вы сражаетесь честно и мужественно за интересы трудового народа. На Каспийском море у нас создана крепкая военная флотилия, которая растет с каждым днем. Эта флотилия уже захватила 7 лучших транспортных пароходов неприятеля. В ближайшее время она будет господствовать над всем Каспийским морем. Ваша задача укрепиться на его берегах. Вы эту задачу выполните. Вам на помощь будут двинуты новые подкрепления. Вся Советская Россия с надеждой смотрит на вас. Беспощадно изгоняйте из своей среды трусов, шкурников! Храбрые и честные солдаты, вперед! Советская Республика оценит и вознаградит вас по заслугам.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту от 16 ноября 1918 г. № 61.

По имеющимся сведениям, которые подтверждаются ходом обстоятельств, англо-французские империалисты, устрашенные быстрым развитием Рабочей и Крестьянской Красной Армии, решили направить все свои силы на дезорганизацию и разложение наших частей. С этой целью они направили много военных агентов, которые, под видом солдат и командиров, проникают в ряды Красной Армии, распространяют там ложные слухи и, путем обмана и подкупа, пытаются вызвать смуту среди солдат, сражающихся на советских фронтах.

Предписываю Комиссарам, Командирам, всем вообще сознательным передовым и честным солдатам строжайше следить за работой такого рода наемных негодяев, которые прикрываются разными партийными кличками и которые, по существу, являются наемниками чужестранного капитала. Рабочая и Крестьянская Красная Армия, от которой сейчас зависит судьба страны и развитие мировой революции, должна быть в самый короткий срок очищена от преступных и предательских элементов.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по 8-й армии от 20 ноября 1918 г. № 63, ст. Лиски.

Секретно.

Части 8 армии отличаются, в большинстве своем, крайним недостатком устойчивости [104]. Целые полки разваливаются нередко при столкновениях с незначительными и тоже не весьма стойкими частями противника. Развал частей толкает командование 8 армии на путь затыкания дыр свежими едва сколоченными частями. Эти последние подвергаются той же участи, т.-е. разваливаются нередко при первом же боевом испытании. Положить этому конец и повысить устойчивость армии можно только системой организационных, воспитательных и репрессивных мероприятий, проводимых сверху твердой рукой.

Необходимо, прежде всего, подтянуть командный состав. Командиры частей привыкли безнаказанно нарушать боевые приказы и ссылаться в свое оправдание на желание или нежелание своих частей. Кое-какие командиры на боевые приказы отвечают: «Моя часть не пойдет... моя часть устала и не выступит... моим солдатам не выдали во-время жалования или теплого белья; они не выступят, пока не получат своего». Командир, который способен давать такие ответы, — либо глупец, либо преступник.

В нашей Красной Армии нет классовой противоположности между солдатской массой, с одной стороны, офицерством и правительством, с другой. Сплоченное общественное мнение рабочего класса требует от солдат строгой дисциплины. Наши красные солдаты будут безусловно подчиняться командному составу, если этот последний будет считать своим долгом добиваться исполнения приказов во что бы то ни стало, какой угодно ценой.

Командир, у которого нет уверенности в себе, и нет готовности заставить повиноваться боевому приказу, неспособен вести за собой солдат и должен быть переведен в рядовые своего собственного полка.

Нередко командиры проявляют крайнюю небрежность и неряшливость в деле связи, сторожевых и походных охранений, а также оперативных и разведывательных донесений. В этой области нужно установить самую твердую дисциплину. Малейшие отступления от потребностей и правил боевого порядка должны караться по законам военного времени. Попустительство лица командного состава в этих вопросах должно само

подлежать суду Революционного Трибунала, как одно из тягчайших преступлений.

Необходимо раз навсегда установить, как незыблемое правило, что каждый красный офицер отвечает за свою часть, и всякие попытки спрятаться за спину части должны караться самым суровым образом.

В своих донесениях командиры частей нередко сообщают об отступлении, которое последовало-де после стольких-то часов «ожесточенного боя» и об «огромных потерях» в бою. В большинстве случаев под упорным боем надо понимать беспорядочную, бессмысленную пальбу без определенной цели, которая дает большой расход огнестрельных припасов, ни на шаг не подвигая вперед. Под огромными потерями надлежит, в большинстве случаев, понимать дезертирство и развал части. Необходимо внушить командирам, под страхом самой суровой ответственности, их обязанность — быть точными и добросовестными, в оперативных донесениях указывать хотя бы приблизительное число убитых и раненых и не утаивать дезертирства, а называть его полным именем.

Комиссары должны помнить, что они отвечают за дух частей и за добросовестность работы командного состава. Комиссар, скрепляющий своей подписью недобросовестное донесение командира, совершает тягчайшее преступление. Комиссар должен во время боя, особенно в критическую минуту, держать под своим наблюдением низший командный состав. В тех частях, где командир полка, ротные и взводные командиры на своих местах и уверенно руководят своими частями, паники не бывает, солдаты чувствуют твердое руководство, относятся с доверием к командному составу и выполняют свой долг. Паника, смятение, дезертирство, развал ложатся главной своей ответственностью на командный состав, а стало быть и на комиссаров. Каждый комиссар должен после всякого несчастья с его частью отдать себе ясный отчет в том, на ком лежит главная вина, донести о негодных командирах, а в случае необходимости, арестовать на месте явных шкурников, которые не прочь носить в мирной обстановке звание командира, а в бою прячутся за спину своей части и толкают ее к отступлению в безопасное место. Долг комиссара добиваться через Революционный Трибунал расстрела таких негодяев. Нужно железной рукой заставить командиров, а через них и всех солдат, понять, что армия существует не для забавы и не для мирного препровождения времени, а для сурового дела войны, для обеспечения с оружием в руках свободы и независимости трудовой страны. Опасности, ранения, гибель представляют собою неразрывную сторону жизни воина. Бояться их — значит уничтожать всякий смысл существования армии. Нашей Красной Армии поставлена столь высокая цель, что никакие жертвы не могут оказаться слишком высокими для ее достижения.

Надо раз навсегда искоренить самую мысль о том, что преступления против воинского долга — единичные или массовые — могут оставаться безнаказанными. Против дезертирства должна быть поведена неутомимая

борьба. Для явных и заведомых дезертиров может быть только одна кара — расстрел. Обо всех расстрелах надлежит опубликовывать в приказах по армии, приводя имена расстрелянных, название части и, по возможности, местожительство семьи.

В тех случаях, когда особые обстоятельства, — в первую голову, виновность командного состава, — побуждают Трибунал условно вернуть дезертировавших, или заподозренных в дезертирстве, в действующие части, необходимо таких условно осужденных облачить в отличительные, черного цвета, воротники, дабы они и их окружающие знали, что, при первом новом преступлении со стороны этих условно помилованных солдат, им не может быть ни милости, ни второго снисхождения.

Если солдат при отступлении бросил винтовку, сапоги, вообще какую-либо часть обмундирования, снаряжения или вооружения, то стоимость вещей должна быть возмещена вычетами из жалования солдата. В зависимости от обстоятельств, при которых произошла утрата вещи, вычет может быть установлен до размера всего жалования в течение известного количества месяцев.

Наряду с мерами карательными, нужны меры поощрения. Комиссары и командиры должны представлять отличившихся воинов Красной Армии к подаркам, денежным наградам, знаку ордена Красного Знамени, а более доблестные полки — к почетному знамени.

Одновременно с этим нужно упорядочить органы снабжения 8-й армии, которые в настоящее время работают из рук вон плохо. Отношение к делу со стороны лиц, руководящих делом снабжения, — чисто формальное, бюрократическое, не только не лучшее, но даже худшее, чем в старой царской армии. Задача снабжения состоит не в том, чтобы иметь для себя прикрытие перед властью, в виде телеграмм, ведомостей, отчетов, более или менее фиктивных. Задача снабжения состоит в том, чтобы довести до каждого бойца все необходимые предметы обмундирования, питания, вооружения и снаряжения. До сих пор руководители дела снабжения 8 армии не умели ни получать необходимых предметов из центра, ни распределить их сколько-нибудь планомерно и своевременно.

Напоминаю, что все служащие военных учреждений являются военнослужащими, и что всякая нерадивость, неаккуратность, беспечность, тем более недобросовестность, будут караться по законам военного времени.

Настоящий приказ должен быть в печатном виде передан всем лицам командного состава и всем служащим в штабах и в органах снабжения через комиссаров под личную расписку. Все расписки должны быть через штаб 8 армии доставлены в Революционный Военный Совет Южного Фронта.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по всем войскам Южного фронта от 24 ноября 1918 г. № 64.

На северо-кавказском фронте наши войска одерживают крупные победы, очищая обширные области от белогвардейских банд и заходя в тыл Краснову[105]. Среди красновских и деникинских солдат развал и распад. Плохо одетые, плохо вооруженные, насильственно мобилизованные казаки и крестьяне, в значительной своей части, готовы сдаться красным войскам, но сдерживаются страхом перед расстрелом.

Приказываю всем командующим, начальникам частей, комиссарам, строжайше наблюдать за тем, чтобы мобилизованные Красновым крестьяне и трудовые казаки — в случае перехода на нашу сторону — не подвергались никаким наказаниям. Каждый казак, каждый крестьянин, который одумается и сложит оружие, должен быть принят не как враг, а как друг. Под страхом строжайшего наказания запрещаю расстрелы пленных рядовых казаков и неприятельских солдат. Близок час, когда трудовое казачество, расправившись со своими контр-революционными офицерами, объединится со всей трудовой Россией под знаменем Советской власти.

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по войскам и Советским учреждениям Южного фронта от 24 ноября 1918 г. № 65.

Краснов и стоящие за его спиной иностранные капиталисты бросили на Воронежский фронт сотни своих наемных агентов, которые пробрались под разными видами в красноармейские части и ведут там подлую работу, разлагая и подговаривая к дезертирству. В некоторых нестойких частях на Воронежском фронте действительно наблюдаются признаки разложения, трусости, шкурничества. В то время, как на всех других фронтах, во всех других армиях красные войска гонят неприятеля и продвигаются вперед, на Воронежском фронте происходят нередко бессмысленные, преступные отступления и развал целых полков.

Объявляю, что отныне этому будет положен конец при помощи беспощадных мер.

1. Всякий негодяй, который будет подговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет расстрелян.

2. Всякий солдат Красной Армии, который самовольно покинет боевой пост, будет расстрелян.

3. Всякий солдат, который бросит винтовку или продаст часть обмундирования, будет расстрелян.

4. Во всей прифронтовой полосе распределены заградительные отряды для ловли дезертиров. Всякий солдат, который попытается оказать этим отрядам сопротивление, должен быть расстрелян на месте.

5. Все местные солдаты и комитеты бедноты обязуются с своей стороны принимать все меры к ловле дезертиров, дважды в сутки устраивая облавы: в 8 часов утра и в 8 часов вечера. Пойманных доставлять в штаб ближайшей части, или в ближайший Военный Комиссариат.

6. За укрывательство дезертиров виновные подлежат расстрелу.

7. Дома, в которых будут открыты дезертиры, будут подвергнуты сожжению.

Смерть шкурникам и предателям!

Смерть дезертирам и красновским агентам!

Да здравствуют честные солдаты Рабочей и Крестьянской Красной Армии!

Слово о казаках и к казакам.

1. Кто такой Краснов?

Бывший царский генерал из помещиков. Краснов — монархист, т. е. стремится к восстановлению власти царя и дворян.

В октябре прошлого года, когда петроградские рабочие установили свою Советскую власть и показали этим пример рабочему народу всей России и всего мира, Краснов повел обманутых им казаков на Петроград. Он надеялся тогда захватить власть, но вместо того сам попал в плен к Петроградским рабочим. Краснов поклялся никогда не выступать больше против рабочей и крестьянской власти. Рабочие его отпустили. Но он бесчестно нарушил клятву и поднял на Дону восстание против Советской власти. Реки братской крови пролиты по вине Краснова.

2. Но ведь Краснов клянется, что борется во имя интересов России?

Клятвам красновским не верьте. По делам его познаете его. А дела его таковы. Год тому назад Краснов обвинял Советскую власть за то, что она не ведет войны с Германией. Потом Краснов заключил союз с немецким кайзером Вильгельмом, получал от него деньги, снаряды и патроны против русских рабочих и крестьян. Но германского кайзера прогнали германские рабочие. Краснов сразу переметнулся на другую сторону и теперь призывает на Украину и на Дон английские и французские войска. Краснов готов весь русский народ подчинить чужеземному игу, только бы восстановить при помощи иностранных штыков власть русских помещиков и казацких генералов. Краснов на Дону то же самое, что Скоропадский на Украине. Это — бесчестные враги трудового народа.

3. Верно ли, что Краснов стоит за порядок?

Краснов стоит за царский и дворянский порядок — против рабочего и крестьянского порядка. Но работа Краснова сеет только один кровавый беспорядок. Краснов отрезал Дон от всей России и лишил Донское население тканей и других товаров. Кто поднимает кровавую смуту? Краснов и его банды. Кто гонит разутых и раздетых казаков и крестьян против их братьев? Краснов. Кто разрушает дороги, подрывает мосты? Красновские банды.

Для того, чтобы в России установились порядок, мир и честный труд, необходимо раздавить Красновские банды.

4. Как же за предателем Красновым идут казаки?

Не все. Есть не мало честиых трудовых сознательиых казаков, которые борются против Краснова в рядах Красной Армии. Но, к несчастью, есть еще значительиая часть казачества, которая идет за Красновым. Это, в первую голову, казацкие офицеры и богатеи — кулаки. За ними тяиутся старики, темиые казаки, думающие по старинке. А у молодых пока-что духу мало. Вот Краснов и верховодит казачеством: через офицеров — над стариками, через стариков — над молодыми.

Последиее вам предупреждение, казакн!

Преступление Красиова н его союзников ожесточили сердца рабочих и крестьян. Ненависть к Краснову нередко переносится на казаков вообще. Все чаще раздаются голоса рабочих и крестьян: «Нужно истребить всех казаков; тогда иаступит мир и спокойствие в южиой России!» Это, конечно, иеверио и несправедливо. Но чем дольше будут казаки оставаться слепым оружием в руках Краснова, тем суровее будут расправляться с ними солдаты Красной Армии.

Какой же выход остается вам, трудовые казаки?

Выход один: порвать с Красиовым и вернуться к мириому труду.

От имеии Совета Народных Комиссаров объявляю:

Казаки, которые сложат оружие и подчиаятся Советской власти, ие понесут никакого иаказаиия. Строжайше запрещаю расстреливать пленных рядовых казаков. Виновные в нарушении приказа ответят по всей строгости закона.

Казак, который добровольно сдается в плен, будет принят, как друг.

Казак, который добровольно сдаст нам свою винтовку, получит в обмен обмундироваиие или 600 рублей денег.

Трудовые казаки!

Прекратите братоубийство! Арестовывайте ваших офицеров-предателей! Сдавайте оружие. Возвращайтесь мирио к семьям!

Советская власть обеспечит вам мир, спокойствие и независимость — рука об руку с рабочими и крестьянами всей России.

Воронеж. 10 декабря 1918 года.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РСФСР И МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Положение на фронтах.

Речь на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 30-го сентября 1918 г.

Общее положение на наших фронтах может быть признано вполне удовлетворительным. Если же рассматривать его в некоторой исторической перспективе и предвидеть ближайшие два-три месяца, то это положение может быть более чем удовлетворительным.

Несомненно, что армия у нас создалась. Армия у нас есть. И хорошая армия. Она не так еще многочисленна, чтобы соответствовать числу наших врагов, но она растет. У нас создались крепкие надежные кадры на всех фронтах. Эти кадры мы будем пополнять, и в самый короткий срок развернется хорошая, крепкая, сплоченная армия, которая покажет нашим врагам, что Россия не плохо лежит.

Если мы обратимся к отдельным фронтам, то увидим, что на северном фронте мы можем констатировать устойчивое положение, которое своим острым концом направлено против наших врагов.

Мы потеряли Архангельск, но после первых успехов союзников дальнейших не последовало. Их десант должен был быть тем топором, из которого солдат варил щи, а англо-французские щи варятся гораздо медленнее, чем рассчитывали союзники. Наступает холодное время года. Белое море замерзнет, и если до начала зимы англо-французский десант не соединится с чехо-словаками, а он с ними не соединится, то положение этого десанта будет в высшей степени затруднительным, и нам останется только сбросить его на беломорский лед, или под лед.

На восточном фронте положение вполне благоприятно. Инициатива целиком находится в руках наших войск. На Волге в руках врага остаются два важных пункта: Сызрань и Самара, против этих двух пунктов ведутся сейчас операции в широком масштабе. Я могу сказать, что они будут взяты в самое ближайшее время. Это значит, что мы очистим всю Волгу, что Волга станет тем, чем ей полагается быть, честной советской рекой.

Вы знаете, что одновременно ведутся широкие операции на Урале, и что после очищения Волги эти операции пойдут, разумеется, с гораздо большим успехом, но трудно предсказать и измерить заранее темп развития этих операций. Можно сказать, однако, с уверенностью, что полоса, занимаемая теперь «учредиловцами», будет очищена и скоро между областью Советской диктатуры и черносотенцев не будет никаких межеумочных промежутков.

На южном фронте бои развивались до последнего времени с переменным успехом. Есть основание думать, что и здесь мы находимся накануне решительного перелома в нашу пользу, что Красновские успехи скоро придут к концу, и Северный Кавказ будет очищен для Советской России.

Я должен сказать, что наши успехи определяются тем быстрым закалом, который приобретает наша армия, и я не могу не назвать полка, носящего имя того учреждения, в котором я говорю, — который развернулся в Тульской губ. под руководством т. Панюшкина и который своими действиями решил судьбу Казани. Оставление ее было для наших врагов катастрофическим. Это видно из того, что в Казани они оставили больше орудий, чем взяли у нас. Они также оставили нетронутыми интендантские склады, мы получили все, что было сдано им на хранение, а артиллерию даже с приростом.

В отношении командного состава мы также сделали успехи. Я говорил о том, что, с одной стороны, из числа солдат и офицеров выдвигаются способные командиры, а, с другой стороны, из рядов старого офицерства мы имеем уже сейчас десятки работников, которые связали свою судьбу с Красной Армией, не говоря уже о т. Вацетисе, которому принадлежит честь успехов под Казанью.

Чехо-словаки сослужили нам превосходную службу в областях оккупации. Те волости, где они находились, встречают Красную Армию, как избавителей.

Наши успехи имеют и другой важный результат; они обостряют борьбу среди врагов. Мы сейчас счастливы сказать друг другу, что никогда не только наша партия, но весь Советский строй, не был так единодушен, как теперь, в то время как наши враги распадаются по всем швам.

Теперь и речи быть не может, чтобы в ближайшие недели на нас обрушилась какая-либо катастрофа. Взоры белогвардейцев обращены на Японию и Америку, откуда несомненно может грозить реальная опасность, но она отделяется от нас тысячами верст, нам дается еще возможность всю зиму использовать для укрепления наших сил.

Сейчас между Японией и Соединенными Штатами состоялось какое-то соглашение; каков его объем, каково соотношение партий — мы не знаем. Но мы в течение этой войны видели слишком много примеров, когда союзники превращались в заклятых врагов, и чем больше мы приближаемся к окончанию мировой бойни, чем острее становятся мировые противоречия, тем чаще вчерашние друзья будут становиться врагами.

Германия в качестве опасной для нас силы сейчас, на ближайший период, сходит со сцены. Болгария выбывает из строя. За Болгарией идут Турция, Румыния, Австро-Венгрия, и вряд ли у хозяев нынешней Германии окажутся материальная возможность и побудительные причины менять свою политику по отношению к Востоку.

Выход Болгарии из войны ослабляет Германию, сводит к минимуму политический террор против нас с ее стороны. Ответом на ослабление Германии явится восстание французского пролетариата.

Таковы перспективы. Два месяца тому назад наше положение было очень трудное. Но мы не опускали рук, и если мы продержались до сегодня, то никакая сила нас не свалит. Ближайшие месяцы мы должны использовать для укрепления и развития нашей армии.

Основываясь на авторитете Ц. И. К. и сочувствии рабочих и крестьянских масс, мы в короткое время превратим Россию не на словах, а на деле, в военный лагерь и сломим консерватизм провинциальных Советских людей, которые не всегда отдают себе в этом отчет.

Во главе снабжения армии поставлен теперь тов. Красин. Он двинет это дело вперед, и тот учет, который он произвел за последние дни, показывает, что дело снабжения обстоит далеко не так плохо.

Новый набор молодых людей даст несколько первоклассных дивизий, которые создадут резервы для армии. Вы же поддержите своим авторитетом дело формирования армии. Мы должны убедить англичан и французов, что их предприятие является не только бесчестным преступлением, но и постыднейшей глупостью. Наше сопротивление на восточном фронте даст могущественный толчок по ту сторону океана, и мы всем нашим врагам, с одной стороны, друзьям — с другой, покажем, что мы — сила, что мы хотим жить и будем жить.

Международная обстановка.

Речь на экстренном соединенном заседании ВЦИК, Московского и районных советов, представителей фабзавкомов и профсоюзов 3 октября 1918 г.

Юго-восточная оконечность Европы, — Балканский полуостров — дает нам картину чудовищных экономических и национальных сплетений, антагонизмов, борьбы. Все те противоречия и столкновения, которые раздирают капиталистическую Европу, представлены в уменьшенных размерах на небольшом пространстве Балканского полуострова. И так как этот полуостров по своим экономическим отношениям является отсталой частью Европы и, стало-быть, притягивает к себе аппетиты крупных хищников великих держав, то балканские интересы и антагонизмы осложняются, пересекаются и возрастают под давлением противоречий всей Европы. Балканский полуостров стал давно осиным гнездом европейской политики, кипящим котлом, откуда время-от-времени вырывались или грозили вырваться огненные языки европейского вулкана и мировой бойни.

В 1912 г. Балканский полуостров был ареной балканских войн между Турцией, Болгарией, Сербией, Грецией, Черногорией, которые тогда были союзницами. Уже тогда революционные социалисты предсказывали, что балканская кровавая потасовка есть только преддверие, предвестник великой мировой войны.

В 1914 г. эта великая война началась. Вышла она оттуда же, из этого же самого юго-восточного угла Европы, с Балканского полуострова. Конфликт между Австро-Венгрией и Сербией дал точку отправления для дальнейшего развития событий, и мы видим теперь, как новый поворот в этой европейской и мировой бойне, а вместе с тем, начало нового поворота в мировой истории опять получает свою точку отправления также и на Балканском полуострове, где — повторяю — сосредоточены в уменьшенных размерах все проклятия капиталистического мира.

В первый момент войны мы наблюдали в центре событий Сербию.

Чудовищное превосходство Германии и Австро-Венгрии, которые в своем союзе казались непобедимыми, сказалось прежде всего на разгроме Сербии. Казалось, что Болгария, наймит центральных империй, отныне становится господствующей страной на Балканском полуострове. Но теперь мы видим, как отпад Болгарии является не причиной, разумеется, но внешним ярким выражением крутого поворота судеб империалистической бойни.

В первую эпоху войны Германия господствовала, ее господство возрастало непрерывно, и она приучила весь мир верить в незыблемость ее военного и империалистического господства, ее превосходство определялось превосходством ее капиталистической техники, она, создавая несравненные машины массового истребления, своей машиной милитаризма уравнивала — больше, чем уравнивала! — численность и богатство своих врагов.

На другом полюсе, в другом лагере только Франция имела централизованную армию с военными традициями. Англия вынуждена была заниматься военной импровизацией, т.-е. создавать армию из ничего. Вот почему весь первый период войны принадлежал Германии. Ее военная промышленность, более кастовая организация германского дворянства, большая дисциплинированность, интеллигентность германского народа, — все это в соединении создавало такую машину войны, перед которой пасовали объединенные силы Франции, Италии, России и других более мелких союзников. Затем с большим запозданием выступили Соединенные Штаты Америки, без большой армии, но с могущественной техникой.

К этому моменту чудовищная машина германского империализма уже изнашивалась, и прежде всего изнашивались рабочие силы и фабрики истребления; с другой стороны, военная мощь Англии и Америки жила и развивалась, потому что у них создался рынок, куда вываливался свой человеческий материал, а затем Соединенные Штаты обратили на Германию свою военную мощь, машины истребления, и не от того, чтобы они были приведены в военное движение рабочими и крестьянами. Нет, первые три года войны Америка стояла в стороне, американский Шейлок поставлял Европе орудия и средства истребления, и только, когда германская неограниченная подводная война грозила отрезать доступ американскому производству на рынок стран согласия, американский Шейлок потребовал, чтобы создался внутренний рынок для пушек, снарядов, винтовок, которые скоплялись на побережьи Америки, так как вывоза в Европу не было. Вот где возник последний толчок, развитый американской дипломатией, бросившей Америку на путь новой авантюры, вот на основе чего Америка сыграла огромную роль в развитии европейской войны. Правда, в Германии было тупоумное юнкерство, которое по недомыслию приветствовало вступление Соединенных Штатов в войну. Мы покончим одним ударом со всеми врагами — т.-е. с мировыми конкурентами, говорило оно, но оно просчиталось. Чудовищная по своим силам американская машина была колоссальна и по своим запасам, и это поняли только те люди, которые отдавали себе отчет в характере совершающихся событий, которые сохранили ясный, трезвый, политический взгляд и оценивали события под углом зрения исторического материализма. Теперь, когда мы, марксисты, оглядываемся на пройденный путь и осматриваем программу, которую развивали имериалисты, их лакеи, демократы, и лакеи их лакеев, шейдемановцы, реноделевцы, мы видим, что эти 4 года усеяны не только трупами рабочих, погибших в этой борьбе, но и трупами разных программ, планов и теорий.

В мировом перекрестном огне выжила только одна программа—программа тех людей, которые не утратили своих пяти чувств. Можно сказать, что только мы, материалисты, видели природу событий и предсказывали их исход. История идет, может быть, против нашего желания, но по той линии, которую мы начертали. И хотя на этом пути принесено много жертв, конец его будет тот, который был предвиден нами: крушение всех богов империализма и капитализма. История как будто задалась целью дать последний, наглядный урок человечеству. Трудящиеся были как будто слишком ленивы, неподвижны и нерешительны. Разумеется, мы не имели бы этой войны, если бы мировой рабочий класс нашел в себе в 1914 г. достаточно решимости, чтобы выступить против империалистов всех стран. Но этого не произошло — рабочий класс нуждался в дополнительном жестоком уроке истории. И вот она вывела на арену самую могущественную, самую организованную страну и дала ей подняться на небывалую высоту. Германия диктовала всему миру свою волю через жерла своих 42-сан. орудий. Она поработила, казалось, на неопределенное время всю Европу, она отхватила огромное пространство от Франции, своими бесчисленными подводными лодками подкапывалась под морское владычество Англии; казалось, что господство Германии упрочилось на целые поколения, если не навсегда. История, которая послала несравненное могущество капитализму Германии, как будто сказала рабочим Германии: вы—рабы, вы не осмеливаетесь поднять ваши головы, раскрепостить ваши шеи из под гнета капитализма. Глядите, этот капитал, вооруженный продуктами вашего труда, он, который господствует над всем миром, завтра будет господствовать над всеми остальными планетами, и нет конца его могуществу; а затем та же история, подняв германский империализм на головокружительную высоту и загипнотизировав сознание масс, с этой высоты свергает его с катастрофической быстротой в пропасть унижения и бессилия, как будто говоря: вы видите, как он разрушен, подчищайте же остатки его со всей Европы, со всего мира. — Вот что говорит история.

Мы переживали ужасную эпоху неограниченного господства германского империализма. Мне как-то довелось в Ц. И. К. вспомнить один мелкий эпизод, связанный с тем, как представитель всесильной Германии говорил о России с иронической, злорадной интонацией, когда называл ее могущественной. В одном слове: «могущественная Россия» он мысленно и прозрачно сказал следующее: «вот вы, почти 200 миллионов русских, когда-то считались могущественной державой, а очутились под нашей пятой, и мы вам диктуем свою волю».

Между тем, несмотря на это, ни в ком из нас нет сейчас ни капли злорадства по поводу того, что Германия переживает колоссальную катастрофу.

Мы будем преисполнены радости в тот час, когда эта катастрофа станет уделом милитаризма и капитализма в целом, и когда приговор истории будет приводиться в исполнение не англо-французскими и американ-

скими пушками, а пушками восставшего революционного пролетариата. Мы знаем, что сейчас, пока, дело идет о перемещении сил из одного лагеря в другой и, как сказано в письме Владимира Ильича, катастрофическое ослабление Германии может и должно в ближайшие дни, недели, может быть при худом ходе событий, ближайшие месяцы, привести к росту сил, наглости, хищничества англо-французского и японо-американского империализма. Один нам так же враждебен, как и другой, и сейчас даже при радикальной перемене международной ситуации, мы так же далеки от союза с побеждающим англо-французским империализмом, как далеки были еще вчера от германского. Мы остаемся независимыми на обоих флангах, как самостоятельная сила, как отряд грядущей пролетарской мировой революции. Мы говорим: пусть англо-французские и японо-американские вершители судеб не трудятся расширять победу, как выражался фон-Кюльман в Брест-Литовске. История, в лице Гофмана, еще не сказала последнего слова, в том смысле, что судьбу народов определяют только договоры.

Если мы серьезно относимся к договорам и обязательствам, которые мы заключаем, то в то же время мы должны сказать и говорим, что судьбы народов как Германии, так и Украины, Польши, Балтики и Финляндии не могут зависеть от документа, написанного в известный момент политического развития.

Новые силы развиваются внутри самой Германии и за ее пределами, и мы не сомневаемся, что близок тот час, когда Брест-Литовский договор будет пересмотрен этими силами, стремящимися к власти. Носителем этой силы в Германии является рабочий класс. Тот факт, что капитулировавший абсолютизм Германии обращается в народный парламентаризм — означает крах тех его продувных дельцов, которые были на вершине, и тех, которые им прислуживали. Если у нас полтора с лишком года назад, в феврале 1917 г., появились у власти кадеты вместе с с.-р. и меньшевиками, и если последним, совершенно свеженьким, только что сошедшим с баррикад, понадобилось всего-навсе 8 месяцев, чтобы израсходовать и износить до дыр свои силы, свою репутацию и освободить свое место, то германским Церетелли понадобится для этого не 8 месяцев, а 8 недель. Вот почему, когда нашу Советскую власть спрашивают, — а у нас имеют основание спрашивать, — как она оценивает те перспективы, которые открываются перед Германией, и что она думает о судьбе Брестского договора, то Советская власть отвечает, что само германское правительство заявляет о своей неспособности в нынешней обстановке—и мировой, и внутренней—справиться с положением дел.

Какое придет ему на смену правительство: немецкого клерикального центра, консерваторов, национал-либералов или соглашателей? Но правое крыло уже руководило судьбами Германии через своих монархов, бюрократов и через свое юнкерство, а левое крыло нового грядущего правительства подтирало все следы грязи за правым крылом. Что же даст нового эта германская коалиция? Она раскроет глаза народным массам.

Стало быть, мы в нашей международной политике не можем серьезно считаться с коалиционным правительством Германии, как с силой, которая в течение долгого периода времени сможет определять судьбы своей страны.

Какая же сила останется? По отношению к Германии идея единства фронта всей демократии еще более, чем по отношению к России является жалкой, бессмысленной, ничтожной — простите, плюгавой утопией. Какая в Германии демократия? Там демократии почти нет. Там были жалкие остатки мелкой буржуазии, с жалкими остатками ее политического влияния. Беспощадная империалистическая война окончательно разорила и убила мелкую буржуазию и не оставила камня на камне от ее былого значения. Есть только два лагеря: один — сознательный, твердый лагерь империалистов, другой — лагерь пролетариата, над которым история произвела колоссальный жестокий опыт, которого провела через страшное испытание и теперь поставила в упор лицом к лицу с следующей задачей: либо ты справишься с судьбами своей страны и возьмешь в собственные руки власть, либо ты погибнешь вместе со всей страной и с культурой. Вот что сказала история германскому рабочему классу. И если мы сейчас глубоко уверены, что история работает за нас и с нами, а стало быть и вместе с германским рабочим классом, если мы не собираемся мешать ее спасительной работе, то зато мы не скрываем ни от кого, ни от себя, ни от германского рабочего класса, что мы ждем и приветствуем его грядущее шествие к власти. Вместе с тем мы признаем с глубокой уверенностью, что единственная сила в Германии, которая может ее спасти, отстоять для дальнейшего экономического и культурного развития — есть именно германский рабочий класс. Взятие им власти внесло бы радикальные и огромные изменения во всю мировую обстановку. Германия превратилась бы в мощный центр притяжения симпатий народов, угнетенных масс всего мира и прежде всего Франции. А без французских кадров, без французской территории, в качестве театра войны, английские и американские войска не способны разгромить, раздробить Германию. Французский рабочий класс, обескровленный больше, чем какой бы то ни было другой, в своем революционном сердце только дожидается первого сигнала из Германии, чтобы подняться против своих владык — Клемансо и др. Не нужно быть пророком и фантастом, чтобы сказать, что на другой день после того, как станет ясным, что германский рабочий класс протянул руку к власти, — на улицах Парижа будут воздвигнуты пролетарские баррикады. История работает с нами и за нас, а стало быть, и за германский, и за французский, и за международный рабочий класс.

Когда мы оглядываемся назад, должно с полным удовлетворением сказать, что мы недаром, через величайшие трудности, которые многими оценивались, как унижение, дотянули Советскую власть до этого момента. Я считаю в этом авторитетном собрании долгом заявить, что в тот час, когда многие из нас, и я в том числе, сомневались, нужно ли, допустимо ли

подписывать Брест-Литовский мир, не отразится ли это задерживающим образом на развитии мировой пролетарской революции, только тов. Ленин, против многих из нас, с упорством и несравненной прозорливостью утверждал, что нам нужно через это пройти, чтобы дотащить, дотянуть до революции мировой пролетариат. И теперь, на фоне последних событий, мы должны признать, что правы были не мы (продолжительные овации). Каково бы ни было ближайшее положение европейских и мировых судеб, наше положение сейчас несравненно лучше. Мы укрепляемся все больше и больше, а наши враги кровоточат из всех ран, они слабы и те, которые кажутся всемогущими, сегодня-завтра опишут ту же дугу, что описала Германия, но с еще большей быстротой, ибо если в истории происходят повторения, то они происходят всегда более ускоренным темпом. И падение Франции, Америки и Японии, когда оно наступит, будет более катастрофическим, чем Австрии и Германии.

Разумеется, мы, при сложившейся благоприятно ситуации, не возьмем на себя инициативы тех или других азартных авантюристических шагов объявления войны Германии в союзе с Англией и Францией, чтобы оказать тем самым помощь крайним представителям германского милитаризма, которые теперь собираются совершить кровопускание и подобно осенней мухе больно ужалить германский народ. Нет, мы теперь далеки от политических приключений, больше, чем когда бы то ни было, ибо история за нас стоит также больше, чем когда бы то ни было.

Завтра германский милитаризм будет еще слабее, мы же завтра будем сильнее, поэтому нам нечего торопиться, искусственно форсировать развитие истории, тем более рука об руку с Англией, имеющей стремление расчленить, уничтожить Германию.

При заключении Брест-Литовского мира нас обвиняли в том, что сдана Украина. Действительно, для нас одним из самых тяжких моментов был тот, когда приходилось подписывать договор, отдававший Украину под власть Германии и Австро-Венгрии. Сегодня получено известие от одного хорошо осведомленного товарища о настроении на Украине. Приведу несколько наиболее ярких сообщений: «здесь все более и более создается революционное положение. Еще до последних событий в Болгарии и Германии, как только стало известно, что Германия уберет свои войска с Украины, уверенность, что Советская власть восторжествует здесь, и в кратчайшее время, — стала всеобщей».

И дальше идут сообщения, как виднейшие представители покойной рады говорят о том, что, разумеется, никакой другой власти, кроме Советской власти на Украине ожидать нельзя. Затем сообщается о целом ряде проявлений революционного движения на Украине.

Но, кроме того, один товарищ, прекрасно осведомленный и имеющий хорошие связи, пишет о том, что делается в Болгарии. Он сообщает, что в Болгарии подпольные Советы существовали давно, и что назначены на фронт два социалистических депутата, Лукаиский и Дмитриев, которые

теперь приговорены к 5—6 годам заключения. Они принадлежали к партии, соответствующей русским коммунистам. Таково краткое сообщение относительно положения Украины и Болгарии.

В свое время нам говорили про Украину, что мы ее потеряли. Да, временно потеряли, чтобы снова найти ее и на этот раз окрепшею. Украинские рабочий и крестьянин прошли суровую школу, и если теперь они пришли к Советам, то они будут так крепки, что никакая сила не сможет сковыриуть их. В панику Бреста Советская Россия расчленилась. Но она в ходе событий развернула величайшее революционное притяжеине. Мы не сомневаемся, что это притяжение выполнит великую работу. Когда германский рабочий класс протянет руку к власти и станет у нее, он также развернет могущественную силу притяжения, а преступная рука англо-французского империализма будет разбита параличом и не сможет сопротивляться.

Если пролетариатом Германии будет сделана попытка наступать, то для Советской России основным долгом будет не знать национальных границ в революционной борьбе. Революционная борьба германского народа будет нашей собственной борьбой. Что Советская Россия чувствует себя только авангардом германской и европейской пролетарской революции — для всех ясно. Однако, не исключена возможность того, что в течение известного периода, определенных месяцев, революционной Германии придется отбиваться от банд империализма. И в предвидении этого мы можем сказать с уверенностью, что германский пролетариат со всей своей техникой, с одиой стороны, и наша неорганизованная, но богатейшая естественными богатствами, с 200 миллионов жителей, Россия — с другой, — представляет могущественный блок, о который разобьются все волны империализма. Для нас не может быть союзников из империалистического лагеря. Революционный лагерь пролетариев, выступающих на открытую борьбу с империализмом, — вот наши союзники. Либкнехту не надо заключать с нами договора, и без него мы будем помогать ему в борьбе всеми силами и средствами. Мы все отдаем для общей пролетарской мировой борьбы. В оглашенном письме тов. Ленина сказано ясно и отчетливо, чтобы мы стремились создавать миллионную армию для защиты Советской Республики. Эта программа узка. История говорит: ваша задача не только обеспечить передышку, — ваша задача сделалась шире. Уже в Германии и во всей центральной Европе назревает кризис. Может быть, завтра рабочий класс Германии призовет вас на помощь, и вы создавайте не миллионную, — создавайте двухмиллионную армию, так как ваша задача возросла вдвое, втрое. И мы готовы вдвое, втрое напрячь наши силы. И они увеличиваются со дня на день. Германский пролетариат испытывает голод больше нашего. Пусть он протянет руки к власти, пусть он возьмет в руки власть, и опираясь на это поможет нам наладить железные дороги, а мы из Самарской губ., с Дона, где я видел неистощимые запасы хлеба, возьмем богатства хлебные и поделимся ими по-братски с германским рабочим классом.

для торжества общей борьбы. Это есть воля рабочего класса России и крестьянской бедноты, ибо здесь собраны их авторитетные, влиятельные представители — лучшее, что есть в Российской Республике. Здесь Центральный Исполнительный Комитет, московский совет, представители профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов. Все это цвет и воля России. Во время борьбы рабочего класса Германии мы будем с ними целиком. Как коммунары, мы наши коммунистические воззрения простираем и на рабочий класс Германии. Все, что наше, то его. Наши силы и хлеб — это его силы и хлеб для общей пролетарской революции.

Разумеется, товарищи, наш нарождающийся завтра союз будет закреплен с новой трудовой революционной Германией. И потому этот союз ни в коей мере не направлен против пролетариата и трудового народа Франции, Англии, Америки или Японии. Это понимаете вы, и, — что еще важнее, — к счастью нашему, это превосходно понимают все революционные рабочие стран Согласия. В тот момент, когда по Европе пройдет, — а этот час близится, — основной рубеж, основной окоп между силами пролетарской революции и милитаризмом, французские рабочие, английские рабочие, цвет американского пролетариата и японские рабочие будут по ту самую сторону, где мы создадим союз Советской России и пролетарской Германии. И это есть единственная возможность, единственный способ покончить с этой проклятой бойней.

Все наши самые мрачные предсказания, наши ужасающие обличения не только оправдались, — они оказались превзойденными действительностью. «Мы, — говорили империалисты — утверждаем, что идем освобождать слабые, бедные, угнетенные, малые народности». Смотрите, все мелкие государства — нации, лежат растерзанные, подавленные. Болгария грабила, что могла, у Сербии и Греции. Турция грабила, что могла, у нас на Кавказе. Болгария, вчера превратившаяся в германскую провинцию, сегодня превращена в английскую колонию. Турция тоже! И как раз сегодня получены сведения, что Турция открывает свои проливы английскому флоту. Это значит, что Константинополь становится городом, где будет заседать английский губернатор. Это значит, что господство Англии водружается над теми, кто вчера был в союзе с Германией. Вчерашний друг Германии сегодня превращается в жалкого, бессильного, распятого вассала Англии. Для всех слабых, для всех угнетенных наций, народов, мелких государств, и, прежде всего, для рабочих масс их и могущественных наций, нет выхода из этой бойни, иначе, как путем перемещения военных сил из одного лагеря в другой. Мы это предсказывали первые, когда опубликовали тайные договоры, когда обличали хищнический милитаризм и империализм. И мы теперь можем сказать рабочим Германии, если бы они год назад имели силу убрать свои правящие классы и заключить мир на основах, провозглашенных рабочим классом, рабочие Франции, Англии и Японии были бы богаче и счастливее. Мы сделали бы колоссальный шаг вперед в сторону прогресса, гуманности. За этот год сожжены новые мил-

лионы жизней и новые миллиарды богатств. Но урок не прошел даром. Мы остаемся там, где были, а другие подошли ближе к нам. Наш враг стал слабее, и мы говорим поэтому: знамя Советской власти взвилось выше, надо бороться со всей решимостью, мы стали крепче, друзей у нас больше, мы идем вперед, вам навстречу, рабочие Германии, Англии, Франции и всех стран. Наше знамя поднимается над Европой—знамя международной республики труда.

Передышка.

Речь на заседании В. Ц. И. К. 5 созыва 30-го октября 1918 г.

Мы снова получаем большую передышку. Не может быть и речи, чтобы в ближайшие недели на нас обрушилась какая бы то ни было военная сила. В белогвардейских газетах сейчас пишут об англо-французском десанте, как об исчезнувшей обманутой надежде, и потому все взоры обращены теперь на Японию и Америку. Оттуда, несомненно, грозит или может грозить реальная опасность. Но и эта опасность отделяется от нас очень большим количеством верст или километров. Нам дается еще возможность всю зиму использовать для укрепления наших сил, а мы не только отбираем сейчас города, но и не медля укрепляем их по всем правилам искусства. И если даже допустить, что японцы или американцы, при поддержке белогвардейцев или чехо-словаков, которые шпалерами станут вдоль сибирского пути, дойдут до Урала, то они до весны встретят на этом пути крепкий мощный барьер. Пока этот путь еще не пройден. Враги только у самого его начала. Они должны пройти по колоссальной стране, причем справа и слева у них будут только враги. Если чехо-словацкий корпус, в качестве тыла, может иметь кавалерию и, благодаря своим высоким качествам, — а эти качества падают с каждым днем, — помогать среднему району театра, то японские и американские войска не будут иметь никакого тыла: они будут иметь справа и слева от узкой железнодорожной полосы враждебных партизанов, готоаых на все, чтобы отстоять свою землю, свой хлеб, и им придется тащить за собой длинные, огромные тылы. Как ни богаты техникой американцы, как ни могуществен японский милитаризм, — хотя, к слову сказать, они во время войны давали России в высшей степени гнилой материал, негодные снаряды и оружие — для них потребуются многие недели и месяцы, чтобы преодолеть сопротивление и препятствия по колоссальной Сибири и продвигаться к европейским рубежам Советской Республики. А к тому времени Красная Армия незаметно упрочится и разовьется.

Сейчас между Японией и Соединенными Штатами состоялось какое-то соглашение. Продержится ли это соглашение до весны, — этого не предскажет никакой звездочет, и как далеко зайдет сопротивление ему внутри Японии и Америки, — этого также с астрономической точностью предвидеть нельзя. Но только месяц назад мы наблюдали в Японии колоссальнейшее движение, вовлекшее в свой круг миллионы японских рабочих. Если японская буржуазия обнаружила способности приспособления и подражания, то мы не сомневаемся, что закалившийся в горниле мировой бойни японский пролетариат также обнаружит огромную способность по-

дражания революционного, и японская буржуазия в своей химерической надежде на Сибирь с каждым месяцем будет наталкиваться на все большее сопротивление. То же относится и к Америке; здесь говорили о росте движения за океаном; нет сомнения, что американский рабочий потерял уже в течение 2—3 лет свое прежнее привилегированное положение мирового аристократа труда. От него требуют колоссальной дани; над ним тяготеет старая федеративная демократия, сконцентрированная и централизованная империалистическая власть, которая ничем не уступает любой монархической автократической власти; перед лицом этого колоссального переворота империализм переживает катастрофический перелом; революция должна развернуться с невероятной американской быстротой, и сопротивление американского пролетариата будет развертываться тем быстрее, чем энергичнее будет сопротивление с нашей стороны американской интервенции, чем большее препятствие в своем движении вперед будет встречать американский и японский милитаризм,—эти наши главные враги в настоящее время.

Германия, как опасная для нас сила, в настоящее время, без сомнения, сходит со сцены. Выбывает из строя и Болгария, а за ней следуют Турция, Румыния, Австро-Венгрия. Трудно предположить, что у властителей нынешней Германии, помимо тех формальных договоров, которые должны были бы их связать, окажутся материальная возможность и побудительные причины для перемены своей восточной политики. Если они эту политику будут менять, то скорее в том смысле, чтобы освободить увязшие в Украине кое-какие корпуса для других целей. С этой стороны мы ходом событий сейчас убеждены в этом. Могут сказать, что выход Болгарии усиливает непосредственных и прямых сегодняшних врагов-союзников, и это будет верно, но только с точки зрения момента. Правда, вся мировая дипломатия судит сейчас и способна судить о своих заданиях только под углом зрения данного момента. Ей судить под углом зрения точных исторических перспектив уже не дано, потому что в них ничего не вырисовывается, кроме гибели. Выход России из войны, несомненно, усилил Германию. Я помню, — в моих ушах еще сейчас звучит его интонация, — как фон-Кюльман говорил: «разумеется, Германия хочет жить в мире со своим могущественным восточным соседом». Слово «могущественным» было сказано с такой интонацией, которая должна была означать: «Вот Россия была могущественной страной, а сейчас вы ползаете во прахе с наших ног». Звук голоса — фон-Кюльмана — остался в моих ушах, но Гертлинга уже нет, Гинце нет, да и многое другое еще изменится в Германии.

Я думаю, что если выход России из войны временно усилил Германию, то в историческом процессе сегодня выход из войны Болгарии, где организовался Совет Солдатских Депутатов, завтра выход Австро-Венгрии,— а в этой стране революция переживает роковой период, — все это есть результаты тех событий, которые вывели из войны Россию и временно усилили Германию, и которые являются не чем иным, как глубочайшим признаком гибели мирового капитализма.

На страже Мировой Революции.

Доклад, прочитанный на объединенном заседании Воронежского Совета Раб., Кр. и Кр. Депут. 18 ноября 1918 г.

Товарищи, прежде всего позвольте выразить радость по поводу того, что мы имеем возможность с вами вести беседу в Воронеже, который наши враги склонны были недавно уже считать своим. Это дает мне основание думать, что Воронеж остается в составе Советской России незыблемо, и что это многочисленное и многолюдное и, как можно судить уже по первому впечатлению, связанное единым настроением собрание является залогом того духа, который превратит Воронеж в неприступную Советскую крепость.

А нужно сказать, что Воронеж — один из самых южных пунктов Советской России — пока еще находится под несомненной угрозой, ибо всей нашей стране сейчас главная опасность угрожает с юга, — с этого столь близкого вам фронта, за которым недавно скрывались казацко-немецкие силы, немецкие средства, немецкие планы и где теперь — за спиной тех же одураченных казаков — группируются силы и средства противоположного лагеря.

Мы живем в эпоху, которая является прежде всего эпохой международной политики. В «мирное», «спокойное» время вопросы международной политики кажутся рядовому человеку звездными вопросами, не имеющими никакого практического значения для его личной судьбы. Но вот уже несколько лет как мы вступили в такую эпоху, когда посредством событий этой эпохи судьба каждого гражданина, хочет он того или не хочет, связана с судьбами не только его класса, его страны, но и с международными судьбами в целом. Это — заслуга, или проклятье, — как хотите, — капитализма. Капитализм связал народы в один мощный хозяйственный организм и, в то же время, враждебно противопоставил господствующие классы этих народов. Можно сказать, что он, путем международного обмана, через мировой рынок, связал воедино народы каторжной насильственной цепью, и они, стремясь устроиться в пределах каторги капиталистического мирового хозяйства, вынуждены рвать эту цепь и тем самым рвать свое тело на части. В этом и заключается современная империалистическая война. Она выросла из противоречия между мировым характером производства и национальным характером присвоения, капиталистического хищения. Буржуазия с этим противоречием справиться не может. Сперва была надежда у буржуазии того и другого лагеря, что путем

вечной военной победы она разрешит все вопросы. Я помню первый период войны, который мне пришлось провести в западной Европе, сперва, первые дни — в Австро-Венгрии, затем в Швейцарии, потом почти два года во Франции, откуда был выброшен через Испанию — нейтральную страну — в Америку, как раз в момент ее вступления в войну. Таким образом, судьба дала мне возможность за первые два с половиной года войны наблюдать ее отражение в сознании и в политике буржуазных классов и рабочих масс разных стран. В Цюрихе на втором, примерно, месяце войны, мне довелось говорить с одним из важнейших соглашателей, с Молькенбургом, который на мой вопрос, как его партия представляет себе ход мировой войны, ответил, повторяя мнение германской буржуазии: «В течение ближайших двух месяцев мы покончим с Францией, затем повернемся на восток, покончим с войсками вашего царя и через три — максимум — четыре месяца мы дадим крепкий мир Европе». Такова была иллюзия этого социал-патриота.

Прошло с того времени более 4 лет. Германия сейчас повержена во прах. И только развернувшаяся рабочая революция обещает вывести ее из страшного и кровавого тупика, куда ее загнала политика буржуазии, защищавшаяся в свое время партией Молькенбурга.

То же самое было и во Франции. Там буржуазные депутаты и социал-патриоты обещали победу со дня на день, с недели на неделю, потом с месяца на месяц, и наконец уже с года на год. Правда, можно сказать, что теперь эта обещанная победа достигнута. Франция вместе со своими союзниками наступила на Германию сапогом, — тем не менее во Франции, меньше чем где бы то ни было, сколько-нибудь разумные политики, даже из буржуазного лагеря, надеются военной победой разрешить хотя бы один из тех вопросов, которые вызвали современную войну. Никто другой, как Жюль Гед, один из бывших вождей бывшего Второго Интернационала, говорил не раз во время своего революционного расцвета, что война является матерью революции, и мы вступили сейчас в эпоху, когда по следам войны, правда, иногда слишком медленно для нашего законного революционного нетерпения, но все же шествует, как говорилось в старину, на железных сандалиях революция, дочь войны.

Революцию начали первыми мы, русский рабочий класс, класс страны наиболее обездоленной. Мы были первыми, но не последними. Мы рисковали остаться одинокими. Но разве был у нас другой выход? Вы знаете, с каким издевательством и глумлением встречались наши предуказания относительно неизбежности революционного развития во всем мире, и особенно в Германии. Но факты налицо: в последнем счете оказались правы мы, те, которые опирались на твердый материалистический метод исследования исторических судеб, метод, который применяется во всякой науке,— метод строгого, холодного, сурового исследования накопленных фактов с целью установления отсюда определенных выводов, правильного прогноза относительно будущего. И только этот научный холодный метод, который

вовсе не противоречит самому горячему революционному темпераменту, только марксизм дал нам возможность не растеряться, а разобраться в мировом положении и предсказать неизбежность пролетарской революции в результате настоящей войны.

Разумеется, многие из нас ожидали ее раньше. Мы думали, что германский рабочий класс не позволит соглашателям вести себя так долго на узде. Сейчас еще мы взираем с ненавистью на биржевую Францию и готовы, подчас, нетерпеливо топать ногой по поводу того, что французский рабочий класс, с богатыми революционными традициями, столь долго терпеливо сносит господство Пуанкарэ и Клемансо. Тем не менее, в общем и в целом, события идут, как мы, марксисты, их предвидели. Те черты капитализма и рабочего класса отдельных стран, которые нам были известны раньше, развернулись и сказались в характере событий и в их темпе.

Мы знали, что для германского рабочего класса, без революционного прошлого, нужны исключительные события, исключительные потрясения, чтобы выбить его из той колеи легализма, в которую его надолго загнала история. Эти потрясения наступили, — последствия налицо.

Вы знаете, что вся последняя война есть не что иное, как гигантская дуэль между Германией и Англией. Англия — эта старая империалистическая колониальная страна, старая разбойничья фирма, которая, в лице своего флота, стоит на всех путях и перепутьях морских мировых дорог и не позволяет другим мировым разбойникам конкурировать с собой. Именно поэтому она с неслыханным ожесточением и ненавистью наблюдала, как, в лице промышленной Германии, развивается для нее в высшей степени опасный соперник на суше и на воде. Характерная черта английского рабочего класса, которая объясняется историей английского капитализма, черта, на которую я только что намекнул, это — чувство своей привилегированности, известный аристократизм. Английский рабочий класс во второй половине прошлого века был связан с мировыми привилегиями английской промышленности, которая занимала господствующее положение на мировом рынке. С того времени, как это положение установилось, т. е. с 50 — 60 годов прошлого столетия, английский рабочий класс не знал революционных потрясений.

Германский пролетариат не знал их по другим причинам. Германия выступила позднее на дорогу капиталистического развития. Развилась она с колоссальной быстротой. Поспешно складывалась немецкая промышленность, в том числе военная, и соответственно складывался немецкий рабочий класс, который создавал свои союзы, свою политическую партию, направляя всю свою энергию в этом направлении. В то время как богатела буржуазия, наверху в Германии уже давно стояла дворянская каста, тесно сплоченная, хорошо выдрессированная и состоявшая, в отличие от нашего дворянства, не из бездельников, воров, казнокрадов, а из в высшей степени дельных полководцев, министров, которые умели господствовать

над народными массами. Школа государственного управления и его традиции сосредоточились именно в дворянстве, которое путем войн за объединение Германии создало условия для развития буржуазии. Вот почему немецкая буржуазия, которая в течение нескольких десятилетий развернулась в гигантскую силу, решила государственное, особенно военное, дело оставить в руках дворянства. Она сказала сама себе: «у дворянства — крепкий кулак, у него традиция господства, оно сумеет держать в узде пролетариат». Это дворянство создало чудовищную германскую армию. Для неё существовала могучая буржуазная промышленность, эксплоатировавшая рабочих. И этой армии, на основе этой военной промышленности, дворянство дало крепкую офицерскую касту с боевыми традициями, с железной дисциплиной с психологией феодальных рыцарей. Из могущественной промышленности и дисциплинированного, лишенного революционных традиций, класса, из этой комбинации получалась страшная машина массовых убийств, которая называлась германской армией. Эта армия держалась против Англии, против Франции, против России, потом против армии Америки. В течение свыше четырех лет германская армия выносила этот колоссальный напор...

Если отвлечься от империалистического характера войны, если видеть в ней только военное состязание экономических организмов, то прежде всего нужно поражаться колоссальному могуществу тех сил, которые капитализм создал и разнуздал. И свое наиболее законченное и яркое выражение капитализм нашел в лице германской армии. Однако, мы видим, что германский милитаризм не выдержал этого напряжения сил, не выдержал не только потому, что на него напирали колоссальные могущественные армии Англии, Франции и в последние месяцы Соединенных Штатов с их свежими и могучими рессурсами, — не выдержал он внутреннего идейного напора новых настроений, провозвестником которых явился русский рабочий класс.

И это не случайность, а как бы сознательная воля истории, что как раз к годовщине нашей октябрьской революции над Берлином поднялось красное знамя Берлинского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Большего удовлетворения мы не могли ни желать, ни требовать от истории.

Немецкая революция идет, повидимому, более быстрыми шагами, чем наша отечественная революция. Но, с другой стороны, было бы ошибочно ожидать, что немецкий рабочий класс сразу сделает прыжок от старого легализма к тому режиму, который мы ждем, т.-е. к режиму коммунистической диктатуры.

Никогда ни один народ, ни один класс не учился настоящим образом из книжек, из газет и из опыта других стран.

Правда, кое-чему мы учились у немцев. В свое время мы говорили, что мы учились у них многому. Это верно. Но это многое было пригодно для мирной эпохи и оказалось совсем малым по мерке больших событий. Если русский рабочий класс чему-нибудь настоящим образом научился,

так он научился этому в школе собственной непосредственной суровой борьбы, грудь с грудью со своими врагами, в результате чего он кладет партию за партией на обе лопатки, вырывает власть из рук буржуазии, на своей крови основывает свое государство и объявляет врагам, что, взявши в руки власть, он ее никому не отдаст (Аплодисменты). Вот где и только здесь, в непрерывной длительной суровой борьбе, воспитывается воля к власти и возможность власть завоевать и удержать. По книгам, в академии, и по газетам рабочий класс никогда и нигде еще не обучался главным своим задачам и методам их осуществления.

Это относится и к немецким рабочим. Они создали революционные советы рабочих и солдатских депутатов. Но нет никакого сомнения, что эти советы будут в течение известного времени, будем надеяться, короткого, еще шататься из стороны в сторону, ковылять, прихрамывать. Во главе их еще останутся соглашатели, те самые, которые в огромнейшей степени повинны перед немецким народом за те бедствия, за те унижения, в какие Германия ввергнута. Ибо нет никакого сомнения, что если бы немецкая социал-демократия в июле 1914 года нашла в себе решимость, мужество и ясное сознание призвать рабочий класс Германии хотя бы на первых порах к пассивному сопротивлению, чтобы перевести его далее в открытое восстание, то война была бы сокращена во много раз, — ее, может быть, не было бы вовсе. Вот почему главная ответственность, как мы говорили тогда, лежала на сильнейшей партии, — на германской социал-демократии. И, тем не менее, немецкий рабочий класс, вырвавшись из заколдованного круга войны, в первый момент на своем хребте оставил еще старую партийную надстройку из вождей старой социал-демократии. У нас понадобилось 8 месяцев для того, чтобы изжить режим Керенского—Церетелли и других соглашателей. Наши Керенский—Церетелли были для рабочих масс неизвестными незнакомцами, которые на первое время импонировали рабочим массам, вызывали в себе доверие, как представители известной партии, которая шла, как казалось, во главе этих рабочих масс, и у нас понадобилось 8 месяцев для того, чтобы эту фальшивую репутацию раскрыть и уничтожить.

В Германии Давид, Эберт, Шейдеман—не незнакомцы. Они всю войну проделали рука об руку с германским правительством и с германской буржуазией, как ее помощники и слуги. Но так велика сила организационной косности, организационного автоматизма, что немецкому рабочему классу трудно освободиться и от своей партийной машины, в тот момент, когда он освободился от машины государственной. Старая партия складывалась в старых условиях для старых мирных задач. Она создала огромный организационный аппарат. Чем дальше от массы, тем больше закоснелого, заскорузлого, затхлого и мертвящего в представителях этой могущественной партии и аппарата профессиональных союзов.

Мне довелось в Германии провести довольно большое количество времени, я видел этих вождей сравнительно близко, и теперь, в свете

новых гигантских событий я ясно представляю себе, как и почему у этих людей нет за душой ни искры революционного пролетарского энтузиазма, ни тени понимания того, что такое пролетарская революция, а есть глубокое, рабское преклонение пред мудростью парламентарного государственного, планомерного, мирного строительства. Рабочий класс, разрушив старую государственную машину, толкнул вперед свою старую партию, и Шейдеман — Эберт оказались министрами революционной Германии, хотя они сделали больше, чем кто бы то ни было для того, чтобы помешать германской революции. Они сделались «революционерами» против своей собственной воли. Еще полтора месяца тому назад они говорили, что в Германии революции не будет, что русские большевики ошибаются, они открыто издевались над нашими надеждами, более того, руководящий орган германской социал-демократии «Форвертс» писал не так давно, что большевики, утверждающие, что в Германии будет революция, сознательно обманывают русских рабочих, питая их лживыми обещаниями.

Это говорили немецкие «вожди», которые, казалось бы, должны были бы лучше знать германские условия.

Они нас обвиняли в том, что мы обманываем русских рабочих, предсказывая неизбежность революции у них. И вот они, жалкие тихоходы и крохоборы, сами оказались обмануты. Мы говорили правду. И эта правда теперь стоит перед всем миром: в Германии — революция (Аплодисменты).

Как я указал в начале, жизнь каждой страны, каждого класса и даже отдельного лица зависит теперь в ужасающей степени от международного положения. Международное положение в Германии является в высшей степени тяжким.

Тот мир, который германское правительство оказывается вынужденным подписать, — во всех отношениях суровее и беспощаднее того мира, который оказались вынуждены подписать в Бресте мы.

Нас наши Керенский — Церетелли обвиняли в том, что большевики совершили преступление, подписав ужасный мир. Но в Германии тамошние Керенский — Церетелли, т.-е. Шейдеман и Эберт, оказались вынужденными подписать мир, гораздо более ужасный. Стало быть, подписание мира не есть дело только доброй воли. Ужасный мир подписывают тогда, когда нет другого исхода. Когда вражеский империализм берет за горло, а в руках нет оружия, тогда подписывают ужасный мир. Так вынуждены были поступить мы. И нет никакого сомнения, что если бы у власти тогда стояли Керенский — Церетелли, они подписали бы в Бресте мир в десять раз худший. Лучшим доказательством является то, что они и подобные им Грузию, Армению, Польшу совершенно отдали на произвол и расхищение германскому империализму, как завтра они отдадут Закавказье англо-французскому империализму. Переговоры по поводу этого ведутся уже сегодня...

Положение Германии является в высшей степени тяжким. Спасти ее может то, что должно было спасти нас, т.-е. революция в государстве

врага и на сей раз во Франции, в Англии, развитие, расширенне пролетарской коммунистической революции в международном масштабе. Но для того, чтобы скорее и вернее произошло, нужно, чтобы в самой Германии революция пошла далее по своему естественному пути, нужно, чтобы на смену трусливым соглашателям, которые стремятся урезать, окарнать, обескрылить немецкую революцию, удержать ее в буржуазных рамках и лишить ее той агитационной силы, которую она должна развить, нужно, словом, чтобы на смену Шейдеманам и Эбертам пришло революционное правительство, руководимое Либкнехтом. Однако, здесь сказывается отличие судеб Германии от наших судеб. Мы жили долго в условиях царизма. У нас развились революционные подпольные навыки и традиции, сперва у народников и народовольцев, затем у социал-демократии. Эта нелегальная конспиративная революционная работа, шедшая сперва от подпольной интеллигенции к передовым рабочим, нашла свое законченное яркое выражение в партии коммунистов.

К тому моменту, когда русский рабочий класс поднялся на ноги под влиянием страшных ударов истории, ему не пришлось начинать сначала. Он имел во главе своей централизованную, спаянную теснейшими узами исторической доктрины и внутренней революционной солидарностью партию, которая шла с ним через все препятствия и которая теперь стоит у власти. Это наша коммунистическая партия.

В Германии этого еще нет, потому что там энергия рабочего класса в течение десятилетий шла по руслу легализма, парламентаризма. И когда рабочий класс Германии волею событий бросился на революционную арену — он не нашел организованной революционной партии. В Германии ее сегодня еще нет. И он поневоле воспользовался той организацией, которая была представлена Шейдеманом. Но нет никакого сомнения, что несоответствие между этой организацией, ее навыками, ее психологией и между потребностью революционного пролетарского развития будет обнаруживаться с каждым днем все более и более ярко. И вот, перед немецким рабочим классом двойная задача: делать свою революцию и в процессе этой работы создавать орудие своей революции, т.-е. строить подлинную революционную партию. Мы не сомневаемся, что он справится с этой двойной задачей; а это есть гарантия того, что навстречу новой коммунистической революции пойдет революция французская.

Уже сейчас радиотелеграф приносит нам вести о крупнейших стачечных и революционных выступлениях в Лионе, Париже и в других местах. Да и было бы чудовищным, если бы французский рабочий класс не выступил против своих классовых врагов.

Мы знаем французский рабочий класс по его прошлому. Если вообще у какого-нибудь пролетариата есть старые революционные традиции, так это у рабочих Франции, которые проделали свою великую французскую революцию, революцию 1830 г., революцию 1848 г., июньские дни, наконец, Парижскую коммуну. Но, именно потому, что французский рабочий

класс выступил первый на путь революционного действия, у него, у французского рабочего класса, создался известный политический аристократизм, как и у английского рабочего класса — экономический аристократизм.

Британский пролетариат смотрел долго на рабочих всех стран свысока: они-де—парии, получают низкую заработную плату, живут впроголодь, у них солдатчина, они не знают спорта и пр. и пр., в то время, как английский рабочий класс, т.-е. его квалифицированные верхи, находился в привилегированном положении. Отсюда его пренебрежительное отношение к революционной борьбе. Французский рабочий класс, наоборот, в течение очень долгого времени считал себя единственной революционной силой в Европе. Мессией, т.-е. призванным спасти все другие народы. За пределами Франции все погрязло в варварстве, в невежестве. В Германии абсолютизм, в России — царизм. Даже в Англии — король и лорды. Во Франции рабочий класс создал республику и первым придет к социализму. Так думали верхи рабочего класса. Вот с этим революционным аристократизмом связан у французского рабочего класса патриотизм. Мысль такая: «Если кайзер задушит нас, то погибнет Франция — единственный очаг революционной борьбы. Поэтому спасти Францию во что бы то ни стало, значит спасти социализм». Верхи французского рабочего класса мирились с тем, что правительство Франции, заключая союз с Россией, тем самым поддерживало русский царизм. Разумеется, была и оппозиция. Но широкие массы были обмануты, убаюканы, усыплены тем соображением, что опасность от немецкого абсолютизма слишком велика, что союз с Российской Империей является единственным выходом из положения, иначе немецкие башибузуки растопчут Францию и тем самым задушат социалистическую революцию. Только постепенно рабочие на опыте войны убеждались, что оба лагеря одинаково враждебны пролетариату. Из французских траншей все чаще и чаще поднимались угрожающие голоса. Правда, Клемансо сочетанием патриотической лжи и полицейской травли еще держит французских рабочих в тисках. Но теперь, когда старая империалистическая Германия лежит распростертая на земле, когда французскому рабочему классу не угрожает больше никакой внешней опасности, наоборот, когда его буржуазия сама является страшной, смертельной угрозой, находясь — правда, на побегушках у английской и американской буржуазии, — для других народов теперь нет никакого сомнения в том, что в ответ на германские и австро-венгерские Советы Рабочих и Солдатских Депутатов в близком будущем явятся баррикады в Париже.

Весьма вероятно, что французский пролетариат будет опережен революционным рабочим классом Италии. Итальянская социалистическая партия, как вы знаете, с честью выдержала испытание нынешней войны. Причины этому кроются, с одной стороны, в том, что еще до войны итальянская партия очистилась от оппортунистического элемента, а также и в том, что итальянской буржуазии и монархии потребовалось около 9 месяцев на то, чтобы из лагеря центральных империй перейти в лагерь

стран Согласия и начать войну на стороне Франции и России. За эти 9 месяцев итальянская партия могла на опыте других стран убедиться, к какой деморализации, к какому проституированию приводит политика «национального» объединения социалистов с капиталистами. Эти обстоятельства дали возможность итальянской партии взять в свои руки инициативу по созыву Циммервальдской конференции [106]. Молодой итальянский пролетариат отличается бурным темпераментом и не раз уже превращал камни итальянских мостовых в революционные баррикады. Все сведения, какие доходят до нас из Италии, свидетельствуют о том, что решительная схватка между пролетариатом и буржуазией стоит там в порядке дня. На Апеннинском полуострове пролетарская революция имеет один из самых боевых и надежных отрядов.

С Англией дело обстоит сейчас не многим иначе. Правда, Англия привыкла стоять в стороне от Европы. Буржуазия воспитывала английский народ в сознании, что континент — одно, Англия — другое. Правительство Великобритании вмешивалось в старые европейские войны, поддерживая деньгами и отчасти флотом более слабую сторону против сильнейшей, поддерживало ровно до того момента, чтобы создалось на континенте равновесие. В этом состояла, товарищи, в течение столетий, вся мировая политика Англии — делить Европу на два лагеря и не позволять одному лагерю усиливаться за счет другого. Своих союзников правящая Англия поддерживала так, как веревка поддерживает повешенного, т.-е. чтобы по возможности затянуть у них на шее петлю в виде всяких обязательств, чтобы истощить тем силы не только врагов, но и своих «союзников». Но на этот раз вышло не так. Германия слишком сильно развернулась, показала себя слишком могущественной страной, и Англии пришлось самой впутаться в эту войну, глубоко влезть в нее, уже не деньгами только, а мясом, человеческой кровью. А сказано, что «кровь—есть сок особый». Это вмешательство английской буржуазии даром не пройдет... Привилегированное положение Англии, подкопанное основательно конкуренцией Германии, исчезло навсегда. Английский рабочий тред-юнионист раньше говорил: «у меня нет милитаризма, я свободный гражданин на своем острове, который защищается флотом. У меня во флоте несколько десятков тысяч наемных матросов, и только».

Теперь этого «свободного» пролетария Англии милитаризм взял за шиворот и бросил на территорию Европы, а война вызвала страшный рост налогов, страшную дороговизну. Все это подкопало до самого корня старое «привилегированное» экономическое положение даже и верхнего слоя английского рабочего класса.

Чем более привилегированным чувствовал себя английский пролетариат раньше, чем горделивее он смотрел на себя, тем страшнее для него будет сознание катастрофы. Хозяйство Великобритании опустошено, разорено. Колоссальное количество калек-инвалидов, все это — последствия войны. Думать, что после победы над Германией Англия сможет милита-

ризм свой упразднить или сильно ограничить, значило бы глубоко ошибаться. Завтра сильнейшим врагом Англии будут Соединенные Штаты. Уже сегодня между ними глубокий внутренний антагонизм. Для английского пролетариата осталось сейчас только две возможности: хозяйственное и классовое вырождение или — социальная революция.

Правда, существует предрассудок, будто английский рабочий класс лишен революционного темперамента. Есть такая теория субъективно националистическая, будто история народа объясняется национальным темпераментом. Это — вздор. Так судят и пишут поверхностные болтуны из буржуазной среды, которые наблюдают англичан только в шикарных ресторанах Швейцарии или Франции, — наблюдают, так называемые, сливки английского общества, представителей которого, из поколения в поколение испорченных и истощенных, лишенных силы и воли к жизни, они выдают за представителей английской нации.

Но кто знает историю английского народа и английского рабочего класса, историю английских революций XVII столетия, а затем английский чартизм XIX столетия, тот знает, что и у англичан есть «чорт в теле». Бывали не раз времена, когда англичанин брал в руки дубину против угнетателей. И нет сомнения, близок тот час, когда он возьмет дубину против короля, против Ллойд-Джорджа, против своих лордов и против жестокой и хитрой, умной и коварной английской буржуазии. И первые раскаты великой бури уже слышатся на островах Великобритании.

Как будто наиболее серьезная, наиболее длительная опасность для нас исходит со стороны Америки и со стороны Японии.

Оглянемся, что же нас ждет со стороны Америки.

Соединенные Штаты — могущественная капиталистическая страна, вмешавшаяся в войну после того, как европейские народы уже почти три года истощали друг друга. Критические месяцы — январь и февраль 1917 г. я был в Америке и наблюдал период подготовки к выступлению Соединенных Штатов в войну. Может быть, вы помните, как тогда писала наша патриотическая печать и печать всех стран Согласия о том, что благородный президент Вильсон, выведенный из себя всеми бесчинствами и преступлениями германского милитаризма, в особенности, подводной войной, истреблением пассажирских пароходов и пр. и пр., бросил, наконец, и свой меч на весы мировой борьбы, — «для того, чтобы дать перевес добродетели над пороком». В действительности дело выглядело гораздо прозаичнее, чем писала буржуазная печать.

Америка заняла с самого начала по отношению к обоим лагерям то положение, которое в предшествующих войнах занимала Англия по отношению к континенту, — она делала это посредством организации и поддержки разных дипломатических комбинаций, союзов. Я сказал уже, что Англия делила Европу на две враждебные части; она сидела на своем острове и говорила: «пусть они ослабляют друг друга, я буду поддерживать более слабых, чтобы для меня не выросло слишком сильных соперников». Когда Германия

слишком усилилась, Англии пришлось перейти лагерь открытых врагов Германии. Тогда Америка у себя на своем гигантском острове, по ту сторону «большой воды», — так американцы называют океан, — стала в выжидательную позу и сказала: «Европа вместе с Англией разбита на два лагеря. Мы, американцы, сначала будем наблюдать, как они будут друг друга обескровливать и истощать. Занимаясь наблюдением, мы не будем, однако, оставаться пассивными, будем по возможности заботиться о «бизнессе», о гешефте, о барыше, будем продавать динамит, снаряды, винтовки той и другой стороне и за наш нейтралитет беспрерывно получать хорошие капиталистические проценты».

Вот в чем была первоначальная политика буржуазного класса Северной Америки. И с самого начала войны «честный» американский купец направлял таким образом политику «честного» президента Вильсона. Со своим честным динамитом он совался в оба воюющие лагеря и предлагал его воюющим сторонам по самым честным ростовщическим ценам. Но Англия объявила блокаду и сказала Америке: — «Нет, своего динамита в Германию ты не повезешь». Получилось сразу величайшее обострение отношений между Америкой и Англией. Вильсон выступил перед лицом своей биржи: — «Справедливость попрана, свобода морей поругана, честный американский динамит не имеет доступа в Германию». Разумеется, вся биржа, вся военная промышленность клокотали от нравственного негодования против Англии, которая установила блокаду. Шли тревожные заседания тузов военной промышленности с банковскими заправилами и дипломатами, и они обсуждали вопрос, объявлять или нет войну Англии. Нейтральный Вильсон возражал так: — «Сейчас мы отрезаны блокадой от центральных империй. Если же мы с Англией порвем, то исчезнут также и англо-французский, русский и итальянский рынки для нашей военной промышленности, и мы с вами останемся на бобах». Интересы американской промышленности и торговли требовали, чтобы Вильсон стоял за нейтралитет, который позволял бы американскому купцу вывозить свои товары в колоссальных размерах в страны Согласия.

В самом деле внешняя торговля Соединенных Штатов за время войны увеличилась в два с половиной раза. Это была уже не старая торговля, когда вывозились хлеб, машины и вообще все продукты, нужные для человеческой жизни. Это была торговля почти исключительно военными запасами. Это была, главным образом, торговля орудиями истребления и смерти. Таким образом, Вильсоновский нейтралитет позволял американской промышленности делать прекрасные дела.

Но вот в противовес Англии выступила Германия со своей неограниченной подводной войной. Это было в январе 1917 г. Положение получилось такое: вся Америка покрыта заводами военной промышленности, которые рассчитывают на европейский сбыт. Их отрезала английская блокада от центральных империй, а потом немецкая подводная блокада грозила отрезать их от Англии, Франции, России, Италии, и естественно, что тут

уже переполнилась чаша терпения военной индустрии, а стало-быть и Вильсоновского «пацифизма» и его «нейтральности».

Я забыл вам сказать, что Вильсон являлся апостолом «пацифизма», т. е. идеи мирного сожительства народов — до тех пор, пока эта идея была торговым флагом для «нейтрального» американского динамита. Но с того момента, когда две блокады встали на пути, великий апостол лицемерия Вильсон начал склоняться к тому, что сейчас время вмешаться. Американская буржуазия давала ему много времени для размышлений. Она указала ему: — «Вот вавилонская башня военной промышленности, вот Монблан снарядов и патронов, которые мы создали для Европы, — куда их нам девать?» Вильсон развел руками и заявил, что против подводной войны он не изобрел средств. Ему сказали: «Ты должен взять эти товары для американского государства. Если ты не можешь их все перевезти в Европу, так заплати за них средствами американского рабочего и американского фермера».

Вот где источник чудовищно выросшего в короткий срок американского милитаризма, — американская промышленность готовила этот милитаризм на вывоз для Европы, потом он перерос через голову американского народа, и этот последний вынужден был сам поглощать его в Америке. Вмешательство Вильсона в войну было, следовательно, с одной стороны, стремлением придушить Германию, а с ней вместе и всю Европу, с другой стороны, непосредственными барышническими интересами американской военной промышленности. Вот каковы нравственные принципы старого ханжи Вильсона.

Но этот опыт не пропал бесследно для американского рабочего класса. У него были некоторые черты, которые роднили его с английским рабочим классом. И там и здесь — консервативные тред-юнионы. Американский рабочий класс на своих верхах рассуждал так, что он еще больший аристократ, чем англичанин. У английского рабочего класса есть король, дворянское сословие, лорды, — этого нет у американского рабочего класса. Соединенные Штаты — «свободная» республика, федеративная, много земли, много хлеба, и пр. и пр.

Все это теперь окончательно отошло в прошлое. Этого больше нет. От этой, так называемой, свободной федеративной республики не осталось и следа. Война окончательно покончила с ней. В лице Соединенных Штатов Америки мы имеем централизованную милитаристическую империалистическую страну. Власть американского президента нисколько не меньше власти какого-нибудь короля или царя. Во всех основных вопросах жизни и смерти, в вопросах войны и мира американский президент, как исполнитель воли финансового капитала, сосредоточил в своих руках за время войны всю власть. Милитаризм там создан истинно-американского масштаба и размаха. Жизненное положение масс ухудшено до последней степени.

Это я мог наблюдать собственными глазами уже до того, как Америка открыто вмешалась в войну. Вся энергия рабочего народа уходила не на производство продуктов, необходимых для существования, т.-е. предметов

потребления, а на производство предметов истребления. Цены на жизненные припасы поднялись в Америке на небывалую там никогда высоту.

В январе и феврале 1917 года, когда на всех восточных вокзалах и портах сосредоточились колоссальные массы боевых запасов и образовались пробки на всех железных дорогах, цены на предметы потребления сделали бешеный скачок, и в Нью-Иорке я наблюдал, как десятки тысяч женщин-матерей выходили на улицу, манифестировали, разрушая и громя лавки с предметами потребления, опрокидывая лотки, — это было хаотическое, бурное движение,—первый провозвестник будущих социальных потрясений.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что и в Америке эта война подготовила все материальные и идейные предпосылки для революционного выступления американского рабочего класса.

А этот рабочий класс, товарищи, сделан не из плохого материала. Американский рабочий класс образовался из представителей самых различных национальностей и притом не худших представителей. Кто уезжал в Америку? В Америку уезжали сыздавна непокорные рабочие и крестьяне-сектанты, которые на родине преследовались; в Америку уезжали десятки тысяч рабочих и крестьян после всех раздавленных восстаний и революций после 48 года из Германии и Австрии, из Франции после того, как была раздавлена революция 48 года и коммуна 70 года. В Америку после 1905 г. уехало из России огромное количество передовых рабочих угнетенных национальностей и коренной русской национальности, — революционные элементы, боевые силы уезжали за океан. Правда, там открывалась возможность лучше зарабатывать, жить лучше, чем на старой родине. Но война все эти привилегии уничтожила, разрушила, и этот первоклассный пролетариат она сковала невыносимыми тисками империализма. Нет никакого сомнения, что эти тиски лопнут, и американский пролетариат обнаружит все свои революционные качества.

Там осели и французские коммунары и немецкие организаторы и наши русские большевики. Наши товарищи-большевики играют там крупную роль во всех революционных организациях. Сочетание всего этого придаст, без сомнения, американской революции американский размах.

Два слова, товарищи, о Японии.

Япония — страна, которую мы меньше всего знаем, стоит на Дальнем Востоке, как некоторая Азиатская Англия—как цепная собака азиатского континента, Англия — у европейского континента, Япония — у азиатского, который она хочет кроить и перекраивать согласно своим интересам и желаниям, еще более властно и варварски, чем делала Англия в течение столетий с европейским материком.

Но эпоха не та. Япония вступила на этот путь слишком поздно, чтобы она могла занять то положение гегемона, хозяина, экономического диктатора, которое одно только позволяет буржуазии в течение долгого времени держать в руках свой собственный рабочий класс.

Как раз за последние месяцы к нам пришли из Японии сведения о том, что там развернулось могущественное стачечно-революционное движение, вовлекшее в свой водоворот около 2 миллионов рабочих, под лозунг: «Риса и мира!». Это наши лозунги, только хлеб по-японски называется рисом. В остальном — это лозунги нашего рабочего класса, истощенного милитаризмом и войной. Япония, как вы знаете, отличается великой переимчивостью, способностью к подражанию. Это не есть какая нибудь особенная природой данная, национальная черта, а это есть свойство нации, которая позже других выступила на путь мирового развития и вынуждена вприпрыжку догонять другие народы. Поэтому, она развила в себе способность подражать другим народам, перенимать от них навыки, приемы, технику. Такие народы научаются раньше по-европейски *делать*, чем по-европейски *думать*.

Японская буржуазия головой своей еще торчит целиком в старых феодальных суевериях, в воззрениях родового и кастового быта, в предрассудках этих каст самураев, в старых «языческих» религиях, и пр. и пр. Но уже руками своими она умеет загребать барыши по всем методам капиталистической бухгалтерии.

Японский рабочий класс тоже, несомненно, в смысле сознания чрезвычайно отстает от своей собственной практики. Вообще, товарищи, что такое сознание? Это самая ленивая вещь, хотя это и человеческая психика. Субъективисты,—наши эс-эры, считали, что все движется вперед сознанием. Это—неправда. Если бы, в самом деле, сознание людей было передовым фактором, то не было бы этой проклятой войны, этих унижений, этих преступлений.

Разве все это заранее не написано в книжках? Все это предсказано, до последней пуговки предсказано. Стало-быть, если бы сознание двигало людьми, то они бы давно это поняли и они давным-давно послали бы ко всем чертям свои господствующие классы. Почему этого нет? Потому что сознание, фактически, это—самый ленивый фактор во всей истории. И нужно, чтобы внешние материальные факты толкали, били народы, классы по спине, по затылку, по темени, пока это проклятое сознание не пробудится, наконец, и не начнет ковылять за фактами следом.

Все это особенно ярко выражается на примере Японии именно потому, что Япония всем своим положением вынуждена в кратчайший срок заводить у себя европейские орудия, иначе ее раздавят. Для орудий нужны заводы. Для заводов—техника. И вот Япония наскоро заводит свою технику, науку, свою промышленность. Философская часть сознания, политическая, критическая область сознания параллельно не разрабатывалась, не успевала—и японцы в массе своей коснеют еще в средневековом идейном варварстве. Но именно при таком положении скачки вперед являются неизбежностью.

Мы представляем себе японский рабочий класс отсталым рабочим классом. Это верно. В массе своей он в высшей степени отстал. Но разве нам не говорили еще вчера про русский рабочий класс:—«Вы верните в то,

что в России будет не только революция, но и диктатура рабочего класса. Да, ведь, русский пролетариат отстал в высшей степени. Он коснеет в крестьянских предрассудках». Мы на это отвечали:—«Если бы надеялись только на сегодняшнее сознание пролетариата, всего, в целом, то, разумеется, ваша критика была бы верна. Но есть объективная логика, логика нашей централизованной промышленности, логика русского царизма, логика контр-революционности русской буржуазии, ничтожества мелкой буржуазной демократии, логика международного положения. Эта внешняя, объективная логика превратится в историческую палку, которая погонит русский рабочий класс, на первых порах даже против его сознания, на путь завоевания власти».

Мы оказались правы. То же самое приходится сказать о японском рабочем классе, который еще позже выступил на путь исторического развития и который вынужден еще быстрее развиваться. Эти 3 миллиона рабочих, бастующих с лозунгом: «Хлеба и мира», переживают такой момент развития, в котором объединяются наш 1903 г., когда у нас было первое могущественное стихийное стачечное движение, наш 1905 год, когда революция еще шла на поклон к царю, и даже начало революции 1917 г., когда наши рабочие и работницы требовали мира и хлеба. Все это соединилось воедино.

Хищничество японской буржуазии, ее милитаристическое неистовство будет все более усиливаться, потому что теперь для Японии страшнее всего Соединенные Штаты Америки. У Америки раньше не было армии, теперь—колоссальная. Флот усиливается. Япония в сравнении с Америкой бедна и на фундаменте своей бедности она вынуждена создавать могущественную армию и тем самым нещадно эксплоатировать японский рабочий класс, обирая его до нитки. Вот объективные факторы, которые говорят за то, что японская революция является неизбежностью.

Японская буржуазия в короткое время более или менее догнала, в смысле техники производства и техники грабежа, европейскую буржуазию. Японскому рабочему классу придется догонять европейский рабочий класс в смысле техники пролетарской революции.

Из сделанного мною, по необходимости беглого, обзора движения рабочего класса разных стран вытекает, товарищи, что война везде и всюду вскрыла до дна основной антагонизм классов, который в мирную эпоху не бывает так заметен рабочему классу, который не так ясно сознается и ощущается.

Теперь он вскрыт, и пред рабочими всех стран встала эта роковая альтернатива: или быть истребленными историей, или взять в свои руки государственную власть. Вот почему война — мать революции.

Если предположить, что Америка и Япония отстанут в то время, как вся Европа будет охвачена пламенем социальной революции, — они не задушат нас.

Если германский рабочий класс сделает шаг вперед, — а он его сделает, — возьмет власть в свои собственные руки, экспроприирует свою

буржуазию и приступит к организации коммунистического хозяйства он будет в тысячу раз сильнее нас своей организацией, своей техникой, и наш союз с ним, союз Советской России с германским коммунистическим рабочим классом, или союз Советской России с Советской Германией, один этот союз — достаточная сила, о которую разобьются все волны европейской и мировой контр-революции.

Со стороны этих основных перспектив ближайшего периода наши дела обстоят как нельзя лучше, товарищи.

Все то, о чем в течение десятилетий мы — революционеры старшего поколения — размышляли, на что надеялись, чего ожидали, — это сейчас становится фактом.

Но, товарищи, было бы величайшей оплошностью, если бы мы из этого сделали слишком оптимистические выводы, если бы мы сказали себе, что коммунистическая революция у нас, так сказать, в кармане. Этого нет!

Еще не устранена величайшая опасность для революции и прежде всего для Советской России. Это — еще не убитый империализм.

До недавнего времени такой опасностью была Германия. Сейчас империалистическая Германия сошла со сцены. Но это не значит, что опасность стала меньше. Опасность непосредственная, сегодняшняя, стала больше.

Теперь весь мир, в полном смысле слова, разделился на две части: большевики и все остальные. Открывается последняя борьба не на жизнь, а на смерть.

Это, товарищи, не есть агитационная фраза, это — подлинная реальность. Возьмите печать всех стран, буржуазную, руководящую печать, соглашательскую печать и вы увидите, что нет вопроса, который разбирался бы иначе, как под тем углом зрения, какое значение решение этого вопроса будет иметь для борьбы с большевизмом.

Когда в Германии в течение последних дней велись споры, заключать ли мир или нет, после того, как Вильгельм был свергнут, то одни говорили, что необходимо мир заключить немедленно, ибо мир сам по себе есть такое большое благо, что один этот мир, как бы он ни был тяжел, обуздает революционные элементы, позволит совладать с подымающим голову большевизмом. Другие говорили, что мира заключать не нужно, ибо всякие колебания смертельны: — «Если мы дрогнем перед английским империализмом, мы покажем, что мы слабы. Это увидит немецкий рабочий класс, и это даст повод для развития большевизма». — Только под углом зрения борьбы с большевизмом, т.-е. с коммунизмом, живет сейчас буржуазная и соглашательская мысль, и вся политика и стратегия господствующих классов всей Европы, всего мира. Это — факт колоссальной важности. Этим прежде всего дается признание нашей партии, как руководящей исторической силы, и далее в этом же факте мы усматриваем выражение растерянности, неуверенности, страха господствующих классов всех стран. А это

есть важнейшее условие успеха. Но до этого полного успеха, товарищи, может пройти еще несколько лет, может быть, месяцев, если дела пойдут хорошо. А в течение месяцев в наше время могут произойти большие события и в ту и другую сторону.

Вспомните, что всего только 8, 7, 6 месяцев назад германский империализм диктовал свою волю всему миру, а мы были придавлены к земле. Сравните с этим то, что происходит сейчас. Какие грандиозные перемены! История работает теперь не при помощи мелких тонко отточенных инструментов, нет, она работает тяжелым паровым молотом, гигантским обухом, занося его над головами классов, наций, народов, государств, сокрушая одних, поднимая других. И в этой титанической работе такой удар обухом может обрушиться еще и на нас, об этом надо помнить, товарищи.

Революционный энтузиазм не состоит в закрывании глаз на опасность. А опасность есть, и особенно отчетливо она грозит с южного фронта.

Не от Краснова, не от Деникина, а со стороны англо-французского империализма, для которого Краснов и Деникин могут послужить пунктом отправления.

Вы знаете, какая перемена ориентаций происходит сейчас во всех нейтральных и во всех оккупированных странах, в тех, которые еще недавно шли на буксире у Германии, в тех, буржуазия которых еще недавно лобызала ботфорты Вильгельма — они везде заявляют теперь во всеуслышание, что подлинный виновник войны — германский кайзер, и все они превращаются в вассалов англо-французского милитаризма. Нечего и говорить о том, что если вчера еще на Каспийском море Турция сражалась против Англии и ее агента Бичерахова, то завтра Бичерахов будет вместе с турецкими полчищами итти против нас.

Краснов и Деникин были врагами, ибо Краснов получал свои серебреники из Германии от Вильгельма, а Деникин — от Ллойд-Джорджа и Клемансо. Сейчас этот антагонизм, в котором нет ничего принципиального, — английские и французские серебреники звенят совершенно одинаково, — этот антагонизм исчез, и Краснов объединился с Деникиным на жалованьи у англо-французского империализма.

На Украине был Скоропадский на службе у германского правительства. Сейчас этот Скоропадский соединился с Румынией. Румыния, которая раньше от союзников перебежала к Германии, теперь по тому же самому пути, через те же самые ворота, возвращается от Германии к союзным империалистам. Все они объединяются и выравнивают свой фронт против нас. И все, что на Балканском полуострове еще уцелело, все это, разумеется, будет повернуто против Советской России.

Попытки нас задушить с северного фронта не привели пока-что ни к чему. Разумеется, не исключена возможность, что северный фронт весною оживет, если до весны не наступит в Англии и во Франции больших событий. Но сейчас в течение месяцев зимы нам с севера не угрожает никакой опасности.

Опасности с Востока также не ожидается.

Волгу мы очистили, на Урале работа идет медленнее, может быть, чем было бы желательно, но идет твердо и хорошо. Надо надеяться, что Уфа и Оренбург будут нашими в самом ближайшем будущем (Аплодисменты).

Что касается бывшего западного фронта, т.-е. Германии, то вы знаете, что там за последнее время группировались белогвардейцы. Под Псковом создавалась армия генерала Драгомирова, которая должна была угрожать Петрограду.

Германский милитаризм на всей западной полосе создавал контр-революционные силы против нас, создавал их и на Украине. Теперь, с момента немецкой революции, все эти силы повисают в воздухе и, разумеется, единственным выводом из революции в Германии было для нас провозглашение Брест-Литовского договора уничтоженным (Аплодисменты). Но это означает, что не Драгомиров будет наступать из Пскова, из Вильны на нас, а кто-то другой будет шествовать с Советским знаменем по направлению Пскова, Вильно, Риги — во все центры оккупированных областей. И ни для кого из нас не тайна, что сейчас во всех этих областях наша партия, коммунистическая партия, стоит во главе рабочих и в значительной мере крестьянских масс, и что Советская власть не будет безучастной к той борьбе, которая там уже развертывается, которая на Украине завтра развернется во всей своей силе.

Сейчас эта борьба теряет малейший привкус борьбы между нами и Германией, ибо свободная Латвия, свободная Польша и Литва и свободная Финляндия, как, с другой стороны, свободная Украина будут не клином уже, а соединительным звеном между Советской Россией и будущей советской Германией и Австро-Венгрией. Это есть начало федерации, это есть начало европейской коммунистической федерации, — союз пролетарских республик Европы.

Стало-быть, наш западный фронт сейчас не грозит нам никакой опасностью, наоборот, там мы будем доделывать наше дело и поставим Россию в те пределы, которые отвечают воле народных масс, населявших старую царскую империю.

Но вот южный фронт остается для нас попрежнему зловещим фронтом. Здесь, товарищи, может завязаться роковой узел. Через Украину, через Закавказье Германия стремилась к английским владениям в Азии, здесь шел предполагаемый великий империалистический путь Германии. Сейчас империалистическая Германия повержена. Но этим путем сейчас уже идут англичане и французы, объединяя вокруг себя все контр-революционные элементы. Турция ли, Украина ли, донское ли казачество, закавказские народности, т.-е. их буржуазные классы, все это будет сковано, спаяно воедино одним цементом классовой ненависти к пролетарской коммунистической революции.

Вы читали о том, что уже первые суда появились в водах Босфора под стенами Константинополя, и радио сообщает о том, что скоро десятки

англо-французских вымпелов появятся в Черном море у Одессы, у Севастополя и у Новороссийска. С этим связан вопрос об англо-французском десанте на Черноморском побережье и о движении на Украину. Разумеется, не так скоро дело делается, как сказывается. Выбросить десант в несколько десятков тысяч англо-французских солдат — это ничто. Германии нужно было вместе с Австро-Венгрией содержать на Украине полмиллиона солдат только лишь для того, чтобы иметь в своих руках узлы железных дорог и удерживать от взрыва страну, находившуюся в состоянии непрерывного кипения. Это было временным полупорядком, позволявшим немецким войскам грабить украинских крестьян. Англо-французам понадобится никак не меньше той же армии, ибо симпатии украинских крестьян и украинских рабочих к этим освободителям будут не более пламенными, чем к немецким солдатам. А ведь речь идет не об одной Украине, но обо всей России. Правда, немецкая белая гвардия, украинская буржуазия будут им помогать. Кадры великорусской буржуазии, великорусских империалистов бросятся на Украину и будут содействовать англо-французским насильникам.

Тем не менее, задача эта требует не дней, не недель, а месяцев. Однако, опасность велика, опасность особенно велика потому, что у союзников сейчас руки развязаны. Германия раздавлена, огромные военные силы освободились.

Правда, возросла угроза революции во всей Европе, но этой революции еще нет, она только начинается. Она будет. Но сегодня ее еще нет. Надо учитывать положение, которое существует сегодня. И, стало быть, у них есть еще сегодня материальная возможность бросить большие силы на Украину.

Наше спасение состоит в том, чтобы не дать возможности англо-французскому империализму сомкнуться с русской контр-революцией.

Немецкие войска создают свои советы во всей Украине и отсюда стихийно уходят к себе или переходят на нашу сторону, — они оставляют нам свое оружие. Но немецкие войска уходят, а другие хотят притти и уже стучатся у ворот. Этим моментом нам нужно воспользоваться и когда одни уходят, а другие хотят притти, нам нужно ворваться клином посредине и сказать вместе с украинскими рабочими и крестьянами относительно всей Украины: «Это тоже часть нашего советского дома» и затворить крепко дверь на ключ и сказать иностранным прохвостам, немецким и английским: — «Сюда входа нет» (Аплодисменты).

Товарищи, вся история сейчас, как в одном комке, сгустилась для нас в этом вопросе. Сумеем ли, успеем ли мы это — сделать. Если не сумеем, я не скажу, что погибнет революция, — мировая революция не может погибнуть. Была Парижская коммуна, которая была задавлена. Был 1905 год, когда мы были задавлены. Но мы поднялись. И если бы нас снова раздавили, революция поднялась бы на наших костях. Но мы не примиряемся с победой в последнем счете, через 25 — 50 лет, а мы хотим

победить сами, и вот те, которые здесь сидят, наше поколение, взявши власть, не хочет ее отдать. Вот в чем дело (Аплодисменты).

Задачу, которую нам поставила история, мы должны разрешить. Именно поэтому Центральный Исполнительный Комитет объявил, что наша Советская республика превращается в военный лагерь. Нет другой задачи, которая была бы для нас так повелительна, так обязательна, так настоятельна, как задача вооруженной борьбы на южном фронте.

Приходится иногда встречаться, я бы сказал, с ведомственной ограниченностью, с профессиональным консерватизмом части наших советских работников. Мне присылают нередко телеграфные жалобы на то, что наша военная машина мешает разным культурным задачам, культурной работе. Я это прекрасно знаю. Военная машина, которая забирает много сил и средств, часто действует неуклюже, варварски, грубо. Это все имеется налицо, это я готов признать. Но, к сожалению, товарищи, это есть последствие того, что мы воюем не на жизнь, а на смерть, а война, это — суровое ремесло. Война, это — немилосердная вещь. И конечно, в каждом городе, в Воронеже, в Курске, в Москве, Тамбове, везде и всюду тот факт, что мы воюем не на жизнь, а на смерть, выражается в том, что комиссариат просвещения страдает, комиссариат юстиции страдает, социальное обеспечение страдает, отбирают не только материальные средства, отбирают людей, лучших работников и посылают на фронт.

Когда советские работники жалуются, что отняли учителей в школах, а эти учителя нам нужны, что это хорошие пролетарские учителя, я неизменно отвечаю одно: «Они будут несомненно прекрасными красными офицерами, и я их к вам обратно не отпущу». Я получил от рабочих больничной кассы телеграфную жалобу на то, что отобрали лучших врачей. Нам нужны врачи в первую голову для армии, и хорошие врачи больничной кассы будут хорошими врачами для солдат. Тот факт, что Россия превращена в вооруженный лагерь, выражается в том, что все, что возможно, материальные средства, как и личные силы, забирается, мобилизуется, а это должно делаться с удесятеренной силой. Кроме того, должно быть мобилизовано и самое сознание всех советских работников, чтобы все они понимали и чувствовали, что на южном фронте решается сейчас судьба нашей страны. Если мы здесь пошатнемся, если мы здесь споткнемся, то, разумеется, от больничных касс и от просвещения не останется ничего. Нам нужно обеспечить себе возможность самого существования, а стало быть и культурной работы. Поэтому, все силы и все средства для армии.

Я знаю, воронежские товарищи сделали очень много, но, позвольте сказать, еще не все. Работу можно и должно вести более централизованным и напряженным образом. У вас был момент, когда вспыхнул вопрос об эвакуации Воронежа. Такого вопроса не может быть и не должно быть (Аплодисменты).

Воронеж не может быть эвакуирован ни при каких условиях, ни при каких обстоятельствах, он должен быть защищен. Вы должны сделать здесь то, что делают Советы на всем Поволжьи, наученные горьким опытом чехо-словацкого восстания. Там каждый город превращается в настоящее время в крепость. Рабочие проходят военное обучение. Часть рабочих превращена в гарнизон, который разбит по отдельным районам города. Каждый район имеет своего коменданта, надежного рабочего революционера. Каждый рабочий знает, куда он должен явиться в минуту опасности, какой окоп занять. Словом, все города Поволжья в настоящее время превращаются в крепость и, если военное счастье изменит нам и если бы, допустим невозможное, — враги наши с востока снова дошли бы до Волги, то там они нашли бы линию укреплений, о которую они сломали бы себе много и много зубов.

И вы, товарищи, должны Воронеж по этому образцу превратить в одну из южных крепостей. Рабочий класс заводов и железных дорог Воронежа должен быть гарнизоном этой крепости.

Вот первая ближайшая задача здешних военных властей вместе с Советом, со всеми профессиональными огранизациями, фабричными и заводскими, — превратить Воронеж в хорошую крепость южного фронта. Я не сомневаюсь, что эта задача будет выполнена.

Задача нашего губернского Совета по отношению ко всей губернии, это — обеспечить линии железных дорог, которые проходят через губернию. Казаки прорываются к железнодорожным путям всегда при содействии кулачества близлежащих сел. Нужно построже следить за придорожной полосой. Нужно возложить на кулачество сел и деревень, расположенных вдоль линии железных дорог, прямую и непосредственную ответственность за неприкосновенность полотна. Возьмите последние кулацкие восстания, которые были у вас в Воронежской губернии — они полосой огня развивались вдоль линий железных дорог. Это система, которую казаки и кулаки, под руководством офицеров, извлекли из опыта немецкой оккупации на Украине, где немцы захватывали железнодорожные узлы. Для борьбы с этой повстанческой системой нужно минимальное количество военных сил. По этому типу был разработан заговор, который должен был развернуться в годовщину нашей октябрьской революции. Все эти восстания: восстания банды матросов в Петрограде, восстания кулаков в разных местах, в разных губерниях представляют собой, — это уже установленный сейчас факт, — отдельные осколки неосуществившегося гигантского плана восстания, приуроченного к годовщине нашей революции. Но в Петрограде это прорвалось раньше, — организация не выдержала. Мятеж вспыхнул раньше срока и в других местах и пошел в разброд. Но завтра он может возобновиться, и оно пойдет вдоль линии железных дорог. Восстания сохранятся до тех пор, пока сохранится южный фронт. Убить навсегда кулацкие восстания можно одним способом: ликвидировать южный фронт, великую надежду буржуа-

зии и кулаков. Сюда, на южный фронт, направлены большие военные силы. Дадим же для нашего воронежского фронта еще десятки и сотни передовых работников, которые будут там комиссарами при полках, командирами, рядовыми бойцами, которые будут влиять прежде всего примером своего собственного мужества. У нас будет тогда достаточно сил для того, чтобы ликвидировать казацкие банды раз навсегда. Мы обязаны победить, ибо на нашем юге разрешаются сейчас судьбы не только русской, но и мировой революции на ближайшие годы. Если мы здесь дадим врагам нашим укрепиться и нас задушить, — то это будет иметь самые тяжкие последствия для рабочего класса всех стран.

Товарищи! Мы стоим сейчас, как маяк, на большой высоте. Нас хотят во что бы то ни стало ниспровергнуть. То обстоятельство, что мы, окруженные кольцом врагов, держались до сих пор, вызвало, наконец, взрыв революции в Германии и в Австро-Венгрии. Если бы мы пали, это было бы огромным выигрышем для наших классовых врагов и страшным ударом для наших друзей во всем мире. Товарищи! Мы не имеем права падать. Мы слишком высоко поднялись. Квк Советская Власть, как партия, мы взяли слишком большие обязательства перед международным рабочим классом. Мы обязаны победить. И так как здесь находится сейчас наш важнейший фронт, то мы для этого фронта должны отдать все, что есть. Вы этот фронт сделаете неприступным. Более того, вы дадите силы, которые приведут нас и в Новочеркасск, и в Ростов, и в Польтаву, и в Харьков, и в Киев. А через Киев идет прямой путь на соединение с австро-венгерской революцией, подобно тому, как путь через Псков и Вильну ведет на прямое соединение с революцией в Германии.

Период отступлений, который имел место с момента Брест-Литовского мира до последних недель,—этот период отступлений на всех фронтах закончился. Передышка, данная нам историей, ликвидирована. Отступая до сих пор, мы накопляли силы. Теперь мы обязаны привести их в действие. Наступление на всех фронтах! Наступление на западном фронте, наступление на южном фронте, — на всех революционных фронтах! История работает за нас. Но мы сами—живая сила истории. С того часа, когда мы проникнемся до мозга наших костей исторически поставленной перед нами задачей, нам не страшны будут никакие опасности. То обязательство, которое Советская Россия взяла перед международным рабочим классом, — она его выполнит. Мы оградим, мы обеспечим, мы сохраним нашу Советскую Республику, как крепость социальной революции до ее соединеиия с революцией мировой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания.

1. Статья написана для «Ежегодника Коминтерна» 21-го мая 1922 года. Предварительно помещена в № 8 журнала Гувуз за 1922 год. Воспроизводится как введение, так как обобщает весь материал, печатаемый в настоящем и последующих томах.

2. Военная организация нашей партии возникла в 1905 году и играла значительную роль в развитии революционного движения в армии. В конце марта 1906 года делается первая попытка объединить работу партийных ячеек в армии и созывается в Москве конференция «Военных организаций». После ареста ее участников конференция эта собирается в Таммерфорсе зимой 1906 года.

В 1917 году после февральского переворота Военная организация развивает свое влияние в начале в Петрограде, а затем и на фронте (особенно на северном и в Балтфлоте). 15 апреля выходит первый номер газеты «Солдатская Правда», сделавшейся центральным органом организации. 16 июля на Съезде В. О. в Петрограде представлено до 500 отдельных частей с общим количеством до 30 тыс. большевиков. В. О. ведет непосредственную подготовку восстания и выделяет из своей среды активных товарищей в Петроградский Военно-Революционный Комитет, а затем и на работу по военному ведомству (тт. Подвойский, Мехоношин, Крыленко, Дзевалтовский, Раскольников и мн. др.).

3. Для более отчетливого восприятия последующих речей и статей необходимо дать краткую историческую справку о борьбе Советской Республики до апреля 1918 года.

К октябрьским дням Красная Гвардия представляла достаточно мощную, хотя и слабо организованную силу. Попытка Керенского ликвидировать с помощью одной казачьей дивизии под командой ген. Краснова выступление большевиков оканчивается неудачей. Фронт не оказывает Керенскому никакой помощи. В боях на Пулковских высотах Красная Гвардия разбивает войска Краснова; 1-го ноября наши части занимают Гатчину. Контр-революция перебрасывается на окраинные слабо пролетаризированные районы. Пролетарские центры формируют первые боевые отряды. Старая армия, охваченная стремлением к демобилизации, в целом в этой борьбе не участвует. Разложение ее, сопровождаемое выделением национальных частей, достигает максимума и к январю 1918 года армию можно считать демобилизованной.

В борьбе с внутренней контр-революцией рабочий класс одерживает быструю победу. 18-го января Уральские боевые дружины ликвидируют восстание Дутова; 26-го января красногвардейцы занимают Киев; 13-го февраля революционные отряды тов. Берзина занимают Рогачев и ликвидируют выступление польского корпуса Довбор-Мусницкого; 21-го февраля после упорных боев отряды донецких шахтеров с помощью Питерцев и Москвичей занимают Ростов.

Случайная и хаотическая организация первых отрядов, пестрое вооружение, отсутствие планомерного снабжения и объединенного руководства—все это покрывалось энтузиазмом и доблестью в борьбе с внутренней контр-революцией. Но эти же слабые стороны резко сказались при первых столкновениях с иностранными войсками.

18-го февраля после перерыва Брестских переговоров (см. пр. 20) немцы перешли в наступление по всему фронту. Разложившаяся старая армия откатывалась без

сопротивления, оставляя в окопах большое количество боеприпасов и материальную часть орудий. Вновь сформированные отряды тоже не смогли оказать должного сопротивления. К началу апреля на Западном фронте установилось полное затишье, и немцы занимали ту линию, которая была установлена по Брестскому договору. На Украине продолжалась без успеха для наших войск борьба с наступающими немцами (см. схему № 1).

4. Эльзас-Лотарингия с богатыми залежами угля и железа перешла от Франции к немцам в итоге франко-прусской войны 1871 года. Французы считали возвращение Эльзас-Лотарингии главной целью войны.

5. Наступление 18 июня 1917 г. Во исполнение директивы Главного Командования 18-го июня XI и VII армии юго-западного фронта начали атаку неприятельских позиций; за ними несколько позже 23-го июня начинает наступление и VIII армия ген. Корнилова. Несмотря на усиленную подготовку, сосредоточение ударных батальонов, личные выезды Керенского, армии в процессе общего разложения не были способны на длительный порыв; 2—3 дня, и атаки прекратились. 6-го июля немцы, сосредоточив 6 дивизий против левого фланга XI армии, быстро наступают к Тарнополю и уже к 15-му июля юго-западный фронт без всякого сопротивления откатывается к нашей бывшей государственной границе. Июльский разгром вызывает ряд решительных мероприятий Временного Правительства, коими оно думает восстановить боеспособность фронта. Восстановление смертной казни, военной цензуры, аресты большевиков, — все это подготавливает почву для Корниловского мятежа. Июньское наступление вызывает усиленный рост влияния большевиков в армии.

6. В Учредительном Собрании большинство голосов принадлежало партии эс-эров. Это объясняется тем, что выборы происходили по спискам, составленным еще до октябрьского переворота. Большевики тогда находились на половину в подпольном положении, а эс-эры, входившие в состав правительства, имели в своих руках значительные преимущества.

7. Ген. Каледин уже с июня месяца 1917 года начинает сосредоточивать на Дону казачьи части фронта. Несколько позже ген. Алексеев, а после бегства из Быховской тюрьмы и Корнилов начинают формирование кадров добровольческой армии, привлекая юнкеров и офицеров, бегущих с фронта и из центра России. В конце ноября Каледин захватывает Ростов и пытается распространиться на север к Донецкому бассейну. Под общим руководством т. Антонова-Овсеенко отряды Красной Гвардии к началу января 1918 г. заканчивают свое сосредоточение. Отряды Сиверса общей численностью до 10 тыс. человек (основное ядро из полков старой армии) двигаются через Никитовку на Таганрог; отряды Сблина до 6 тыс. чел. (ядро из запасных полков гор. Москвы) двигаются на Зверево-Лихую-Новочеркасск; местные отряды под руководством тов. Петрова помогают этому наступлению. В боях под Ростовом и Новочеркасском белые были разбиты, и остатки Калединских частей отошли в Сальские степи. Каледин застрелился.

Захват инициативы и быстрое сосредоточение хотя и слабо организованных, но превосходящих по численности частей Красной Гвардии дали Советской Республике в этой первой борьбе быструю победу (ход событий можно в деталях проследить по хронологическому указателю).

8. Декрет о всеобщем обязательном обучении воинскому делу был принят Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов по докладу тов. Троцкого 22-го апреля 1918 годв.

9. Доклад отпечатан отдельным изданием: «Труд, дисциплина и порядок спасут Советскую Республику» М. 1918 г. Книгоиздательство «Жизнь и Знание» (дешевая библиотека № 175).

10. Борьба с Дутовым — атаманом Оренбургского казачьего войска велась упорно в течение всего 1918 года в южном Заволжьи и на Урале. 18-го января с занятием Оренбурга основное ядро Дутова ликвидируется. Вновь ему удается соорга-

низовать казачество против Советов лишь одновременно с чехо-словацким восстанием.

11. Украинская Рада и борьба с нею. На Всеукраинском национальном съезде в апреле 1917 года избирается меньшенистско-эс-эровская центральная Рада во главе с Семеном Петлюрой. Рада добивается соглашения с Временным Правительством об автономии Украины и начинает формирование национальных частей. После октябрьского переворота Рада объявляет независимость Украинской Республики, украинизирует юго-западный и румынский фронты и ведет контр-революционную политику против власти советов. Рада отказывается пропускать советские эшелоны на Дон, не препятствуя сосредоточению ударников и казаков. Рада снимает войска с фронта и с начала января Советское Правительство вынуждено вооруженной рукой ликвидировать это гнездо. Главнокомандующий тов. Антонов-Овсеенко двигает свои части на Киев. Ему содействуют отряды тов. Берзина, наступавшие из района Гомель-Брянск. При подходе к Киеву там начинается восстание рабочих, и 26-го января Киев в руках Советов. Петлюра, понимая что внутри страны у него опоры нет, заключает договор с немцами, по которому последние обязуются очистить Украину от красногвардейских отрядов. Немцы признают независимость Украины, а Рада снабжает их значительным количеством продовольствия. Отряды Красной Гвардии под давлением немецких войск очищают территорию Украины.

12. Парижская коммуна — первая рабочая революция, поднятая пролетариатом Парижа 18-го марта 1871 года в тот момент, когда буржуазная Франция, неудачно воевавшая с Германией, хотела сдать его немцам, чтобы обезопасить себя от революционного гнева пролетариата. Овладев государственным аппаратом Коммуна перестроить его не смогла. Будучи изолирована от всей остальной Франции она продержалась лишь 72 дня и была зверски подавлена буржуазией под руководством Тьера.

13. Викжель — Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожного профессионального союза, который объединял всех рабочих и служащих железных дорог. В Викжель в большинстве входили меньшевики и эс-эры, почему он до и после октября занимал нереволюционную, соглашательскую позицию, стараясь сохранить нейтралитет между революцией и контр-революцией, препятствуя передвижению войск борющихся сторон и задерживая военные грузы.

14. Выборное начало в Красной Армии почти целиком отменяется правилами «О порядке замещения должностей в Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Декрет об этом был утвержден В. Ц. И. К. 22-го апреля 1918 г., а распоряжение Наркомвоеном отдано несколько раньше.

15. После октябрьского переворота все военные училища и школы прапорщиков были распущены. Приказом Наркомвоена за № 104 от 28-го января объявлены основные положения «Об ускоренных курсах по подготовке комсостава Раб.-Кр. Кр. Армии». Цель обучения — подготовка инструкторов военного дела, стоящих на платформе Советской власти. Уже 14-го февраля первые курсы были открыты в Петрограде, Москве, Твери и Казани.

16. Левые эс-эры в это время поддерживали Советскую власть.

17. Черносотенцы — монархические группы, организованные царизмом для подавления революционного движения. Октябристы — сторонники манифеста 17-го октября 1905 года, так же, как прогрессисты и кадеты, — различные оттенки буржуазных партий России.

18. Смотреть об этом Л. Троцкий «Война и Революция», том I и II. Госиздат. 1922 г.

19. Революция 48-го года в Германии. — Попытка либеральной буржуазии с помощью восставших рабочих и крестьян отвоевать политические позиции у реакционного юнкерства помещиков и уничтожить раздробленность Германии. На созванном во Франкфурте парламенте буржуазия, испуганная радикальными требова-

ивями пролетариата, пошла на сделку с правящими классами, и реакция смогла быстро восстановить старый порядок.

20. **Брестский мир.** 26-го октября, на следующий день после переворота, 2-й Съезд Советов принимает «Декрет о мире». В связи с отказом Главковерха Духонина вступить в переговоры с немцами, он смещается, и вновь назначенный Главковерхом Крыленко 14-го ноября посылает первых парламентеров. 20-го ноября последовала встреча нашей делегации с немцами, а 22-го был подписан акт о прекращении военных действий; Совнарком дважды обращается к правительствам Антанты с предложением присоединиться к Брестским переговорам. Не получив ответа, Советское Правительство продолжает переговоры сепаратно; они тянулись с перерывами до 3-го марта, когда Советская Россия силою штыков была принуждена пойти на очень тяжелые условия. Какие же мотивы заставили нашу делегацию затягивать, а затем и не подписать мира до начала немецкого наступления? В январе в Германии начинается всеобщая стачка; в Австрии сильные волнения; агитационное значение переговоров, рассчитанное на быструю революцию в Германии, давало надежду на выход из войны. ЦК нашей партии оказался не единодушным в эту ответственейшую для революции минуту. Только тов. Ленин с самого начала настаивал на необходимости заключения мира с Германией, даже на тяжелых для нас условиях. 9-го января большинство ЦК высказывается за затягивание переговоров; на 3-м Съезде Советов эта точка зрения получила большинство. 10-го февраля прерываются переговоры в Бресте. Троцкий отказывается подписать грабительский мир, но заявляет, что войны Россия продолжать не будет и демобилизует свою армию. Вечером 17-го февраля, т. е. за несколько часов до начала немецкого наступления, тов. Крыленко делает запрос в ЦК о характере действий в случае наступления. Только 5 человек (Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников и Смилга) высказались за немедленное предложение Германии вступить в новые переговоры для подписания мира, остальные 6 членов ЦК высказались против. В ночь с 17 на 18 началось повсеместное продвижение немецких войск. 19-го февраля после нового обсуждения и ЦК посылается радио о согласии немедленного заключения мира. Немцы без всяких боев продвигались вперед не только походным порядком, но и по железным дорогам. Совнарком, не получая ответа от Германского правительства, призывает страну к защите социалистического отечества. Ответ, полученный от немцев 22-го февраля, еще более ухудшил предлагавшиеся ранее условия. 23-го февраля ЦК обсуждает ответ Кюльмана; тов. Ленин высказывается за немедленное подписание германских условий. Тов. Троцкий его поддерживает, Бухарин продолжает настаивать на революционной войне. В результате при голосовании: 7 за принятие немецких предложений, 4 против и 4 воздержалось. 3-го марта договор подписывается и затем получает одобрение на 7 партийном Съезде и 4 чрезвычайном Съезде Советов. Согласно условиям Брест-Литовского мира от России отторгалась Украина, Курляндия, Эстляндия и Лифляндия. Города Карс, Батум и Ардаган, а также Аландские острова оставались за Германией. Советская Россия обязывалась в кратчайший срок демобилизовать армию и разоружить флот. Ноябрьская революция 1918 года в Германии аннулировала Брестский договор, целиком оправдав тактическую линию тов. Ленина.

Подробности о Брестских переговорах смотреть: Ю. Каменев «Борьба за мир», официальные отчеты о мирных переговорах в Бресте, Ленин — Собрание сочинений том. 15, стенографические отчеты 7-го Съезда РКП и 4-го чрезвычайного Съезда Советов.

21. **1905 год — пролог к революции 1917 года.** Своего наибольшего развития революция достигла в последние 3 месяца этого года: октябрьская стачка в Петрограде, развернувшаяся в всеобщую забастовку, деятельность Союза союзов, уступки самодержавия и манифест 17-го октября, наконец, вооруженное декабрьское восстание в Москве и кровавый разгром его. Отсталость деревни, колебания в войсках, организационная слабость рабочих масс — причины поражения пролетариата. Но с этим

поражением «революция не исчезла». Уроки 1905 года были использованы целиком Коммунистической партией в 1917 году. См. Троцкий, Л. Д. «1905 год».

22. С основным докладом по вопросу о борьбе с голодом выступил на этом собрании тов. Ленин. В качестве критиков продовольственной политики Советской власти выступали: от меньшевиков Череванин, от левых эс-эров Карелин, от правых эс-эров Дислер. После этого от Коммунистической фракции слово получает тов. Троцкий.

23. 31-го мая 1918 года Совет Народных Комиссаров опубликовал воззвание к рабочим с призывом о формировании вооруженных отрядов для изъятия у кулаков хлебных излишков. Наиболее выдержанные и стойкие рабочие служили кадрами для этих отрядов. Организация их поручалась Народному Комиссариату продовольствия.

24. Сергиев Посад, Клин, Павловский Посад — уездные города Московской губернии. Дорогобуж — уездный город Смоленской губернии.

25. Правительство Свинхувуда — буржуазное правительство Финляндии, свергнутое восстанием рабочих в ночь с 27 на 28-е января 1918 года. Власть перешла в руки пролетариата, и правительство вынуждено было бежать на север в город Ваза. Начинается упорная гражданская война. В первый период ее красные финны заняли всю южную Финляндию и организовали в ней Советскую власть. Высадившаяся 3-го апреля в тылу красного фронта немецкая «Балтийская дивизия» ген. Гольца двигается на Гельсингфорс, занимает его и совместно с белофинскими войсками ген. Маннергейма ликвидирует восстание. Правительство Свинхувуда силою немецких штыков вновь водаряется в Финляндии и потоками крови пролетариата еще и по сейчас жестоко мстит за эту попытку захвата власти.

26. Речь произносилась в период действия Брест-Литовского мира и до разгрома немцев на Западном фронте.

27. Хлебные районы Туркестана и Западной Сибири.

28. В Копенгагене в 1911 году происходил конгресс II Интернационала.

29. Декрет об организации сельской и волостной деревенской бедноты принят на заседании В. Ц. И. К. 11-го июня. Организованные местными Советами при непременном участии продовольственных органов эти комитеты имели своей целью объединить крестьянскую бедноту в борьбе с кулаками и защитить хлебную монополию. Основные обязанности Комбедов: оказание содействия продовольственным органам в изъятии хлебных излишков, распределение самого хлеба и предметов первой необходимости. Комбеды были упразднены постановлением 6-го Съезда Советов.

30. Декретом 13-го мая подтверждается незыблемость хлебной монополии и твердых цен, а также необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами и мешечниками. Весь избыток сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления, должен был быть заявлен в каждой волости. Все, имеющие излишки хлеба и не вывозящие его на ссыпные пункты, объявляются врагами народа и предаются Революционному суду. Все трудящиеся и не имущие крестьяне призываются к объединению для беспощадной борьбы с кулаками. В руках Народного Комиссариата продовольствия сосредоточиваются все средства для решительной борьбы с противодействующими изъятию излишков, вплоть до права употребления вооруженной силы.

31. Май и июнь 1918 года были месяцами наибольшего роста крестьянских восстаний на Украине.

32. О Чехо-словацком восстании подробнее смотреть пр. 79.

33. 9 января 1905 года рабочие Петрограда, шедшие к Зимнему дворцу для передачи петиции Николаю Романову, были встречены стрельбою верных царизму войск. История этой петиции такова: 3-го января на Путиловском заводе началась забастовка протеста против увольнения администрацией нескольких рабочих. Несмотря на содействие организованного полицией и охранкой «Собрания фабрично-заводских

комитетов» во главе со священником Гапоном, мирным путем уладить конфликт не удалось. 6-го января забастовка охватывает почти все заводы и фабрики Петрограда. Рабочие выставляют не только экономические, но и политические требования. Под влиянием агитации священника Гапона решено было обратиться с петицией к царю, в которого наивно верили многие рабочие. 9-го января безоружная манифестация была расстреляна на улицах Петрограда.

34. 17-го октября 1905 года царизм под давлением всероссийской стачки принужден был пойти на частичное самоограничение, обещая проведение в жизнь гражданских свобод и созыва Государственной Думы. Манифест 17 октября откололι мелкобуржуазные и интеллигентские слои от революции.

35. В день Красной Армии 22-го марта 1918 года во всех районах гор. Москвы были организованы большие митинги под лозунгом: «Организация Социалистической обороны». Устраивали эти митинги В. Ц. И. К., Московский Совет, Всероссийская Коллегия по организации Красной Армии и М. К. Р. К. П. (б.).

36. Всероссийская Коллегия по организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии выделяется из состава Наркомвоена еще 20-го декабря 1917 г. В нее входят тт. Подвойский, Мехоношин, Крыленко, Трифонов и Юренев. Этой Коллегией прорабатываются тезисы по созданию Красной Армии на добровольческих началах. Она же ведет всю работу по формированию первых добровольческих отрядов и согласовывает деятельность своих областных и губернских органов. Коллегия просуществовала до 8-го мая, когда взамен нее и некоторых других центральных учреждений был образован Всероссийский Главный Штаб.

37. Декрет об организации волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам был опубликован Советом Народных Комиссаров 8-го апреля 1918 года.

38. Первый приказ, который определяет обязанности комиссаров и членов Военных Советов, опубликован 6-го апреля 1918 года. Особая важность этого приказа заставляет привести его целиком:

«О Военных комиссарах, Членах Военных Советов. Военный Комиссар есть непосредственный политический орган Советской власти при армии. Его пост имеет исключительное значение. Комиссары назначаются из числа безупречных революционеров, способных в самых трудных обстоятельствах оставаться воплощением революционного долга. Личность комиссара неприкосновенна. Оскорбление комиссара при исполнении обязанностей, а тем более насилие над комиссаром приравнивается к самым тяжким преступлениям против Советской власти. Военный комиссар блюдет за тем, чтобы армия не обособлялась от всего Советского строя и чтобы отдельные военные учреждения не становились очагами заговора или орудиями против рабочих и крестьян. Комиссар участвует во всей деятельности военных руководителей, вместе с ними принимает рапорты и донесения и скрепляет приказы. Только такие приказы Военных Советов получают силу, которые подписаны, кроме военных руководителей, по крайней мере одним комиссаром. Вся работа происходит на глазах комиссара, но руководство в специально военной области принадлежит не комиссару, а работающему с ним рука об руку военному специалисту.

Комиссар не отвечает за целесообразность чисто военных, оперативных, боевых приказов. Ответственность за них падает целиком на военного руководителя. Подпись комиссара под оперативным приказом означает, что комиссар ручается за данный приказ, как за продиктованный оперативными, а не какими либо иными (контр-революционными) соображениями. В случае неодобрения чисто военного распоряжения комиссар не задерживает его, а только доносит о своем неодобрении стоящему выше Военному Совету. Только такой оперативный приказ может быть задержан, относительно которого комиссар приходит к обоснованному выводу, что приказ продиктован контр-революционными мотивами. Если приказ подписан комиссаром, он входит в законную силу и должен быть исполнен, чего бы то ни стоило. Обязан-

ность блюсти за точным исполнением приказов ложится на комиссара, в распоряжение которого для этой цели предоставляется авторитет и все средства Советской власти. Военный комиссар, который попустительствует неисполнению приказов, подлежит немедленному отрешению от должности с преданием суду. Комиссары связывают учреждения Красной Армии с центральными и местными учреждениями Советской власти и обеспечивают содействие этих последних Красной Армии.

Комиссар наблюдает за тем, чтобы все работники Красной Армии сверху до низу совершали свою работу добросовестно и энергично, чтобы денежные средства расходовались экономно и под строжайшим контролем, чтобы военное имущество охранялось со всей тщательностью. Комиссары Высшего Военного Совета назначаются Совнаркомом. Комиссары окружных или районных советов назначаются по соглашению между Высшим Военным Советом и руководящим Совдепом данного округа или района.

При комиссарах Высшего Военного Совета учреждается Бюро Военных Комиссаров. Бюро объединяет деятельность комиссаров, отвечает на их запросы, вырабатывает для них инструкции и в случае необходимости созывает Съезды комиссаров».

Подписал Народный Комиссар по Военным Делам и Председатель Высшего Военного Совета Троцкий.

39. Согласно декрета о замещении должностей — должность командира отделения замещается по усмотрению ротного командира. Для назначения взводных командиров местными комиссариатами составляются списки кандидатов из числа лиц, получивших специальную подготовку, или зарекомендовавших себя мужеством и умением управлять в боевой обстановке. По этим спискам командиры отдельных частей совместно с комиссариатами допускают кандидатов к исполнению обязанностей взводных командиров. В бою и походе все командные должности замещаются по назначению. В вполне сформированных частях назначение производится путем выбора из кандидатов всей данной части. Командиры отдельных частей и бригад назначаются из кандидатского списка Наркомвоеном. Начальники дивизий и выше — Наркомвоеном с согласия Высшего Военного Совета, с доведением до сведения Совета Народных Комиссаров.

40. Декрет о сроке службы был первым переходом от системы добровольчества к обязательству прослужить в Красной Армии определенный период времени. Полный текст его следующий: 1. Всякий гражданин, добровольно вступающий в ряды Красной Армии, обязуется служить в ней не менее 6-ти месяцев, считая со дня подписания обязательства. 2. Всякий солдат Красной Армии, который самовольно покинет ряды армии до истечения указанного срока, карается тюремным заключением от 1 до 2 лет и лишением прав гражданина Советской Республики.

41. Первым из оппонентов выступил меньшевик Ильин.

42. Перевыборы в Московский Совет были закончены 23-го апреля 1918 года и обнаружили блестящую победу революционного пролетариата. Из 803 депутатов было избрано коммунистов — 354, сочувствующих им — 150.

43. Статья 108 Уголовного Уложения 1903 г. По этой статье привлекались к ответственности лица, обвиняемые в государственной измене и шпионаже. Привлекаемые к ответственности по 108 статье лишались избирательных прав. Этой статьей царского уложения пользовалось Временное Правительство, обвиняя большевиков в шпионаже в пользу Германии и лишая их избирательных прав в Советы.

44. Демократическое совещание созвано было Временным Правительством с 14-го по 23-е сентября 1917 г. Туда были приглашены кооператоры, представители фронтовых и армейских комитетов, представители земств и городов, Губернских Советов и профсоюзов. Советские делегации были в меньшинстве. Демократическое совещание выделило из своей среды Совет Республики (Предпарламент), который должен был до Учредительного Собрания заменять представительный орган Респу-

блики. Большевики вышли из Предпарламента. Демократическое совещание никакого авторитета в стране не имело и лишь способствовало усилению классовой борьбы.

45. Июньский Съезд — это первый Съезд Советов, происходивший в июне 1917 года. Тов. Ленин, выступая на Съезде, указывал, «что июньское наступление есть перелом во всей русской революции».

46. Газета «Вперед» — орган Центрального и Московского Комитетов Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков). Редакцией руководили Мартов, Дан и Мартынов.

47. Первый Всероссийский Съезд военных комиссаров был созван Бюро Военных Комиссаров и начался 7-го июня 1918 года. Были заслушаны доклады с мест и обсуждены вопросы о правах и обязанностях военкомов, а также о культурно-просветительной работе в армии.

48. Высший Военный Совет был организован после подписания Брестского мира. 4-го марта декретом Совнаркома упраздняется Ставка, уничтожается должность верховного главнокомандующего, и начинается расформирование всех штабов, фронтов и армий. Руководство войсковыми частями и работой по созданию новой армии возлагается на Высший Военный Совет в составе военного руководителя т. Бонч-Бруевича и двух комиссаров Прошьяна и Шутко. 18-го марта председателем ВВС назначается тов. Троцкий, заместителем т. Склянский и членами тт. Подвойский и Мехоношин. ВВС просуществовал до 2-го сентября, когда образуется Революционный Военный Совет Республики. За полгода своего существования ВВС проделал очень большую работу. Руководство организацией вооруженных сил, проведение в жизнь нового военно-административного деления, первые мобилизации, введение всеобщего военного обучения трудящихся — все это было делом ВВС. На фронте ВВС образовывает участки завес, которые, выдвигая отряды вдоль демаркационной линии, установленной с немцами по Брестскому договору, обеспечивали возможность быстрого формирования частей Красной Армии, необходимых для обороны Республики (см. схему № 1, Завесы).

49. Октябрьский переворот застал главные силы Балтфлота частью в Гельсингфорсе (линейные корабли), частью в Ревеле (крейсера и миноносцы). После овладения немцами Моонзундом, Ригой и Балтийским портом, флот покидает Ревель и целиком сосредоточивается в Гельсингфорсе. Высадка немцев в Ганге 3-го апреля и быстрое их продвижение сушей и морем к Гельсингфорсу ставили флот в очень затруднительное положение. С целью его сохранения флот вводится в Кронштадт. При этом суда должны были пробиваться через ледяные торосы большой толщины, обычно образующиеся к весне между Кронштадтом и Гогландом. Некомплект в личном составе, отсутствие навигационных сооружений, снесенных льдами — еще более затруднили этот переход. По прибытии в Кронштадт флот оставался во внутренних гаванях.

50. ВВС 25-го апреля предлагает Командующему флотом Щастному немедленно вступить в переговоры с немцами об установлении демаркационной линии; существование флота без этой меры было крайне затруднительным. Соответствующее приказание по радио Щастный посылает старшему морскому начальнику в Гельсингфорсе Зеленому; это радио повторяется 29-го апреля. Только 1 мая от Зеленого получается ответ, что по его мнению возбуждать данный вопрос по обстоятельствам момента не желательно. 3-го мая Зеленый донес о том, что приказание будет исполнено. Щастный явно попустительствовал неисполнительности своих подчиненных.

51. Форт Ино совместно с расположенным на южном побережьи Финского залива фортом Красная Горка представляет совокупность батарей (10 и 12 дюйм.), предназначенных для воспрепятствования неприятельскому флоту проникнуть к Кронштадту и во внутренние воды Финского залива. Со стороны суши форт обеспечен очень слабо. Он был взорван красными 14-го мая 1918 г. Из донесения об этом коменданта Кронштадтской крепости Артамонова выясняется следующая обстановка: уже с 24-го апреля форт был окружен белогвардейскими финскими войсками; требование

белофиннов о сдаче форта было встречено отказом. Замки с орудий и большое количество имущества были вывезены в Кронштадт. Взрыв был произведен с минной станции, расположенной на форту Красная Горка, при помощи телефонного кабеля силою тока в 500 вольт.

52. Полномочия Щастного достаточно точно определялись «Временным положением об управлении Балтфлотом», которое было утверждено Совнаркомом 29-го марта 1918 г. § 6 этого положения гласит: «В отношении оперативной деятельности и боевой подготовки флота и входящих в его состав частей и приморских крепостей, начальник морских сил исполняет обязанности и пользуется правами командующего флотом, неся за руководство этой деятельностью флота полную ответственность».

53. В юзограмме от 21-го мая, адресованной Щастному, ВВС требует выполнения мер по подготовке кадров подрывников и исполнения предписания о денежном обеспечении их семей. 22-го мая Щастный отвечает успокоительными известиями и одновременно указывает, что проведение демаркационной линии невозможно.

54. Фамилия английского офицера, упомянутого в показании, Commander Cromie — английский морской агент.

55. Совет Комиссаров флота (Совкомбалт) — совещательный орган при главном комиссаре флота. До издания упомянутого выше временного положения об управлении флотом, этот орган играл значительную роль в деле руководства флотом.

Совет Флагманов — периодически созываемое совещание всех начальников отдельных частей, бригад, отрядов и дивизий.

56. Для характеристики привожу целиком копию с одного из этих подложных документов, отобранных при аресте Щастного и сохранившихся в деле Верховного Трибунала Республики.

Копия

G. G. G.
Nachrichten Bureau
Section P
№ 1462
19 апреля 1918 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров Петроградской Коммуны.

Разведывательным отделением получены точные указания на то, что группой кронштадтских матросов-анархистов решено передать часть Балтийского флота в распоряжение Красной Гвардии финляндских революционеров для защиты Выборга и Бьерке.

По нашим сведениям Совет Петроградской Коммуны одобрил это решение названной группы матросов. Считаем долгом указать, что этот акт будет признан нашим Верховным командованием достаточным поводом для оккупации Петрограда и требования полного разоружения Кронштадта и находящихся в военном порту кораблей.

За Нач. Отделения *M. Bauer.*
Адъютант *M. Kreisler.*

(Nachrichten Bureau)
(печать)

57. В это время происходил третий съезд Балтийского Флота.

58. Революционный Трибунал Республики приговорил Щастного к расстрелу.

59. Точная формулировка этого пункта резолюции, принятой 10 июля 1918 г. 5-м Всероссийским Съездом по докладу тов. Троцкого, гласит: «Каждый военный специалист, который честно и добросовестно работает над развитием и упрочением военной мощи Советской республики, имеет право на уважение рабоче-крестьянской армии и на поддержку Советской власти. Военный специалист, который

попытается свой ответственный пост вероломно использовать для контр-революционного заговора в пользу иностранного империализма, должен караться смертью».

60. Именно этой позиции придерживались многие из бывших офицеров в период после заключения Брестского мира. Они шли на работу в завесы на Западном фронте, считая необходимым помогать Республике в организации сопротивления немцам, но ни в коем случае не желали участвовать в гражданской войне на юге и востоке.

61. Связь Краснова с немцами выявляется отчетливо из переписки, опубликованной в «Сборнике материалов и статей», изданном Центрархивом. Ряд писем Петру Николаевичу Краснову и Африкану Петровичу Богаевскому от Мих. Свечина и Черячукина свидетельствуют, что последние два делегата Краснова в середине мая 1918 года обивали пороги гетмана Скоропадского, командующего немецкими войсками Эйхгорна и посла «Его величества» Мумма, прося о помощи и вмешательстве в борьбу с большевиками.

62. После высадки десанта на Мурманском побережьи и в Архангельске и восстания чехо-словаков (об этом см. пр. 79) союзники пытаются организацией ряда восстаний в городах, расположенных по верхней Волге (Муром, Ярославль, Рыбинск), создать соединительное звено между северным и чехо-словацким фронтом.

Муром, в котором находился ВВС, был захвачен белогвардейским отрядом в ночь на 9-е июля. Руководителями отряда были Н. Григорьев и подполковник Сахаров; войска именовали себя частями Северной добровольческой армии, а Григорьев уполномоченным Временного национального правительства. В течение 9-го июля город находился в руках белых; в этот же день отряд добровольцев, двигавшийся вдоль жел. дороги на Арзамас, был разбит и мятежники оставили город.

Ярославский мятеж, начавшийся 6-го июля, был значительно серьезнее; его организация принадлежит Б. Савинкову. Белое офицерство, служившее в советских учреждениях, опираясь на часть населения, внезапно захватило центр города, часть пароходов и большое количество боеприпасов. Ряд ответственных советских работников были захвачены на своих квартирах и расстреляны (в том числе тт. Нахимсон и Закгейм). Для ликвидации мятежа были сосредоточены отряды из Москвы, Костромы и Вологды. Мобилизация, объявленная белыми в Ярославле, успехом не увенчалась. После усиленной артиллерийской подготовки город был 21 июля взят нашими войсками. Руководители восстания во главе с Перхуровым бежали на пароходе по Волге. Перхуров был арестован, судим и расстрелян в 1923 году.

63. В «Правде» от 29-го ноября 1918 г. помещена статья Вл. Сорина о взаимоотношениях командиров и комиссаров, от 25-го декабря статья Каменского «Давно пора».

64. 18-го августа 1917 г. 8-я немецкая армия Гутьера прорывает расположение нашей 12-й армии в районе Икскюля и начинает быстрое продвижение на север в охват гор. Риги. Наши войска откатываются на 70 верст, потеряв всякое соприкосновение с противником. Рижские события использовывает Корнилов и вся буржуазная печать для контр-революционной агитации, предсказывая движение немцев на Петроград. Имеются данныя утверждать, что Высшее Командование умышленно парализовало сопротивление армии под Ригой.

65. При эвакуации Петрограда бывш. Николаевская Военная Академия была переведена в Екатеринбург. Во время чехо-словацкого мятежа часть слушательского состава была использована для активной работы на красных фронтах. Незначительная часть во главе с Начальником Академии Андогским и частью преподавательского персонала при эвакуации Екатеринбурга была переведена в Казань, где и попала в руки белых. Именно это обстоятельство и задержало на несколько месяцев организационную работу по открытию Красной Военной Академии.

66. Председателем Высшей Военной Инспекции был Николай Ильич Подвойский. Самая Инспекция была создана в апреле 1918 г. и сыграла значительную роль в реорганизации армии и переходе ее к регулярным формам. Непосредственные

выезды на места Высшей Военной Инспекции сопровождались большими изменениями в личном составе командиров и комиссаров, устанавливалось единство точек зрения по всем вопросам военной работы. ВВИ делилась на две секции: военную и политическую.

67. Публикуемый декрет о призыве унтер-офицеров является дополнением к ряду приказов и постановлений о переходе от добровольчества в Красной Армии к принудительным наборам.

29-го мая выносится первое постановление ВЦИК о принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Ввиду сложности одновременного проведения этого декрета на всей территории страны, ВЦИК постановляет начать его, с одной стороны, в наиболее угрожаемых областях, с другой стороны, в главных центрах рабочего движения (Донская и Кубанская Область, Москва, Петроград). Наркомвоену предлагалось в недельный срок выработать план осуществления в таких пределах и формах, которые в наименьшей мере нарушали бы ход производительной и общественной жизни означенных областей и городов.

Первым декретом о мобилизации необходимо считать декрет Совнаркома от 12-го июня, когда объявлен был прием на военную службу в некоторых уездах Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов рабочих и крестьян, родившихся в 1893—97 гг. 14-го июня объявляется «Наставление о порядке приема на военную службу рабочих и крестьян». 17-го июня декретом Совнаркома объявляется призыв рабочих гор. Москвы и его пригородов, родившихся в 1896 и 1897 гг. 29-го июня призываются рабочие, родившиеся в 1896 и 97 гг., по Петрограду и его пригородам. Рост численности армии и недостаток командного состава заставляет Совет Народных Комиссаров и Наркомвоен призвать в строй и часть бывших унтер-офицеров.

68. Во время великой французской революции большинство офицерства осталось верным Людовику XVI; в массе своей оно не сочувствовало революции и связанной с ней демократизации армии. Отсюда эмиграция заграницу. Между тем численность армии возрастала; военные действия против союзников требовали новых больших наборов. При этих условиях Конвент допустил назначение унтер-офицеров на офицерские должности и одновременно ввел принцип выборности командного состава. Многие молодые и способные работники благодаря этому быстро выдвинулись и создали блестящую плеяду Наполеоновских генералов (Ней, Сульт, Мюрат, Гош, Даву, Вандам, Массена и др.).

69. Восьмой Съезд Р.К.П (б.) состоялся в Москве с 18—23 марта 1919 г. Главнейшими вопросами порядка дня были: выработка партийной программы, вопросы военной политики и организация работы в деревне. Съезд выработал и утвердил новую программу партии. Доклад тов. Ленина об отношении к середняку послужил основой для длительного союза городского пролетариата и среднего крестьянства. По военному вопросу основным докладчиком выступил тов. Сокольников, развивая тезисы тов. Троцкого. От оппозиции содоклад делал тов. Смирнов. Основные его требования сводились к расширению прав комиссаров и к усилению их влияния не только в административно-организационной, во и в оперативной работе. В результате детального обсуждения этих вопросов в военной комиссии, Съезд принимает тезисы тов. Троцкого.

70. Попытки применить принципы формальной демократии на немецкой почве окончились весьма плачевно. Ноябрьская революция в Германии 1918 г. выросла из Кильского восстания 1917 г. и январской всеобщей стачки 1918 г. Разрастаясь это движение приводит к отречению Вильгельма. Карл Либкнехт во главе восставших рабочих и солдат провозглашает социалистическую республику. У власти становятся «подлинные демократы» по Каутскому; три шейдемановца и три независимых. Уже в январе 1919 г. начинаются кровавые репрессии мелкой буржуазии, пугающейся призрака социальной революции. Затем следуют

подввления рабочего восстания в Берлине и Баварии, Капповский путч и разгул фашизма.

71. Спартаковцы — нелегальная организация, созданная в Германии в начале мировой войны Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург для борьбы с буржуазией и официальной социал-демократией. Спартак—имя вождя одного из восстаний римских рабов. После ноябрьской революции в Германии союз Спартаковцев прекратил свое существование и слился с вновь образовавшейся Германской коммунистической партией.

72. Значительным шагом вперед по созданию войсковых частей в условиях близких к повседневному труду рабочего и крестьянина является частичный переход к милиционному способу формирования в Красной Армии. В 1923 г. ряд дивизий переведен на милиционные начала.

73. Речь идет о соединенном заседании ВЦИК 4-го созыва и Московского Совета Р., К. и К. Д. от 4 июня 1918 г.

74. Незначительные отряды союзников (большей частью англичане) занимали Мурманск еще во время мировой войны, обеспечивая сохранность доставки боеприпасов и артиллерии из стран Антанты. После октябрьского переворота эти отряды остались в Мурманске, а после апрельской 1918 г. высадки немцев в Финляндии они были усилены, и союзное командование начинает переговоры с Мурманским краевым советом о совместных против немцев действиях (см. схему № 3). В конце июня представители Великобритании, Северо-Американских Соединенных Штатов и Франции, с одной стороны, и президиум Мурманского краевого совета с другой, заключили договор, по которому представители Антанты обязались снабжать край и войсковые части всем необходимым; они обязывались также доставить Мурманскому краевому совету денежную помощь, продовольствие и мануфактуру. Со своей стороны краевой совет, изменив Советской власти, не препятствует организации вооруженных сил и фактическому занятию края союзными войсками. В непосредственных сношениях с союзниками находился военрук краевого совета бывш. ген. Звегинцев. В результате всей этой авантюры Мурманский край был занят войсками Антанты.

75. В конце февраля 1918 г. после отхода наших частей Румынского фронта, румыны, по настоянию французской миссии, переправляются через Диестр, занимают Рыбницу и пытаются продвинуться далее для полной оккупации Бессарабии и района гор. Одессы. Наши молодые части Красной Гвардии под руководством тов. Егорова наносят румынам сильное поражение, и они вынуждены отойти назад за р. Диестр; через пять дней после этого румыны пропускают немцев, которые 13 марта занимают Одессу и быстро продвигаются вперед.

76. Речь идет о 5 Всероссийском Съезде Советов, который происходил 4 — 10 июля в Москве. Подробнее о нем смотреть примечание 90.

77. О Ярославском мятеже см. прим. 62.

78. Занятие Архангельска произошло в ночь с 2 на 3 августа 1918 г. В кратких чертах предшествующие события на Северном фронте развивались следующим образом (см. схему № 3). 4-го июля английский крейсер высадил команду на Соловецком острове и прекратил действия русской радио-станции. 11-го июля англичане занимают Сороки (30 верст южнее Кеми) и начинают подготовку к занятию Архангельска. Не дремлют и белые организации. При содействии английской контр-разведки в Питере и в порядке личной инициативы, в Архангельск уже с мая месяца начинают стекаться белогвардейцы разных оттенков. Военно-морские власти вступают в сношения с союзниками; из белого офицерства формируется добровольческий партизанский отряд. Полковник Потапов группировкой частей Архангельского гарнизона обеспечивает свободу действий этому отряду. Командующий флотом Веселаго не принимает никаких мер к заграждению фарватера. 31 июля занимается Онега, 1-го августа остров Мудьюг и в ночь с 2 на 3 августа в Архангельске вспыхивает белогвардей-

ское восстание, сопровождаемое десантом с моря. При непосредственном содействии послов Франции—Нуланса, Америки—Френсиса и Италии—Де-ля-Торетта создается Верховное управление северной области в составе Чайковского (Н.-С.), Лихача (С.-Р.), Маслова (С.-Р.), Иванова (С.-Р.) и Гуковского (С.-Р.).

79. Для более отчетливого восприятия статей и речей, посвященных чехо-словацкому мятежу, необходимо дать краткую историческую справку о возникновении корпуса чехо-словаков. Выходцы из Австрии и ее подданные чехо-словаки, жившие в России, чтобы избегнуть конфискации имущества, в начале войны организуют первую дружину для борьбы с немцами на стороне русских; эта дружина в составе 4-х рот пополняется из пленных чехо-словаков и уже к апрелю 1916 г. налицо 2 полка и запасный 4-ротный батальон в Киеве. Работа эта связана с деятельностью чехо-словацкого национального комитета в Париже под руководством Массарика. Франция оказывает поддержку этому комитету, обещая создание независимой чехо-словацкой республики. Временное Правительство, хотя и не особенно доверяет чехо-словакам, но под давлением дипломатического корпуса разрешает продолжать им дальнейшие формирования. В июньском наступлении 1917 г. корпус принимает активное участие и после него располагается в районе Бердичев — Киев — Полтава. К октябрьскому перевороту чехо-словацкий корпус и, особенно, его командование относится отрицательно. Один из полков участвует даже в подавлении рабочего восстания в Киеве. Далее, чехо-словацкий корпус начинает действовать по непосредственным указаниям представителей Антанты. Вступление Америки в мировую войну уничтожило у французов острую необходимость переброски корпуса на западный фронт. Наоборот, положение в Советской России было настолько невыгодно для союзников, что они всеми мерами втягивают чехо-словаков в борьбу с большевиками для восстановления противо-немецкого фронта. Чехо-словаки не признают Брестского договора и объявляют себя частью французской армии на русской территории. В начале союзники дают директиву корпусу о следовании в Мурманск, где якобы для них готовы транспортные средства; последних там, конечно, не было, а чехо-словаки должны были бы принять участие в создании северного фронта. Чехо-словаки продолжали движение на восток. Занятие Владивостока японцами и попытки их дальнейшего распространения грозили крупными осложнениями в Сибири и это заставляет Наркомвоен принять ряд предосторожностей, в том числе потребовать полного разоружения чехо-словаков. Последние по директивам Антанты производят соответствующую перегруппировку и начинают активные действия против большевиков. Первое вооруженное выступление чехо-словаков произошло в Челябинске. После этого Наркомвоеном дается приказ о приостановлении передвижения чехо-словацких эшелонов. 29 мая после однодневного боя крупными силами чехов занимается Пенза. 31 мая они двигаются далее на восток, захватывая города и уничтожая наши отряды. Вокруг чехо-словаков быстро сплачиваются все контр-революционные силы Урала и Сибири. В Омске образуется Сибирское правительство, в Самаре меньшевики и эс-эры возрождают власть учредительного собрания, в Оренбурге вновь появляется Дутов, на Дальнем Востоке руководят Семенов и Хорват. Начинается упорная гражданская война.

80. Объединение отрядов, действовавших на Северо-Уральском и Сибирско-Омском фронтах, было достигнуто созданием северо-урало-сибирского фронта под командованием Р. Берзина при военруке Надежном и военкоме Анучине.

81. Обстановка на фронте к этому моменту видна на схеме № 2. После сдачи нами Сызрани 10-го июля и Симбирска 22-июля чехо-словаки быстро продвигаются к Казани. Первая армия отошла к Кузнецку на Инзу и вверх по Волге на Буинск, справа от нее, прикрывая Саратов, действует 4 армия; вторая армия, сорганизовавшись из боевых дружин гор. Уфы и губернии, в конце июля переходит в наступление от Камы на Бугульму с целью перерыва железной дороги Симбирск—Уфа. Слева от второй армии, третья армия, сдав Екатеринбург, отступала на Пермь.

82. После занятия Сызрани и Симбирска чехо-словаки начинают энергично продвигаться для захвата Казани. Помимо значения этого города, как административного центра края, с потерей его разобщались действия 1-й и 2-й Красной Армии, терялась последняя переправа через Волгу (бывший Романовский мост) и, наконец, противнику представлялась возможность развивать операции в Северном направлении для соединения с десантом союзников. Поэтому внимание фронта и центра сосредоточивается на той борьбе, которую с 1-го по 7-е августа ведут наши части около Казани. Несмотря на значительную энергию Главнокомандующего тов. Вацетиса, назначенного после авантюры Муравьева, борьба за Казань окончилась неудачей для красных войск. Чехо-словаки занимают город 6-го августа. Очень слабая боеспособность наших партизанских отрядов, слабое прибытие подкреплений, в последнюю минуту частичная измена штаба, состав коего после убийства Муравьева не удалось заменить другим, — вот общие причины быстрого падения Казани. Положение на фронте становится настолько серьезным, что тов. Троцкий 7-го августа лично выезжает в Свияжск. Начинается лихорадочная работа по приведению в порядок отрядов и частей. Ликвидация остатков партизанщины, карательная работа трибунала, усиленная политработа — все это весьма успешно отразилось на состоянии войск. В тылу идет усиленная мобилизация коммунистов, дающая фронту ряд ответственных партийных товарищей; все последующие приказы до занятия красными войсками Казани (10 сентября) характеризует этот период быстрого количественного и качественного роста сил наших армий восточного фронта.

83. Тов. Розенгольц 11-го августа был назначен членом Реввоенсовета Казанского участка Востфронта. Военный совет этого участка, созданный того же числа, представлял из себя одновременно и командование 5 армии. Командармом был назначен тов. Майгур, комиссаром Кобозев, начальником штаба т. Благовещенский, комиссаром штаба тов. Гусев. Штаб 5 армии сразу после организации начинает подготовку операции по обратному занятию Казани.

84. 24 августа с северо-востока к Казани подходит правая группа 2 армии под командой тов. Азина.

85. 18 августа командармом 5 был назначен тов. Славин, военным комиссаром Гусев и начальником штаба Андерсен.

86. Фортунатов и Лебедев—оба видные деятели Самарского правительства. После занятия Самары чехо-словаками, партия эс-эров и несколько членов распущенного учредительного собрания берут власть в свои руки. Первый приказ этого комитета учредительного собрания (комуч) гласит: «Именем учредительного собрания большевистская власть в Самаре и Самарской губернии объявляется низложенной. Восстанавливаются распущенные большевиками органы местного самоуправления, городские думы и земские управы, коим предлагается немедленно приступить к работе». Военный штаб комуча составляется: из полковника Галкина, военкома Румынского фронта Боголюбова и члена учредительного собрания Фортунатова.

87. При сдаче Казани паника была настолько значительной, что главнокомандующий Вацетис с 6-ю красноармейцами 5-го Латышского полка должен был с боем пробиваться из города и спасся только случайно.

88. 10 сентября комбинированными и согласованными действиями право и левобережных групп 5-й армии, отряда 2-й армии под командованием т. Азина и Волжской флотилии после сильных боев Казань была взята нашими войсками. Разгром чехов под Казанью имел решающее значение для дальнейших операций не только на средней Волге, но и на Каме для 2-й армии, которая быстро очистила реку Вятку и начала угрожать группе противника, действовавшей в районе Симбирск — Самара. 12 сентября железная дивизия т. Гая, входившая в состав 1 армии Тухачевского, занимает Симбирск; после этого вся Волга быстро очищается от белых, которые отступают на восток.

89. После июльских дней (3 — 5 июля 1917 г.) Временное Правительство производит аресты видных большевиков. Тт. Ленин и Зиновьев переходят на нелегальное положение; и течение нескольких недель они прожили в лесу близ Сестрорецка (дачная местность вблизи Петербурга); единственным убежищем для их ночлега был стог сена. Несколько позднее тов. Ленин под видом кочегара скрывается в Финляндию и в конце сентября возвращается в Петербург. Тов. Троцкий был арестован непосредственно после июльских дней и сидел в Петроградских Крестах.

90. 5-й Съезд Советов происходил в Москве 4 — 10 июля 1918 г. 66% присутствовавших делегатов были коммунисты, остальные в большинстве левые эс-эры. Последние с самого начала Съезда пытаются противопоставить большевикам лево-эс-эровских крестьян. Внеочередное предложение тов. Троцкого с просьбой к Съезду одобрить приказ о введении строгой дисциплины в пограничных партизанских отрядах, срывавших своей политикой мир с Германией, было встречено левыми эс-эрами крайне недружелюбно. Камков в своей речи призывает партизанские отряды к активным выступлениям против немцев. На следующий день Спиридонова рядом ложных фактов пыталась доказать тайную посылку Совнаркомом золота, хлеба и мануфактуры в Германию. 7 — 8 июля после убийства левыми эс-эрами Блюмкиным и Андреевым немецкого посла гр. Мирбаха начинается мятеж левых эс-эров. 5-й съезд прерывает свои занятия и возобновляет их вновь лишь 9-го июля. В этот последний день Съездом был рассмотрен вопрос об организации Красной Армии, и утверждена Советская конституция.

91. 4-й Съезд Советов был чрезвычайным и состоялся в Москве 14—16 марта 1918 г. В порядке дня стояли только два вопроса; первый — о ратификации Брестского мира, второй — о перенесении столицы в г. Москву. По первому вопросу доклады делают тт. Чичерин и Ленин; с докладом от имени левых эс-эров, протестовавших, вместе с некоторой частью коммунистов, против мира, выступает Камков. При поименном голосовании за ратификацию договора высказывается 784, против 261, воздержалось 115 (подробнее о Брестском мире см. прим. 20). По второму вопросу порядка дня Съезд постановляет временно перенести столицу в Москву.

92. После тов. Троцкого выступает Камков, который одобряет «широкое и здоровое революционное движение», выражающееся в стремлении помочь украинским рабочим. Камков предлагает Съезду отвергнуть предложение тов. Троцкого. В защиту предложения т. Троцкого от фракции большевиков Съезда выступает тов. Зиновьев. Левые эс-эры требуют перерыва для фракционного совещания. После перерыва с длинной речью, обвиняющей большевиков, выступает Спиридонова. После нее заключительное слово принадлежит т. Троцкому.

93. После приведенного заключительного слова Карелин заявляет, что до доклада мандатной комиссии фракция левых эс-эров участвовать в голосовании не желает. Кроме того он усматривает в принятии этого предложения попытку предрешить ряд общих политических моментов. Фракция левых эс-эров на время покидает зал, и резолюция в их отсутствии принимается единогласно.

94. Обстоятельства, связанные с убийством Мирбаха из следственного материала, вырисовываются в следующем виде: граф Мирбах, германский посол в Советской России, был убит в Денежном переулке в одной из гостиных посольского здания, около 3-х часов дня 6-го июля 1918 года. Политическое происхождение этого террористического акта следующее: Всероссийский съезд левых эс-эров, заседавший в Москве одновременно с 5-м Съездом Советов, по вопросу о внешней политике постановил: «разорвать революционным способом гибельный для русской и мировой революции Брестский договор»; исполнение этого Съезд поручает ЦК партии; последний решает выполнить волю съезда путем убийства Мирбаха, поставив Советское правительство пред фактом разрыва Брестского мира. ЦК левых эс-эров полагал этим актом апеллировать к солидарности германского пролетариата и русских трудящихся масс. В заседании ЦК ночью 4-го июля это убийство поручается вызвавшимся

лично Якову Блюмкину и Николаю Андрееву. Оба члены партии левых эс-эров; первый из них занимал в это время ответственный пост начальника отдела по борьбе со шпионажем ВЧК, второй был фотографом этого же отдела. Для совершения указанного акта Блюмкин использовывает бывшее у него на руках по служебным обязанностям дело немецкого шпиона графа Роберта Мирбаха, племянника посла. Блюмкин изготовляет на бланке ВЧК следующее удостоверение: «ВЧК по борьбе с контр-революцией уполномочивает ее члена Якова Блюмкина и представителя Революционного Трибунала Николая Андреева войти непосредственно в переговоры с господином Германским послом в России графом М. Мирбахом по делу, имеющему непосредственное отношение к самому господину Германскому послу». Подпись Председателя Комиссии т. Дзержинского и секретаря Ксенофонтова были подделаны. Печать поствил Зам. Пред. Комиссии член ЦК левых эс-эров Александрович, которому было известно о готовящемся убийстве. Явившись в посольство, Блюмкин настаивает перед советником этого посольства Рицлером на личном свидании с Мирбахом. После ряда разъяснений Рицлер соглашается, и посол выходит к ним. После продолжительной беседы, связанной с указанным выше делом, Блюмкин стреляет в упор в Мирбаха, Рицлера и переводчика. Мирбах был очевидно только ранен, а потому Андреев бросает в него бомбу; она не разорвалась, Блюмкин бросает ее вторично и убивает Мирбаха. Они с трудом успевают уехать на автомобиле, т. к. стража открыла стрельбу; Блюмкин был ранен. Убийство это было сигналом к открытому мятежу левых эс-эров в Москве и провинции. Подробности мятежа изложены в последующих речах и приказах тов. Троцкого.

95. После доклада тов. Троцкого выступают фракционные ораторы: Гарин от федерации анархистов-коммунистов, Рославец от Елецкой организации левых эс-эров, противников политики ЦК, Лозовский от С.-Д. интернационалистов, Линдов от С.-Д. левых интернационалистов и Светлов от эс-эров максималистов.

96. 3 — 5 июля 1917 г. Недовольство масс против реакционной политики Временного Правительства стало особенно сильным после неудачного наступления, организованного Керенским в июне 1917 г. Петербургские полки волновались, ввиду намерений правительства вывести их на фронт, чтобы освободить столицу от опасных для себя войск. В центре июльского восстания был пулеметный полк, делегаты которого, явившись на общегородскую конференцию большевиков, просили их поддержки. Конференция, считая движение преждевременным, ответила отказом. Вечером 3 июля движение разрослось и началась массовая демонстрация. На 4 июля, чтобы избежать вооруженного столкновения, Ц. К. выставляет лозунг организации мирной демонстрации. В ней участвует свыше полумиллиона рабочих и солдат. 5 июля начинают прибывать войска, вызванные Керенским с фронта. Начинается разоружение рабочих, солдат и матросов, идут повсеместные аресты. Июльские дни доказали, что за коммунистической партией идут громадные массы рабочих и солдат. О последствиях июльских дней см. примечание 89.

97. 9-е января 1905 года — см. примечание 33.

98. Требование Германского правительства о пропуске батальона немецких солдат в Москву для охраны посольства было вызвано непосредственно убийством Мирбаха. Наркоминдел с одобрения ВЦИК ответил на это категорическим отказом; некоторое время Советская Россия находилась под страхом новой войны. Германское посольство, ссылаясь на опасности, коим оно якобы подвергается в Москве, переносит свою резиденцию в Псков, расположенный в зоне Германской оккупации.

99. Положение о тыловом ополчении опубликовано в декрете Совнаркома от 20-го июля 1918 г. Согласно этому декрету все граждане, не подлежащие призыву в Красную Армию, одновременно с своими возрастными группами, призываются на один год в тыловое ополчение. Из призванных ополченцев формируются особые рабочие части в виде отдельных рабочих батальонов. Назначение их: окопные,

строительные, дорожные работы, для работы в складах, мастерских, по заготовке топлвва и продовольствия, для погрузочных работ и т. д. Устанавливалась строгая регистрация всех подлежащих призыву граждан в возрасте от 18-тв до 45 лет по следующим категорвям; 1) живущие на нетрудовой доход, 2) пользующвеся наемиым трудом с целью извлечения прбвыли, 3) члены правлений акционерных обществ, промышленных, торговых и земледельческих предприятий, 4) бывшие присяжные повереииые, их помощники, частные повереииые, нотариусы, биржевые маклера, посредники, сотрудники буржуазной печати, 5) монахи и духовные служителя церквей и религиозных культов (всех веровсповеданий), 6) лица, так назыв., свободных профессий, еслв они не выполняют обще-полезных функций, 7) бывшие офвцеры, чвновники, воспвтанникв юнкерских училвщ, кадетских корпусов и лица, не имеющие определенных занятий.

100. О контр-революционном заговоре в Балтфлоте, возглавлявшемся Щастиым, смотреть примечания 50 — 58.

101. Покушение на убвйство тов. Ленина было произведено 30 августа членом партив эс-эров Каплан во время митвнга на заводе Михельсона в Замоскворецком районе г. Москвы.

102. 6-й Всероссийский Чрезвычайный Съезд Советов состоялся в Москве 6—9 ноября 1918 года и был приурочен к празднованию 1-й годовщины Октвбрьской революции. На этом съезде былв рассмотрены следующие вопросы: 1) годовщина революции, 2) международное положение, 3) военное положение, 4) строительство Соаетской власти в центре, комитеты бедноты и Советы.

103. Напряженная борьба с контр-революцией на юге после ликвидацив Каледиищины (примечание 7) велась на Кавказе, на Кубани и на Дону. Кубань и Терская Область были заняты красными частями, сформврованнымв из местного населения. Создается управление войсками Северо-Кавказского фронта. Начало боевых действий добровольческой армив Корнилова, сосредоточенной в Калмыцкв степях, ставит эти отряды в очень затруднительное положение. Уже в июне 1918 г. белые наносят нашим войскам свльный удар, и Корнилов пытается заиять Екатеринодар; добровольцы терпят сильное поражение; в боях под Екатеринодаром 23 июля погибает и сам Корнилов. Командование доброаольческой армией переходвт к генералу Деникину. Наступление Деникина в августе 1918 года оканчивается захватом Екатеринодара; наши части отходят в район Пятигорска. В это же время белогвардейцы оказываются победвтелями и на северном Кавказе. Терек в Дагестан переходят в рукв белого «Горского Правительства». В Грузви при помощи немецкв штыков воцаряются меньшевики; в Армении, опираясь на поддержку Антанты, власть захватывают дашнаки *). Начвнается героичесвая борьба частей Северо-Кавказского фронта, изолированных от центра и овруженных белымв (11 и 12 армив). В августе 1918 г. начинает активные боевые дейстаия новый атаман войска Донского ген. Краснов. Сформировав с помощью немцев стотысвчную армию, он ставит себе задачей занятие Царицына и Воронежа. Царицын обороиялся местными отрядами, а также и украинскими советскими армивмв, которые отошли туда под давлением немцев. Военный Совет, организованный для обороны Царицына в состаае тт. Ворошилова, Сталвна и Минина, реорганизуется в Реввоенсовет 10 армии. В течение сентября и октября Царицын переживает очень тяжелые дни. Трудное положение было и на правом фланге нашего южного фронта. Краснов, опрокинув части 8-й армии, занимает Таловую, Бобров, Лиски и угрожает Воронежу (см. сх. №№ 4 и 5).

104. 8-ая армия была сформирована из частей южного участка завесы (см. примечан. 48). На этом участке формировалвсь две пехотные дивизив — 12-я и 13-я, в нз них под ударами казачьих полков Краснова, наступавших по железной дороге Лиски — Таловая шла организационная работа по формврованию этой первой регуляр-

*) Националистическая партия в Армении.

ной армии южного фронта. Причины ее поражения — наличие крупных масс кавалерии у Краснова, наша полная неорганизованность и отсутствие дисциплины. Первый приезд тов. Троцкого совпал с рядом неудач на фронте. Прибыв в штаб армии т. Троцкий не мог получить от командарма ни одной справки о месте нахождения его частей.

105. Речь идет о героической борьбе 11-й армии Северо-Кавказского фронта, которая вне связи с центром приковывала к себе всю добровольческую армию Деникина, препятствуя оказанию помощи Краснову. В конце октября Таманская армия берет Ставрополь и непосредственно угрожает тылу Краснова. Сильная эпидемия тифа (одновременно болело до 40.000 бойцов), крайнее истощение красноармейцев, недостатки в снабжении и полная оторванность от центра привели эту армию почти к полному развалу. После отхода в Астрахань остатки 11-й армии составили кадры славных 33-й Кубанской, 7-й кавалерийской и 34-й стрелковой дивизий, которые до конца гражданской войны боролись на ее фронтах.

106. Циммервальдская конференция была созвана в Швейцарии в сентябре 1915 года по инициативе итальянских социалистов; в ней приняли участие представители разных стран, в которых имелись организованные группы революционных интернационалистов. Радикальная часть конференции во главе с т. Лениным выпустила манифест ко всем пролетариям, в котором призывала борющиеся за империалистические цели армии повернуть оружие против собственной буржуазии. Из вождей РКП в этой конференции принимали участие тт. Ленин и Зиновьев.

Вторая международная конференция революционных интернационалистов состоялась в Кинтале 24 — 30 апреля 1916 г. Объединение это существовало до первого Конгресса Коммунистического Интернационала в 1919 г.

Хронология важнейших военных событий *)

1917 г.

Февраль

24 — 28 (9 — 13 марта). Всеобщая забастовка в Петрограде. Восстание Преображенского, Волынского и Литовского полков. Образование Исполнительного Комитета Государственной Думы и Временного Правительства.

Июнь

18 (1 июля). Наступление, организованное Керенским на юго-западном фронте.

Июль

3 — 5 (16 — 18). Вооруженная демонстрация частей гарнизона и рабочих Петрограда против Временного Правительства.

Перелом в нашем наступлении на фронте и начало отхода из Галиции.

Август

19—21 (1—3 сент.). Прорыв Рижских позиций и занятие Риги.

25 — 30 (7 — 12 сент.). Мятеж ген. Корнилова. Движение конного корпуса под командою Крымова на Петроград. Бескровная ликвидация мятежа при помощи повсеместного вооружения рабочих.

Октябрь

16 (29). Создание Военно-Революционного комитета при Петроградском совете.

21 (3 ноября). В заседании Петроградского совета Воен.-Ревком (В.Р.К.) признан руководящим органом войск столицы. Экстренное собрание всех полковых комитетов гарнизона принимает решение о поддержке Ревкома.

22 (4 ноября). «День Петросовета». Многолюдные митинги на всех заводах.

23 — 24 (5 — 6 ноября). В.Р.К. приводит весь гарнизон в полную боевую готовность.

25 (7 ноября). Победоносное осуществление пролетарского переворота. Бегство Керенского к войскам Северного фронта. Арест Временного Правительства. Открытие 2-го Всероссийского Съезда Советов.

---

*) Даты до 14 февраля 1918 года указаны по старому и новому стилю. С 14 февраля 1918 г. только по новому.

Октябрь

26 (8 ноября). Съездом принят декрет о войне и мире. Обращение к фронтам и армиям о создании Военно-Революционных комитетов.

Образование Совнаркома и Наркомвоена.

27 (9 ноября). Движение Казачьей дивизии Первого Донского Корпуса под командованием Краснова и руководством Керенского на Петроград с целью ликвидировать большевистское восстание.

28 (10 ноября). Бои Красной Гвардии у Красного Села и Гатчины.

29 (11 ноября). Подавление юнкерского восстания в Петрограде.

30 — 31 (12 — 13 ноября). Разгром Краснова. Царское Село занято войсками Советов.

Декабрь

1 (14). Занятие Гатчины. Арест Краснова. Ожесточенная борьба за Кремль в Москве.

2 (15). Победа Красной Гвардии в Москве.

7 (20). Приказ Врид Главковерху Духонину начать переговоры с немцами и приостановить военные действия.

9 (22). Отказ Духонина вести переговоры о перемирии. Назначение Главковерхом прапорщика Н. В. Крыленко.

14 (27). Главковерх Крыленко посылает к немцам парламентеров с предложением о перемирии. Командование востфронтом немцев согласилось на ведение переговоров.

19 (2 декабря). Ликвидация контр-революционной ставки. Первая встреча нашей мирной делегации с немцами.

22 (5 декабря). В Брест-Литовске подписано соглашение о приостановлении военных действий с 24/XI до 4/XII.

25 — 28 (8—11 декабря). Первые бои с ударниками Корнилова и Калединым на Дону. Восстание Дутова в Оренбурге.

Ноябрь

2 (15). Занятие Калединым Ростова.

8 (21). Назначение тов. Антонова Народным Комиссаром по борьбе с контр-революцией. Прибытие в Новочеркасск Корнилова и Деникина.

11 — 12 (24 — 25). Бои у ст. Тамаровка, Обояни и занятие Сиверсом гор. Люботина.

16 (29). Отрядами Красной Гвардии занимается Лозовая и Павлоград. Декрет об уничтожении всех чинов и званий в армии.

18 (31). Отряды Саблина вступают в Харьков.

20 (2 января). Образование Всероссийской Коллегии по организации Красной Армии.

24 (6 января). Сформирование в Харькове Штаба революционных войск Южного фронта по борьбе с контр-революцией под командованием Наркома тов. Антонова. Начальником Штаба назначен Муравьев.

27 (9 января). Возобновление работ мирной конференции в Брест-Литовске.

29 — 31 (11—13 января). Обращение Крыленко о создании революционной народно-социалистической армии. Начало борьбы с Украинской Радой.

1918 г.

Январь

1 (14). Разрыв дипломатических сношений с Румынией, которая разоружает русские войска.

3 (16). Во В.Ц.И.К. принят декрет об образовании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

4 (17). Начало наступления Красной Гвардии на Киев.

5 (18). Занятие Полтавы Муравьевым.

6 (19). Роспуск Учредительного Собрания.

10 (23). Съезд фронтовых казаков в станице Каменской объявляет войну Каледину.

11 (24). Занятие Красной Гвардией Феодосии и Ялты. Подавление восстания Крымских татар.

16 (29). Ревком овладевает властью в Одессе.

Образование Революционного Правительства в Финляндии и начало гражданской войны с Маннергеймом.

18 (31). Оренбург занят Революционными отрядами.

26 (8 февраля). Взятие Киева войсками Муравьева.

27 (9 февраля). Украинская Рада подписала сепаратный мир с немцами.

28 (10 февраля). Бои под Каменской и Таганрогом. Русская делегация отказалась подписать захватнические условия мирного договора, объявив о прекращении войны.

30 (12 февраля). Занятие Торговой и Тихорецкой. Успешный для Красной Гвардии бой под Рогачевом с польским корпусом Довбор-Мусницкого.

Февраль

14. Открытие первых командных курсов в Петрограде, Москве, Твери и Казани.

17. Начало немецкого наступления.

19. Радио Советского Правительства о согласии принять немецкие условия мира.

21. Занятие немцами Минска, Режицы. Создание комитета Революционной Обороны в Петрограде. Взятие нами Ростова.

22. Ответ немцев об их согласии продолжать мирные переговоры.

23. Опубликование декрета о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

24. Продолжение немецкого наступления. Занятие Борисова, Ревеля, Юрьева. Отступление наших войск на Украине.

Март

2. Приказ Наркомвоена об одновременной демобилизации всех призванных возрастов старой армии.

3. Подписание Брест-Литовского договора.

4. Декрет Правительства о создании Высшего Военного Совета.

5. Атаманом Голубовым занят Новочеркасск.

7. Переезд Советского Правительства в Москву и эвакуация Петрограда.

13. Занятие немцами Чернигова.

14. IV Чрезвычайный Съезд Советов ратифицирует условия Брест-Литовского мира.
15. Занятие турками Трапезунда и австрийцами Одессы.
16. Занятие немцами Киева.
30. Полтава занята немцами.

Апрель

3. Высадка немецкой десантной дивизии фон-дер-Гольца в Ганге для подавления финского восстания.
6. Оккупация японцами Владивостока.
8. Опубликование декрета о разделении Республики на 8 военных округов и учреждение волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов.
10. Занятие немцами Херсона и Белгорода. Вывод русских военных судов из Гельсингфорса в Кронштадт.
17. Взятие советскими войсками Новочеркасска и полная ликвидация Корниловщины.
22. Принятие В. Ц. И. К. декретов о введении всеобщего военного обучения, о порядке замещения должностей в Красной Армии и о введении в армии «торжественного обещания» — присяги.
26. Разгром немцами центральной Рады и воцарение на Украине гетмана Скоропадского.

Май

1—6. Занятие немцами Севастополя, Ростова и Таганрога.
8. Учреждение Всероссийского Главного Штаба.
10. Раскрытие заговора правых эс-эров в Москве.
15. Выступление анархистов и эс-эров в Царицыне.
21. Крупные крестьянские восстания на Украине против насилий немецких войск и гайдамаков.
25. Первые столкновения с чехо-словаками и занятие ими Челябинска.
29—30. Занятие чехо-словаками Пензы и Сызрани. Краснов занимает ст. Лиски. Первые постановления В. Ц. И. К. о мобилизации рабочих.
31. Постановление Совнаркома и воззвание его об организации вооруженных продотрядов.

Июнь

1. Многочисленные аресты в Москве в связи с раскрытием контр-революционной организации «Союз Родины и Свободы».
7. Открытие первого Всероссийского съезда военных комиссаров.
8. Бои с чехо-словаками под Омском. Занятие ими гор. Самары.
8—14. Призывы рабочих и крестьян в Поволжьи, Москве и Моск. губ.
19. Занятие чехо-словаками Сызрани. Контр-революционные выступления в Тамбове и Козлове.
20. Убийство тов. Володарского в Петрограде.
21. Расстрел адм. Щастного.
23. Чехо-словаки занимают Уфу.

Июль

1. Высадка англо-французского десанта в Мурманске.
6. Убийство немецкого посла Мирбаха. Вооруженное восстание левых эс-эров против Советской власти. Белогвардейский мятеж в Ярославле.
8. Подавление лево-эс-эровского восстания в Москве. Захват Кеми и Северной части Мурманской железной дороги англо-французами.
10. Занятие чехо-словаками г. Сызрани.
11. Измена Главнокомандующего Муравьева и убийство его в Симбирске. Белогвардейские восстания в Муроме, Арзамасе, Ростове (Ярославском) и Рыбинске.
16. Расстрел Николая Романова в Екатеринбурге.
20. Опубликование декрета об организации тылового ополчения.
21. Ликвидация Ярославского мятежа.
22. Занятие чехо-словаками Симбирска.
25. Екатеринбург занят чехо-словаками.
29. На соединенном заседании В. Ц. И. К., Моссовета и др. организаций вынесено постановление о признании социалистического отечества в опасности.
31. Онега захвачена англичанами.

Август

2. Десантный отряд союзников занимает Архангельск.
6. Казань занята чехо-словаками.
7. Первый призыв бывших офицеров в Москве.
8. Выезд тов. Троцкого на Казанский фронт для руководства борьбой с чехо-словаками.
16. Белогвардейцы занимают на севере Шенкурск.
23. Первые поражения чехо-словаков. Нами взяты Красная Горка, Николаев и Ново-Спасская.
29. Убийство Урицкого в Петрограде.
30. Покушение на тов. Ленина.

Сентябрь

2. Учреждение Революционного Военного Совета Республики.
4. Раскрытие заговора «союзных дипломатов» против Советской России.
10. Казань занята Красными войсками. Опубликовано постановление Совнаркома о введении красного террорв.
12. Нами взяты Симбирск и Вольск.
19. Красными войсками занят гор. Буинск.

Октябрь

3. Красными войсками взята Сызрань и Красноуфимск.
7. Разгром чехо-словацкв частей и народной армии Учредительного Собрания в районе Самара — Инза — Симбирск.
8. Занятие нашими войсками Самары.
15. Наступление казачьих частей Краснова на Царицын.
16. Части V армии занимают Бугульму.
29—31. Части I армии занимают Бугуруслан и Бузулук.

Ноябрь

1. Переход Красной Армии в наступление на Дону.

9—10. Всеобщая забастовка и революция в Германии. Падение монархии и образование правительства из шейдемановцев и независимых.

11. Перемирие на западном фронте между немцами и союзниками.

13. Постановление В. Ц. И. К. об аннулировании Брестского договора.

15. На Дону казачьи части отходят в южном направлении.

17. Начало эвакуации германских оккупационных войск с территории Советской Республики. Переход нашими войсками демаркационной линии.

18. Арест членов директории в Омске и провозглашение адмирала Колчака «Верховным Правителем» России.

20. Занятие частями Красной Армии Пскова.

29. Нарва взята нашими войсками.

30. Постановление В. Ц. И. К. об образовании Совета рабочей и крестьянской обороны.

Декабрь

1. Образование Временного рабоче-крестьянского правительства Украины и опубликование манифеста о низложении Скоропадского.

3. На юге частями Красной Армии заняты Валуйки.

6. Двинск занят Красными войсками.

14—17. Присоединение Советской Белоруссии к Р. С. Ф. С. Р. Занятие Минска.

23. Постановление В. Ц. И. К. о признании независимости Советской Эстляндии, Литвы и Латвии.

27. Учреждение Центральной Комиссии по борьбе с дезертирством.

29—31. Занятие частями Красной Армии Стерлитамака и Уфы.

Предметный указатель

(главнейшие военные вопросы)

Именной указатель ко всем томам будет дан в конце последнего тома.

СОДЕРЖАНИЕ

Коммунистическая партия и Красная Армия

Гражданская война в РСФСР в 1918 г.

I. Первые акты союзнической интервенции

II. Чехо-словацкий мятеж

III. Борьба за Казань

IV. Мятеж левых эс-эров 6—8 июля 1918 г. в Москве

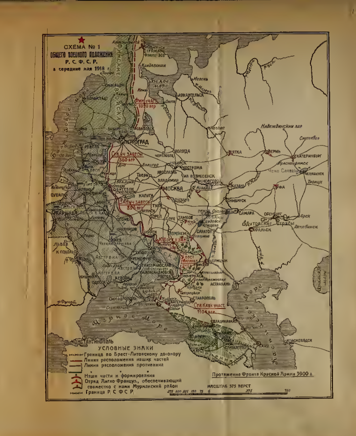
Красная Армия в гражданской войне

Стран.

На разные темы (В пути).

Гражданская война в РСФСР и международная революция

СХЕМА № 1
ОБЩЕГО ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ
Р. С. Ф. С. Р.
в середине мая 1918 г.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Граница по Брест-Литовскому договору
Линия расположения наших частей
Линия расположения противника
Наши части и формирования
Отряд Англо-Француз., обеспечивающий совместно с нами Мурманский район
Граница Р. С. Ф. С. Р.
Протяжение Фронта Красной Армии 3900 в.
МАСШТАБ 375 ВЕРСТ
ПЕТРОГРАД
МОСКВА
АРХАНГЕЛЬСК
ВОЛОГДА
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
ВЛАДИМИР
КАЛУГА
ТУЛА
КУРСК
ВОРОНЕЖ
ТАМБОВ
САРАТОВ
САМАРА
СИМБИРСК
КАЗАНЬ
ВЯТКА
ПЕРМЬ
ЕКАТЕРИНБУРГ
ЧЕЛЯБИНСК
ОРЕНБУРГ
УРАЛЬСК
ЦАРИЦЫН
АСТРАХАНЬ
РОСТОВ
СТАВРОПОЛЬ
ЕКАТЕРИНОДАР
ВЛАДИКАВКАЗ
БАКУ
КРАСНОВОДСК
СИМФЕРОПОЛЬ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
МИНСК
ГОМЕЛЬ
КИЕВ
ОДЕССА
ЛЬВОВ
Фин. участ. 1030 вер.
Сев. уч. завесы 560 вер.
Зап. уч. завесы 590 вер.
Сев. Кавк. участ. 1104 вер.
Черное Море
Белое море
Надеждинский зав.
Чехо Словаки
Дутовские отряды

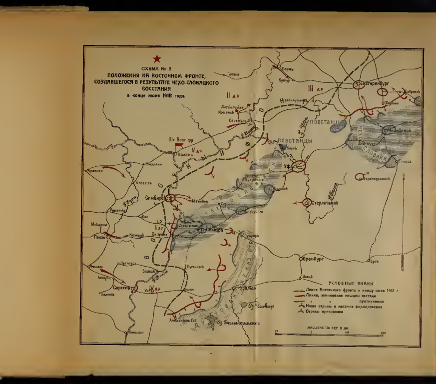
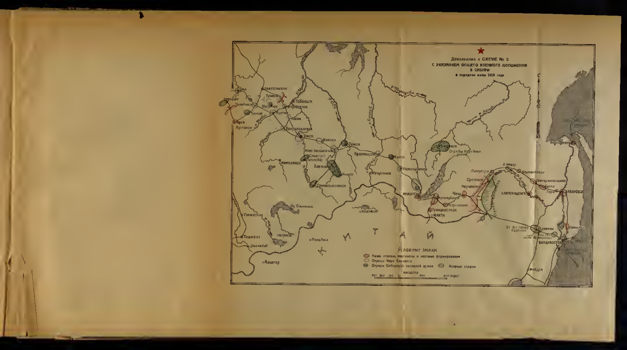

СХЕМА № 2
ПОЛОЖЕНИЯ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ, СОЗДАВШЕГОСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕХО-СЛОВАЦКОГО ВОССТАНИЯ
в конце июня 1918 года.
II АР
III АР
V АР
I АР
IV АР
Пермь
Кунгур
Екатеринбург
Воткинск
Ижевск
Сарапуль
Казань
Шт Вост фр
Уфа
Симбирск
Самара
Сызрань
Пенза
Саратов
Вольск
Оренбург
Стерлитамак
Челябинск
Троицк
Уральск
Бузулук
Николаевск
Александров Гай
Орск
повстанцы
ЧЕХО-СЛОВАКИ
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Линия Восточного фронта к концу июля 1918 г
Линии, занимаемые нашими частями
" " противником
Наши отряды и местные формирования
Отряды противника
МАСШТАБ 120 ВЕР В ДМ

Дополнения к СХЕМЕ № 2
С УКАЗАНИЕМ ОБЩЕГО ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ
В СИБИРИ
в середине июля 1918 года
ЕКАТЕРИНБУРГ
Тюмень
Тобольск
Челябинск
Шадринск
Курган
Ишим
Петропавловск
Омск
Томск
Красноярск
Канск
Нижнеудинск
Минусинск
Барнаул
Семипалатинск
Иркутск
Кяхта
Троицкосавск
Чита
Сретенск
Нерчинск
Благовещенск
Хабаровск
Николаевск
Харбин
Владивосток
Мукден
Ташкент
Кашгар
Кульджа
К И Т А Й
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Наши отряды, партизаны и местные формирования
Отряды Чехо-Словаков
Отряды Сибирской народной армии
Казачьи отряды
МАСШТАБ
800 верст

СХЕМА № 3
ПОЛОЖЕНИЯ, СОЗДАВШЕГОСЯ НА СЕВЕРЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДЕСАНТА ДЕРЖАВ СОГЛАСИЯ
в июле—августе 1918 года.
МУРМАНСК
ПЕТРОЗАВОДСК
ВОЛОГДА
Олонец
Лодейное Поле
Пудож
Каргополь
Вельск
Шенкурск
Белозерск
СЕВ.-ВОСТ.
ЗАВЕСЫ-360 в.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ.
Линия расположения наших войск
Линия выдвижения десанта держав
Согласия и Финляндских войск
в середине августа 1918 г.
МАСШТАБ
100 вер 0 100 вер

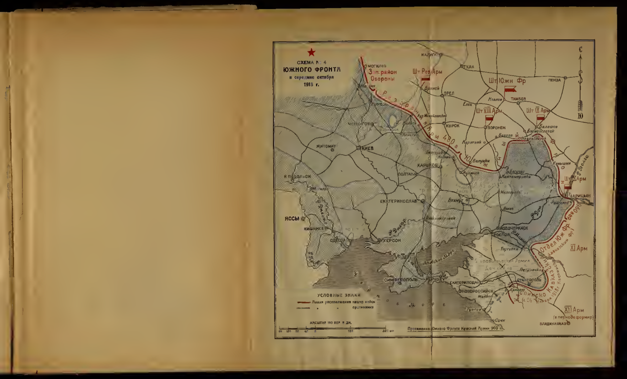

СХЕМА № 4
ЮЖНОГО ФРОНТА
в середине октября
1918 г.
С
Ю
МОГИЛЕВ
Зап. район Обороны
Шт Рез Арм
КАЛУГА
ТУЛА
Шт Южн Фр
ПЕНЗА
Брянск
ОРЕЛ
Козлов
ТАМБОВ
Елец
Шт VIII Арм
Шт IX Арм
Хут. Михайловский
КУРСК
ВОРОНЕЖ
Балашов
Борисоглебск
Лиски
Новохоперск
Камышин
Валуйки
Купянск
Кантемировка
Миллерово
Шт X Арм
ЦАРИЦЫН
ГОМЕЛЬ
ЧЕРНИГОВ
ЖИТОМИР
КИЕВ
ХАРЬКОВ
ПОЛТАВА
К ПОДОЛЬСК
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
Бахмут
ЯССЫ
КИШИНЕВ
ОДЕССА
ХЕРСОН
р. Днепр
р. Днестр
р. Дон
р. Маныч
Азовское Море
НОВОЧЕРКАСК
РОСТОВ
Торговая
Добровольческая Армия Деникина
Петровское
СТАВРОПОЛЬ
ЕКАТЕРИНОДАР
НОВОРОССИЙСК
Майкоп
Армавир
Туапсе
Сочи
СИМФЕРОПОЛЬ
КЕРЧЬ
Отдел Юж Фр 960 вер
XI Арм
XII Арм
(в периоде формир)
ВЛАДИКАВКАЗ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Линия расположения наших войск
„ „ противника
МАСШТАБ 160 ВЕР В ДМ.
160 120 80 40 0 160 320 вер
Протяжение Южного Фронта Красной Армии 960 в.

СХЕМА № 5
ОБЩЕГО ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ
Р. С. Ф. С. Р.
в начале декабря 1918 г.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Граница Р С Ф С Р
Линия расположения наших войск
„ „ противника
Турецкие войска
Линия продвижения противника в середине августа 1918 г на всем участке Восточного фронта
Протяжение Красной Армии по фронту 6450 в
МАСШТАБ
0 150 300 600 вер.
ПЕТРОГРАД
МОСКВА
АРХАНГЕЛЬСК
КОТЛАС
ВЯТКА
ПЕРМЬ
ТЮМЕНЬ
ВОЛОГДА
КИЕВ
ХАРЬКОВ
ОДЕССА
ЦАРИЦЫН
АСТРАХАНЬ
САМАРА
УРАЛЬСК
ВЛАДИКАВКАЗ
БАКУ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ

ВВРС
ВФ